

Светлана
Федотова

ГЕОЛОГ УДАЧИ

Настоящая жизнь профессора Преображенского

Светлана Федотова

ГЕОЛОГ УДАЧИ
Настоящая жизнь
профессора
Преображенского

Пермь • 2021

УДК 55-94

ББК 26Д

Автор выражает свою искреннюю благодарность за помощь в работе Олегу Юрьевичу Орлову, Наталии Юрьевне Заварзиной, Елизавете Георгиевне Мэмми-Заварзиной, Анастасии Романовне Орловой, Марии Анатольевне Александровой, Наталье Григорьевне и Андрею Сергеевичу Петровым, а также Олегу Владимировичу Третьякову и Алексею Михайловичу Нерослову за активное содействие и участие.

Общественная редколлегия: А.В. Лейфрид, П.Ю. Илюшин, Н.И. Кобяков, В.А. Костылев, Д.Г. Красильников, Н.А. Лядова, А.А. Ташкинов.

Ф 34

Федотова С.Л. / Геолог Удачи: Настоящая жизнь профессора Преображенского. – Пермь: Изд-во «Астер Плюс», 2021. – 336 с., ил.

ISBN 978-5-907334-40-3

Имя выдающегося русского геолога первой половины XX века П.И. Преображенского по целому ряду причин оказалось недооценённым в отечественной историографии науки. В книге Светланы Федотовой представлена биография замечательного учёного, первооткрывателя нефти и калия на Западном Урале, положившего начало освоению крупнейшего в мире Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей и Волго-Уральской нефтегазоносной провинции.

В приложение к биографическому очерку включены неопубликованные работы (статьи, отчёты, докладные записки и т.п.) и письма П.И. Преображенского, позволяющие уточнить детали жизненных перипетий незаурядного учёного и удивительного человека.

Издано при поддержке ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ».

© С. Федотова, 2021.

© НП «Пермская нефть», 2021.

© ООО «Астер Плюс», 2021.

Выход книги о Павле Ивановиче Преображенском – важное событие в истории Пермского университета, города Перми и Пермского края. Как первооткрыватель пермской нефти и калия, он заложил основу экономической мощи Прикамья на многие десятилетия вперёд. Однако на этом его роль в развитии нашего региона не закончилась. Павел Иванович многое сделал для развития науки и формирования университетской культуры на Урале. Его деятельность послужила толчком к развитию геологии в Пермском университете, во многом стала основой для появления геологического и географического факультетов вуза. И сегодня, в XXI веке, пермская наука остаётся в авангарде исследований по этим направлениям благодаря его подвижнической деятельности.

Жизнь профессора Преображенского в полной мере отразила все перипетии нашей страны в первой половине XX века. Павел Иванович был близок к Временному правительству, занимался народным просвещением в правительстве Колчака, был обвинён Сибирским революционным комитетом. Учёному удалось избежать жестокого приговора и вернуться к академической карьере благодаря помощи коллег. Взаимовыручка – это одна из основ сообщества исследователей, которая сохраняется в Пермском университете и сегодня. Большой заслугой Преображенского было то, что он остался «университетским человеком» при всех испытаниях, которые ему пришлось преодолеть.

Успех биографической книги зависит не только от масштаба личности её героя, но и от писательского таланта автора. Светлана Федотова – это пример писателя, в книгах которого сочетаются навыки профессионального историка и несомненный литературный дар. Достоянны внимания её скрупулёзная работа по сбору и анализу источников. Нередко книги, выполненные в формате жизнеописаний, грешат шаблонностью и формализмом. Но в случае со Светланой Федотовой это не так: она активно работает с личными архивами, воспоминаниями, семейными историями и легендами. Это позволяет объёмно представлять героя, демонстрируя малоизвестные стороны его личности. Эмоции и воспоминания героев делают её тексты живыми. Этот подход стал источником успеха многих работ автора.

Предыдущий шаг к сохранению наследия профессора Преображенского был сделан в 2019 году. Тогда, к 90-летию пермской нефти, по инициативе ПГНИУ и компании «ЛУКОЙЛ» в городе появился памятник Павлу Преображенскому. Изначально планировалось расположить его в университетском кампусе, но было решено переместить памятник в сердце города, чтобы он стал доступен большому количеству пермяков. Безусловно, новая книга – достойное продолжение этой истории.

*Дмитрий Красильников, ректор Пермского государственного
национального исследовательского университета,
доктор политических наук, профессор*

Перед вами новая книга известного пермского писателя и журналиста Светланы Федотовой, посвящённая жизни и деятельности замечательного российского геолога Павла Ивановича Преображенского (1874–1944), полной трагических и судьбоносных событий. Знаменательно, что это издание увидело свет в щедрый на юбилеи и знаменательные даты год – 300-летия российского нефтяного дела и 30-летия одного из лидеров отечественной нефтяной промышленности – компании «ЛУКОЙЛ», славящейся бережным отношением к истории России.

В условиях современной, ускоренной цифровизации геологоразведочных работ, оказывающей заметное влияние на состояние геологии в России, всё же ощущается настоятельная потребность осмыслить достижения российских геологов в прошлом, XX веке, славном периоде великих геологических открытий и ускоренного развития наук о Земле. В то время славной плеядой российских учёных и геологов были созданы авторитетные научные школы, позволившие сформировать основы разведки и добычи полезных ископаемых и успешно решить задачи обеспечения экономики нашей страны минеральным сырьём и топливно-энергетическими ресурсами.

Несомненный весомый вклад в историю отечественной геологии внёс и первооткрыватель нефтяных и калийных месторождений Прикамья, доктор геолого-минералогических наук, профессор Павел Преображенский. Со страниц книги Светланы Федотовой, на широко развернутом фоне эпохальных событий первой половины XX века, предстаёт целостная картина его крутого жизненного пути и плодотворной профессиональной деятельности в области практической геологии.

Жизнь Павла Преображенского, перешагнувшего зрелый, 43-летний возраст, раскололи надвое Февральская революция 1917 года и последовавшая Гражданская война. По одну сторону остался сделавший блестящую профессиональную карьеру в Сибири старший геолог Геологического комитета, статский советник, кавалер нескольких царских наград. По другую – заместитель министра народного просвещения Временного правительства в Петрограде, затем – управляющий Министерством народного просвещения в правительстве адмирала Колчака и... подсудимый чрезвычайного революционного трибунала. В мае 1920 года последовал приговор пролетарского трибунала – «лишение свободы до конца Гражданской войны».

Судьбе было угодно, чтобы после амнистии Преображенский оказался в Пермской губернии в статусе полезного «старого специалиста», профессора местного университета. Именно с Прикамьем связаны «звёздные часы» его жизни, с открытием на Западном Урале месторождений нефти и калия, крайне важных для экономики молодой Советской России. Первый геолог, награждённый советским правительством орденом Трудового Красного Знамени – ещё одна важная веха в его биографии советского периода.

О становлении Павла Преображенского как профессионала высочайшего класса в до-революционный период рассказывают главы «Первая работа», «На далёких окраинах Сибири», «Сибирский геолог в поле». В Восточной Сибири под руководством «первого

геолога Сибири», профессора Томского технологического института Владимира Обручева (1863–1956) горный инженер Преображенский прошёл отличную школу геологического картирования. Комплексные «маршрутные работы» включали в себя элементы научно-исследовательской деятельности и служили надёжной базой для профессионального становления геолога. После активной многолетней практики геологических съёмок выпускник Горного института стал подлинным мастером своего дела и был готов к любым видам геологоразведочных работ, включая поиск и разведку полезных ископаемых.

«Звёздный» пермский период биографии Павла Преображенского нашёл обстоятельное отражение в главах «Соль земли», «Открытие Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей», «Калий есть, магний будет!», «Нефть Верхнечусовских Городков», «Нефть Страны Советов», «Второе Баку». Судьбоносный выбор профессором Преображенским места для бурения двадцатой по счету скважины для оконтуривания Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей привёл к открытию в Верхнечусовских Городках первой на Урале «большой нефти». Именно это послужило мощным импульсом к развёртыванию геологоразведочных работ на нефть на обширной территории будущей Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, завершившихся уже в послевоенный период созданием в СССР «второго Баку».

По всему повествованию автор неизменно подчёркивает, что Павел Преображенский в тяжёлых жизненных обстоятельствах неизменно сохранял свои честь и достоинство и неоднократно жертвовал сокровенным ради общественного блага. В его характере ярко проявились культура и интеллигентность, наравне с принципиальностью и твёрдостью убеждений, а в числе чисто человеческих качеств – высокая требовательность к себе и личная скромность.

Справедливым будет подчеркнуть, что большим подспорьем в работе автора явились ранее не опубликованные отчёты, аналитические и докладные записки доктора геолого-минералогических наук, профессора Павла Ивановича Преображенского, а также его письма коллегам и родным, содержащие богатейший биографический материал.

Сегодня важно то, что, вступив в третье десятилетие третьего тысячелетия, мы продолжаем обращаться к великому достоянию российской геологии, которое оставил нам век XX, и отдаём должное выдающимся представителям отечественного геологического сообщества.

Выражу уверенность, что книга Светланы Федотовой своим увлекательным сюжетом и обширным историческим материалом вызовет большой интерес широкой читательской аудитории, а славное имя замечательного российского геолога Павла Ивановича Преображенского станет широко известно за пределами Пермского края.

Александр Матвейчук, академик Российской академии естественных наук,
кандидат исторических наук, почётный нефтяник,
лауреат премии им. академика И.М. Губкина

За Землю не ручайся!

Профессор П.И. Преображенский

Памятник П.И. Преображенскому в Перми

В октябре в Перми небо такое низкое, что приходится нагибаться, опасаясь задеть свинцовые облака. Холодный дождь и пронизывающий ветер как бы говорят: оставайся в помещении, не выходи наружу. Тёмные краски становятся главными и в природе, и в одежде людей. Но именно в такие пасмурные дни, когда надежды, кажется, не осталось, и происходит что-то действительно хорошее, нечто особенное, способное изменить жизнь к лучшему. Такое событие, к примеру, состоялось 18 октября 2019 года в Перми. Тогда на улице Ленина было непривычно оживлённо, играла музыка, и ярко-красные гвоздики в руках людей красиво гармонировали с серым небом.

Стремительно подъехал кортеж: президент нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» Вагит Юсуфович Алекперов приехал на праздничное открытие памятника профессору Преображенскому. В далёком 1929 году под руководством Павла Ивановича Преображенского в районе Верхнечусовских Городков пробурили скважину, из которой получили первую нефть на территории Центральной России. Это открыло новую страницу в истории нефтедобычи страны, а Прикамье получило ещё один шанс для развития и не упустило его. Вплоть до сегодняшнего времени добыча нефти является одной из самых важных отраслей местной экономики.

Открытие памятника прошло стремительно: внук профессора Преображенского Олег Юрьевич Орлов вручил Вагиту Алекперову геологический молоток, принадлежавший великому геологу, для Музея пермской нефти, и сказал прочувствованную речь, поблагодарив компанию «ЛУКОЙЛ» за столь бережное отношение к памяти деда и истории. Раз – и вот уже ткань, которой был укрыт памятник, быстрым движением сдёрнута, и собравшиеся зрители почти одновременно выдохнули. Памятник получился ладный, молодцеватый, очень живой и совсем не пермский. «Монументов, кроме надгробных <...> нет...», – писал полтора века назад П.А. Вологдин, автор статистико-исторической справки «Губернский город Пермь» (1887). Так с тех пор и повелось: здесь почти у всех скульптур скорбное или угрюмое выражение лица, полное значимости, как будто они установлены над могильной плитой. А Преображенский получился, скорее, весёлым.

Скульптор Алексей Матвеев на открытие памятника тоже пришёл, и скромно стоял вместе со зрителями. Искусствоведы уже признали эту работу выдающейся, нерядовой и лучшей из тех, что установлены в Перми:

художник вложил в памятник душу. Кроме прочего, он получился ещё и очень достоверным: Алексей Матвеев много времени провёл в архивах, съездил в Москву, изучил всю возможную литературу по теме, познакомился с потомками, которые показали ему семейный архив. Достаточно сказать, что выючный ящик, сидящим на котором изображён Преображенский, реально существует. В этом ящике в московской квартире семьи геолога хранятся самые важные реликвии: минерал преображенскит, названный в честь профессора его учеником, галстук с биркой «Мюнхен», конспекты лекций, геологические карты, открытки с видами Соликамска 1920-х годов... На самом дне ящика, в третьем, потайном отделе – тетради по физике Юры Преображенского, сына, который трагически умер совсем молодым.

Одет профессор Преображенский символично: он в костюме, но в то же время в сапогах и фуражке. «Так тогда ходили люди круга Преображенского, – говорит скульптор Алексей Матвеев. – С одной стороны, вид надо было иметь довольно цивильный, с другой – дороги были такими, что в ботинках мало где пройдёшь. А судьба вела Преображенского по очень разным дорогам».

Позднее, в неформальной обстановке, О.Ю. Орлов скажет так:

– Пермь мы знали только со слов родителей, которые здесь работали и учились в университете. Поэтому для нас был неожиданным визит представителей Пермского университета в 2015 году с идеей установки памятника Павлу Ивановичу. История вышла длинной. Знаю, что было непросто, но в конечном итоге всё получилось. Для нас это стало подарком судьбы, до которого нам волею случая довелось дожить. Наподобие жирного вензеля в конце биографии.

Представители Пермского университета тоже пришли на открытие памятника: профессор Владимир Ильич Костицын, летописец университета, написавший основательные книги о его профессорах и ректорах, об истории вуза; Павел Иванович Блусь, в то время занимавший должность директора регионального института непрерывного образования; и профессор Дмитрий Георгиевич Красильников, теперь – ректор Пермского государственного национального исследовательского университета.

С них, собственно, всё и началось: университет готовился к 100-летию основания и искал своих героев, которых в буквальном смысле слова нужно возвести на пьедестал.

Номер один не вызывал сомнений: Николай Васильевич Мешков, купец и меценат, внёсший в основание вуза и деньги, и имущество. Все свои связи и умения он приложил к тому, чтобы «зажечь зарю образования на Урале». После революции его имя по политическим причинам не принято было называть в числе отцов университета, но к 2000-м годам пелена умолчания спала, и было красиво и честно отметить юбилей установкой монумента Н.В. Мешкову. Он это заслужил.

Но университет – это в первую очередь профессора. Студенты, конечно, тоже, но они – ведомые.

П.И. Блусь: «Оргкомитет подготовки к 100-летию университета возглавлял Игорь Юрьевич Макарихин, который в то время был ректором, но основную работу вёл Дмитрий Георгиевич Красильников, проректор по стратегическому развитию. Однажды в его кабинете, обсуждая памятник Н.В. Мешкову, мы вспомнили о П.И. Преображенском – как раз был юбилей открытия Верхнекамского калийного месторождения. Внимательно посмотрели на эту кандидатуру: а ведь и нефть тоже он открыл! Если взять

экономике региона, то 35–40% регионального бюджета до сих пор дают открытия, которые совершил профессор Пермского университета, геолог Преображенский. И начали «копать» эту историю. Я подключил к работе своего магистранта, историка Анатолия Ильина, и он не только составил историческую справку, но и нашёл потомков профессора, которые оказались детьми ещё одного педагога нашего университета – академика Юрия Александровича Орлова».

Решили, что будет красиво и правильно, если памятников появится два: основателю университета Мешкову и профессору Преображенскому. Стали искать деньги и параллельно скульптора. Нашли и то, и другое. Предполагалось, что оба памятника установят на территории университета: Н.В. Мешкову – ближе к химическому корпусу, П.И. Преображенскому – к Естественнонаучному институту. Это было бы уместно: они не просто были знакомы и жили в одно время, но и вели переписку, у них были общие дела.

Но у архитектора Дмитрия Юрьевича Лапшина, когда он увидел оба проекта, возникли сомнения: будут ли памятники смотреться рядом органично. Памятник Н.В. Мешкову работы скульптора Алексея Залазаева представляет собой стоящую фигуру, скульптура П.И. Преображенского у Алексея Матвеева – сидящая. Но главное, они были решены в разной творческой манере.

И всё упиралось в деньги.

Если с памятником Мешкову вопросы решались относительно просто, то памятник профессору Преображенскому «подвис», и только «усыновление», как выразился П.И. Блусь, ЛУКОЙЛом спасло этот проект.

Генеральному директору ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» Олегу Владимировичу Третьякову понравились и идея, и скульптура, и предложенное место для памятника. К тому же 90-летие открытия пермской нефти хотелось отметить достойно.

П.И. Блусь: «О.В. Третьяков очень быстро и положительно отреагировал на нашу просьбу. От компании «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» проект курировал директор НП «Пермская нефть» Алексей Михайлович Нерослов. Огромный объём работы был проделан. Мы даже со скульптором Алексеем Матвеевым ездили в Красноуфимск, где отливали памятник. Была очень большая заинтересованность и поддержка, а главное – неформальное отношение».

В итоге всё сложилось удачно. Иначе и быть не могло. Правда, не сразу и не быстро.

В 2016-м, в год столетия университета, таким же хмурым и пасмурным октябрьским днём, как и в 2019-м, на территории Пермского университета был открыт памятник Н.В. Мешкову. Спустя три года появился в центре Перми и памятник П.И. Преображенскому.

Таким образом, задуманная скульптурная группа оказалась разъединена, но это и к лучшему. Памятник Преображенскому оказался на своём месте и потому, что рядом центральный офис «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», и потому, что здесь сейчас самый центр города.

Дело в том, что Пермь – это город, в котором центр движется. Он представляет собой луч, который спускается по течению Камы. При закладке города в XVIII веке его центром была долина реки Егошихи. Там располагались медеплавильный завод, дворец наместника, рынок, первый каменный храм и т.д.

Спустя век административный и культурный центры переместились на улицу Сибирскую, которая идёт перпендикулярно Каме. Жизнь кипела не только в огромном

гостином дворе и городском театре, всю улицу усыпали многочисленные магазины, где шла бойкая торговля, по тротуарам фланировала публика, а проезжая часть использовалась для праздничных выездов на Пасху или Рождество. Там же, на Сибирской, находился дом губернатора.

Комсомольский проспект стал главной артерией города в XX веке. Здесь проходили демонстрации и парады, был построен первый большой магазин – ЦУМ, а для органов власти возвели здания на улице Куйбышева, что усиливало вектор движения центра города на запад.

В XXI веке центр Перми уверенно переместился на эспланаду. Этому способствовало благоустройство прилегающей части города, строительство фонтанов, а также многочисленные фестивали и праздники, которые стали проводить именно здесь. Но смысловым центром пространства стали два памятника, оба работы скульптора Алексея Матвеева.

Памятник русскому физико и изобретателю радио А.С. Попову (1859–1906) установили в 2013 году. Место тоже было выбрано неслучайно – рядом с улицей, названной в честь учёного, и напротив бывшего офиса АО «Уралсвязьинформ», некогда одного из самых мощных операторов связи в стране, который уверенно и дерзко из небольшого регионального предприятия стал игроком федерального масштаба.

Попов, как и Преображенский, оказался в Перми «проездом»: учился несколько лет в Пермской духовной семинарии, а потом уехал покорять столицу империи, где стал учёным и совершил своё открытие. Пермяком выдающийся физик не был, но это неважно. Главное, что он внёс свой вклад в развитие научно-технического прогресса, сделал жизнь людей лучше. Преображенский тоже пермяк очень условный: его забросила в Пермь на несколько лет судьба, неочевидная цепь случайностей, которые суть закономерны.

Памятник профессору Преображенскому находится через дорогу от памятника Попову – в прямой видимости. Вместе они образуют своего рода ансамбль, который можно трактовать так: Пермь – город учёных. И это, конечно, глубоко символично, хотя и не задумывалось кем-либо специально. Дополнительную глубину этому месседжу придаёт тот факт, что в одном из зданий, которое находится между памятниками, когда-то базировалась советская «кремниевая долина» – НИИУМС (Научно-исследовательский институт управляющих машин и систем). Здесь писали программы для первых компьютеров Советского Союза, но научно-технический прогресс ушёл в другом направлении, и институт, как Атлантида, скрылся в пучине волн. Одно время о нём напоминало панно «Наука», выполненное в сложной и редкой технике эмали, но в 2017 году оно было варварски демонтировано.

Но память места, как птица Феникс, возродила месседж. Город купцов и мещан – так называли его раньше, а ещё – «старая саботажница Пермь», чуть позднее – опорный край державы – за свою историю тоже не раз «восставал» из условного пепла, возрождался к новой жизни. Архитектором одного из таких перерождений стал профессор Преображенский.

Уроженец Новгородской губернии

Обзор Новгородской губернии за 1874 год начинается с главного: с урожая хлебов. Озимые уродились сам-четыре, яровые – сам-два и три четверти, картофель – сам-четыре и три четверти. В переводе на сегодняшней язык «сам-четыре» означает одну часть посадили – четыре собрали, остальное – соответствующе. В южных районах России хорошим считался урожай сам-шесть. Отличный – сам-десять. А в Новгородской губернии в 1874 году урожай собрали, можно сказать, так себе.

Но это было обычным делом: в этих местах испокон веков тяжело добывали себе хлеб. В зоне рискованного земледелия по-другому не бывает, а значит, люди жили не богато, но и не бедно.

Здесь и прошло детство Павла Ивановича Преображенского.

В автобиографии он пишет, что родился 1 января старого стиля 1874 года в Крестецком уезде Новгородской губернии.

На гербе Крестецкого уезда красуется подкова, символизирующая главный промысел этой местности – ямщицкий. Но не только. Издавна подкова обозначает Удачу.

Ямщики в теперь уже Крестецком районе Новгородской области давно уже нет, а вот Удача, в том числе на гербе, до сих пор присутствует.

Эта подкова – символ Удачи – незримо охраняла профессора Преображенского всю жизнь. И всю жизнь он провёл в дороге. Даже монумент профессору Преображенскому на главной улице Перми, рядом с центральным офисом «ЛУКОЙЛ-ПЕРМИ», прозвали памятником Удаче: в его жизни определённо сияла счастливая звезда, которая начинает светить всем, кто хотя бы просто идёт мимо этого места.

Между прочим, во всех справочниках и энциклопедиях местом рождения профессора Преображенского указывается Демянск Новгородской губернии. Это рядом, но не одно и то же: и Крестецкий, и Демянский уезды – разные административные территории Новгородчины.

Маловероятно, что П.И. Преображенский не знал точно, где он родился, или зачем-то вводит в заблуждение тех, кто будет читать его автобиографию. Просто однажды повелось писать – Демянск. Так и пошло. Кроме того, там, в Демянском уезде, жил его дед, прошло детство геолога.

А на гербе Демянска, к слову, изображён золотой ржаной сноп, символизирующий главное занятие его жителей – хлебопашество. Подкова или сноп, дорога или осёдлость – есть разница?

К сожалению, почти не сохранилось сведений о родителях Павла Ивановича. Есть только две фотографии, подписанные рукой дочери: Иван Петрович Преображенский (?–1878) и Раиса Матвеевна Преображенская (в девичестве – Барсова; ?–1898). С фотографий позапрошлого века смотрят спокойным взглядом бородастый мужчина и женщина с короткой стрижкой.

В воспоминаниях жены профессора, Марии Ростиславовны Преображенской, до обидного мало информации о детстве П.И. Преображенского. Как он жил? С кем дружил, каким был, кто его окружал? Почти ничего не известно. В воспоминаниях дочери профессора ничего нет на эту тему. К слову, и та и другая называют профессора Преображенского инициалами – П.И. Так будем поступать и мы, опираясь на эти воспоминания, но не ограничиваясь ими.

Отец П.И. был каким-то небольшим чиновником. Сохранилось мимолётом, что он любил шутить, ходил на охоту и имел ружьё. «Отца лишился рано, на четвёртом году. До 10 лет жил в деревне у деда», – пишет П.И. в автобиографии. «К родителям возили редко, – добавляет его жена. – Но на всю жизнь остались у него о Лужне тёплые воспоминания, привязанность и уважение к деду, он вспоминал ласковое окружение родных, игры и проказы с деревенскими сверстниками».

Лужно – это село, где дед по матери, Матвей Иванович Барсов, служил священником. Село – небольшое, не более ста дворов, зато в каждом имелись лошади, главный транспорт того времени: «Демянский уезд находится вдали от усовершенствованных путей сообщения», – читаем в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. И ещё про сам Демянск: «Промышленность и торговля ничтожны, фабрик и заводов нет, торговых заведений всего 12». Главное же занятие жителей, как уже упоминалось – хлебопашество.

В Ташкент!

Когда отец умер, мать П.И., передав своим родителям на воспитание Павла и двух младших детей – Сергея и Серафиму, уехала в Среднюю Азию. Там, на границе империи, работал военным врачом её брат Николай Матвеевич Барсов (1857–1904), в своё время окончивший Московский университет.

О нём, в отличие от Раисы Матвеевны, сохранилось больше сведений. Известно, что по окончании университета Барсов был направлен работать в военный лазарет городка Каракола (в 1889–1922 годах – Пржевальск), который был единственным городским медицинским учреждением. Город был молодым, но активно рос и строился. Сейчас это четвёртый город по величине в Кыргызстане, а тогда всё только начиналось, и Н.М. Барсов немало вложил в его развитие, чем заслужил добрую память. На ресурсе «Люди Каракола» есть очерк, в котором говорится, что он был передовым русским интеллигентом своего времени: дважды избирался городским старостой, служил коллежским советником, председателем городского сиротского суда. Кроме того, пишут, что Н.М. Барсов многое сделал для улучшения школьного дела и здравоохранения, а также разбил один из лучших парков в Туркестанском крае, который горожане называли «Барсовским». По отзывам современников, этот парк являл собой «исключительное создание человеческого ума и любви к садоводству, где гигантские ели с их пикообразными вершинами мирно растут бок о бок с ароматным алматинским яблоком, сочным абрикосом и тёмно-пурпуровой вишней».

Устроившись в Ташкенте и второй раз выйдя замуж за Василия Васильевича Покровского, мать выписала к себе только 10-летнего Павла, оставив младших детей с дедом в Новгородской губернии.

Путешествие из Поволжья в Туркестанский край произвело очень сильное впечатление на мальчика, который нигде не бывал, кроме окрестностей села и своего уезда. Все десять лет жизни он прожил среди лесов, а тут пришлось преодолеть почти четыре тысячи вёрст, на разных видах транспорта, через несколько климатических зон, увидеть другую культуру.

Особенно запомнился путь на почтовых лошадях от Оренбурга – железная дорога придёт в Ташкент только в начале XX века. Новых впечатлений была масса, да и спутник, о котором ничего не известно, кроме профессии и фамилии – топограф Вендерский, охотно отвечал на вопро-

сы. Это путешествие навсегда осталось в памяти П.И. – по крайней мере, так писала в воспоминаниях его жена, М.Р. Преображенская.

К этому времени Ташкент был столицей Туркестанского генерал-губернаторства, отдалённой окраины империи. Жители города, который был присоединён русскими войсками к России в 1865 году, в большинстве своём жили как в Средневековье. Исследователи пишут, что ещё во второй половине XIX века в Ташкенте продолжал существовать невольничий рынок со свободной куплей и продажей людей, обменом их на скот или предметы домашнего обихода.

Из почти 150-тысячного населения города на русском языке говорили лишь 10 процентов: русская диаспора была немногочисленна, и все, как правило, знали всех.

«В Ташкенте поступил в гимназию, где и учился на средства вотчина (так в тексте. – *Прим. С.Ф.*), военного врача», – пишет П.И.

Мужская гимназия, где учился П.И., в Ташкенте была одна. Она образовывала с женской гимназией единый архитектурный комплекс и находилась в начале главной улицы города того времени – Соборной.

Каждая гимназия занимала целый квартал и состояла из трёх корпусов. На фоне глинобитных домов старого города, с запутанной сетью улочек, учебные заведения производили впечатление. Лучше них были только губернаторский и архиерейский дома, окружённые садами.

«Гимназии выполнены в едином архитектурном стиле, но у комплекса мужской гимназии была более сложная планировка. В первое время после строительства в мужской гимназии даже был свой карцер, напоминавший тюремный. Кроме того, в мужской гимназии были ученические квартиры», – пишет блогер в статье «Русское сердце Ташкента».

«Перед зданием женской гимназии был густой сад – старое кладбище, – вспоминает М.Р. Преображенская. – В большую перемену нас, учениц, пускали туда недалеко побегать: многие девочки, сидя на известковых плитах, играли в камешки, как будто выполняли заветы А.С. Пушкина: “И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть”. Перед мужской гимназией и губернаторским домом была большая площадь – поле, на котором весной цвела масса жёлтых тюльпанов».

Впоследствии комплекс гимназий прославился тем, что рядом, на перекрёстке, в 1928 году прошла первая в мире телевизионная передача. Слушатель Ташкентского университета Борис Грабовский с помощью запатентованного им прибора – телефота – продемонстрировал действующую, полностью электронную систему телевидения. У гимназий поместили прибор-передатчик, а прибор-приёмник отнесли на полкилометра поодаль.

«В присутствии многочисленных зрителей экспериментаторы летом 1928 года получили на экране движущееся изображение трамвая», – пишут историки.

П.И. легко было учиться в гимназии. Дед обучил его грамоте, и у него был большой кругозор, чем у сверстников. Хорошая память помогала учиться, хотя уроков латыни и особенно греческого языка не любил. «Но меньше “четвёрки” не получал, – вспоминает жена П.И. – За время учёбы в гимназии он выделялся своим неуёмным желанием узнавать о природе и крае всё больше и больше. Читал он быстро, “глотал” книги, по выражению товарищей. Больше всего его интересовали путешествия, природоведение,

история земли и цивилизаций. [...] В художественной литературе, казалось, П.И. привлекало более описание природы, чем романтическая фабула. Он знал наизусть целые страницы из “Записок охотника” Тургенева».

В семье сохранилась не только фотография П.И. того, ташкентского периода, но и снимок, на обороте которого написано: «Библиотекарь Ташкентской публичной библиотеки, большой друг и руководитель П.И. Преображенского, когда он учился в Ташкентской гимназии». Имя его не сохранилось, только память о том, что этот человек, помогал в выборе книг и сыграл большую роль в формировании личности П.И.

М.Р. Преображенская: «П.И. готовил уроки быстро, читал много и быстро, почти просматривая, вообще был непоседа. Живым и весёлым нравом он завоевал общие симпатии, причём не только в детстве. Где бы ни появлялся, П.И. вносил собой оживление. Малышей приводил в восхищение искусством подражать лаю собак, кудахта-нью кур или кваканью лягушек, и ещё “выстрелом” – только дотронувшись пальцем до головы собеседника. После чего тот нащупывал у себя то место, которое так громко стреляет. Взрослым очень образно рассказывал о своих встречах и приключениях во время путешествий. Одна из тётушек П.И., устав от смеха, говорила ему не раз: “Когда же ты, Павлуша, угомонишься, будешь серьёзным?”»

Весёлый и оптимистичный нрав сохранился у П.И. навсегда.

«Он не любил сидячих игр и засиживаться в гостях, – такие записи о П.И. есть в дневниках его жены. – Взбудоражит, развеселит взрослых и детей и, как вихрь, вскруживший пыль на дороге, через минуту исчезает в стороне – поймать кого-то, с кем-то переговорить...

По воскресеньям, придя с товарищем из церкви после ранней обедни (посещение церкви было для учащихся обязательным) домой, бегали по саду, а после шли бродить за городом. Летом, живя в урочище Чимган, днями бродил по горам, а когда представлялся случай, ездил с одним офицером охотиться на кабанов».

В семье долго хранился кабаньих клык, и рассказывали о том, как кабан чуть не задрал П.И.

П.И. окончил гимназию в 1892 году с золотой медалью.

Ту же гимназию, только семь лет спустя, окончил Александр Фёдорович Керенский. Тот самый председатель Временного правительства в 1917 году, в честь которого деньги революционного межвластия называли «керенками». Судьба не раз сведёт их в будущем: вплоть до революции они всё время будут где-то рядом, и не исключено, что именно А.Ф. Керенский вовлёт П.И. в политику. Да и в состав Временного правительства в качестве товарища министра просвещения П.И. был включён совсем не случайно.

Отец Керенского ставил «пятерки с плюсом» ученику Симбирской гимназии Володе Ульянову, будущему вождю мирового пролетариата Владимиру Ленину, и выдал ему золотую медаль в тот самый год, когда его старший брат был повешен за покушение на Александра III.

Издания советского времени, которые пристально рассматривали биографию вождя мирового пролетариата, настаивают, что именно эта золотая медаль и рекомендация Владимиру Ульянову для поступления в Казанский университет стоили старшему Керенскому карьеры: по сути, его сослали в глухомань, хотя и с повышением – главным инспектором училищ Туркестанского края.

Сразу после выпускных экзаменов в Ташкенте началась эпидемия холеры. Мы не знаем, в какой мере она затронула мать П.И., медицинскую сестру, и «вотчима», военного врача, но в городе, как это бывает во время эпидемий, поползли слухи об отравлении воды властями, об умышленном отравлении русскими врачами больных и т.д. Закончилось всё знаменитым ташкентским «холерным бунтом» 24 июня 1892 года. Очевидец писал: «Толпа вовсе не имела желания произвести бунт или какое-либо насилие против русских. Она имела целью добиться лишь прекращения тех притеснений, которые творились в это время. Когда главного аксакала дома не оказалось, толпа направилась в русскую часть города, к начальнику города...» Бунт был жестоко подавлен, в его участников военные стреляли в упор, в ответ те разгромили канцелярию начальника города, его самого избили, а дом главного аксакала подожгли.

Этим же летом П.И. уехал в Москву, учиться в Московском университете, оставив в Ташкенте мать, «вотчима», своих младших сродных сестёр Александру и Екатерину и брата Николая.

Санкт-Петербургский горный институт

Первые два месяца в Москве П.И. очень скучал: лекции профессоров математического факультета оказались ему неинтересны, книги купить не на что, читальни не было. Занялся писанием воспоминаний, ходил по вечерам в Политехнический музей: увлёкся применением электричества в выращивании огородных растений. Лекции своих профессоров посещать перестал, предпочитал слушать лекции физика Столетова, физиолога Сеченова, политэкономии.

Москва ему не понравилась. Он писал: «Чего-нибудь очень хорошего от пребывания в ней я не вижу». Главной проблемой была финансовая. «Я до сих пор не знаю, сколько я буду получать из Ташкента, – пишет он в 1892 году Марии Метелицыной, своей будущей жене, – три месяца я проживу на те сто рублей, которые у меня остались от дороги, ну а дальше?» Для занятий нужно было купить книг на 15–20 рублей, но «у меня для этого нет ни гроша».

В Государственном архиве Пермского края хранится письмо М.Р. Преображенской, где она уточняет обстоятельства переезда П.И. из Москвы в Санкт-Петербург: «...в МГУ П.И. не остался, ибо не было денег не только на книги, но и на жизнь. Осенью 1893 года он сдал экзамены в Горный институт, где получил Туркестанскую стипендию».

Такая государственная стипендиальная программа была специально учреждена для поддержки студентов, выходцев из семей русских переселенцев на национальные окраины Российской империи.

В письме в 1892 году П.И. откровенно пишет о своём «проклятом неопределённом положении» и планах поступать в Горный институт. Однако заявляет, что откажется сдавать экзамены, если не будет Туркестанской стипендии, о которой хлопотал его отчим. «Я моментально испарюсь из Москвы, чтобы не тратить лишних денег, – сообщает П.И., – и отправлюсь к бабушке, где [...] буду готовиться в Лесной институт».

По словам П.И., он и на математический факультет МГУ поступил только затем, чтобы лучше подготовиться в Горный институт: «Любви же и даже простой склонности к математическим наукам я не чувствую ни малейшей». Если же поступление не состоится, то «не знаю, из-за какого рожна буду оставаться на математическом факультете, можно сказать, навсегда испорчу себе жизнь, т.е. не в смысле карьеры, так как наоборот, из математического часто можно составить себе очень «блестящую» карьеру, ну тут, конечно, сама понимаешь, что я говорю не о том, а испорчу

тем, что буду против своего собственного желания заниматься вещами, к которым не только не чувствую влечения, но прямо терпеть не могу. Между тем, все мои стремления, все способности более всего подходят к изучению естественных наук»*.

Но всё получилось. Туркестанскую стипендию он получил и в 1893 году поступил в Санкт-Петербургский горный институт, одно из самых престижных высших учебных заведений Российской империи того времени.

Горный институт был создан в 1773 году, на волне первого промышленного подъёма страны, на деньги рудознатца башкирского села Кояново Исмагила Тасимова. Первоначально горную школу тот предполагал открыть «по месту жительства» – при Юговских казённых медеплавильных заводах (с 1781 года вошли в состав образованной Пермской губернии). Но императрица Екатерина II государственным указом постановила разместить горное училище в столице империи Санкт-Петербурге.

Первое в России и второе в мире высшее техническое учебное заведение начало принимать студентов с 1774 года, и только с 1792-го оплачивать обучение стала казна, а не «кумпания» башкир села Кояново Пермской губернии.

В начале XIX века это было высшее учебное заведение закрытого типа и, по аналогии с военными кадетскими корпусами, называлось Горный кадетский корпус, а затем – Институт корпуса горных инженеров. В число предметов, которые изучали студенты, помимо базовых, входили также история, право, фехтование, музыка и театральное искусство.

Только с 1866 года Горный институт стал открытым учебным заведением. К этому времени уже был построен главный корпус на набережной Большой Невы по проекту архитектора А.Н. Воронихина (1759–1814), уже было основано одно из первых отечественных профессиональных научных сообществ – Российское минералогическое общество (1817) и начат выпуск «Горного журнала» (1825), который называют старейшим горнотехническим журналом в мире.

К моменту поступления П.И. в Горный институт там обучались «дети привилегированных сословий и лишь незначительная часть крестьян и разночинцев». Так, по крайней мере, написано на официальном сайте Санкт-Петербургского горного университета, преемника Горного института. Исследователи пишут, что профессорско-преподавательский состав института в тот период представлял собой цвет отечественной горной науки.

К 1890-м годам понятие «минерально-сырьевого комплекса» только появилось, «кладовые Урала и Сибири» ещё хранили свои тайны, впрочем, как и кладовые других регионов страны. Хотя по некоторым признакам было понятно – богатств не счесть. Но каких именно, где они находятся, как их добыть – эти задачи Российская империя лишь начинала решать. По сути, всё огромное пространство только предстояло освоить, хотя правильнее было бы сказать – разведать.

Огромная сложность состояла в том, что подробных географических и топографических карт Российской империи, можно сказать, не существовало. Нет, общее представление имелось, европейская часть страны была хорошо изучена, но что там, за Байкалом? Предстояло изучить эту огромную, полузнакомую страну детально, нанести на

---

* Полный текст письма см. Приложение (документ № II-1).

карту реки, сопки и горы, найти полезные ископаемые. И потому государство в то время остро нуждалось в такой науке, как геология.

М.Р. Преображенская: «В бытность студентом Горного института он посещал доклады о народном образовании в Вольном экономическом обществе, бегал на лекции профессора П.Ф. Лесгафта к 7 часам утра в течение целого учебного года. Вечером (1–2 раза в неделю) участвовал в кружке самообразования, где читали психологию человека. Последние годы в Горном занимался статистической работой от Вольного экономического общества. Бывал на общих собраниях Туркестанского землячества, происходивших неизменно у старого туркестанца Александра Лаврентьевича Липовского».

Александр Лаврентьевич Липовской (1867–1942) известен тем, что с 1906 по 1918 год был директором прогрессивной частной школы Карла Мая, которая под его руководством, как пишут, «достигла подлинного расцвета». Кроме того, он являлся автором множества статей в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

М.Р. Преображенская: «П.И. постоянно общался со своими гимназическими товарищами К.И. Петровым и В.И. Поповым, студентами Петербургского университета. «Кружок трёх П», как он назывался ещё в гимназии. Связующей этот кружок темой были вопросы народного образования, создания сельских библиотек, общедоступных лекций. Неграмотность масс, серость многих из окружающих, отсутствие профессионального образования, зависимость из-за этого от иностранцев – всегда волновали П.И.».

В автобиографии П.И. пишет, что в первые годы учился на казённую стипендию, ту самую Туркестанскую, которая и дала ему возможность переехать из Москвы в Петербург, а последние два – на свои средства, перейдя «на самостоятельное существование».

Жена Мария Ростиславовна Метелицына

В 1889 году произошло судьбоносное событие в жизни П.И.: он женился.

Н.П. Орлова: «По характеру они были совсем разными людьми. Мама тяготела к домашней жизни, а отец был совсем другого склада человек».

С Марией Ростиславовной Метелицыной (1874–1966) они ровесники и познакомились ещё в Туркестанском крае. Учились совсем рядом – мужская и женская гимназии располагались по соседству.

Вероятно, в момент знакомства обоим было по 14 лет, а сама встреча произошла в Караколе. По крайней мере, в заметках о жизни П.И. его жена специально выделяет 1888 год и озеро Иссык-Куль.

Впрочем, возможно, знакомство состоялось и раньше: дело в том, что брат матери Преображенского Н.М. Барсов в январе 1885 года женился на сестре Марии Метелицыной – Надежде.

Семья Метелицыных тоже жила одно время в Караколе, но из-за службы отца всё время переезжала по городам Семиречья – так красиво называется одна из областей Центральной Азии. Рек там больше, чем семь, но красота местности предполагает именно сказочное название.

В Пишпек (позднее – Фрунзе, ныне – Бишкек, столица Киргизии), где прошло счастливое детство Марии, её отец служил уездным мировым судьёй, а также нотариусом и следователем по уголовным делам.

Через улицу от них жил Василий Михайлович Фрунзе, отец будущего председателя Революционного совета СССР Михаила Фрунзе (1885–1925), «уездный и городской фельдшер по должности, а по работе врач всего города, – написано в воспоминаниях М.Р. Преображенской, – он лечил всю нашу семью, когда все мы хворали малярией и ангиной. Из всех жителей Пишпека он запомнился больше всего, так как часто приходил в гости».

О жизни в Семиречье она пишет так: «На улицу мы выходили только со взрослыми. Исключение делалось весной, когда ходили за цветами в поле. Проводить нас было некому: матери редко выходили куда-либо, занятые малышами и обшиванием всех: портнихи и белошвейки не существовали в то время в Пишкеке. Общественных развлечений не было, кружков самодеятельности тоже. В сторону Ташкента ходили в посёлок дунган*. Чистые дворики, масса цветов, преимущественно жёлтые. Внутри дома глиняный пол, глиняные лежанки с дымовыми трубами внутри и глиняными изголовьями с вмятиной для причёски женщин, циновки...»

* Дунгане – народность, проживающая в Киргизстане, Южном Казахстане, Китае.

В большой, многодетной семье (у Марии было четверо братьев и две сестры) бытовали твёрдые устои и правила: «В нашей семье не полагалось замахиваться или трогать чужое лицо, говорить “ты” или неуважительно старшим. Не полагалось божиться и подтверждать свою речь выражением “честное слово”».

Рассказывая об отце, М.Р. Преображенская говорит на самом деле о том, какими их воспитывали: «Ростислав Иванович был прост и приветлив со всеми, кто обращался к нему. Сам ни перед кем не склонялся больше, чем того требовала вежливость, будь то начальство и духовенство. В церковь не ходил, тем более на исповедь, в то время как это считалось обязательным для военных и гражданских служащих. Р.И. не делал этого, и никто ничего не говорил, да и не смел говорить. Его уважали все за прямоту, бескорыстие и доброжелательность».

Вот из какой семьи выбрал себе жену П.И.!

Она стала стержнем не только дома, но и его жизни. Сохранились письма П.И. к жене: переписка, длившаяся полвека, началась в 1892 году, когда они расстались и оба уехали из Ташкента. Он – в Москву, она – в Петербург. Последние письма датированы 1942 годом. После этого они уже не расставались. Вместе прошли огонь и воду, а медных труб при жизни, можно сказать, и не было – слава пришла значительно позже, когда обоим уже не было в живых.

Есть фотографии того «петербургского периода»: П.И. в студенческой шинели Горного института и прекрасная дама в шляпе с перьями катаются на лодке около Елагина острова. Оба красивые и счастливые – хоть сейчас на открытку с подписью “*Romantic*”!

Они обвенчались 11 ноября 1898 года в Воскресенской церкви при Институте принцессы Ольденбургской в Санкт-Петербурге, на углу Каменноостровского и Большого проспектов.

Им по 24 года, он – студент Горного императрицы Екатерины II института, но уже работает. Она записана в метрической книге как дочь отставного полковника.

Свидетелями со стороны жениха выступили студент Горного института Александр Николаевич Баньщикова (1871 – ок. 1920) и студент Санкт-Петербургского университета Владимир Михайлович Данилов. Свидетелями невесты были её братья: Ростислав, студент Горного института, и Юрий, студент Санкт-Петербургского университета.

Брак не был равным: жених в 1892 году писал невесте из Москвы о том, что у него даже на почтовые марки денег нет, в отличие от неё. Туркестанская стипендия, которую П.И. получал в Санкт-Петербурге, тоже не предполагала излишеств. Но к моменту женитьбы он уже работал по специальности и мог обеспечить молодую жену, привыкшую к определённой уровню жизни.

Известно, что в 1899 или 1900 году в семье Преображенских родился первенец. Есть семейное предание, что его звали Константин, и мама П.И. была его крёстной. В записях Н.П. Орловой находим: «Когда в 1900 году в Ташкенте умер мой дед Ростислав Иванович Метелицын, мама с маленьким мальчиком, ещё не получившим прививку, бросилась туда. Мальчик заразился натуральной оспой и умер. От него заразилась мама».

Мария Ростиславовна выздоровела, но смерть первенца долго отзывалась эхом – болезни с этого времени следовали одна за другой.

Первая работа

П.И. пробовал себя в специальности ещё будучи студентом Горного института. Первым местом его работы стала разведка Судженского каменноугольного месторождения в Западной Сибири в 1897 году.

Исследователь Сергей Канн пишет: «В долгой и запутанной истории Транссиба конца XIX века присутствует несколько ярких моментов, наводящих на мысль о вмешательстве высших сил в его нелёгкую судьбу. [...] Открытие Судженского месторождения каменного угля стало в ряду таких внезапных даров, причём именно тогда, когда на магистрали зазвучали пронзительные гудки паровозов, а над сибирскими лесами навис топор дровосека». (Канн С.К. Судженский уголь в судьбе Транссиба (страницы истории изучения Сибири). URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/works/sudzh.pdf>)

Иными словами, железная дорога нуждалась в большом количестве топлива, и другого способа, кроме вырубки леса, не оставалось. При этом вокруг уже простирались голые степи, и из-за недостатка дров цена на них держалась довольно высоко. Кроме того, с государственной точки зрения истребление лесов считалось нецелесообразным, поэтому приняли решение искать минеральное топливо «в местах, откуда доставка его не была бы особенно затруднительной или дорогостоящей».

Все разведанные месторождения угля располагались далеко от железнодорожной магистрали, и их разработка требовала, как правило, довольно крупных капложений.

А тут – внезапная находка месторождения угля прямо рядом с железной дорогой, на разведке которой и работал студент Преображенский.

По всей видимости, именно там он познакомился с геологом Владимиром Афанасьевичем Обручевым (1863–1956), впоследствии академиком, как его называют теперь – отцом сибирской геологии, автором большого количества научных и фантастических книг.

В описываемый период Обручев служил начальником горной партии, обеспечивающей строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Он был опытным путешественником: исследовал Закаспийскую низменность, изучал геологию реки Ангары и острова Ольхон. Два года длилась его экспедиция в Китай, восточную и центральную Монголию, к подножию Тянь-Шаня. Это путешествие в Центральную Азию принесло Обручеву славу мирового учёного: Парижская академия наук наградила его премией, а Русское географическое общество – Константиновской ме-

далью и премией имени Пржевальского. Долгие годы никто не мог повторить его путь в самое сердце Азии, и собранные им материалы стали важнейшим первоисточником для геологов всего мира.

Их сотрудничество продолжалось всю жизнь: сначала будущий академик был для П.И. «дорогое начальство» – так он назвал Обручева в одном из писем. Потом – коллега и настоящий друг, с которым поддерживал тёплые отношения всю жизнь. Их объединяли общие подходы, отношение к миру, да и полученное образование тому способствовало. В.А. Обручев окончил Горный институт в 1886 году, а П.И. – в 1900-м, по 1-му разряду, в звании горного инженера.

В те годы перед выпускниками Горного института открывались на выбор две дороги: «горняк» или «заводчик». «Первые направлялись на инженерные работы в копи и рудники, вторые становились инженерами на горных заводах. Обе профессии гарантировали спокойную, сытую жизнь и солидное положение в обществе», – пишут исследователи.

И очень немногие выбирали полевую геологию, которая в то время всегда была сопряжена с опасными экспедициями в труднодоступные уголки земли. Но П.И. дорога как раз очень нравилась, он, как и Обручев, испытывал «страсть к передвижению».

По крайней мере, в письме 1909 года В.А. Обручеву П.И. пишет, что не заедет к нему в Томск, где профессор тогда жил и работал: «Очевидно, стареть стал, дорогое начальство! И прежней страсти к передвижению стало меньше»*.

Тяга к путешествиям, полевой, а не кабинетной работе, останется с ним на всю жизнь.

Следующий год П.И. провёл на изыскании трассы железнодорожной линии Уфа – гора Магнитная, где он, как уже дипломированный специалист, заведовал геологической партией. Это была его первая самостоятельная работа и первый визит на Урал.

«Эта работа, – пишет профессор А.И. Дзенс-Литовский (1892–1978), – была проведена с юношеским энтузиазмом в весьма сжатые сроки, с большой любовью, пониманием и знанием дела. С тех пор [...] Урал остался “первой любовью” Павла Ивановича Преображенского. За прошедшие годы он подолгу работал в различных частях нашей обширной страны, но вновь и вновь возвращался на седой Урал, с его богатыми недрами».

Но настоящим университетом для Павла Преображенского, местом силы, стали Ленские золотые прииски. «На далёких окраинах Сибири», как выразился А.И. Дзенс-Литовский, П.И. работал с 1901 по 1916 год.

---

* Приложение (№ II-3).

На далёких окраинах Сибири

Внук О.Ю. Орлов: «От той поры у нас дома сохранилась его записная книжка с множеством практических советов полевому геологу и приготовленная тогда упаковка порций хинина: в то время это было единственным подручным средством от серьёзной простуды в полевых условиях».

В трудовом списке* П.И. есть точные даты начала работы в Восточной Сибири: с 1900 года определён на службу по Горному ведомству с откомандированием в распоряжение бюро исследования почвы для технических занятий, а с 28 апреля 1903 года командирован для производства геологических исследований в Ленский золотоносный район помощником начальника Ленской геологической партии В.А. Обручева.

Будущий академик работал в Томском технологическом институте, созданном в 1896 году, в том числе и для того, чтобы подвести теоретическую базу под поиск месторождений золота в Сибири. До этого работы велись хаотично: «золотая лихорадка» привлекала в Сибирь лихих людей, «джентльменов удачи», которые вели поиск на свой страх и риск. Крупные золотопромышленники и купцы нанимали геологов и платили им «попудовые» – оговорённую сумму с каждого добытого пуда золота, но всё это была частная инициатива, которая не имела системы.

В то время главным и чуть ли не единственным видом промышленности Сибири была добыча золота, и от её успехов многое зависело. Поэтому горное ведомство и сделало упор на детальное изучение и съёмку главных золотоносных районов – это стало делом государственным.

В книге «Мои путешествия по Сибири» В.А. Обручев живописно рассказывает о своих экспедициях в этот регион, вместе с результатами геологических исследований давая читателям представление об условиях жизни и работы.

«Витим – большое село на левом берегу Лены, – пишет В.А. Обручев, – со времени открытия богатого золота в бассейне реки Бодайбо играл большую роль в жизни приисков как ближайший к ним жилой пункт. Золотопромышленники обязаны вывозить уволившихся рабочих на пароходе в Витим, откуда все направлялись дальше по домам уже на свой счёт. Каждую осень по окончании летних работ сюда и приезжали

---

* В 1926–1938 гг. документ, в котором фиксировались основные сведения о трудовом стаже (места работы, должности, даты приёма-увольнения). Аналог введённым позднее трудовым книжкам.

сотни рабочих. Каждый дом этого села представлял кабак или притон, где за деньги или золотишко, то есть утаённый при работе золотой песок, можно было получить вино, угощение, женщин. Здесь кутивших рабочих кормили, поили и обирали в пьяном виде, особенно ссыльнопоселенцев, составлявших главный контингент приискателей».

А вот об условиях жизни: «Богатый золотоносный район бассейна рек Витима и Олёкмы занят сплошной тайгой, часто заболоченной в речных долинах. Самое мучительное в этих местах – обилие гнуса – комаров и мошек, способных довести человека, забравшегося в таёжную гущу, до умопомешательства».

Ещё одно колоритное свидетельство о местности, где П.И. будет работать много лет: один из островов возле Бодайбо назывался Цинготный. «На нём в изобилии росла черемша, – пишет Владимир Обручев. – На этот остров в начале лета вывозили с приисков рабочих, больных цингой, которые жили в балаганах из корья, питались одной черемшой, которую сначала ели, передвигаясь ползком за отсутствием сил, и быстро поправлялись и вставали на ноги».

Работа в экспедиции строилась так: с утра Обручев давал П.И. и другому помощнику, Борису Адольфовичу Лури (1877–1905), маршрут, на который они выходили или, если расстояние было большое, выезжали верхом в районе восьми часов утра. Каждого помощника сопровождал рабочий, который нёс в наплечной сетке собираемые образчики пород. Часа в три или четыре все возвращались на базу, обедали и затем занимались разбором собранных материалов. Обручев заполнял дневник своих наблюдений в шахтах и разрезах, этикеткируя взятые в них образцы коренных пород. В это время помощники приводили в порядок свои записи и образцы, и потом Обручев под их диктовку записывал их наблюдения за маршрутом в дневник. Это «давало возможность полного руководства, контроля и, в случае надобности, разъяснения недоумений. Так мы работали изо дня в день, и только проливной дождь мешал маршрутным наблюдениям и давал дни отдыха. Этот метод разделения труда дал возможность кончить за одно лето картирование всего бассейна реки Бодайбо посредством густой сети маршрутов и осмотра подземных и открытых работ [...]». (В.А. Обручев. Мои путешествия по Сибири. URL: <https://rbook.me/book/7332759/read/page/101/>)

Во время экспедиции случилось печальное происшествие. «С приисков дальней тайги Ленского товарищества ехал один из инженеров – молодой Тиме. На перевале через хребет Кропоткина его экипаж был обстрелян из засады разбойниками, предполагавшими, что везут в главный стан золото». Ямщик ускакал за подмогой, а инженер, которому пуля попала в бедро, истёк кровью.

Главный стан, к слову, находился на Надеждинском прииске, который в 1912 году станет печально знаменит тем, что в этих местах произошёл так называемый «Ленский расстрел», ставший поворотным моментом для государства.

Весной 1912 года на Ленских золотых приисках начались волнения: рабочим, набранным со всей страны, приходилось жить в ужасных условиях. При этом они получали за свою работу намного больше, чем в Центральной России: заработок рабочего на прииске был в два раза выше, чем у рабочих Москвы и Санкт-Петербурга, и в десять-двадцать раз превосходил доходы крестьян. В то же время цены на жильё и продовольствие на приисках, при их низком качестве, были невероятно высокими.

Золото добывали в шахтах в условиях вечной мерзлоты, а рабочий день официально составлял 11 часов, но мог доходить и до 16. Работать приходилось по колено в воде: ледник грели кострами, и вода оставалась в шахте. Ко всему прочему забой плохо освещался, свечи экономили. В итоге – огромный травматизм и почти полное отсутствие медицинской помощи. Добавим сюда тяжёлые климатические условия: летом – гнус, зимой – мороз. А также то, что владельцы прииска и компании «Лензолото» экономили на всём и зарабатывали везде, где могли. Рабочие вынуждены были отовариваться в лавках, принадлежащих компании – лишь там принимали талоны, которые им выдавали в счёт зарплаты, и ездить только на транспорте «Лензолота».

Поводом для забастовки послужила «история с мясом» на Андреевском прииске. Оно было непригодно в пищу, и около шести тысяч рабочих стали бастовать, выдвинув требования к администрации. Среди них были не только улучшение жилищных условий, увеличение жалования и отмена штрафов, но и требование обращаться к рабочим на «Вы», а не на «ты», и не принуждать женщин к труду.

Через месяц после начала забастовки стачечный комитет был арестован. В знак протеста несколько тысяч рабочих вышли на шествие, угрожая «разоружить ротмистра и переколоть солдат». По ним открыли огонь. Это и был Ленский расстрел. В советское время утверждалось, что в тот день оказались убиты 270 человек и ранены 250. В газетах 1912 года писали о 150 убитых и более чем 250 раненых.

Страна вздрогнула.

По всей Российской империи начались стачки и митинги, правительство и Государственная Дума создали комиссии по расследованию причин трагедии. Кстати, одну из комиссий по расследованию причин Ленских событий, всколыхнувших всю Россию, возглавил малоизвестный тогда адвокат А.Ф. Керенский, ташкентский знакомый П.И.

И Надеждинский прииск, и Андреевский, с которого началась стихийная забастовка, П.И. хорошо знал, много раз там бывал как геолог. Поэтому понятно, что эти события не могли оставить его равнодушным. Однако никаких письменных свидетельств П.И. о Ленском расстреле не сохранилось. Вполне возможно – их и не было. Известно только, что в период своей сибирской эпопеи П.И. придерживался в политике левых позиций – примыкал к «трудовикам». Так называли Трудовую группу, организованную несколькими депутатами Государственной Думы. Они были во всех созывах. К слову, с 1915 года председателем думской фракции «трудовиков» являлся А.Ф. Керенский. П.И. принадлежность к «трудовикам» после революции не афишировал. И правильно: как пишут исследователи, «общая судьба тех, кто не смог уехать, была трагична, как и судьба многострадальной послеоктябрьской России». Керенский, заметим, был ещё и масоном, как и другой хороший знакомый П.И. – «трудовик» и геолог Лутугин.

Мог входить П.И. в какую-либо из масонских лож, популярных в начале века в инженерной среде, и скрывать это так же, как и принадлежность к «трудовикам»? Возможно – да, но вполне вероятно, что и нет. Как бы то ни было, просто констатируем, что такое могло быть, и вернёмся на Ленские золотые прииски.

Записи в трудовом списке П.И. 1905, 1906 и 1908 годов практически идентичны: командирован в Ленскую геологическую партию для обработки материалов, составления отчётов и карт.

Каких только приключений во время экспедиций не случилось!

В частном письме 1909 года П.И. пишет В.А. Обручеву о том, как происходит разведка на Чуе: «Как дошли до 40-вёрстной порожиистой полосы, тот тут уж совсем кисло стало – то и дело выгружали багаж и тащили лодку пустую, но, несмотря на это, бичева, скрученная в несколько раз, преисправно рвалась и “рабы” летали носом вперёд, а однажды и я, помогая тянуть, треснулся так, что чуть голову не расколол. За всё это нас вознаградила верхняя Чуя – широкая, спокойная, с массой рыбы и гусей. Сии, последние, были нам очень кстати: ещё в Витиме нас уверяли, что с нашими лодками через пороги нам не пробраться – ну я и запаса всем приблизительно на месяц, а оказалось, что и через пороги перебрались, и река далее прекрасная – ну и, значит, надо идти вперёд. Шли, шли, а припасы всё убывают. Наконец от сухарей остались одни крошки, и в это время, наконец, мы дошли до порога, но уже такого размера и типа, что перебраться через него не было никакой возможности, и следовательно, с чистой совестью можно было возвращаться обратно. [...] Назад плыли на гусях – гусь на обед, гусь на ужин, гусь на обед, гусь на ужин (и всё без хлеба) – надоели до чёрта, а больше есть было нечего»*.

Об этой же экспедиции находим информацию в отзыве профессора Б.К. Поленова 1920-х годов, где он цитирует П.И.: «Всё течение Б[ольшой] Чуи от верхних порогов до устья реки Зимовейной – безводная пустыня: тунгусы вымерли, соболь выбит, золота не найдено – некому и незачем идти в эти угрюмые и негостеприимные места». Поленов пишет, что Преображенский прошёл этот путь «в крайне глухой местности без дорог, проводников и географических карт, нередко страдая от голода», и добыл массу новых географических фактов, выяснил геологическое строение местности.

Вот письмо 1911 года Обручеву из Иркутска, из которого можно узнать дополнительные сведения об условиях работы в Сибири: «Планы мои летят вверх ногами [...] Всё наделала бескормица и голод на Лене. Лошадей около Витима нет, и надо их вести или из Якутска, или с Киренги, а это такая канитель, что решил идти с Киренги. [...] ...В этом году хочу обследовать район верховьев Мамы, Чуи и Чаи – места интересные, но и ядовитые зело-зело»**.

Предварительный отчёт П.И. за 1911 год выглядит так: «Работы этого года и интересны, и неинтересны; интересны тем, что подтвердили мне моё предположение о существовании если не сплошной полосы, то ряда обширных пятен, несомненно, золотоносных пород, тянущихся от северо-западного угла Байкала к Бодайбо. Неинтересны же своим однообразием, крайней бедностью обнажений и невозможной пустынностью района. Мы всё время находились под страхом предстоящего голода и потому всё время торопились. А так как я целое лето шёл пешком (считал шаги – для съёмки), то под конец этой беготни вымотался на нет». (Маршруты в юго-западной части Северо-Байкальского нагорья // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. IX. СПб, 1913.)

Особую походку П.И. отмечают многие из тех, кто знал его. Н.П. Орлова писала: «У него даже выработалась походка, очень лёгкая. Он сам говорил, что машинально считает: раз, два, три. [...] Отец говорил, что у него главное – ноги».

---

* Приложение (№ II-3).

** Приложение (№ II-5).

Профессор Поленов экспедицию 1911 года оценивает так: «Маршруты исследований захватили местность совершенно не только в геологическом, но и в географическом отношении неведомую и осветили её тектонику, геологию и доставили богатый географический материал».

1912 год ознаменовался ко всему прочему ещё и тем, что П.И. нанёс на карту страны новое географическое название. Совершая плавание по среднему течению реки Витим, на Витимском плоскогорье он открыл третий из молодых базальтовых вулканов и дал ему имя геолога Иннокентия Александровича Лопатина (1839–1909), первого исследователя этой местности.

И.А. Лопатин был из старой когорты: окончив Корпус горных инженеров в Петербурге в 1860 году, всю жизнь посвятил экспедициям. Он первым составил подробное описание острова Сахалин, исследовал Приморье, описал нижнее течение Ангары, а за исследования Витимского и Туруханского края получил в награду орден Владимира IV степени.

А.А. Иванов и Ю.В. Морачевский в «Записках Всесоюзного минералогического общества» 1955 года дополняют эти сведения некоторыми деталями: обнаруженный потухший базальтовый вулкан – Ендагинская сопка – имел хорошо сохранившийся кратер.

В январе 1913 года, согласно трудовому списку, П.И. назначен геологом Геологического комитета. Это стало новой ступенью в его биографии. В то время как раз для Геолкома в Санкт-Петербурге, на Среднем проспекте, строилось новое здание, по сути – дворец, по которому сразу можно было понять, что геология является одной из самых важных наук для государства.

В 1916 году П.И. с экспедицией побывал в труднодоступных районах Восточного Саяна для обследования месторождений меди и золота. В письме жене он пишет: «Путь сюда довольно отчаянный, даже и для меня, выдавшего всякие виды, временами было сложно из-за здешних горных болот. Вообразите себе обширные, слабохолмистые равнины, которые всё равно болото, на холме ли, в долине ли...»*

По итогам этой экспедиции была составлена записка Иркутскому генерал-губернатору, в которой П.И. писал, что эти месторождения привлекли к себе за последнее время внимание промышленных кругов. «К большому сожалению, оказалось, что сведения об этих месторождениях совершенно неверны и крайне преувеличены». С присущей ему практичностью он докладывает, что «золото, несомненно, имеется в количествах, заслуживающих разработки, но целый ряд специфических особенностей в характере рудных долин и строении содержащих золото наносов делает то, что крупному капиталу идти в этот район не представляет интереса, и в ближайшем будущем здесь возможно возникновение лишь небольших предприятий»**.

Другие отчёты об экспедициях П.И. можно найти в 12 выпусках Трудов Комиссии для собрания и разработки сведений о Сибирской золотопрмышленности и для составления программы золотоносных районов, которые выходили в столице. В отчёте за 1903 год П.И., как Шерлок Холмс, сначала обрисовывает место действия, затем рассказывает, как решает геологическую задачу, и делает выводы: «Последнее обстоятельство в связи с крайне неудовлетворительной постановкой разведочного дела вообще и созда-

* Приложение (№ II-8).

** Полный текст докладной записки см. Приложение (документ № I-2).

ло россыпям Тахтыги и Анангры их дурную славу. Слава эта такова, что золотопромышленники совершенно пренебрегают этими ближайшими к современным приискам и далеко не безнадёжными площадями, а в то же время крайне нерационально затрачивают средства на поиски золота в таких местах, где его нет и следов». (Бассейны рек Тахтыги и Анангры // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. III. СПб, 1905. С. 57.)*

Спустя несколько лет исследования золотых месторождений Сибири по сути спасут обвиняемого П.И. Преображенского на судебном процессе над колчаковскими министрами. Тогда же будет дана оценка его работе.

Фрагмент допроса профессора П.И. Преображенского цитируется по стенограмме судебного процесса.

Гойхбарг**. А скажите, если все университеты посылают телеграммы о Ваших двадцатилетних очень успешных трудах в деле разработки золотых россыпей, значит, они считают, что такая работа принесла обществу и государству огромную пользу? А может быть, Вы определите, какое количество золота в течение Вашей жизни было добыто в результате Ваших работ?

Преображенский. Установить такую вещь вне моей компетенции.

Гойхбарг. А по данным Геологического комитета учитывалось это обстоятельство?

Преображенский. Безусловно. [...] Я бы мог сказать Вам одну цифру, которая вытекает из работ одной большой комиссии, работавшей над этим вопросом. Тот район, на котором работал я... Мы считали, что запас золота в нём в течение шести лет обеспечен на 30 тыс. пудов.

Гойхбарг. А в телеграмме, которую я оглашал, указано 32 тыс. пудов. [...]

Преображенский. Это весь золотой запас России, 32 тыс. пудов.

(Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 184.)

Вопрос государственного обвинителя не был праздным или отвлечённым: «золото Колчака» – эшелон с литерой «Д» из 28 вагонов с золотым запасом России одно время находился в Омске и был одним из силовых полей Гражданской войны. Драматические события, разгоревшиеся вокруг него, до сих пор волнуют искателей приключений. П.И. не имел никакого отношения к этому эшелону, только к магическому слову «золото» – металлу, главному предмету страсти не только средневековых алхимиков, но и вполне современных большевиков. Знание того, где, в каких недоступных углах Сибири его искать, сделало П.И. в глазах новых властей ценным, выделило в отдельную категорию из группы бывших колчаковских министров: «нужный стране».

Впоследствии, спустя десятилетие после смерти Преображенского, рассматривая вклад профессора в геологическую науку, учёные А.А. Иванов и Ю.В. Морачевский в «Записках Всесоюзного минералогического общества» от 1955 года напишут, что он обобщил материал о поиске золота в Забайкалье, сделав практический вывод о расположении золотоносных районов «в полосе метаморфических пород, прорванных гранитами». Это позволило точно определить территории, где можно найти месторождения золота.

* Расшифровку авторской рукописи предварительного отчёта см. Приложение (№ I-1).

** Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962), заведующий отделом юстиции Сибревкома, государственный обвинитель на процессе над колчаковскими министрами в 1920 году.

Академик В.А. Обручев об этом периоде жизни П.И. рассказывал так: «Он начал свою научную деятельность [...] в качестве моего нештатного помощника в Ленской геологической партии, проводившей геологическую съёмку бассейна реки Бодайбо. Значительная часть маршрутов в этом бассейне по водоразделам рек, где главным образом и обнаружены породы, выполнена им, так что семь листов геологической карты масштаба 1 верста в дюйме были составлены мною во многом по его наблюдениям. Получив эту большую практику, Павел Иванович остался уже штатным геологом этой партии и выполнил самостоятельно много маршрутов в западной части района от реки Тахтыги до реки Тоноды и по нижнему течению Большого Потома. Позже он провёл целый ряд экспедиций по правым притокам Лены вглубь Байкальского нагорья в трудных условиях – по порожистым рекам и таёжным тропам. Наши знания геологии Байкальского нагорья и западной части Ленского района до сих пор основаны главным образом на его наблюдениях. [...] Ещё одно трудное путешествие он совершил в 1916 году в Восточный Саян, в верховья реки Иркут, чем и закончил свои наблюдения по геологии Восточной Сибири». (В.А. Обручев. Избранные труды. Т. 6. М., 1965. С. 108–109.)

Сохранились письма П.И. этого периода, из которых многое можно понять о методах работы, а также рукопись «Сибирский геолог в поле», которую интересно читать и сейчас: в ней дым костра и страсть к путешествиям – в каждой строчке и каждом межстрочном интервале. И ещё – это опыт, который приобретён тяжёлым путём.

П.И. Преображенский

СИБИРСКИЙ ГЕОЛОГ В ПОЛЕ

Из опыта старого сибирского путешественника

Многолетние скитания по сибирской тайге дали некоторым из нас несколько тяжёлых уроков как по части снаряжения и оборудования наших полевых работ, так и в смысле умения поставить работу таким образом, чтоб результаты соответствовали затраченным усилиям.

Но уроки эти, к сожалению, очень индивидуальны, каждый новый работник учится вновь, каждый сам должен «собственным горбом» испытать все те острые углы, маленькие недостатки механизма, который иногда в тяжёлых сибирских условиях съедает весьма и весьма значительный процент затрачиваемого труда. [...]

Много раз за время моих скитаний, обыкновенно, когда снаружи льёт дождь, и нельзя носу высунуть из тесной палатки, без книг, без дела, случалось мне браться за эту работу. Начинаешь лазить с рулеткой по своему полотняному дому, берёшь размеры сум, ящиков, кроватей, вспоминаешь то, чего нет под рукой; делаешь заметки, и нет сомнения, что если бы перерыть многочисленные рабочие дневники моих дорогих товарищей, то в них нашёлся бы богатый материал по данному вопросу.

Вещи, о которых приходится говорить здесь, настолько иногда просты, что, казалось бы, не стоит затрачивать времени на их описание, но... в путешествии так много неожиданностей, на каждом шагу видишь, что вопрос умелого снаряжения – это вопрос успеха дела, и привыкаешь ценить детали.

Вам нужно отправляться в тайгу. Если вы не новичок, то знаете, о какой массе вещей надо подумать заранее, чтобы потом на работе не произносить «ненадлежащих» слов и не давать себе неподходящих эпитетов.

Если же вы «зелены», то лучше идите к тем, кто знает тот район, где вы должны работать, и просите указаний. Только после этого посмотрите и эту книжку, может, что и пригодится.

Мой личный опыт касается больше всего Иркутской губернии, на всём протяжении с севера на юг, следовательно, годится для той лесистой части Сибири, где можно работать на лошадях.

Климат этой полосы Сибири летом довольно однообразен – перемежающиеся дожди, иногда затяжные, днём, временами, очень жарко, но чаще – умеренно тепло, ночи резко холодные. Поздняя весна, ранняя осень со снегом и заморозками, убивающими подножный корм, словом, рабочий период очень короткий, требующий интенсивной работы и значительного физического напряжения. Если часть этих сил затрачивать ещё на вещи, для работы ненужные, то страдает сама работа, и поэтому, в каждом отдельном случае должен быть найден известный оптимум в смысле снаряжения, которое отнюдь не должно быть громоздким и не должно заключать ничего лишнего, которое в то же время не заставляло бы тратить силы из-за неудобств, которые легко устранимы.

Первый вопрос – это количество необходимых для работы людей и лошадей. Здесь есть некоторое внутреннее противоречие – чем больше людей, тем больше нужно лошадей, а чем больше лошадей – тем больше требуют они для себя людей, и так без конца, особенно если надо тащить с собой большое количество провианта.

У меня [...] количество лошадей колебалось от семи до одиннадцати, с преобладанием цифр восьми-десяти. Число постоянных рабочих наичаще – четыре: один со мной и трое при лошадях. Но при этих условиях (на севере) все люди идут пешком, так как лошади настолько загружены провиантом, что ехать уже никому не приходится. [...] При переходах по болоту, по валежнику и вообще по тяжёлым местам, [...] сидя верхом, люди не успевают достаточно быстро приходить на помощь лошадям, требующим почему-либо помощи. Надо сказать, что пешее хождение в течение целого лета требует специальной тренировки, и надо самому немало ходить пешком, чтобы не давать поводов к ропоту во время больших и тяжёлых переходов.

Между тем, чем больше караван, тем больше задержек: то у того, то у другого непременно что-либо разладится, а одна неполадка задерживает весь караван, трогаются тоже не сразу, на стану количество работы также увеличивается –ковка, ремонт сбруи, уход за лошадьми, необходимость отыскивать для ночлега такие места, где на всех животных хватило бы корма – всё это заставляет бояться большого каравана хуже огня, и я стремлюсь ограничиться указанным числом людей и лошадей, причём, как сказал выше, на севере, где население реже, все, очень часто и я, шли пешком.

На юге, в Саянах, где нет нужды тащить с собой такое большое количество провианта, при десяти лошадях все могут ехать верхом. Проводника я в расчёт не принимаю, он либо есть, либо нет. Чаще всего на юге он на собственной лошади. На севере, раз все идут пешком, то и он [так же]. Очень часто, если проводником был тунгус,

то его и не заманить было на лошадь. «Она моего духа не любит, от меня оленем пахнет», – говорил мне один такой проводник, когда я, куда-то торопясь, предложил ему ехать на лошади.

Тремя рабочими можно обойтись лишь при постоянном проводнике и при возможности всегда, в случае нужды, нанять лишнего человека. В тайге же с малым населением троих достаточно лишь в случае совсем небольшого каравана – шесть-семь лошадей. Как норму можно считать один рабочий на три лошади; один, находящийся при самом путешественнике-геологе, вынужден постоянно отлучаться от каравана, поэтому не идущий в счёт как конюх во время пути. Но нечётное число работников неудобно при вьючке: вьючат обязательно двое [...] Две же пары вьючат много быстрее, [...] для вьючки нужна сноровка, и помощь самого геолога далеко не всегда удачна, если бы он пожелал восполнить этого недостающего четвёртого работника.

Всё сказанное [...] имеет смысл лишь тогда, когда вы должны работать вне населённых мест, при отсутствии колёсных дорог и проч. Раз можно передвигать своё снаряжение хотя бы на двуколке, вопрос о людях и лошадях сильно упрощается и может быть сведён к двум постоянным рабочим (один на стану при имуществе и один при геологе) и двум-трём лошадям. Здесь можно дать совет – иметь всё же своё седло, чтобы в случае необходимости съездить куда-либо верхом.

Лодочное путешествие при тяге вверх бечевой требует гораздо больше людей; нужно не меньше шести человек, разбивающихся на две части, и только при коротких маршрутах и лёгкой лодке можно ограничиться четырьмя работниками. Но это, надо сказать, сильно сказывается на научной работе: люди заняты по горло, и всю физическую часть работы по наблюдениям (перенос инструментов, разбивание камней балдой*, перенос образцов) – всё это надо геологу делать уже самому, часто в ущерб качеству и полноте наблюдений.

Ход вверх по рекам на шестах требует по паре людей на лодку, и всё зависит от количества груза, идущего с геологом. Для Ленского бассейна при лодочных путешествиях рекомендую брать рабочих с Киренги – лучших «шестовиков» я не встречал. Привыкнув, благодаря отсутствию других способов передвижения, к шести чуть не с пелёнок, киренчане дают прямо рекордные результаты.

При выборе людей, особенно, когда их немного, приходится быть осторожным и необходимо стараться, чтобы хотя бы двое были из более бывалых и опытных, [причём] один в качестве старшего конюха, на обязанности которого бы лежал весь присмотр за лошадьми, ремонт их сбруи,ковка (он должен хотя бы немного понимать это дело)...

---

* Массивный ручной молот для производства горных работ.

Дочь Наталья

В самом начале сибирской эпопеи, 24 августа 1901 года, у Преображенских родилась дочь Наталья (1901–1999), которая станет самым близким другом П.И.

Детских воспоминаний «Ленского периода» у неё немного: «Возвращаясь из экспедиций, П.И. всегда о них рассказывал. Я обычно сидела под его письменным столом из карельской берёзы. Под столом лежала шкура одного из его медведей, и я с восторгом слушала, как папа плавал на плоту, как этот плот перевернулся, как они целую неделю шли».

Ещё она помнит, как из одной экспедиции он приехал с воспалением среднего уха, ему долбили кость, и за ухом осталась ямка. А ещё она называет имя постоянного помощника, который был по сути, доверенным лицом П.И. – Семёна Афанасьевича Штарёва. Он занимался снаряжением будущих экспедиций. На даче много хранилось вьючных сум, а вьючный ящик П.И. даже вошёл в историю, став элементом памятника.

Дочь П.И. Преображенского Наталья прожила удивительную жизнь, захватив все перипетии XX века и помотавшись по стране сначала за отцом, потом за мужем.

Она училась в Пермском университете на агрономическом факультете, но не окончила его и не сделала карьеры в классическом понимании этого слова. «Всё было при ней, да дети втоптали», – такие горькие слова есть в переписке с родственниками П.И. Имеется в виду, что она, мать четверых детей, посвятила всю свою жизнь им. На ней держался весь сложный советский быт, дом и дача. Она обеспечивала тыл мужу-академику. Потом пошли внуки, а затем и правнуки. И нет у неё никаких званий, орденов или хотя бы даже грамот. Но это неважно, потому что на самом деле дочь П.И. сделала очень многое.

Кроме того, что она сохранила и значительно дополнила архив отца, Наталья Павловна ещё и от руки переписала документы, которые хранились в семье вдовы Н.В. Мешкова. Она под расписку брала у неё бумаги и работала с ними дома. Тогда, в 1960-е годы, было непонятно, какая судьба ждала этот архив, и важно было спасти его.

«Начиная, я и не предполагала, что найду в архиве так много интересного, что из деловых бумаг встанет неповторимый облик выдающегося человека, даже в слабостях своих обаятельного», – писала она.

Н.П. Орлова проделала огромную и очень нужную работу копирования архива абсолютно бескорыстно, по велению сердца. Она объясняла

свою работу, как «возможность смотреть на разборку архива Николая Васильевича как на участие в работе Ю.А. Орлова, дань его заботам, не говоря о собственной своей благодарной памяти Мешкову».

Имя основателя пермского университета в 1960-е годы основательно подзабыли. Казалось, даже следов от него не осталось. И это было несправедливо. Память о нём удалось сохранить, в том числе и благодаря Н.П. Орловой, которая собирала воспоминания о Н.В. Мешкове, искала его родственников, писала письма людям, которые могли его знать, пыталась найти автора для книги о пермском меценате, но не нашла.

А ещё она написала воспоминания, а то, что не успела – наговорила на магнитофонные кассеты. Благодаря этому у нас есть достоверная информация о жизни П.И., которой можно доверять.

«Она всегда была занята, и вся была в своём архиве, – вспоминает внучка Н.П. Орловой, соответственно правнучка П.И., Лиза Мэмми, – и ещё она никогда не повышала голос. Никогда».

Таким было воспитание!

Кроме семейных и архивных дел, Натальей Павловной владела ещё одна страсть – музыка.

Она могла бы стать певицей, у неё был сильный голос, меццо-сопрано. В семье остался её рояль – прекрасный старый «Блютнер». Перед войной она стала победителем конкурса романсов Чайковского, получила приглашение играть в филармонических концертах, но к занятиям музыкой смогла вернуться только после 1945 года. Она занималась вокалом и после войны, собрала огромную библиотеку вокальной литературы русских и немецких классиков, но ни о каких концертах, кроме домашних, речи уже не шло.

Очень много писем П.И. обращены к дочери. Тата, Татуся – называл он её. Именно она для него стала главным собеседником в жизни. «Когда отец умирал, в сущности прощаясь, он мне сказал, что я и мой муж самые близкие ему люди», – вспоминает Н.П. Орлова.

До настоящей смерти прощаться с жизнью П.И. пришлось несколько раз. Сохранилось три душераздирающих письма-прощания, и все они обращены к дочери.

Первое написано в 1920 году, в Омской тюрьме, незадолго до приговора, когда П.И. был уверен, что его казнят. «Татуся, моя милая, хорошая девочка, прощай. Не забудь папу. Помни, что можешь смело всем смотреть в глаза, когда будут говорить обо мне. На моей совести нет ни крови, ни денег»*.

Второе письмо – от 16 октября 1941 года, из Москвы. П.И. с женой оказались в столице в один из самых драматичных периодов Великой Отечественной войны: «Вышло совсем глупо: сюда, в Москву (из Ленинграда. – Прим. С.Ф.), привезли на аэроплане, а здесь [...] задержали до того, что положение Москвы сделалось более опасным, чем Ленинграда, и началась паника... [...] Словом, вчера вечером удрало всё моё непосредственное начальство, билет на поезд, заказанный из наркомата, мне не гарантируют, так как на дорогах, очевидно, творится чёрт знает что такое, удастся ли выехать с каким-нибудь эшеленом – не ясно, и так как человек, который мог мне помочь, тоже вчера удрал,

---

* Приложение (№ II-14).

то мы все оказались на мели. Теперь весь вопрос, удастся ли выехать Ю.А., что гораздо важнее для всей нашей будущей жизни, чем выезд мой и мамы. Тут уже ничего не скажешь, и мы, конечно, все стараемся не думать о том, что будет дальше. [...] И вот, если ты получишь это письмо без нас с мамой, то помни одно: наша любовь к тебе бесконечна, и если я бываю недоволен тобой и ворчу и на словах и в письмах, то потому, что мне хочется, чтобы ты была более приспособлена к жизни, чем ты оказываешься теперь.

Родная ты моя, я и так знаю, что ты очень привязана ко мне и крепко любишь меня, поэтому так радостно настроена в письмах, написанных по получении известий о нашем выезде из Ленинграда. Тем тяжелее мне переживать обман твоих ожиданий. [...]

Хотелось бы тебя крепко обнять и ещё более крепко поцеловать. Но мало ли что хотелось бы сделать сейчас нам с мамой, когда рушится целое государство.

Что бы ни случилось с нами на ближайший момент, я не думаю, что это будет обязательно смерть. Возможна, конечно, и она, и тогда ты напрасно думаешь, что, уходя, я не буду чувствовать тебя рядом с собой. Каков я ни есть, ты для меня [значишь] очень много и стоишь в первом ряду с мамой. Ты и дети, Ю.А. и опять вы все – вот что будет в моих мыслях всё это время, что бы ни случилось с нами»*.

Последнее письмо-завещание датировано июлем 1942 года и написано из Москвы.

«Тате – на всякий случай – моё прощание и моё завещание.

Моя дорогая и любимая дочка, много я на тебя сердился и кричал, но и ты и я отлично знаем, что очень-очень любим друг друга, и мало ли что бывает.

Я лечу в Ленинград; дело это достаточно опасное, хотя и самое обычное для многих тысяч людей, и так как мои обязанности по Институту [галургии] требуют этой поездки, то я должен лететь. Замениться мне некем. Мало ли что может со мной случиться. Поэтому я оставляю на всякий случай это письмо, чтобы, если что случится, вы все знали, чего бы я хотел.

Больше всего меня беспокоит мама... [...] ...Я и прошу тебя быть длительно терпеливой с мамой и внимательной к ней. Часто и ей и вам будет нелегко от неизбежных столкновений, но ты в таких случаях вспомни обо мне и будь уступчива.

Мама не привыкла быть зависимой, и это неизбежно будет сказываться, а явность зависимости только обострит тяжесть её переживаний при столкновениях. Постарайся, чтобы этого не случилось»**.

Среди документов, собранных Н.П. Орловой, есть связанные ещё с одним эпизодом из жизни П.И., когда он мог расстаться с жизнью, – это было в 1905 году.

---

* Приложение (№ П-24).

** Приложение (№ П-37).

«Кровавое воскресенье»

Н.П. Орлова рассказывает, что в детстве к ним часто приходили гости – «политические», и помнит, что пели песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Кроме того, пару раз в её воспоминаниях упоминается Азеф, который якобы тоже бывал среди гостей.

Революционные настроения в то время испытывали многие, особенно в столице и в студенческой среде. Молодёжь XX века хотела другой жизни: свободы слова, собраний, вероисповеданий, и чтобы обращение было на «Вы». Им «стали слишком малы их старые джинсы», причём всем: крестьянам нужна была свобода передвижений, а то они, как при царе Горохе, оставались привязаны к земле; рабочим нужен был 8-часовой рабочий день или хотя бы 10-часовой, иначе вся жизнь проходила на работе. Выросший на торговле и грузоперевозках новый богатый люд хотел бы, чтобы его мнение тоже учитывалось. В целом все желали большего уважения и, глядя на Европу, видели, что такое возможно.

Прошли волнения и в Горном институте, где П.И. преподавал параллельно с полевой работой в Сибири – он был штатным ассистентом на кафедре минералогии. Эти события 1904 года, которые ещё называют беспорядками, получили название «Коноваловские» – по имени Дмитрия Петровича Коновалова (1856–1929), директора института в 1903–1905 годах. Учёный в области физической химии, он оказал огромное влияние на развитие химии, став основоположником учения о растворах и химической термодинамике, но, как руководитель учебного заведения, оказался в сложной ситуации – между молотом и наковальней, правительством и поднимающейся волной протеста. Итогом стало «Коноваловское дело», когда после конфликта с директором Горный институт покинула группа профессоров и преподавателей, в том числе и П.И. Он был уволен 31 мая 1904 года «с оставлением по Главному горному управлению и откомандирован в Ленский золотonosный район».

«Ушедшие из-за Коновалова профессора Горного института – Долбня, Лутугин, Никитин, Фаас, Преображенский, Яковлев, равно как и пострадавшие студенты – Пашич, автор книжки “Студенческие волнения”, Николай Иванович Эрасса, Борис Лури постоянно приходили и обсуждали текущие дела», – вспоминает Александра Ивановна Погребова, жена выдающегося геолога, «дедушки Силурийского плато» Николая Фёдоровича Погребова (1860–1942). Приходили они в кабинет Н.Ф. Погребова в Геолкоме, который в 1905 году превратился в своего рода клуб, где

обсуждались не только профессиональные вопросы, но и «Коноваловский конфликт», выступление Гапона и др. Директор комитета Ф.Н. Чернышёв считал это помехой геологической работе, но не препятствовал, находя обсуждение этих вопросов вполне естественным.

В конце 1904 года ситуация накалилась настолько, что главы об этом периоде в книгах по истории называют «подъём стихии».

В начале января на Путиловском заводе началась забастовка, которую поддержали другие предприятия. Была составлена «Петиция о рабочих нуждах», её намеревались всем миром вручить царю на площади Зимнего дворца 9 января 1905 года.

В город стянули войска. Утром воскресенья из разных районов Петербурга к центру стали продвигаться колонны рабочих. По некоторым оценкам, их было около 150 тыс. человек, все они верили в доброго царя и не реагировали на предупреждения военных и даже атаки кавалерии. Одну из колонн возглавлял священник Гапон.

Участниками этих событий случайно или неслучайно оказались П.И. и Б.А. Лури, с которым они были в экспедиции В.А. Обручева в сибирской тайге. Учёный В.И. Вернадский (1863–1945), рассказывая о том дне, пишет, что «Лури проходил с портфелем через сад, возвращаясь с какого-то заседания». (*В.И. Вернадский. Статьи об учёных и их творчестве. М., 1997. С. 346–347.*)

А.И. Погребова более конкретна: она пишет о том, что в тот день было заседание третейского суда на Курсах Лесгафта, которые располагались на Торговой улице, и её муж был вызван туда как свидетель. Б.А. Лури являлся секретарём третейского суда.

А что там делал П.И.? Вполне возможно, что тоже был вызван как свидетель, либо же мог быть просто слушателем на заседании, вариантов множество. Уточнить сейчас, какое тогда рассматривалось дело, нет возможности – архив Курсов Лесгафта погиб во время Великой Отечественной войны.

Как бы то ни было, они оба – и П.И., и Лури – стали «той силы частицей», которая запустит необратимый процесс. Более того, в том числе и их кровью было обогрето то самое «Кровавое воскресенье».

Итак, что же произошло? Вот рассказ очевидца тех событий, который также неслучайно хранится в архиве семьи.

Михаил Иванович Янцын (1850–1919), отставной капитан артиллерии, вспоминает: «9 января, вскоре после часа дня, я вышел из своей квартиры, [...] чтобы пойти на Б[ольшую] Конюшенную, где находится место моей службы. Уже на Васильевском острове (далее – В.О. – *Прим. С.Ф.*) я встретил затруднения в следовании по обычному пути. По 7-й линии [В.О.] у Бол[ьшого] проспекта стояла кавалерийская часть, затянувшая всю улицу от тротуара 6-й до тротуара 7-й линий.

Меня пропустили [...], и я дошёл до Николаевского моста. Через мост не пропускали публику поставленные там часовые. Я должен был перейти Неву по льду, правее моста. [...]

В конце улицы [...], я заметил толпу народа. Когда я прошёл некоторую часть улицы, я услышал залп, как мне показалось рассеянный и негромкий, так что я принял его за залп холостыми патронами. Однако вслед за этим залпом вся толпа, находившаяся в конце улицы, отхлынула назад и побежала к противоположному выходу. Люди, находившиеся в саду, тоже замечались и, не находя свободного выхода, стали перелезать через решётчатый забор. Вскоре раздался второй такой же залп, и тут я убедился, что

выстрелы были не холостые, так как один из бывших в саду и старавшийся перелезть через забор схватился за плечо со словами: “Я ранен...”

Предполагая, что залпы были сделаны с целью очистить улицу от толпы, я повернул обратно к выходу, вслед за бегущей толпой; но, пройдя несколько шагов, решил снова пойти в первоначальном направлении, рассудив, что если войска дали второй залп по толпе, бросившейся бежать, ещё вслед за первым залпом, то можно было ожидать и дальнейших залпов в спину, пока не успеешь дойти до выхода и повернуть за угол; и, не желая получить пулю в спину, я пошёл в первоначальном направлении, навстречу остаткам убежавшей толпы.

Это была разношёрстная толпа обыкновенных городских обывателей – мужчины и женщины. Мимо меня прошёл, удаляясь шагом, какой-то отставной генерал. Отдельные люди стояли в нише ворот Адмиралтейства. Когда толпа очистила улицу, я увидел в конце её отряд конных гвардейцев с винтовками за плечами, во всю ширину улицы. Так как мне не было видно других войск, то я сделал предположение, что залпы были произведены этим отрядом. Мне трудно было сдержать своё негодование при виде этих, как я думал, участников расстрела бегущих, безоружных людей, и потому я, подойдя вплотную к отряду, обратился к его командиру со словами: “Не стыдно вам стрелять по безоружной, мирной толпе?” Как мне показалось, офицер (если не ошибаюсь, это был штаб-офицер) выглядел смущённым, у солдат мне тоже показались смущённые лица.

В этот момент отряд тронулся вперёд по опустевшей уже улице.

Едва я вышел за её пределы, и когда передо мной открылась Дворцовая площадь, я увидел там пехотные воинские части с ружьями, составленными в козлы. Повернувшись направо по панели, окаймлявшей Александровский сад, я наткнулся на страшную картину: по панели валялись тела убитых и раненых. Передо мной лежала женщина с окровавленным лицом. По-видимому, она была ранена в рот, т.к. вокруг рта всё было окровавлено. Несколько далее стоял человек, которому только что удалось подняться собственными усилиями, весь окровавленный. Далее лежал вытянувшись навзничь студент, убитый.

Всего, я думаю, на панели около решётки можно было насчитать до 20 тел. Сначала я не заметил публики, но скоро начали подходить отдельные люди. Я заметил вблизи извозчика, на которого и помог сесть раненому, поднимающемуся, как я сказал, собственными усилиями.

[...] Большинство раненых были люди бедно одетые. Кроме убитого студента, я заметил ещё только одного человека из среды, так сказать, привилегированной. Раны этого человека были, по-видимому, менее тяжёлые, по крайней мере он мог ещё говорить».

А.И. Погребова, которая тоже оказалась в то время на площади Зимнего дворца, пишет, что видела, как «два студента везут запрокинутый труп Бориса Лури, секретаря третейского суда». Она, раненная на мосту через Мойку пулемётными выстрелами, с трудом добралась до редакции «Нашей жизни», где ей сделали перевязку. Кое-как попав домой, Погребова узнала от дворника о предстоящем аресте и согласилась на предложение мужа ехать на квартиру П.И. Преображенского, «которого несколько позже привезли раненного [...] в голову. Жена, Мария Ростиславовна, отсутствовала. В домашних условиях была извлечена пуля из груди».

«Раненный в голову», но пуля «извлечена из груди» – намеренное противоречие, либо же ранений было два? Вряд ли сейчас возможно установить истину. Единственное, что известно точно: Первая русская революция, прокатившаяся по стране и ставшая своего рода «занозой» в политическом теле государства, прошла и по жизни П.И.

По официальным данным, в тот день погибло, с учётом умерших от ран, 130 человек. По неофициальным – до 200. Количество раненых оценивается от 300 до 800.

Сам П.И. в воспоминаниях ничего не пишет об этом эпизоде. Его жена и дочь также проходят мимо этого случая, как будто его и не было. Только несколько экземпляров списков воспоминаний Янцына, хранящихся в семейном архиве, наталкивают на мысль о том, что в них кроется нечто важное, объяснение какому-то эпизоду.

Дача в Финляндии

Жена Погребова после этих событий, скрываясь от ареста, уехала на станцию Уусикиркко (фин. *Uusikirkko*; теперь – пос. Поляны Выборгского района Ленинградской области), на дачу к геологу Валериану Николаевичу Веберу (1871–1940). Так тогда поступали многие «политические»: бежали в Финляндию. В то время она входила в состав Российской империи, была убежищем, «красным тылом», где находились явочные квартиры и откуда в Россию поставлялось оружие, взрывчатка и крамольная литература.

Соседняя с В.Н. Вебером дача принадлежала П.И.

В архиве семьи сохранилось письмо М.Н. Неуйлиной, написанное в 1967 году. Автор благодарит за присланную биографию Г. Лопатина и пишет, что она возвратила её в «давно ушедший мир отцов-народников и народовольцев, вышедших в 1905–1907 годах из Шлиссельбурга. Морозов, Новорусский, Лукашевич, Панкратов, Фигнер-сёстры и следующее поколение: В.А. Вознесенский, П.И. Преображенский, В.Н. Вебер и многие другие – “наследники” народников». Далее автор вспоминает детство, которое прошло в Финляндии. Рядом якобы жила целая колония максималистов-террористов, оттуда выезжавших на «акции», и молодые, прелестные девушки «укладывали в чемоданы револьверы, обоймы, кастеты и прочее террористическое имущество». Об «актах» узнавали через день-два из газет, а на одной из дач Финляндии, как написано в письме, жил Азеф.

Имя Азефа сейчас стало нарицательным и обозначает провокатора и доносчика, но в Первую русскую революцию Евно Фишелевич Азеф (1869–1918) был одним из руководителей партии эсеров и возглавлял боевую организацию. Революционный терроризм тогда расцвёл пышным цветом: за 1905–1907 годы были убиты почти 9 тыс. человек, в том числе генерал-губернаторы, градоначальники, офицеры, полицмейстеры и т.д.

В начале XX века дачи в Финляндии держали многие петербуржцы: это было не просто хорошим тоном, а жизненной необходимостью. Не только климат Петербурга располагал к этому, но и санитарное состояние города: десятки тысяч лошадей и примитивное устройство канализации склоняли всех, кто мог, уезжать летом на природу.

Корней Чуковский (1882–1969) писал: «Летняя Куоккала, шумная, нарядная, пёстрая, кишашая модными франтами, разноцветными детскими зонтиками, мороженщиками, экипажами, цветами, детьми, вся исчезала

с наступлением первых же заморозков и сразу превращалась в безлюдную, хмурую, всеми покинутую. Зимой можно было пройти её всю, от станции до самого моря, и не встретить ни одного человека».

«Кто победнее – перебирались на недалёкие дачи в ближних пригородах – каком-нибудь Лигово или Парголово, зачастую отказываясь от съёмной городской квартиры на лето. Кто побогаче, конечно, стремились в лучшие места. И одним из самым привлекательных стало именно Финское взморье», – пишет Всеволод Пежемский в статье «Финские дачи. Историко-культурный феномен». (URL: <https://institutspb.ru/articles/finskie-dachi-istoriko-kulturny-fenomen>)

П.И. был «побогаче»: по всей видимости, работа на Ленских золотых приисках хорошо оплачивалась. Он купил участок у местного жителя и заказал проект знакомому архитектору. Деревянный дом со смотровой вышкой был готов к 1905 году. Семья так хотела быстрее начать жить на даче, что затеяла переезд, когда ещё не были вставлены окна. «Поселились в ней мама, девочка-прислуга и я», – пишет Н.П. Орлова в воспоминаниях.

Здесь, в так называемом Семиозерье (перекличка с Семиречьем!), климат считался целебным. Возле озера Халиланярви (теперь – Краснофлотское) располагался огромный санаторий для больных чахоткой, а дача П.И. была на озере Сууляярви (Нахимовское).

Н.П. Орлова: «О даче в Финляндии можно было бы рассказывать бесконечно. О всех её видимых подробностях и слышимых – шум леса, особенно зимой! Какой это был для нас, детей, простор!»

Вплоть до 1916 года семья каждое лето проводила на этой даче. Зимой тоже приезжали – там были замечательные печи, и всегда пахло чистым деревом. Не было никаких заборов, кроме условных частоколов по границам.

Долгое время дачу можно было не запирасть уходя, а оборудована она была всем необходимым – от кроватей и посуды до лодки. Дом стоял на горе, с видом на озеро, и можно было наблюдать, направляется ли лодка с ожидаемыми гостями с того берега. Зимой ездили прямо через озеро, по льду, не в объезд. Бывали и бури на этом озере, большие волны, которые превращали его в грозное море.

Н.П. Орлова вспоминает пикники в «больших» походах на дальние озёра и «вглубь веков», на плечах у П.И., через лес и овраги, где на пути встречали куропаток, собирали бруснику, чернику и землянику на солнечных пригорках.

Дача была окружена «обыкновенным сосновым лесом» – так говорит Н.П. Орлова.

Магазины находились далеко. За булками они ездили на ту сторону озера, где через весь ряд примыкающих к нему дач, чаще, чем на их «пустынной» стороне, проходил путь голубого булочного фургона.

По направлению к Выборгу была бакалейная лавка, в которой продавали печенье в жестяных банках, круглые финские крекеры и конфеты.

«Мама возилась на огороде по необходимости, помогала ей домработница, удовольствия в этом не было. Папа же – со вкусом. Он, покупая каталоги, познакомился с хозяином большого садоводства и учёным Регелем, покупал у него саженцы. Я помню, как эти каталоги раскрашивала. Папа же привозил Регелю из Забайкалья семена рододендрона. Тот “в отместку” прислал вместо чего-то по своему выбору саженцы

далекарлийской берёзы*, с узкими, рассечёнными листьями. По ним теперь можно было бы место узнать, если даже ничего другого не осталось. Вся эта, короткая по времени, возня с землёй доставляла отцу радость», – вспоминает Н.П. Орлова.

Что стало с этой дачей после революции? Нет информации. По воспоминаниям, из семьи никто и никогда не ездил туда больше, даже после того, как в советское время эта территория отошла к СССР. Даже и речи никогда не заходило посетить то место, хотя чисто технически это выглядело не столь уж сложно – до станции Поляны ходила электричка из Ленинграда. Было – и не стало.

---

* Берёза далекарлийская (*Betula dalecarlica*) – разновидность берёзы повислой, произрастающая в Швеции.

Счастлиное время

В жизни семьи Преображенских был почти двухгодичный европейский вояж. И спустя 90 лет после той поездки Н.П. Орлова вспоминала её как очень яркую: они жили в Швейцарии, съездили в Геную, Монако, Ниццу, Милан и Венецию, надолго останавливались в Мюнхене, куда П.И. командировали от Геолкома почти на два года.

Приказ об этом по геологическому ведомству вышел в октябре 1907 года. Мотивировка: «для изучения новейших методов петрографических исследований».

П.И. поехал в Германию учиться к профессору Эрнсту Вейншенку (1865–1921), выдающемуся педагогу и создателю школы петрографов. В Санкт-Петербурге в 1904 году выпустили книгу Вейншенка «Поляризационный микроскоп. Его применение в минералогии и петрографии». Примечательно, что книга была издана на средства В.А. Обручева («дорогого начальства» П.И.), а вышла она под редакцией Б.К. Поленова, который через несколько лет сыграет огромную роль в судьбе Преображенского.

Рекомендуя ссыльного учёного в качестве преподавателя Пермского университета, Поленов напишет, что в Мюнхене у П.И. Преображенского сложилась «дальнейшая эрудиция» в области петрографии. В Германии под руководством профессора Вейншенка он обрабатывал материал, добытый как в Восточной Сибири, так и в Семиреченской области: «Эта солидная петрографическая подготовка сослужила П.И. ценную службу при исследованиях Сибири в области изверженных и метаморфических горных пород».

В Санкт-Петербург семья вернулась в 1909 году, они поселились по адресу: Васильевский остров, 8-я линия, дом 21.

Спустя год, 27 августа 1910 года, на даче в Финляндии, у Преображенских родился долгожданный сын Юрий (1910–1932). С фотографий того периода на нас смотрит весёлый мальчик в полосатой футболке: кажется, впереди у него долгая и счастливая жизнь.

У Юрия были многообещающие способности, и если бы не ранняя смерть, кто знает, каким учёным, музыкантом или просто хорошим человеком он мог стать. «Ясный ум, кротость, доброта, правдивость и развившееся затем чувство долга отличали его от всех окружающих», – пишет в воспоминаниях мама.

Он любил природу и музыку. Когда подрос, стал брать уроки игры на фортепиано, и, по воспоминаниям М.Р. Преображенской, «продолжал

их с возрастающим успехом до самой болезни. Музыка была для него отдыхом, развлечением и часто усиленной работой, так как по своей натуре он старался делать всё хорошо, за что ни брался».

В Омске, в страшные 1920–1921 годы, когда ему было 10 лет, он рассказывал своим друзьям книгу «80 тысяч лье под водой» Жюль Верна, «как будто читал».

Юрий не ходил в школу, был на домашнем обучении, которое, по словам Марии Ростиславовны, являлось скорее самообучением. Он занимался по предметам средней школы по своему расписанию. А роль матери в учёбе, по её же воспоминаниям, сводилась к небольшим комментариям и «подыскиванию» лучших учебников.

Индивидуальные занятия сформировали неординарную личность. По крайней мере, бывший педагог новаторской Петербургской школы Карла Мая Николай Константинович Ядрышев (1869–1928), занимавшийся с Юрием частным образом, говорил, что за всю его многолетнюю педагогическую практику сын П.И. был вторым учеником, проявляющим в дополнение к удивительной памяти разносторонний интерес и необыкновенную способность ясно и логично мыслить. Кроме общеобразовательных предметов, Юрий брал уроки английского, продолжал чтение книг на французском и немецком языках.

Когда осенью 1926 года он прошёл курс средней школы, то как вольнослушатель стал посещать лекции в университете: физику – у профессора О.Д. Хвольсона, химию – у профессора С.А. Щукарёва, ботанику – у профессора В.Л. Комарова.

Тем не менее при поступлении в вуз возникли сложности. Несмотря на успешно, с высоким баллом сданные экзамены, в Горный институт Юру Преображенского примут только после «усиленных ходатайств со стороны Главхима и президента Академии наук СССР А.П. Карпинского». Об этом пишет в воспоминаниях М.Р. Преображенская, однако не поясняет причину, почему для зачисления сына в институт пришлось привлечь «тяжёлую артиллерию» – руководителя всей академической науки СССР. Предполагается, что всем понятно и без комментариев: объяснение лежит в политической плоскости. Тому виной могло быть непролетарское происхождение, да и судебный процесс 1920 года над П.И., министром правительства Колчака, на котором он был признан виновным, бонусов для поступления в советский вуз не добавляло.

В Горном институте Юрий Преображенский заинтересовался кристаллографией, в которой, как пишет М.Р. Преображенская, «он нашёл применение для своего ясного, систематизирующего (орфография сохранена. – Прим. С.Ф.) ума».

Получив диплом, в 1931 году он был принят на работу в Институт прикладной минералогии и металлургии (сейчас – Всероссийский НИИ минерального сырья имени Н.М. Фёдоровского). Ездил к Белому морю в поисках кварца и мечтал побывать на южном берегу Кольского полуострова. По воспоминаниям М.Р. Преображенской, незадолго до смерти в его планах было перейти на работу в Технологический институт, к Н.Н. Падурову (1894–?), с тем чтобы сосредоточиться на кристаллографии.

Курсы Лесгафта

Сейчас сложно представить, каким глотком свежего воздуха на рубеже XIX–XX веков были высшие женские курсы Петра Францевича Лесгафта (1837–1909). Затёртое слово «прогрессивный», обозначающее новое, свежее, яркое, сильное, тут подойдёт как нельзя кстати.

Курсы руководительниц и воспитательниц физической культуры, как они назывались одно время, проходили у Лесгафта на квартире.

Один из учеников П.Ф. Лесгафта, сибирский золотопромышленник Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901), отец которого, к слову, основал Бодайбо, в 1893 году отдал под Курсы Лесгафта свой огромный дом в центре Санкт-Петербурга и капитал, эквивалент которого сейчас равен \$100 млн. Это дало возможность создать, по сути, первый общественный университет Российской империи, в котором были не только аудитории, но и биологическая лаборатория, клиники, операционные и богатейший музей.

Необыкновенной популярности курсов среди молодёжи способствовала и личность П.Ф. Лесгафта, выдающегося биолога, антрополога, врача и педагога. По воспоминаниям, свой рабочий день, длившийся 15–18 часов, он весь посвящал ученикам. У него не бывало скучных лекций, он не «читал» предмет, а «зажигал огонь» аудиторию.

Лесгафт был не только учёным, но и тем, что сейчас называется визионер. Кроме всего прочего, он считал женщин за людей, выступал за их обучение, что по тем временам выглядело дерзко и свежо. Революционные идеи также не оставляли его равнодушным, за что он попал под негласный надзор полиции. А в Первую русскую революцию курсы были закрыты по политическим мотивам – «смутьянов» среди слушателей и слушательниц было больше, чем где бы то ни было.

П.Ф. Лесгафт видел своей целью воспитание свободной творческой личности, причём в том числе и с помощью физических упражнений. Это была самая популярная педагогическая идея конца XIX века: в Европе и Америке открывались кафедры физического воспитания и гигиены, а традиции и опыт Древней Эллады оказались вновь востребованы. *Mens sana in corpore sano* (лат.) – в здоровом теле здоровый дух: светлая античность проявилась в Петербурге того времени через Курсы Лесгафта, на которых весь обучающий процесс был построен на тесной взаимосвязи умственного и физического.

К слову, многие приёмы, которые сейчас используются в лечебной гимнастике для детей, были придуманы Лесгафтом.

Ещё одна идея-фикс Лесгафта – служение обществу. Он считал, что только всесторонняя, настойчивая и неустанная работа может сделать человека нужным и полезным. Ученица Лесгафта Е. Ливчак вспоминала наставления учителя: «Вне работы нет смысла, нет цели, нет роста и жизни. Жизнь есть движение вперёд, и кто в этом движении не участвует, тех сама жизнь не поддерживает. Слабость, физическое, нравственное и умственное бессилие, преждевременный упадок и разрушение является уделом тех, кто не работает, кто, по его выражению, «лежит на боку». И наоборот, здоровье, сила, выносливость, бодрость и ясность духа являются результатом кипучей деятельности». (*Воробьёв Н.А. П.Ф. Лесгафт в воспоминаниях современников // Историко-педагогический журнал. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/p-f-lesgaft-v-vospominaniyah-sovremennikov/viewer>*)

Учебная программа первого в мире высшего учебного заведения по физическому образованию была насыщенной. Студенты изучали не только историю физического воспитания и теорию движений, но и математику, механику, физику, химию, анатомию, физиологию, эмбриологию, ботанику, зоологию, гигиену, психологию, педагогику, историю, занимались черчением, ручным трудом, физическими упражнениями, играми и т.д. Факультативно читались лекции по философии, литературе и т.д. П.И. читал на этих курсах лекции по петрографии – так называется отдел геологии, изучающий горные породы.

Точно неизвестно, когда началось сотрудничество, но Н.П. Орлова говорит, что «и папа и мама были страстными поклонниками Лесгафта, по нему занимались физкультурой». И помнит, как родители рассказывали, что он пропагандировал гимнастику и интеллигентная молодёжь усердно посещала его лекции.

М.Р. Преображенская в письме к пермскому краеведу А.К. Шарцу (1906–1986) пишет: «Два раза в неделю к семи с половиной часам утра [П.И.] бегал (конка так рано не ходила) с 14-й линии Васильевского острова на Фонтанку, близ Летнего сада, слушать лекции проф. П.Ф. Лесгафта по анатомии. Лекции эти, кстати сказать, не ограничивались только анатомией человека, а захватывали и гигиену, и воспитание ума и воли».

В 1916–1917 годах П.И. был уже помощником директора и деканом естественного отделения Курсов Лесгафта. К этому времени произошло большое количество драматичных событий.

Во-первых, умер сам Лесгафт, однако, верные ученики и последователи добились разрешения продолжить его дело. Во-вторых, финансовое положение учебного заведения было таково, что нередко, как пишут современники, преподаватели тратили личные деньги на обеспечение учебного процесса. Самая тяжёлая ситуация сложилась в 1915 году, когда из-за полного отсутствия средств речь шла о закрытии курсов.

Тогда студентки Курсов Лесгафта Е.В. Пермякова, Е.В. Самодалова и М. Бойно-Родзевич обратились к Николаю Васильевичу Мешкову, известному купцу и меценату, и рассказали ему о бедственном положении «прогрессивного, с революционной репутацией, учреждения».

Мешков жертвовал много и охотно, особенно, если дело касалось книг или учебных заведений. По рассказам, даст, да ещё и прибавит: «спасибо за доверие».

Он выдал им 15 тыс. рублей. И якобы спросил: «Ну, девки, хватит?»

Этого хватило. Курсы были спасены, а Екатерина Васильевна Пермякова, одна из тех студенток, стала верной помощницей Мешкова на долгие годы и сыграла свою

Павел Иванович Преображенский

Родители П.И. Преображенского: Иван Петрович и Раиса Матвеевна

Павел Преображенский.
Ташкент

Мария Ростиславовна Метелицына
(в замужестве – Преображенская).
Санкт-Петербург

П.И. Преображенский. Студент
Горного института. ГАПК

Около Елагина острова.
Санкт-Петербург. 1897 г.

П.И. Преображенский и В.М. Данилов

П.И. Преображенский и М.Г. Васильевский

По окончании Горного института. ГАПК

П.И. Преображенский, В.А. Обручев, Я.И. Лурье (в первом ряду). Бодайбо. 1901 г.

В экспедиции в Бодайбо. 1901 г.

С дочерью Натальей. Ок. 1903–1904 гг.

В экспедиции в Забайкалье. 1909 г. ГАПК

Забайкальская группа. 1909 г.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЧАСТИ
ОЛЕКМИНСКО-ВИТИМСКОЙ ЗОЛОТОНОСНОЙ
СИСТЕМЫ.

МАРШРУТНЫЕ РАБОТЫ А. П. ГЕРАСИМОВА И
П. И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ВЪ 1902 ГОДУ.

Масштабъ 1: 850,000.

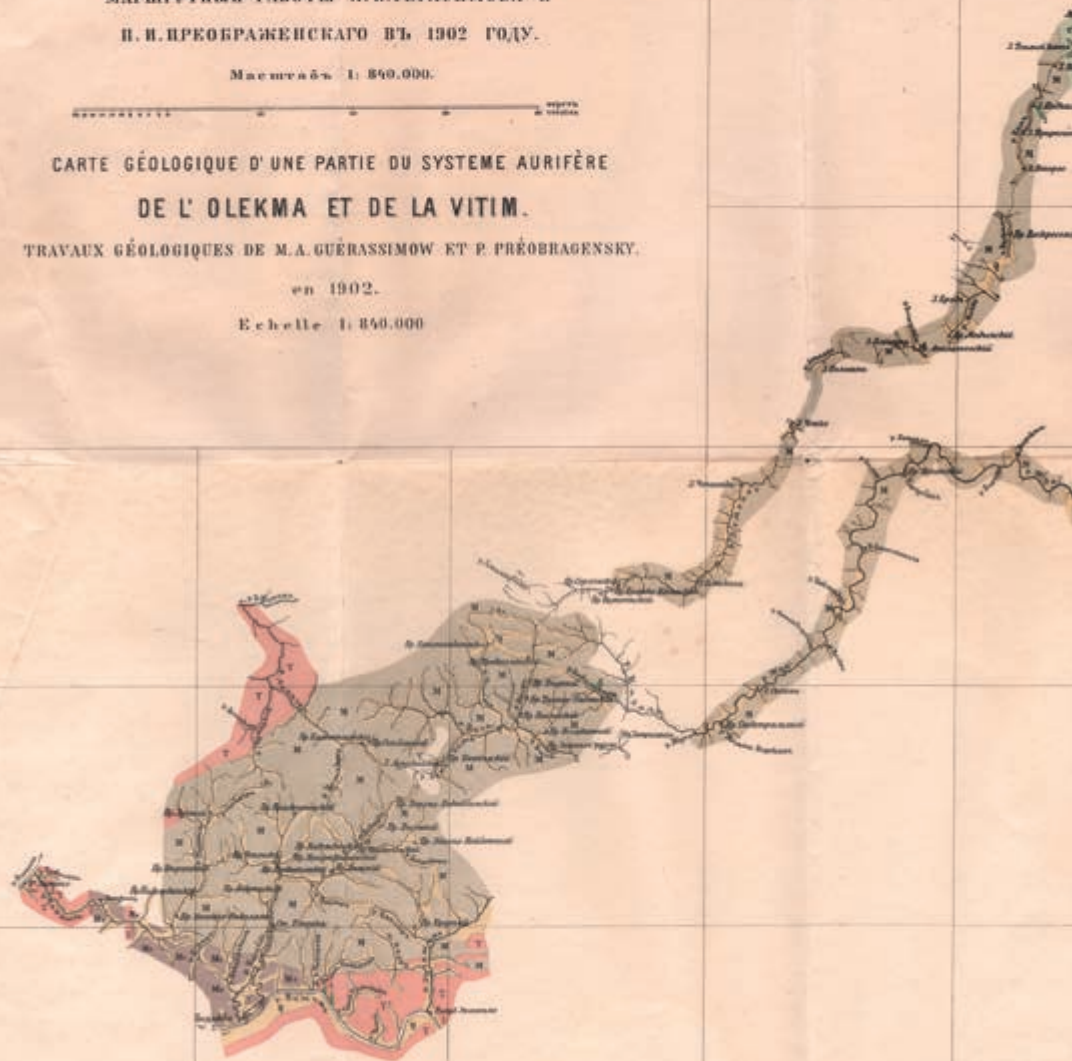

CARTE GÉOLOGIQUE D'UNE PARTIE DU SYSTEME AURIFÈRE
DE L'OLEKMA ET DE LA VITIM.

TRAVAUX GÉOLOGIQUES DE M. A. GUÉRASSIMOW ET P. PRÉOBHAGENSKY.

en 1902.

Echelle 1: 850,000

Урочище аналн. Лѣgende.

- Кочевья. Моряна.
- Зональные болотистые тундры Голубица, гыштыр.
- Болотистые тундры. Болота.
- Местоположение тундры. Болота.
- Местоположение тундры. Болота. Болота. Болота.
- Болота. Болота.
- Болота. Болота. Болота. Болота.
- Болота. Болота.

Жена, Мария
Ростиславовна,
и дочь Наталья.
Мюнхен (?),
Германия.
1907–1909 гг.

На стажировке в Мюнхене.
1907–1909 гг.

В минуты отдыха

Дача Преображенских в Уусикиркко – летом...

...и зимой

Путешествие по реке Лене. Ок. 1913–1914 гг.

С друзьями и близкими

Счастливые годы молодости

«Акробатический этюд»

роль в жизни П.И., продолжала общаться с его семьёй и после Великой Отечественной войны. Внучка П.И. говорит, что хорошо помнит Екатерину Васильевну – в шубке из гладкого меха и шапке-шлеме, расшитой бисером. Она бывала в гостях, и Мария Ростиславовна очень её привечала.

Пермский купец Мешков и петербургский геолог Преображенский были хорошо знакомы уже тогда, перед революцией. В архиве семьи хранится письмо Н.В. Мешкова от 25 декабря 1916 года, в котором тот рассказывает П.И. о своих переговорах по поводу будущего курсов и даёт ценные советы:

«Берите себе больше свободы, больше средств, большую автономию. О переводе ли в Москву, как в центр, об оставлении ли в Питере и открытии вскоре же отделений Ваших курсов на юге и востоке (для Сибири) – обо всём решите здесь с общего согласия. [...] Хлопоты в министерстве следовало бы, так думает и Князь, связать с тем, что Земская Россия берёт на себя сохранение славы имени П.Ф. Лесгафта, обеспечивая и давая возможность к дальнейшему развитию его учреждения. Это выйдет и понятно, и красиво, и может облегчить хлопоты о передаче».

Н.В. Мешков думает о будущем: «Какой соседний дом, сколько земли продаётся рядом с Вами? Если Вы перейдёте в Земство, то не следует ли мне купить, если хватит средств и недорого, и также подарить от Пермского университета в почётный дар памяти П.Ф. Лесгафта? Может быть, и у нас явятся такие ещё люди из профессоров!..

Я очень прошу Вас всех держать меня в курсе всего происходящего в Вашем обеспечении, а если у Вас мало времени, то поручите писать Е.В. Самодаловой и Е.В. Пермяковой».

Из письма понятно, что Н.В. Мешков и П.И. – единомышленники, они напряжённо обсуждают, как сделать лучше для страны и для всех. Оба понимают, что Курсы Лесгафта нужно сохранить, и для обоих это очень, очень важно.

В письме к Н.П. Орловой профессор Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981) пишет, что архивы Лесгафта погибли во время блокады Ленинграда, сгорели, но он хорошо помнит П.И.: «Высокий, стройный, всегда с быстрыми движениями, энергичной речью, подкрепляемой размашистой жестикуляцией. Он был огромный ступок энергии в делах, начинаниях, проектах».

Вспоминает он и обстановку на Курсах Лесгафта в 1917 году. По его словам, они почти не функционировали. «Иногда, в темноте, профессор (например, К.Н. Давыдов) читал лекции, время от времени спрашивая: “Не спите ещё, девушки?” Курсы-то были женские. Молодых мужчин полиция боялась».

Дальнейшая судьба курсов сложилась благоприятно. С 1918 года они получили государственное финансирование и стали называться Научным институтом имени П.Ф. Лесгафта, с 1919-го – институтом физического воспитания имени Лесгафта, сейчас это – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта.

По воспоминаниям И.Д. Стрельникова, курсы выжили при советской власти потому, что заместителем наркома просвещения А.В. Луначарского и секретарём коллегии первого секретариата просвещения были ученики Лесгафта. «Это были мои друзья, – пишет И.Д. Стрельников, – через них мне легко было вести официальные дела. А имя Лесгафта в революционном правительстве было окружено ореолом революционных веяний, настроений и дел».

К слову, «Князь» из письма Н.В. Мешкова – это Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925). После отречения Николая II от престола именно он будет назначен главой Временного правительства, а в описываемый период возглавлял Союз городов и Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Последний стал основной организацией, занимавшейся оборудованием госпиталей и санитарных поездов, поставками одежды и обуви для армии в годы Первой мировой войны. Примечательно, что П.И. с головой ушёл в эту работу.

Отряд имени Русских техников

Земский союз городов, созданный в августе 1914 года, был мощной общественной организацией и выполнял очень важные функции, на которые у государственной власти не хватало сил, средств, а главное – компетенций. Союз городов помогал больным и раненым, проводил общесанитарные мероприятия, «осведомлял» прессу, занимался военнопленными, собирал пожертвования и т.д. Всего в Союзе городов был 21 отдел.

П.И. состоял в санитарно-техническом отделе, в его автомобильном подотделе.

Любопытно, что членом комиссии Русского технического общества о мерах по промышленности в связи с войной состоял коллега П.И. – Леонид Иванович Лутугин (1864–1915), геолог, создатель школы геологов-угольщиков. Ещё он был масоном, как и Керенский, и баллотировался от партии трудовиков в III Государственную Думу.

Примечательный факт: в 1914 году в Геологическом комитете начался конфликт. После смерти прежнего директора Ф.Н. Чернышёва (1856–1914) комитет возглавил Карл Иванович Богданович (1864–1947), который начал интриговать. «В [Геологическом] комитете атмосфера неважная, – писал П.И. профессору Обручеву в апреле 1914 года, – идёт некоторая глухая борьба за влияние отдельных групп. Карл упрямо и деревянно гнёт свою линию... [...] Окончательно выдавил из комитета Лутугина. Ну а сопротивление организовать ему некому: я раскис и ничего не делаю, у других нет инициативы». И дальше: «Пока, до свидания, сейчас иду на заседание в [Геологический] комитет, хочу сказать Карлу несколько неприятных слов насчёт Лутугина. Впрочем, вперёд знаю, что это в воздух – вроде обструкции в Думе, [где] большинство правительственное»*.

Возможно, в этом конфликте – одна из второстепенных причин того, что начало полевого сезона 1915 года П.И. провёл не в Сибири, а в действующей армии. Главным же побуждающим мотивом П.И. был патриотизм, который в то время охватил самые широкие слои русского общества.

С марта по июль 1915 года П.И. находился на фронте, в качестве уполномоченного, то есть руководителя Санитарно-питательного отряда имени Русских техников Земского союза городов.

В последних числах марта 1915 года отряд прибыл в район перевала Мезо-Лаборч, в Карпатах, где проходили одни из самых тяжелейших боёв

---

* Приложение (№ II-6).

не только Первой мировой войны, но, возможно, и мировой истории. По подсчётам современных историков, тогда с обеих сторон в боях участвовали более двух с половиной миллионов человек. «Кровавые Карпаты» – такое есть название у этой битвы, потому что количество погибших, раненых и пленных превысило потери Русской армии на всех фронтах за весь 1914 год, да и за любую из военных кампаний, которые когда-либо до этого вела Российская империя.

Кроме того, Карпатская битва является и одним из наименее освещённых и малоизученных эпизодов Первой мировой войны. Возможно, потому, что к ней в полной мере применимо слово «катастрофа»: гибель десятков тысяч солдат и офицеров была бесполезна. Битва, длившаяся около четырёх месяцев, закончилась «великим отступлением» в мае.

Когда отряд П.И. прибыл на место, выяснилось, что после неудачных боёв 81-й дивизии все лазареты были заполнены ранеными. В отряде было три врача, в том числе два хороших хирурга, семь сестёр милосердия, 8 старших и 24 младших санитаря, поэтому всех тяжёлых больных повезли к ним.

«Но всё-таки, – пишет П.И., – приток раненых был так велик, что с ними едва могли справиться. Затем наступило относительное загишьё, и на ближайшем фронте шли лишь артиллерийские бои, почему и число раненых в лазарете опустилось до ежедневных 20–30–40».

Но это были тяжелораненые. В их лазарет «ходячих» почти не присылали. Раз в три-четыре дня раненых отправляли в тыл с каким-нибудь санитарным поездом. Всего же в этот период лазарет принял около 850 раненых.

Помимо врачебной помощи, отряд развернул прачечную и строил базу для расположенных поблизости войск, которая была готова, «к сожалению, лишь накануне отхода наших войск», пишет П.И. в воспоминаниях.

Это произошло в конце апреля: отряд имени Русских техников начал передислокацию только вечером, «когда с позиций отходила уже тяжёлая артиллерия, и знакомые офицеры частным образом указывали уполномоченному (то есть П.И. – *Прим. С.Ф.*) на необходимость отвода отряда». Но в семь часов вечера в лазарете ещё шла операция, и на тот момент находилось около 60 легко- и тяжелораненых. Дело в том, что остальные лазареты и перевязочные пункты уже свернулись, и потому всех раненых направляли в лазарет отряда Русских техников.

П.И.: «Благодаря содействию чинов 8-го железнодорожного батальона, одна из рот которого была расположена на станции Мезо-Лаборч, все раненые, а вместе с ними и женский персонал отряда, к одиннадцати часам ночи были вывезены. Мужской персонал с имуществом отряда, нагруженным на телеги, двумя эшелонами – один через Команчу, другой – через Яслиско вышли из Мезо-Лаборча к часу ночи. Так как часть персонала отряда оставалась в Мезо-Лаборче до отхода последнего поезда, то при их же содействии были взяты на поезд и вывезены раненые, как появившиеся после ухода отряда, так и находившиеся на станции Видраны, откуда последний железнодорожный поезд ушёл в пять часов утра 23 апреля».

На станции Загорж отряд задержался на пару дней: за это время из вагона-кухни, который предоставил отряду принц Ольденбургский, и вагонов-теплушек наскоро был приспособлен временный санитарный поезд. Он успел сделать несколько рейсов между

станциями, эвакуируя раненых. В один из них поезд уходил с линии боя вместе с последним железнодорожным составом.

Всего же в Перемышль за несколько дней отряд эвакуировал санитарным поездом более тысячи раненых. Так как одна из функций отряда была «питательно-перевязочной», то в лазаретах и на вокзале раненых кормили и перевязывали.

Обоз отряда, который шёл налегке вместе с отходящими войсками, тоже использовался как транспорт и подбирал раненых.

В Перемышль основные силы отряда прибыли 28 апреля и развернули лазарет. П.И. пишет, что здесь была оказана помощь 75 раненым, причём девять из них получили ранения от экзотических тогда «аэропланых бомб», которые сбросили на город 4 мая.

7 мая отряд имени Русских техников получил предписание об общей с другими медицинскими учреждениями эвакуации. Дойдя вместе со всеми до Яворово, они получили приказ вернуться обратно в Перемышль: положение войск несколько улучшилось.

В ночь с 10 на 11 мая отряд вернулся, а уже со второй половины 11 мая открыл питательно-перевязочный пункт на вокзале, сменив находившихся здесь полковых врачей. Вплоть до 10 часов вечера 20 мая, пока работал этот пункт, через него прошло 1169 человек: все они получили медицинскую помощь и довольствие из имевшегося в отряде вагона-кухни.

Особенно большим наплыв раненых был 18–20 мая 1915 года, в дни штурма Перемышля. Пришлось занять под перевязочную станционный буфет 1-го класса, разместить раненых почти во всех помещениях вокзала.

Условия были очень сложными. Город ежедневно бомбили с аэропланов, обстреливали из орудий тяжёлой артиллерии. Кроме отряда имени Русских техников, в Перемышле не осталось медицинских подразделений. Однажды рядом с перевязочным пунктом разорвался снаряд, опрокинув на землю раненых и санитаров, двое из которых получили лёгкие контузии.

П.И.: «Хозяйственный персонал отряда, несмотря на то что снаряды иногда ложились совсем неподалёку от вагона-кухни и даже разрушили станционный кипятильник, ни разу не прервал своей работы, благодаря чему обед на питательном пункте, который обслуживал в это время весь вокзал, всегда был готов своевременно».

20 мая началась общая эвакуация города, и отряд имени Русских техников вынужден был опять свернуть работу. Но и отступая в предоставленных им товарных вагонах, они вывозили раненых. Работал на эвакуацию раненых и обоз отряда, который курсировал из боевых зон в безопасную местность. Таким образом, отряд под руководством П.И. вывез из Перемышля 2266 человек.

Отряд был отведён во Львов и получил назначение возвратиться в Третью армию для обслуживания правого фланга. Началось спешное переустройство обоза, лазаретов и поезда. Ко всем хлопотам добавилась ещё и «перенакатка» поезда-склада с австрийской колеи на русскую: санитарный поезд пришлось оставить в распоряжении военных властей. Медицинский персонал пересел на автомобили, а часть отправилась с обозом, который пошёл дорогой, где линия фронта оказалась прорвана австро-германской армией. Однако же и на этот раз всё закончилось благополучно: 8 июня все части отряда собрались в Замостье и немедленно приступили к работе.

Здесь отряд пробыл до 17 июня, а потом вместе с отходившими войсками направился во Владимир-Волынский.

«Неустойчивое положение дел не давало возможности использовать наши силы и желание работать», – писал П.И. Можно сказать и по-другому: в боевой обстановке, отступая, отряд имени Русских техников делал всё, что в его силах.

Но во Владимире-Волынском, наконец, всё стало по-другому. П.И.: «С момента прихода во Владимир-Волынский начинается второй рабочий период деятельности отряда: намеченное на общих совещаниях во Львове распределение сил и средств выливается в окончательную форму, и, хотя далеко не в совершенной форме, [...] работа распределяется на несколько независимых частей, позволяющих лучше использовать его богатые силы и снаряжение».

Определённость выразилась в том, что у отряда появилась прочная база: лазарет на 150 коек, который «опирался» на железную дорогу. Мобильность обеспечивали четыре вагона и 25 повозок обоза. Если раньше отряд зависел от милости командования, то теперь началось формирование «своего» транспорта для отправки раненых с передовой в лазарет и далее. Лошадей, как водится, не хватало, и купить их было негде. Зато из Киева наконец-то прибыл санитарный поезд отряда – этого пришлось добиваться несколько недель.

На этом записи П.И. обрываются: он ничего не пишет, каково это – всё время отступать. Вообще нет никаких оценок или эмоций, только констатация фактов.

В архиве семьи по сей день хранятся фотографии с театра военных действий Первой мировой: вот П.И. в полувоенном френче стоит у автомобиля; вот следы пуль на городской стене, и понятно, что обстрел был серьёзным; вот весёлые медицинские сёстры смущённо смотрят в камеру; вот военный в шинели понурил голову возле свежих могил... Какие-то неизвестные люди, напряжённо беседующие за столом; множество лошадей с гружёными повозками; убитые солдаты; полевые кухни того времени – с огромными колёсами и дымящимися трубами. Какая жизнь кипела! Как всё это было важно и необходимо! Сколько слёз и крови тогда было пролито. Но всего век прошёл, и всё это кануло в вечность.

1917–1918 годы

В начале 1917 года П.И. исполнилось 43 года – самое время для больших дел. За плечами экспедиции по золотоносным местам Сибири, преподавание в Горном институте и на Курсах Лесгафта, учёба в Мюнхене, жизнь в Семиречье, Семиозерье и селе Лужно. Он побывал на передовой Первой мировой войны, видел смерть и кровь. Дочери исполнилось 15 лет, сыну – семь.

Всё было предопределено.

И тут вихрь истории поднялся, чтобы всё разметать.

Н.П. Орлова: «Февраль 1917 года. Была зима, которая становилась всё более и более голодной. Потом было напряжённое и возбуждённое настроение на улице. Павел Иванович всё куда-то уходил, приходил».

Новой нотой в симфонии жизни П.И. станет народное образование. Она и раньше звучала. В автобиографии П.И. писал: «Как в Горном институте, так и по окончании его, принимал довольно живое участие в общественной деятельности в области народного образования». Но теперь это вышло на первый план.

Более развёрнутый ответ П.И. дал впоследствии на судебном процессе над колчаковскими министрами в мае 1920 года: «Вся моя деятельность шла в области работы по геологическим исследованиям, преимущественно Сибири и Туркестана, и в области народного просвещения, главным образом по техническому внешкольному образованию. Эти работы доставили мне звание члена коллегии Геологического комитета, и я в 1915 году был избран заведующим географической секцией Геологического комитета. А по народному просвещению, по целому ряду работ, произошло то, что, когда случился переворот 1917 года, я предоставил себя в распоряжение министерства народного просвещения. Мне была предоставлена должность по техническому образованию. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 314.)

Согласно трудовому списку товарищем министра народного просвещения Временного правительства, с оставлением должности геолога Геологического комитета, П.И. назначен 7 апреля 1917 года. В ноябре 1917 года он от этой должности был освобождён. Во Временном правительстве П.И. занимался профессиональным образованием, а также являлся членом комиссии по реформе высших учебных заведений.

В момент назначения П.И. товарищем министра председателем Временного правительства был князь Львов, давний знакомый П.И. по ра-

боте в Земском союзе городов. Позднее председателем стал А.Ф. Керенский, хороший знакомый по Туркестанскому землячеству.

Министров просвещения за те полгода, что там работал П.И., сменилось три: ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929), известный русский востоковед Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) и Сергей Сергеевич Салазкин (1862–1932), директор женского медицинского института в Санкт-Петербурге.

В 1917 году П.И. был назначен ещё и комиссаром Средней Азии и Забайкалья – об этом рассказывает Н.П. Орлова в воспоминаниях, записанных на магнитофонные кассеты в 1990-е годы её сыном Романом Юрьевичем Орловым.

Из документальных подтверждений этому факту в архиве семьи есть только копия перевода петиции, поданной комиссару бухарскими купцами и ремесленниками. Она датирована 15 апреля 1917 года. Обращаясь к «солнцеподобному уму представителю могущественного государства Российского», жители священной Бухары просят сохранить на вечные времена наследственную власть падишаха: «Мы согласны со всеми повелениями, основанными на шариате и согласованными с нашими обычаями и устоями, кои являются для нас заветом. Со всем же тем, что будет противоречить шариату, мы не согласны».

Кроме того, есть упоминание о П.И., как о члене Турккомитета и комиссаре Временного правительства, в учебнике истории Узбекской ССР, изданном в Ташкенте в 1955 году.

Чем ещё был занят П.И. в судьбоносные дни?

Из письма к жене известно, что в июне 1917 года П.И. ездил в Пермь и заезжал на два дня к Н.В. Мешкову. Затем планировал на пароходах по Каме и Волге добраться до Самары, а потом уже ехать к семье, которая находилась в Оренбурге. Они уехали из Петрограда, потому что жить там становилось небезопасно: на его площадях творилась история, то есть лилась случайная кровь.

Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) в дневнике летом 1917 года записал: «Когда вечером мы шли по улицам, то оказались свидетелями неожиданных явлений: на улицах было шумно, маршировали солдаты с ружьями, шли толпы с плакатами «Долой министров-капиталистов», на наших глазах останавливали частные автомобили, владельцам предлагали выйти и вместо них устанавливали пулемёты». Он пишет, что в Петрограде стреляли и громили, и там вершилась судьба России.

Художник Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) тоже свидетельствует в дневнике: «Третий день нет газет, и “интереснейший роман”, в котором мы можем оказаться (хотя бы пассивно) участниками, прерван на полуслове. Чего только не могло произойти в Петрограде за субботу, воскресенье, понедельник и сегодняшний день!»

«Интереснейший роман» вскоре затронул всех: к осени стало совсем неспокойно.

В сентябре 1917 года семья Преображенских в Петроград не вернулась: уже стало тяжело с продовольствием и, как вспоминала Н.П. Орлова: «...Нужно было перебраться в более тёплые края. Обсуждался Харьков, Моздок и Кизляр. Хороши бы мы были, если б оказались там!»

Ей запомнился контраст между хмурым Петроградом и золотой осенью Оренбурга. Они застали кучу снеди на базаре, хлеб большими буханками. В Петрограде давно уже

такого не было – с марта 1917 года хлеб выдавали по карточкам, а осенью продовольствие почти совсем пропало.

В Оренбурге семья Преображенских пережила две смены власти, причём, по воспоминаниям Н.П. Орловой, обе пришлись на Рождество.

«Прежде всего – деваться было некуда. Было письмо к начальнице гимназии, куда меня приняли. Начальница же и устроила нас у себя. Октябрь, ноябрь, декабрь жили у неё. Базар за это время иссяк. Про Октябрьскую революцию прочитали в газетах. В Оренбурге никаких революционных событий не было. Октябрьский бунт застал папу уже в Сибири».

Она именно так и выражается: не революция, а бунт.

На судебном процессе над колчаковскими министрами Преображенский говорит, что после Октябрьского переворота «благодаря расстройству транспорта, я вынужден был очень долго двигаться от Владивостока до Оренбурга, где была моя семья» (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 315.)

При этом в архиве семьи сохранилось письмо из Иркутска, датированное 10 октября 1917 года. П.И. пишет сыну о том, что у них зима, что холодно, но снегу мало и потому больше ездят на колёсах, а не в санях, и что река Ангара не замёрзла и рыбаки удят рыбу. «Я живу в вагоне, который у меня устроен как комната»*.

Значит, дальше его путь лежал на Дальний Восток, а потом он повернул обратно и добрался до Оренбурга.

Работа Геологического комитета продолжалась, и в 1918 году П.И. был командирован для осмотра месторождения каменного угля в Тургайскую область (Казахстан). Но, как он вспоминает в автобиографии, написанной в 1944 году, «за невозможностью пробраться на место работы остался в Оренбурге, где работал в культурно-просветительном отделе местной кооперации». Рукой Н.П. Орловой на экземпляре, который хранится в семье, приписано: «и был одним из организаторов Высшей вольной школы». А профессор Поленов, рекомендуя П.И. на работу в Пермский университет, пишет, что он был ещё и директором этой Высшей вольной школы.

«Причём эта Высшая вольная школа должна была носить тип университета Шаняевского», – говорил П.И. на процессе в Омске.

В своё время Альфонс Леонович Шанявский (1837–1905) пожертвовал дом и около миллиона рублей на создание в Москве городского народного университета, студентами которого могли быть лица обоих полов, независимо от национальности и политических взглядов. К слову, Николай Осипович Палечек (1878–1937) в то время работал в министерстве просвещения и был разработчиком законопроекта о создании этого университета. Палечек был важной фигурой в министерстве. И именно он сыграл ключевую роль в создании Пермского университета в 1916 году, который стал делом жизни Николая Васильевича Мешкова. Но об этом чуть позже.

Сохранившаяся стенограмма процесса колчаковских министров передаёт нам словами П.И. обстоятельства его дальнейшей жизни.

«В апреле месяце [19]18 года я получил от Геологического комитета предложение принять на себя работу на западном участке Южно-Сибирской [железной] дороги.

---

* Приложение (№ II-10).

С целью выяснить этот вопрос я отправился в Петроград и затем с целой группой геологов отправился в Сибирь, проехав по Сибирской дороге в Екатеринбург. Здесь через нас автоматически перекатился фронт. Вся наша группа, человек 15, очутилась в Сибири. И ей [не] предоставлена была возможность [проехать] в том направлении, которое она получила от Геологического комитета. Я направился в Екатеринбург, где пытался осуществить указанные мне задачи. [...]

В октябре [19]18 года я был вызван из Екатеринбурга [...] профессором Сапожниковым для занятия должности товарища министра народного просвещения». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 315.)

Примечательно, что в официальной автобиографии П.И. честно пишет, что в Омске его вызвали с возникновением Сибирского правительства. Провозглашение адмирала Колчака Верховным правителем состоялось 18 ноября 1918 года.

Историк В.И. Шишкин, опубликовавший журналы заседаний Совета министров Российского правительства, обращает внимание на то, что в омском государственном перевороте есть легитимная составляющая. (*Шишкин В.И.* К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. Новосибирск, 2002.) Иными словами, к власти Колчак пришёл почти законно.

Тогда же министром просвещения назначили Василия Васильевича Сапожникова (1861–1924). А на заседании 19 ноября 1918 года в должности товарища министра был утверждён П.И. Вопрос о его назначении стоял девятым в повестке дня. До этого заслушали информацию о переговорах с дипломатическими представителями Франции и Англии относительно арестов членов Временного Всероссийского правительства и об изменении в конструкции верховной власти.

Новый министр просвещения Сапожников являлся учеником Тимирязева, и его имя к этому времени уже было вписано золотыми буквами в историю науки. Уроженец Перми, путешественник и учёный, исследователь Семиречья, Алтая и Саян, ректор Томского университета, Сапожников, как и Преображенский, происходил из «народной гущи», по сути из низов, и благодаря образованию выбился в люди, стал учёным. Большой патриот и подвижник науки, он умудрялся даже в условиях Гражданской войны организовывать экспедиции и проводить научные исследования. Так, в январе 1919 года он собрал в Томске съезд исследователей Сибири. У нас нет сведений, присутствовал ли там П.И., один из самых авторитетных учёных, изучающих богатства Сибири, но факт проведения таких форумов был одной из причин, по которой он оказался там, на той стороне баррикад, в «белой» Сибири.

К слову, и Колчак, полярный исследователь, без колебаний отправившийся на поиски пропавшей экспедиции барона Толля в Восточно-Сибирское море, о чём в начале века писали все газеты, вероятно, вызывал у Преображенского больше симпатий, чем профессиональные революционеры.

«Я считал Александра Васильевича Колчака безукоризненно честным человеком. И ни одного факта, который бы разбил мою веру в него, за весь последующий период мне не удалось узнать», – возможно под этими словами расстрелянного экс-министра труда Л.И. Шумиловского (1876–1920) мог бы подписаться и П.И.

Сам П.И. свои мотивы вступления в должность Омского правительства на процессе колчаковских министров изложил так:

– Руководствуясь теми именами, которые были, между прочим, в составе [Временного] Сибирского правительства, я был глубоко убеждён, что я начну здесь опять проводить ту работу и те же идеи, которые я проводил в работе Временного [Российского] правительства. Те изменения, которые были в составе Временного [Сибирского] правительства, для меня, правду сказать, ничего не говорили. Некоторые имена, которые уходили и оставались, были так же мне [мало] известны, как и те, которые фактически, как потом мне пришлось выяснить, играли выдающуюся роль. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 315.)

Иными словами, П.И. был убеждён, что работает на благо страны в законном правительстве.

1919 год

В воспоминаниях академика Ю.А. Орлова есть описание Омска 1919 года. Он был там проездом с Пермским университетом, эвакуированным в Томск: «Омск произвёл на меня сильное впечатление какой-то невероятной каши из военных, довольно многочисленных и бойких представителей тогдашней частной торговли, попросту говоря, ловких спекулянтов; масса фланирующей публики, каких-то нарядных женщин, множество ресторанчиков, пьяных, пьяных и ещё раз пьяных. Это был разгул разваливающегося тыла». (Академик Юрий Александрович Орлов. К 120-летию со дня рождения. М, 2018.)

Почти сразу П.И. понял, что попал не туда, критиковал Омский военно-промышленный комитет, а его представление о характере работы Совета министров «и лиц, его составляющих, – говорит П.И. на судебном процессе, – заставило меня просить министров, чтобы они отпустили меня на свободу».

П.И.: «Моя отставка была принята... [...] Но в этот момент по причинам, которые мне совершенно неизвестны, по каким-то, я не знаю, соображениям, в которых я никогда не мог разобраться, тот же В.В. Сапожников неожиданно уходит из министерства. И моя отставка, реально принятая, но формально не проведённая, не осуществляется. И на меня автоматически переходит ведение дел министерства». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 317.)

6 мая 1919 года Преображенский был назначен министром просвещения Российского правительства при Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке. Статья в Википедии трактует этот период так: «Первоначально рассматривал эту работу как временную, но после военных поражений колчаковской армии не счёл возможным бросить правительство и остался на своём посту. Разработал законопроект о единой школе, выдержанный в демократическом духе и не успевший стать законом из-за развала белого режима в Сибири. Был сторонником развития сети народных университетов, внешкольного образования».

Известно письмо П.И. председателю Совета министров правительства Колчака, в котором он просит «ввиду неясности политической позиции Кабинета [министров] всё же считать своё управление временным». Кроме того, он соглашался занять этот временный пост на совершенно определённых условиях – должен немедленно быть вызван другой профессор, кандидатура которого рассматривалась одновременно с П.И. и который

и должен был стать официальным руководителем. Но тот заболел, а потом фронт так быстро стал отходить на восток, что вопрос о руководстве народным просвещением отошёл на второй план. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 316–317, 624.)

Участие П.И. в заседаниях колчаковского совета министров стало впоследствии пунктами обвинительного заключения.

Так, согласно материалам процесса, подписи Преображенского стоят под решениями о выделении 72 млн рублей генералу Деникину на создание Особой Сибирской дивизии, 38 млн крон на нужды армии генерала Юденича, 100 млн рублей кредита на эвакуацию уральских горных заводов; под постановлениями о введении смертной казни за уклонение от призыва и дезертирство, хранение или ношение оружия; под положением о лицах, опасных для государственного порядка по причастности к большевистскому бунту, начатому в 1917 году, и т.д.

Из материалов судебного процесса мы знаем, что в августе-сентябре 1919 года Преображенский был болен, сентябрь и октябрь «прошли с ослабленной деятельностью даже и по министерству», а в октябре он уехал в отпуск в Томск.

Общее настроение того времени передал Ю.А. Орлов: «Бесхлебица, гнилая картошка, оборванность, потеря почтовой связи с близкими из-за возникавших в разных частях России малых и больших фронтов – всё это выводило из равновесия, дезориентировало многих. [...] Сыт только тогда, когда случайно поешь толком, в рваной, вечно мокрой обуви, в почти нетопленной лаборатории с холодным асфальтовым полом». (Академик Юрий Александрович Орлов. К 120-летию со дня рождения. М., 2018.)

Жена и дети П.И. всю первую половину 1919 года находились в Оренбурге. Они прожили там полтора года. Летом Наталья окончила гимназию, получила аттестат, и семья решила пробираться в Омск. Для этого нужно было переходить линию фронта.

Им помог какой-то крестьянин, взял в свой обоз.

«Необыкновенное было путешествие! – вспоминала Н.П. Орлова в 1997 году. – Ночи среди разнотравья!»

Притом что после Троицка они попали в сумятицу бегущих от красных. Неделю ехали в теплушке от Челябинска до Омска, а там встретили отца, который отправил их в Томск.

Н.П. Орлова:

«Один из первых разговоров, который мне запомнился по приезду, был такой. Павел Иванович спрашивал маму, как она решилась на такое путешествие. До него дошли слухи очень тревожные. Учительницы, с которыми мама сначала стоваривалась ехать, примерно на неделю нас опередили. И они на нейтральной полосе попались белым, которые их затаскали с проверками. И они совершенно уверенно говорили, что перебраться нельзя. Им это удалось с превеликим трудом. Поэтому папа нас и не ждал в Омске».

В Томске уже находился в эвакуации Пермский университет, и Н.П. Орлова вспоминает, что слушала лекции профессоров А.А. Рихтера (ботаник; [1871–1947]) и А.А. Полканова (профессор геологии; [1888–1963]).

Осенью 1919 года семья Преображенских отправилась в Иркутск, где они поселились в опустевшем Институте благородных девиц.

Н.П. Орлова: «Нам предоставили квартиру завхоза или административного лица, отдельный домик. Помню, что с нами до Иркутска ехали профессор Залкинд, дочь профессора Полканова Татьяна с маленьким ребёнком и Николай Осипович Палечек с сыном Алексеем. Вероятно, в то время в Иркутске к нам приходила Екатерина Васильевна Пермякова. Предполагаю, что она и устроила отъезд в США сына Палечека Алексея с Елизаветой Заварзиной (сестра профессора А.А. Заварзина. – *Прим. С.Ф.*), которая с американским госпиталем Красного Креста проезжала на восток».

В правительстве Колчака Н.О. Палечек был сначала директором департамента, а потом занимал пост товарища министра народного просвещения. В это время его жена, певица, гастролировала в США, и нужно было каким-то образом переправить туда сына-подростка.

Н.П. Орлова:

«23 или 24 декабря старого стиля 1919 года, на Рождество, неожиданно поздно вечером появляется взволнованный папа. Он говорит, что всё рушится, дальше отодвигаться некуда. Сказал, что Колчак чехами предан и арестован. Правительство к этому времени уже уехало на Дальний Восток. Помню разговор отца с мамой – эмигрировать или остаться. А ночью его арестовали местные красные. За несколько дней до этого к нам приходили какие-то люди. “Кто здесь живёт?” – спрашивают. Отвечаю: “Это квартира министра Преображенского”. Так что я была наводчиком явным. Они бы сами не нашли. Среди ночи пришли, его арестовали. Врезалась в память яркая луна, скрипучий снег, и его уводят из дома. Всё это было без ругани».

На судебном процессе П.И. сказал, что имел «полную возможность уехать, даже не вылезая из вагона», который был в его распоряжении в этот момент. Он говорил правду: как министру, ему полагался собственный вагон и открытый семафор до Владивостока. Но исключительная ответственность и врождённая порядочность заставили его поехать в Иркутск.

Омск, 1920 год

Н.П. Орлова:

«Мама пошла хлопотать, и папу отпустили на поруки. Они говорили: “Мы знаем Преображенского, к нему претензий у нас нет, но виноват он в том, что поддерживал правительство Колчака своим авторитетом”. Папа, мама и Юра жили на частной квартире в одном месте, я – в другом. Я ходила на лекции в университет, мы с папой гуляли по Ангаре. В одну из таких прогулок папа сказал, что не знает, что его ждёт в будущем. Но он прожил такую интересную жизнь, и что бы ни случилось, он ни о чём не жалеет. Ещё помню, что у нас стоял рояль, и можно было играть в четыре руки симфонии Гайдна. Знакомых у нас в Иркутске никого не было. Павел Иванович был обязан не уезжать из Иркутска, и был свободен делать что угодно. Но появилось начальство из Москвы, его снова арестовали и посадили в тюрьму. Мы с мамой ходили туда, носили передачи, помню решётки и что это было далеко.

Когда папу арестовали второй раз, Пермякова помчалась с письмом мамы в Петербург».

Согласно документам, вновь арестовали П.И. по постановлению Иркутской ГубЧК 24 марта 1920 года. За несколько дней до этого, 19 марта, Иркутский губернский совет народного хозяйства писал в Иркутскую чрезвычайную следственную комиссию, чтобы Преображенского не отправляли в Омск, а оставили здесь «ввиду того, что намечены геологические работы на территории Иркутской губернии, необходимо и важно присутствие [такого] компетентного в этом отношении лица, как Преображенский».

Сохранилось письмо П.И. из Иркутской тюрьмы.

«30 марта 1920 г. [...] одиночный корпус. [...] ...Так как у меня нет никакой уверенности, что нам позволят видаться в пути, а что будет дальше, никому неизвестно, то хочу использовать этот момент. [...] Для себя ничего особенно утешительного не жду, оч[ень] может быть, что в Омске не выпустят до приговора, а каков будет приговор – всё будет зависеть от политической обстановки момента. Во всяком случае, молить о пощаде не буду. Кто знает, может быть, вздумают повезти и в Москву. В Омске наш процесс будет назначен не скоро, и возможно, будет хотя бы временное освобождение на поруки, то попробуй действовать через директора Учительского института Николая Осиповича Рашкова, т.е. не может ли взять меня на поруки Учительский союз. Рашков на вид оч[ень] мрачен,

но считаю его приличным человеком. [...] Далее как бы ни направился процесс, старайся, чтобы хлопотало за меня больше организаций – напр[имер], Геологический комитет, Академия наук (через Ольденбурга), Оренбургское народное дело, Пермский университет. Основываясь чисто на деловых соображениях, им легче добиться и скорейшей ликвидации дела или изменения хотя бы и состоявшегося уже приговора в сторону предоставления мне возможности вести учёную работу.

Если бы вдруг оказалось, что меня более не выпустят и повезут даже в Москву, то оч[ень] тебя прошу туда уже не ездить, а хлопотать через других. Вообще западнее Перми детей возить нельзя, и если бы случись, что и Омском дело не ограничится, то полагаю – самое удобное переехать в Пермь. [...] Но всё это планы, пока ещё ни на чём не основанные, но я склонен сейчас строить предположения, может быть и умышленно более дурные, чем то, что мне грозит на самом деле, чтобы не получилось сюрприза, вроде неожиданного последнего ареста. [...]

Хотелось бы, чтобы дети не вынесли из всего этого ненужного озлобления и ощущения, что кто-то “лично” виноват. Того, что случилось, не исправишь, а их жизнь этим может быть отравлена, будет лучше, если тот же Юра постепенно поймёт, за какие идеалы мы боролись, и чему отдали свои силы**.

В тот же день П.И. пишет из Иркутской тюрьмы дочери: «Татуся моя, не знаю, придётся ли нам ещё раз говорить с тобою [...] Береги маму, ей так тяжело будет дальше, что без твоей помощи ей не выдержать. [...] За меня, что бы ни случилось, не беспокойся. Чистая совесть даёт мне такое спокойствие, кроме того, я прожил такую интересную и содержательную жизнь, так много пережил и перечувствовал, что испортить этого ничем нельзя, и отнять у меня моё имя никто не может. Мне и дальше остаётся лишь быть собой. Не хочу давать тебе советов. Постарайся быть доброй ко всем, и прежде всего к маме и Юре, а остальное приложится. Уверен, что ты будешь хорошо учиться: теперь это единственное умение и знание у тебя никто не отнимет и не реквизирует...»**

Н.П. Орлова: «Очевидно, это было в первых числах апреля, я была на лекции. Среди лекции в дверь входит Екатерина Пермякова и говорит, что папу отправляют с арестантским вагоном в Омск и семье разрешено его сопровождать. Мы выехали в начале апреля. Это был длинный состав. В вагоне классного типа, с решётками, ехали все члены колчаковского правительства, которые только остались, и даже те, кто возглавлял отдел печати. Семьи ехали через пару вагонов, в теплушке. Там были нары, железная печурка. На станциях можно было выйти, арестанты тоже могли выходить, но передавать им ничего не разрешалось, разговоры тоже не приветствовались. Вокруг – перевёрнутые составы, сожжённые здания станций, а через многочисленные реки переправлялись так: паровоз отцеплялся, а весь состав подталкивал к реке локомотив на полотно, которое было положено на лёд. На другом берегу его опять подцеплял локомотив. В Омск мы приехали в железнодорожное депо 18 апреля. Я помню, как все арестанты по лужам проследовали в пожарную каланчу с издававшимся [над ними] начальником Зорку. Нас приняли у себя Козыревы, они нам дали первый приют. Я спала где-то на столе, а мама и Юра у каких-то рабочих в доме вроде мазанки. Ещё нас привечала семья Слободчиковых. Николай Яковлевич был агроном. Это давние знакомые Павла Ивановича. Все

* Приложение (№ II-11).

** Приложение (№ II-12).

они были толстые, добрые, ласковые. 30 апреля, накануне 1 мая, возлагались надежды на послабления. Но власти разделались с Иваном Афанасьевичем (Козырев Иван Афанасьевич, начальник Омской железной дороги; род. в 1856, расстрелян 12 января 1920 по приговору районной транспортной чрезвычайной комиссии Омской железной дороги. – Прим. С.Ф.). Поторопились».

В Омске всё стало страшнее.

Письмо П.И. родным, написанное 14 мая 1920 года в Омской тюрьме: «К нам в камеру поместили проф. Новомбергского (Новомбергский Николай Яковлевич [1871–1949], профессор Томского университета, член правительства Колчака. – Прим. С.Ф.), бывшего до сих пор на свободе, и он принёс нам так много фактов, рисующих современные настроения и течения в Омске, что наша судьба нам представляется совершенно иначе, и я думаю, что это письмо ты получишь тогда, когда меня уже не будет в живых. Не скажу, чтобы я с удовольствием выговаривал эти слова и что всякая надежда во мне потухла, но, разбираясь объективно, я вижу, что из всех привлечённых к суду мало людей, которых бы можно было привлечь как действительно в чём-либо виновных, что придётся расправляться с наиболее выдающимися по положению, вне зависимости от их действительной деятельности; тогда, как ни выбирай, а я попадаю в первые 5–8 человек, для которых обвинение будет требовать смертной казни и которые её получают. Я так глубоко убеждён в этом после того, как узнал, что расстрелян святой И.А. Козырев, что о самом факте не хочется и говорить; надо быть каким-то безудержным оптимистом, чтобы, сравнивая себя и Козырева, не сделать соответствующих выводов. Кое-какая, оч[ень] слабая надежда может основываться на тех ходатайствах о моём освобождении, которые подают разные советские учреждения, но, судя по обвинительному акту, желание расправиться так велико, что такие пустяки, как мои знания и опыт, это тлен и суета и не сыграют никакой роли. [...]

Боюсь ли я смерти? Пробую себе отдать себе ясный отчёт и думаю, что нет. Я не хочу сказать, что уже совсем равнодушен к жизни: в ней ты, дети, любимое дело, но я шёл по определённой дороге, и раз волею судьбы она приводит к роковому концу, то что делать. Мучить ведь не будут, а конец это – момент. Постараюсь, чтобы душа не дрогнула и за время от приговора до казни, но это, конечно, увидите, [так как] сильно будет зависеть от обстановки.

В связи с ожидаемым концом все мысли о тебе и о детях, и больше всего, о чём я думаю, это о тех муках, которые будете переживать ты и Татуська. Мой мальчик, к счастью, мал для этого, но для тебя перспективы так тяжелы, что я прямо умоляю тебя помнить, что ты нужна Юре, что без тебя его гибель неминуема. Насколько только хватит сил, держитесь все вместе и друг за друга, авось тогда доживёте и до более светлых времён и будете иметь счастье видеть, что наша память и наша работа получают справедливую оценку»*.

---

* Приложение (№ II-13).

Судебный процесс

Профессор Владимир Шишкин в предисловии к сборнику документов «Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 года» (М., 2003) пишет, что председатель Сибревкома И.Н. Смирнов (1881–1936) готовил суд как «большой политический митинг».

Стены судебного зала пестрели лозунгами: «Здесь судят тех, кто по горам трупов, через реки крови пролагал дорогу власти капитала, кто душил голодом десятки миллионов рабочих Советской России, кто взрывал мосты и дороги, кто разрушал фабрики и заводы во имя этой власти», «Нет меры преступлениям колчаковского правительства, нет казни, могущей воздать за кровь и муки истерзанных им Сибири, Урала и Поволжья. Но пролетариат ищет не мести, а суда над этим правительством».

Для процесса было выбрано самое большое помещение Омска того времени – здание мастерских вагонного цеха на Атамановском хуторе. «В середине мая 1920 г. в течение нескольких дней около трёхсот военнопленных из числа бывших колчаковцев и офицеров польской дивизии приводили их в надлежащий вид: разравнивали землю; сооружали трибуну для членов трибунала, обвинителя, защиты и членов Сибревкома; делали и расставляли скамьи для подсудимых и публики, белили стены и развешивали транспаранты. Для доставки публики были организованы даже специальные поезда из Омска». Три рейса в районе 15 часов – туда, два в 22 часа – обратно.

Кроме того, Сибревком слал на места телеграммы с предложением «командировать крестьян [и] рабочих, [...] [из] наиболее пострадавших [от] Колчака местностей. [Командируемых] снабдить документами [и] деньгами [на] проезд сюда [и] обратно». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 24.)

Билеты на вход в судебный зал выдавались партийным организациям, профсоюзам, служащим советских учреждений и в ВЧК при Сибревкоме.

20 мая 1920 года, в первый день заседания, пришло около 8 тыс. человек.

На скамье подсудимых, огороженной высоким барьером и охраняемой вооружёнными красноармейцами, находились 23 человека. Адвокаты, привлечённые в порядке «трудовой повинности», расположились справа от трибунала. Слева было место для журналистов, которые вели фото- и киносъёмку. На центральной трибуне, за столом, разместились пятеро членов Чрезвычайного революционного трибунала.

Мизансцену, словно скопированную с гравюр процессов святой инквизиции, завершал гособвинитель А.Г. Гойхбарг, сидящий в торце стола.

Процесс шёл десять дней, до 30 мая, и с каждым днём публики становилось всё меньше. В последний день пришло около 3 тыс. человек. Да и то значительную их часть составляли доставленные в «добровольно-принудительном» порядке курсанты местных военных школ, курсов и красноармейцы частей Омского гарнизона, которые должны были изображать народный гнев и одобрение при вынесении приговора» (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 6–7.)

Н.П. Орлова: «Я, конечно, была на каждом заседании. Мама оставалась дома с 9-летним братом. На суде сначала разбирались общие дела, потом персонально каждого».

Обвинительное заключение было составлено заведующим отделом юстиции Сибревкома Александром Гойхбаргом, бывшим приват-доцентом Петроградского университета. Он же и играл первую скрипку на этом процессе. Подсудимым было предъявлено «обвинение в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян». «Бунтовщическая шайка» – назвал подсудимых Гойхбарг.

Преображенскому, как управляющему министерством народного образования, и Палечку, как товарищу министра, вменялись в вину ещё «рenegатство, спекуляция и интриганство, политика, ликвидирующая революционные завоевания в области народного образования. Кроме того, о них говорили, что «игнорирование общественности, недоверие к коллективным школьным органам было их тоном». А «на аресты, избияния и казни учащихся обезумевшими от реванша отбросами офицерства министерство вовсе не реагировало. Система подбора руководителей учебными заведениями воскресила систему самодержавия». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 39.)

Обвиняемого Преображенского стали допрашивать на четвёртом заседании, 23 мая 1920 года, в рамках пункта обвинения «Организация расхищения достоинства трудового народа России».

Читаем стенограмму.

Гойхбарг [задаёт вопрос Преображенскому]. Вам неизвестны телеграммы, которые посылаются по поводу Вашего дела от разных представителей науки, университетов и т.д.?

Преображенский. Не имею сведений.

Гойхбарг. Вам неизвестно, что от ректоров [разных] университетов присланы телеграммы, в которых указывается Ваша деятельность, что Вы являетесь как геолог самым видным исследователем золотых россыпей, каменноугольных копей Урала и т.д.? Эти факты соответствуют?

Преображенский. Телеграммы или факты моих работ? Простите, эта оценка принадлежит другим.

Гойхбарг. Если я не ошибаюсь, Геологический комитет командирует для особых надобностей лиц не только служащих, но пользующихся доверием и большим опытом в деле геологических исследований?

Преображенский. Да, да.

(Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 183–184.)

На восьмом заседании, 28 мая, Преображенскому предоставили последнее слово. Всю ответственность за деятельность министерства, начиная с мая 1919 года, когда он сделался официальным руководителем, П.И. принимает целиком на себя. «И никто, кроме меня, в ней не ответственен, – заявляет он. – Законопроект о единой школе проведён целиком мною по предварительному обсуждению. [...] И только желание министра-председателя, чтобы от имени министерства народного просвещения первым законом был внесён в Земское совещание закон о единой школе, помешал мне провести его раньше. [...] Я утверждаю, что [...] ни один факт, доходивший до министерства о преследовании, удалении или задержании лиц, подозреваемых в большевизме, не оставался без соответственного расследования со стороны министерства. Ни одного факта преследования кого бы то ни было со стороны министерства народного просвещения за принадлежность к большевизму или какую-нибудь [политическую] деятельность не имеется. И, совершенно наоборот, существует целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что педагоги, уволенные или арестованные за принадлежность к большевизму, получали не только защиту от министерства, но и соответствующее назначение, потому что это были безукоризненные люди». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 317–319.)

При этом П.И. говорит следующее: «Я считал своей обязанностью проводить ту линию, которой я всё время служил. Эта линия была, несомненно, [линией] определённой борьбы с советской властью». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 318.)

На девятом заседании настал звёздный час Гойхбарга, который, суммируя показания обвиняемых, обратился к трибуналу с зажигательной речью, говоря от «имени мирового пролетариата, который предъявлял счёт правительству Колчака, правительству богачей и кулаков». Преображенскому он поставил в упрёк то, что «в советской России единая [трудова] школа достигла таких результатов, которые ему и не снились. А выезжая из советской России, вы знали, что там вводится единая [трудова] школа. И вы хотели содействовать большевизму в местах, которые обогреты кровью при помощи ваших рук. О, как низко падают величайшие учёные, когда они связывают свою судьбу с интересами кучки грабителей, капиталистов и банкиров! Это страшное падение учёных, потерявших всякую идейную связь с наукой, внушает ужас рабоче-крестьянской России» и т.д. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 366.)

Затем предоставили слово защитникам.

Адвокат Ааронов сказал: «Всё же Преображенскому удалось отстоять интересы школы. Всё же Преображенскому удалось отстаивать учительство от посягательств и расправы атаманщины. Можно, конечно, считать эти попытки борьбы безнадежными, ненужными, попытками Дон-Кихота. Можно смеяться над неправильностью оценки хода вещей, над неправильностью анализа общественных взаимоотношений. [...] И, может быть, все подсудимые сейчас переживают трагическую минуту, когда они видят, что в действительности представляла собой колчаковская власть». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 376.)

Линия защиты состояла в том, что все подсудимые были людьми дела и старались уменьшить зло, каждый на своём участке работы. И не могут они отвечать за весь колчаковский режим, тем более что большинство из них были исполнителями, которые, имея возможность скрыться, не сделали этого.

Выступления адвокатов были такими яркими и сильными, что взбешённый Гойхбарг 1 июня послал телефонограмму заведующему Омским отделом юстиции Готлибу, назвав их контрреволюционными. Он требовал немедленно пересмотреть список коллегии защитников и оставить только тех, «которые намерены выполнять задачи, возлагаемые на них декретом о [советском] суде». (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 438.)

30 мая в полупустом зале огласили приговор. В тот день шёл проливной дождь, и большинство публики предпочло остаться дома. Тем более что развязка была предсказуемой.

Вину всех подсудимых трибунал посчитал доказанной. Четверых обвиняемых приговорили к смертной казни. «На несколько секунд установилась тишина, – сообщает очевидец реакцию зала. – Кто-то потихоньку всхлипывал. Видимо, кому-то стало жаль кого-то из четырёх приговорённых к смерти».

Исследователи пишут, что за приговорённых к высшей мере тогда пытались заступиться всемогущий председатель Реввоенсовета Троцкий, влиятельный большевик и противник красного террора Алексей Рыков, сестра Ленина Мария Ульянова, активная общественница Екатерина Пешкова, первая жена Горького. Но Москва на уровне Президиума ВЦИК отклонила ходатайства.

И.Н. Смирнов тоже был против помилования: «Осуждённые опасности особой не представляют, но помилование вызовет взрыв...»

Смертная казнь была приведена в исполнение в ночь с 22 на 23 июня. Бывший директор Русского бюро печати А.К. Клафтон, бывший заместитель министра путей сообщения А.М. Ларионов, бывший «врио» министра МВД А.А. Червен-Водали и бывший министр труда Л.И. Шумиловский были расстреляны.

Остальных приговорили к лишению свободы с «применением принудительных работ» на разные сроки. В приговоре градация наказаний была такой: смертная казнь; пожизненное заключение; лишение свободы до конца Гражданской войны; лишение свободы на десять лет и условный срок пять лет.

П.И. получил срок «на всё время Гражданской войны», Н.О. Палечка осудили на десять лет.

До и после приговора

Александр Гойхбарг после этого процесса пошёл в гору: с ноября 1920 года он уже работал в Москве – председателем Малого Совнаркома РСФСР, в Наркомате внешней торговли СССР. Но в 1948 году его арестовали за антисоветскую агитацию и поместили на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу Казани. Только в декабре 1955 года дело в отношении него было прекращено.

Н.П. Орлова в советское время пыталась найти информацию об Омском процессе: «Удалось найти омские газеты, но как раз тех номеров не оказалось». Ещё она вспоминает, что А.А. Червен-Водали, товарищ министра внутренних дел, которого приговорили к расстрелу, в тюрьме отдал папе письмо и часы. Мария Ростиславовна передала их его родственникам.

Документы доказывают, что политическое решение о выборочной смертной казни обвиняемых было принято ещё до начала процесса. Однако в ходе судебного заседания серьёзных доказательств вины бывших колчаковских министров не прозвучало. Поэтому процесс «спасал» Гойхбарг, а позднее стенограммы заседаний надёжно упрятали в архивы. «Подсудимые не разоблачают ни себя, ни колчаковский режим. [...] Публиковать такие показания обвиняемых и речи защитников – значит публиковать агитацию за Колчака», – написал рецензент, по всей видимости, сотрудник Института Маркса – Энгельса – Ленина, и документы этого процесса стали доступны широкому читателю только в XXI веке.

Мария Ростиславовна до конца своих дней была искренне убеждена, что П.И. избежал расстрела благодаря вождю мирового пролетариата. В 1964 году в частном письме она писала: «Великая благодарность В.И. Ленину за то, что не дал воли местным кровожадным властям».

К слову – о случайно-неслучайном пересечении. Памятник Преображенскому находится на улице Ленина, в квартале от краевой библиотеки имени М. Горького. Пролетарский писатель тоже приложил руку к этому делу: широко известна телеграмма Максима Горького от 22 мая 1920 года к В.И. Ленину: «Ходатайствую [о] смягчении участи Преображенского, крупного геолога, нужного стране». Но сам он, скорее всего, мог и не знать обстоятельств дела. Кто-то попросил его послать эту телеграмму.

Из стенограммы процесса, со слов обвинителя Гойхбарга, мы знаем о телеграммах из университетов, которые пришли в Омск. Он упоминает только Николая Петровича Оттокара (1884–1957), ректора Пермского университета в то время.

Как пишет первый биограф Преображенского Лидия Рафиенко, «определённые шаги предпринял Геологический комитет в Петрограде. Его почётный директор, академик, президент Российской академии наук А.П. Карпинский (1846–1936) и председатель Московского отделения Геолкома, а позднее его директор А.Н. Рябинин (1874–1942), знавший П.И. Преображенского не только по Геолкому, но и по совместной работе на Высших курсах Лесгафта, хлопотали за него».

Н.П. Орлова: «Папа раздумывал и с друзьями пытался найти ответ, как случилось, что он уцелел. “Что был нужным специалистом – несостоятельно, были и другие”, – рассуждал он. Не был членом ВКП(б) и своё криминальное (имеется в виду политическое. – Прим. С.Ф.) прошлое не выпячивал, но и не скрывал (кроме “трудовиков”»).

В 1965 году зять П.И., академик Орлов, тоже стал искать причины чудесного спасения тестя. Рассылал запросы разным людям, которые могли что-то знать.

«Для намеченной руководящими инстанциями книги на тему «Ленин и учёные», – писал он, – собираются разные сведения, в том числе о помиловании по указанию Ленина моего покойного тестя Павла Ивановича Преображенского, оказавшегося в смутное время министром народного просвещения в правительстве Колчака. Насколько помнится, за Преображенского хлопотал и Геологический комитет, и чуть ли не лично Карпинский. Жене моей помнится и фамилия Анатолия Николаевича Рябинина в связи с этим. Но после кончины Марии Ростиславовны Преображенской, моей тётки, вдовы Павла Ивановича, – основной источник информации в нашем семейном кругу ушёл».

Обращался он и к Екатерине Васильевне Пермяковой, которая в 1960-е годы жила в Днепропетровске на улице (как это символично!) академика В.А. Обручева. Она ответила длинным письмом, где пишет, что, приехав из Сибири в Москву, «я решила прежде всего повидаться с Николаем Васильевичем Мешковым; он был уже тогда консультант Наркомпути [...] (Мешков квартировал в персональном поезде Вениамина Свердлова [1886–1939], младшего брата Я.М. Свердлова, а для личных встреч с разрешения сестры пользовался комнатой в её квартире, в Мыльниковом переулке. – Прим. С.Ф.) Николай Васильевич очень внимательно, сосредоточенно меня выслушал, встал, взял меня за руку и сказал: идёмте разговаривать с Кремлём; телефон был в его комнате, он взял трубку, позвонил и вызвал Фотиеву Лидию Александровну (это личный секретарь Владимира Ильича Ленина) и спросил её: вот в данный момент можно видеть В.И. Ленина и лично переговорить с ним по очень важному, неотложному делу приехавшему из Перми преподавателю Пермского университета? Лидия Александровна ответила, что она узнает, и просила подождать у телефона. Через несколько минут сообщила, что она даст распоряжение охране у входа в Кремль, чтобы меня проводили до входа в Грановитую палату, а она там меня встретит, и чтобы я подошла к входу в Кремль и отдала паспорт».

Дальше идёт длинное описание похода в Кремль, итогом которого стало следующее: «Владимир Ильич выслушал последние слова, взял лист бумаги и быстро написал на целой странице, затем нажал на столе кнопку, вошла Лидия Александровна, он, передавая ей написанное, сказал: “Вот это написанное немедленно, спешно передайте по прямому проводу в Омск”. Затем встал и молча подал мне руку, а затем сказал: “Можете быть спокойны!”»

Вроде бы всё логично, так могло бы быть. Но дальше Е.В. Пермякова пишет, что она вернулась в Омск, пришла на квартиру к Марии Ростиславовне, которая «с радостным

видом и возгласом втянула меня в комнату, а в это время открылась из другой комнаты дверь, и вошёл сам Павел Иванович. Я была поражена и обрадовалась так, что на глазах показались слёзы. Он подошёл ко мне, радостный, довольный, положил на мои плечи свои руки и воскликнул: “Ну, Катенька, чем я тебя отблагодарю?” [...]»

На этом месте на письме Е.В. Пермяковой рукой Н.П. Орловой сделана приписка карандашом: «невообразимый ералаш».

Академик Орлов послал копию письма Лидии Александровне Фотиевой (1881–1975), бывшему секретарю Ленина, с просьбой помочь восстановить события. «В длинном письме Пермяковой имеется путаница; ей 80 лет, многое она, несомненно, путает», – пишет он.

Л.А. Фотиева ответила, что не помнит подробностей.

Действительно, чего-то, о чём пишет Е.В. Пермякова, не могло быть. Так, П.И. после трибунала в Омске домой не вернулся, поэтому не было и встречи со слезами на глазах. Она многое путает, но только не то, что Н.В. Мешков мог принять самое деятельное участие в судьбе П.И.

Николай Васильевич Мешков

Николай Васильевич Мешков родился под счастливой звездой. Так принято считать: как и П.И., ему удалось избежать страшной судьбы своих друзей и коллег, оболганных, расстрелянных, сосланных в лагеря, выданных из страны, ставших таксистами и монахами. Ему, одному из богатейших людей дореволюционной России, даже была дана милость умереть в своей кровати в 1933 году. Перед смертью он тяжело болел, и секретарь Ленина, та самая Фотиева, приходила кормить его: «Ну, Николай Васильевич, пожалуйста, съешьте ещё ложечку».

Н.В. Мешков родился в Тверской губернии в 1851 году. Ему пришлось начать работать подростком. Он вынужден был взять на себя заботы о матери и младших сёстрах, в то время как отец исчез в неизвестном направлении: уехал по делам фирмы за границу и «задержался» там на несколько лет.

На какие деньги в это время жила семья – не сообщается, но, учитывая традиции детского труда в России, других вариантов, кроме как начать работать, у Н.В. Мешкова нет. Но где он мог работать? Только на какой-то простой и неквалифицированной работе.

В воспоминаниях академика Орлова есть сведения, что будущий миллионер Мешков начал свою трудовую жизнь лоточником, продавцом ваксы и гуталина – исключить это нельзя, скорее всего, так и было. «Совсем юношей он участвовал в сплаве плотов по Каме и Волге вместе со взрослыми плотовщиками, спустился до Астрахани», – вспоминает его зять В.Н. Батюшков (1894–1981).

Затем отец Мешкова ненадолго вернулся, обучил 15-летнего юношу на практике основам бухгалтерии и тому, что сейчас называется менеджмент, и покинул этот мир навсегда.

В 19 лет Мешков приехал в Казань. Отец умер, и у матери и сестёр, которым 14 и 6 лет, теперь точно нет никаких других источников для существования, кроме его доходов.

О женской судьбе того времени очень коротко и ёмко написал Михаил Игнатъев (внук министра народного просвещения П.Н. Игнатъева [1870–1945]): «Участь моей бабушки была определена ещё более жёстко: быть послушной дочерью, затем верной женой. Главным и единственным событием в её жизни, от которого в известной степени зависела её судьба, было замужество».

Есть там и ещё более жёсткое определение: «Оба они (граф П.Н. Игнатъев и его жена. – Прим. С.Ф.) родились в те времена, когда прошлое человека было одновременно и его будущим».

Но в той человеческой страте, к которой относился Мешков, всё было несколько иначе. Как раз тогда, в последней четверти XIX века, открылось окно возможностей, и можно было стать кем захочешь.

Яркий тому пример – купец Иван Соболев, к которому Мешков поступил на службу, переехав в Казань. Бывший государственный крестьянин Архангельской губернии к 1870-м годам обладал не только значительным состоянием, владел домами в Казани, Нижнем Новгороде и Рыбинске, пароходами и баржами, но и, что немаловажно, обрёл политический вес – занял пост гласного Казанской городской думы. И дочь крестил в Казанском соборе Санкт-Петербурга! Это была настоящая русская мечта того времени: из крестьян в купцы и гласные думы.

Н.В. Мешков работал у Соболева несколько месяцев в главной конторе. «Ко мне присмотрелись, проверили мою работоспособность и неожиданно назначили полным доверенным Макарьевской лесной дачи (Нижегородская губерния) и по лесным заготовкам».

У Соболева Мешков за несколько лет сделал карьеру и покидал Казань уже востребованным специалистом по водным перевозкам.

В 1876 году Мешков приезжает в Пермь. Ему 25 лет, он – полный доверенный товарищества Волго-Камского пароходства. А тихая, богоспасаемая Пермь в это время переживает одну из самых стремительных трансформаций – в город, где кипит жизнь.

Новую энергию в Пермь вдохнула постройка железной дороги. Раньше город оживал только в период навигации, когда Кама и Чусовая освобождались ото льда. С севера шли барки с солью, пушшиной, чугуном и железом с многочисленных металлургических заводов... С южных губерний везли хлеб, мануфактуру, кожу... Железная дорога увеличила объёмы перевозок кратно. Кроме того, сам город вырос на железнодорожных подрядах, как на дрожжах: строился новый театр, открылись первый в городе книжный магазин Пиотровского и Алексеевское реальное училище, которое в будущем сыграет огромную роль в развитии промышленности региона, и т.д.

Примерно тогда же, далеко от Перми, уроженец Пермской губернии Пётр Чайковский пишет «Лебединое озеро» – драматичный гимн любви, где добро побеждает зло. Чёрный лебедь – так на фондовом рынке называют внезапное негативное явление, которое кардинально меняет всё, – прилетит в 1917-м. Но пока идёт 1876 год, стаи белых лебедей кружат над страной, всё растёт, и не о чем беспокоиться.

Н.В. Мешков стал управлять шестью грузовыми пароходами-баржами и 25 большими баржами, которые принадлежали пароходству. Навигация прошла очень успешно. На следующий год в дополнение к судам Волго-Камского пароходства он вместе с компаньоном М.И. Шулятниковым (1845–1893), инспектором Северного страхового общества, арендовал буксирный пароход. Причём деньги на аренду – 800 рублей – пришлось занять. Первая же навигация принесла арендаторам с одного парохода баснословную прибыль, которая перекрыла кредит в 6,5 раза.

Пароходство пыталось удержать такого работника, увеличив ему оклад в три раза, но того уже было не остановить.

– Хотите быть богатым – не служите, работайте на себя, – не раз говорил он своему молодому другу С.В. Грум-Гржимайло много позднее.

Мешков вошёл в свою реку и буквально, и фигурально. Пермь станет главным городом в его жизни: водные перевозки сделают Мешкова сначала обеспеченным, потом богатым, а затем выведут его на российскую орбиту, в разряд ключевых фигур отечественного бизнеса. Траектория у него получилась выше, чем у казанского купца Соболева!

Профессор Григорий Невмывака в письме 1967 года пишет: «Мне (для себя) было очень интересно знать, каково происхождение капиталов [Мешкова]? Нельзя себе представить, чтобы 16 млн рублей [...] были нажиты единолично человеком мешковского склада! Это ведь страшная по размерам сумма! [...] Думаю, здесь обязательно должны быть какие-то накопления в прошлом. Тем более [...] Николай Васильевич не был (живоглотом), высасывающим кровь у своих работников. Да и много ли насосёшь у одного зимогора?»

Накоплений в прошлом никаких не было – это очевидно.

Действительно, как удалось мещанину из Вёсьегонска за короткий срок стать одним из богатейших людей страны?

Банально, но свои капиталы Мешков заработал собственными деловыми и, что немаловажно, человеческими качествами.

Как управлял он своими делами? Колоссальное своё предприятие Мешков вёл, удачно выбирая себе помощников, без большого «подсобного» аппарата. Знавшие это удивлялись даже в те времена.

«Вся его канцелярия состояла из одной Маши, которая бегала на телеграф», – рассказывают про него.

– Я отправлял в день до сотни телеграмм, – говорил Н.В. Мешков.

А главным его помощником был преданный старообрядец Г.М. Чудинов, служивший ему верой и правдой 40 лет, вплоть до трагической гибели в 1918 году.

А ещё Мешкова отличала очень твёрдая воля. Вроде бы бытовой, но более чем показательный пример привёл В.Н. Батюшков в одном из своих писем: «Николай Васильевич очень много курил. Каждое утро ему на стол клали коробку папирос [...] в виде книги. В ней лежало 250 штук. Конечно, проходящие тоже что-то курили, но каждое утро «книга» клалась новая. Уже в конце жизни, после воспаления лёгких, врачи просили Мешкова не курить. И вот однажды он положил недокуренную папиросу и курить перестал».

«Из подчинённых соков не выжимал, – пишет Н.П. Орлова. – Был требователен, но система поощрения себя оправдывала, а на тогдашнем фоне давала ещё больший эффект. Вёл дела, преследуя не только свои, но общепользные цели, обеспечивающие успех. И главной силой был авторитет».

Редактор советской газеты «Большая Кама» Н.И. Дубилет в письме к Н.П. Орловой пишет, что он работал с 1941 года в Камском речном пароходстве и много общался с водниками: «Рассказывали, что, бывая на своих пароходах, он (Мешков. – Прим С.Ф.) давал по несколько рублей тем членам команды, которые проявляли усердие в работе. Рассказывали также, что, будучи консультантом Наркомата путей сообщения, приезжал в Пермь, то во дворе своего бывшего дома встретил знакомого дворника и сделал ему замечание, что нечисто убирает».

Н.П. Орлова: «Мешков считал, что отвечает за благополучие своих служащих, а в своём расположении к людям был очень постоянен. В 1913–1914 годах случилось, что у лучшего капитана пароходства затонули, столкнувшись у Сызранского моста, три баржи с зерном. Капитан был в отчаянии и сообщать об этом Мешкову никак не решался. Николай Васильевич узнал о происшествии из письма страхового общества, согласившегося выплатить страховку при условии увольнения капитана. Мешков возмутился: “Кто назначает и увольняет моих сотрудников? Отказываюсь от страховых премий, а капитан остаётся!”»

И ещё одно слагаемое делового успеха Мешкова: он был несуетлив. «Поспешность потребна только блох ловить!» – одно из немногих сохранившихся в памяти современников его любимых выражений.

У Мешкова была исключительная память. Однажды в Перми деловой человек зашел у него допоздна. Опасаясь идти с большим пакетом облигаций, он попросил Николая Васильевича оставить их до утра. Тот бегло перелистал большую пачку, и начинает записывать – серия такая-то, номер такой-то, не глядя на бумаги. Гость оставил облигации, не взяв ни расписки, ни перечня.

Что привлекало к Мешкову клиентов? Не только то, что он привозил грузы в срок. Но и то, что он был человеком честного, купеческого слова.

В.Н. Батюшков: «Имя его произносилось с особым уважением и почётом. Его слову верили безоговорочно. Все дела – денежные, арендные и т.п. проходили без всяких документов, только на честном слове».

Писатель Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) писал о нём: «Мешков трудился так, что вряд ли его могли понять люди тогдашнего интеллигентного круга. Бешено работая, кроме своего дворца сколотил целый флот на Каме и Волге. По всем пристаням сидели его доверенные, такие же остроглазые, как он сам, седые старики. И в Москве у Мешкова повсюду были отличные связи».

Доподлинно известно, когда Мешков вошёл в высшую лигу предпринимателей: в 1892 году. Тогда он по поручению пермского земства купил зерна на 1,5 млн рублей для пострадавших от засухи районов Пермской губернии. Контракт с ним заключили без торгов и задатка, что по тем временам было очень рискованно. Но Николай Васильевич Мешков никого не подвёл: зерно превосходного качества доставили в нужное время. Кроме того, действовал в этой ситуации купец бескорыстно, чтобы «своими знаниями и опытом помочь земству в тяжёлую для него годину».

С этого времени капиталы Мешкова только росли. Другие разорялись, а он богател: одно дело за другим переходило в его руки.

В.Н. Батюшков: «Кроме парохода, был многочисленный караван барж, тогда ещё деревянных. Они носили цвета Мешкова [...] белое – красное – белое. Пароходство росло. Появились пароходы “Забияка”, “Медведь”, “Медвежонок”. На сто тысяч рублей, полученных от Николая Дмитриевича Батюшкова, в Сормово был построен пароход “Батюшков”. [...] Мешков стал известен по всей Волге, Каме, Белой».

Н.П. Орлова пишет: «В обычае Мешкова было иметь самое новое, на самом высшем техническом уровне стоящее оборудование». В частности, пароход «Батюшков» (впоследствии имел название «Опора социализма») был тогда на Волге самым сильным, поднимал баржи вверх по течению. В.Н. Батюшков уточняет, что «Батюшков» считался

третьим по силе на Волге, но лучшим по конструкции. Первым был пароход «Крестьянин», вторым – «Редедя, князь Касожский».

В.Н. Батюшков: «Перевозя на своих баржах цемент Вольского завода, он понял необходимость расширения цементного производства. Близ Екатеринбурга было месторождение асбеста, единственное в России. Со своим пронизательным умом Николай Васильевич решил, что это одинокое предприятие требует расширения созданием комбината. В непосредственной близости от Асбеста он приобрёл небольшой участок с богатым месторождением подходящей глины для строительства большого Сухоложского завода. Управляющим стал Василий Лукич Крысов. Он успел построить отличный жилой дом, подготовиться к строительству завода. В Германии было заказано и оплачено оборудование. Конечно, самое совершенное, самое современное и, конечно, дорогое».

Дело происходило в 1914 году, перед Первой мировой войной. За три дня до объявления войны 110 вагонов этого заказа, находившиеся уже в пути, распоряжением германских властей были остановлены.

Эта история имела продолжение. По воспоминаниям вдовы Мешкова, в конце 1920-х годов к Николаю Васильевичу обратились «с просьбой из Внешторга через юридические инстанции – передать оборудование заводу. Мешков, ни минуты не задумавшись, только спросил: “Что нужно подписать?” Оформление прошло очень быстро и просто». Сухоложский цементный завод, кстати, до сих пор работает, отсчитывая свою историю с 1930 года.

В.Н. Батюшков: «Мне помнится, Николай Васильевич имел юридическое право на выделение ему какой-то доли, но не воспользовался им.

Талант Мешкова сказывался и в небольших по масштабу операциях. Году в 1910-м к нему пришли акционеры асфальтового завода где-то под Сызранью и предложили ему купить акции по 40 коп. номиналом 1 рубль. Тот предложил им 50 коп., но с тем, чтобы продать ему больше половины акций. Те с радостью согласились: завод терпел убытки из-за недостатка спроса. Николай Васильевич очень быстро [...] организовал в поволжских городах (Самара, Казань и др.) небольшие конторы по асфальтированию улиц на очень выгодных условиях. Вскоре спрос превысил сбыт, и асфальтовый завод стал доходным предприятием».

Даже по «шапке» делового бланка пароходства «Братьев Каменских – Мешкова» виден масштаб и география деятельности: конторы располагались в Акмолинске, Астрахани, Баку, Барнауле, Бийске, Варшаве, Вильно, Гавриловском посёлке Семиреченской области, Екатеринбурге, на Ирбитской ярмарке, в Казани, Камне, на Крестовской ярмарке, в Киеве, на Куяндинско-Боровской ярмарке, в Либаве, Лодзе, Москве, Нижнем Новгороде, Ново-Николаевске, Омске, Павлодаре, Петропавловске, Риге, Сарапуле, Семипалатинске, Симбирске, Самаре, Саратове, Тобольске, Томске, Троицке, Тюмени, Уфе, Царицыне, Челябинске, Чугучаке (Китай), Шадринске.

– Я никогда не стремился быть богатым, я работал, деньги и дела сами плыли мне в руки, – говорил Мешков.

В перечне недвижимости Мешкова мы видим все волжские города и ряд других. В Нижнем Новгороде ему принадлежал большой участок ярмарки – квартал Восточного базара с гостиницей.

В 1914 году Николай Мешков вышел на новую орбиту.

В.Н. Батюшков пишет об этом: «Николай Васильевич купил дело братьев Каменских. Оно состояло из пароходства пассажирских линий Пермь – Казань, Н. Новгород. Пароходы были несколько меньше пароходов волжских компаний (“Самолёт”, “Кавказ и Меркурий” и др.), менее комфортабельны. Но это была устойчивая линия, известная. Кроме пароходства, им принадлежало большое транспортное дело со складами, домами во всех крупных городах Сибири от Читы до Перми. И в этой покупке сказывался характер Николая Васильевича. Он не выторговывал особых льготных условий, относясь с уважением к потомкам братьев Каменских, которым дело принадлежало по наследству. Но они не были современными деловыми людьми, не умели двигать дело вперёд. Переход дела Каменских к Мешкову происходил через Московский банк, директором которого был Найдёнов. Насколько помню, стоимость дела оценивалась в 3 млн рублей. Было условлено, что в первый год пассажирское пароходство именуется “Братья Каменские и Мешков”, во второй год – “Мешков и Братья Каменские” и в третий – “Н. Мешков”».

Сам Мешков придавал огромное значение этой сделке. Она должна была стать частью его плана, который иначе как геополитическим и не назовёшь: он задумал строить железную дорогу Оренбург – Печора.

Дорога на Печору, к слову, так и не была построена. Много позднее Николай Мешков написал о своих планах более развёрнуто: «Учреждение общества Оренбург-Уфимской железной дороги было только началом решения большой, прогрессивной железнодорожной задачи. [...] Я рассчитывал, что как только наладится строительство нашей железной дороги на Север от Уфы к Перми и дальше, то тотчас наше товарищество снарядит надлежащие экспедиции для изучения и планирования водных и подъездных путей и обзаведётся подходящими пароходами и др. судами в Печорском и Припечорском бассейнах.

Ясное дело, что такое значительное пароходство, примыкающее в бассейнах рек Камы и Белой и Печоры к своей железнодорожной концессии, имеющее всюду свои пристани и склады, могло очень способствовать не только изысканиям и постройке дороги в смысле ускорения, удешевления и исправности подвозки рабочих, продовольствия и материалов, но и [в] особенности оживления всего Северного края».

Кроме флота «Товарищества братьев Каменских», к 1917 году Мешков приобрёл флот пароходств Фокина и Тупицына, Якимовых, Ржевика, Беклемышева, Кирьянова и Черных в составе 47 пароходов и свыше 150 непаровых судов, в том числе около 120 барж. Всё было готово к осуществлению масштабного проекта, но война, а затем революция разрушили планы.

К 1917 году число служащих у Мешкова достигло пяти тысяч, а штаб-квартирой с самого начала оставалась Пермь – именно там ему всё удавалось.

Дом Мешкова

Символом величия, дворцом растущей империи, стал дом Мешкова на набережной, который до сих пор является одним из красивейших в Перми. С его балкона хорошо видна изменчивая Кама: то цвета стали, отражающая угрюмое небо; то весёлая, безобидная речка с картин Возрождения, на берегах которой так восхитительно думать о дихотомии добра и зла; то опасная стихия, несущая горе и убытки; то Лета, одна из пяти рек забвения, которая катит свои волны через века и тысячелетия, равнодушная и к горю, и к радости.

Дорогу к особняку современники называли «Голгофой для лошадей»: крутой подъём в гору по булыжной мостовой был непростым испытанием. Опытные извозчики приспособливали под телегами железные пруты, которые не давали им катиться вниз. Дом Мешкова находился на середине пути, «в полугоре», как тогда говорили.

В.А. Игнатъев в книге «Старая Пермь» так описывает окрестности, ставшие местом действия и для Мешкова, а потом и для Преображенского: «Весь берег Камы, начиная с части его, лежащей против вокзала и далее на запад до “архиерейских” домов, был занят пристанями. [...] Летом всё это пространство представляло из себя муравейник: на приколах стояли пароходы, из них выгружались или в них вносились различные грузы; по мосткам и дебаркадерам пристаней взад и вперёд сновали “в путь шествующие” или прибывающие в город люди, или, наконец, просто празднующиеся обыватели города. В воздухе стоял гул от паровых гудков, от предупредительных криков носильщиков “берегись”, и слышались разноречивые голоса посетителей около складов, прилегающих к пристаням, двигались взад и вперёд телеги с грузами в город или за грузами к складам. Около складов и на мостках группами и в одиночку стояли грузчики-богатыри с широкими открытыми грудями, в широченных синих штанах и лаптях, в рубахах из грубоотканого льна и в шляпах. Всё пространство между пристанями было заполнено баржами, разбитыми плотами и просто отдельными брёвнами. Вода на всём этом пространстве была грязной: в ней плавали отбросы от пищи, осенью – корки от арбузов или выброшенные сгнившие арбузы. Воздух был пропитан запахами от разлагающихся продуктов и от древесины. [...] На берегу между пристанями лежали днищами кверху лодки, которые предприимчивыми хозяевами их отдавались «на прокат» за 15–20 коп. на день. Вдоль верхнего края всего пространства пристаней братьев Каменских

и Любимовых, против вокзала, расположена была целая гирлянда мелких лавчонок с разными съестными припасами: булками хлеба, пирогами, холодцами, квасом, фруктовой водой, арбузами и т.д. Всё здесь шумело, горланили зазыватели покупателей на дешёвый хороший товар. Здесь фланировали грузчики и подмигивали разбитным торговкам. Тут же шлялись жители “дна”, просили дать опохмелиться, ходили монашки с кружками “на построение храма”. С дороги все эти лавчонки заносило пылью, тучами летали мухи». (URL: http://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/dixi_et_animam_levavi_v_a_ignatev_i_ego_vospominaniya/staraya_perm.html © Автор сайта: В.Г. Бояршинов.)

Здесь, в доме Мешкова, прошла первая художественная выставка в Перми – свои работы представлял художник Алексей Козьмич Денисов-Уральский (1864–1926). Это же был и первый перформанс: жарко натопленный камин рядом с картиной «Лесной пожар» создавал эффект присутствия: и через сто лет об этом помнят!

Выставка открылась 26 декабря 1900 года в бельэтаже, там, где сейчас расположена экспозиция Пермского краеведческого музея. Художник сам дежурил на выставке и, по его словам, уставал, как «сатана перголя». С.В. Семенова, автор биографии Денисова-Уральского, пишет, что «город ещё не видел выставок живописи, и пермяки приняли художника куда радушнее екатеринбуржцев». Может быть и так, а может и по-другому: пермяки были людьми тонкими и образованными. По крайней мере, газеты губернского города посвящали этому событию целые полосы.

Выставка продлилась до января 1901 года и, как писали некоторые корреспонденты, «ввела новую струю в их умственную жизнь», стала явлением.

Для купца и мецената Николая Васильевича Мешкова выставка тоже стала событием. Это был его первый успешный, масштабный просветительский опыт. Через выставку художника Денисова-Уральского он мог поделиться тем, чем очарован был сам – дикой красотой Урала, его мощью и богатством. Возможно, именно тогда он принял решение направить свои капиталы не только на бизнес, чтобы делать новые деньги, но и производить то, что сейчас мы называем «общественное благо».

Дом Мешкова стал одним из первых общественных пространств в Перми того времени: там проходили разного рода собрания, учительские съезды и пр.

Революция 1905 года в Перми началась с того, что власти пресекли организацию «неразрешённого никем учительского союза» в доме Мешкова: и люди с революционными песнями двинулись по улице Сибирской, а вечером в саду Общественного собрания (сейчас – парк имени А.М. Горького) впервые подняли красный флаг.

Н.В. Мешков и революционеры

Сам Мешков революционерам сочувствовал. У него была своя история с Азефом. Якобы, вернувшись из Финляндии, он рассказывал о том, что один из людей произвёл на него страшное впечатление. Это оказался Азеф. Тем не менее деньги эсерам он давал. Но тут история скорее про дружбу, чем про политику.

Дело в том, что первым компаньоном Мешкова был Михаил Иванович Шулятников. Первый же пароход, который они арендовали, принёс им небывалый доход. Шулятников больше бизнесом заниматься не стал, уехал в Москву и вскоре умер. Мешков, богатевший как на дрожжах, очень дорожил этой дружбой и материально помогал семье бывшего компаньона. Так вышло, что дочь М.И. Шулятникова Анна, которой Мешков давал деньги, входила в Северный летучий боевой отряд эсеров, так называемый отряд Карла, опаснейшую террористическую группировку времён Первой русской революции.

Считается, что членов отряда выдал Азеф, который одновременно был и сотрудником охраны. Анна и её соратники были арестованы, судимы военно-окружным судом и повешены на Лисьем Носу в Петропавловской крепости. История эта больно отозвалась в стране. Писатель Леонид Андреев (1871–1919) написал об этом одно из лучших своих произведений «Рассказ о семи повешенных».

Н.В. Мешкова по этому делу тоже арестовывали, но быстро отпустили: не было состава преступления, кроме помощи сироте, дочери друга.

С другим террористом – большевиком Леонидом Борисовичем Красиным (1870–1926), который возглавлял боевую техническую группу при ЦК РСДРП, у Н.В. Мешкова сложились очень хорошие деловые отношения. Тот являлся генеральным представителем немецкой фирмы «Сименс и Шуккерт» в России, а Мешков – крупным заказчиком этой компании.

Товарищи по партии хорошо знали, что из себя представляет этот элегантный господин, «на котором костюм сидел так ловко, словно он родился в нём». Лев Троцкий (1879–1940) писал: «В качестве химика Красин знал, что такое динамит, в качестве политика не боялся его употребления». Более того, именно он был «крёстным отцом» всех большевистских экстремистов, разрабатывая планы боевых операций и вооружённых ограблений. Знал ли об этом Мешков?

Встречный вопрос: знал ли купец Савва Тимофеевич Морозов (1862–1905), что эти два человека – яркий писатель Горький и джентльмен,

представившийся Красиным, которые пришли к нему в гости и просят денег, используют его доброту и ресурсы против него же?

Максим Горький (1868–1936) позже очень цинично писал о разговоре, который предварял эту встречу. Красин говорил: «Так вот, мы решили просить вас: не можете ли вы использовать ваши, кажется, приятельские отношения с Саввой Морозовым? Конечно – наивно просить у капиталиста денег на борьбу против него, но – «чем черт не шутит, когда бог спит»! (М. Горький. Леонид Красин. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/leonid-krasin.htm>)

В мае 1905 года предпринимателя и мецената С.Т. Морозова нашли в гостиничном номере с простреленной грудью. Сам ли он убил себя, или ему помогли? Есть несколько версий таинственной смерти в Каннах. Однако, как бы ни интерпретировали факты, действующие лица этой трагедии неизменны: актриса Московского Художественного театра Мария Андреева (1868–1953), писатель Максим Горький и большевик Леонид Красин.

Поставим вопрос по-другому. Давал ли Н.В. Мешков деньги на революционную деятельность Красину? Как и Савва Морозов, не мог не давать: революционная повестка была самой прогрессивной и привлекательной на тот момент. «Улучшить положение рабочего класса», как писали в советских учебниках истории, тогда было действительно необходимо. Н.В. Мешков хорошо знал, что такое нужда, сам был из «гущи народной» и не мог не сочувствовать тому бедственному положению, в котором находились крестьяне и рабочие во всей Российской империи.

«Рабочему сословию должно быть представлено полное право собраний, право организовывать всякого рода союзы и другие общества для самопомощи и защиты своих интересов. В такой же мере все означенные права должны быть распространены и на сословие промышленников». Это цитата не из революционных прокламаций того времени. Это писал Савва Морозов незадолго до смерти. Что-то подобное мог сказать и Н.В. Мешков: известно, что он поддерживал забастовщиков Перми и Мотовилихи.

У Максима Горького оба купца упомянуты в одном из самых знаменитых его романов «Жизнь Клима Самгина»: «Слух о том, что Савва Морозов и ещё какой-то пермский пароходовладелец щедро помогают революционерам деньгами, упорно держала... и Самгин озлобленно и уныло думал: «Всё может быть. Всё может быть в этой стране, где люди отчаянно выдумывают себя и вся жизнь скверно выдумана».

В письме 1925 года, говоря о Савве Морозове, Горький пишет: «Таких у нас было немало. К ним принадлежит пермский пароходовладелец Мешков... С точки зрения марксовской, у всех этих людей “мозги набекрень”, но для меня это – настоящие красавцы и праведники, несмотря на все их прегрешения и недостатки».

Они все были хорошо знакомы.

Мешков знал и любил Савву Морозова, «пьянствовал», как он сам пишет, в Нижнем Новгороде с Горьким и Шалапиным. (Былое. 1992. № 5.)

«Добрейшему Николаю Васильевичу Мешкову на добрую память от Фёдора Шалапина и М. Горького». 4 сентября 1901 года, Н. Новгород» – фотография с такой надписью хранится в частном архиве. «Буревестник революции» писатель Горький в это время был на пороге своей большой славы, а Мешков уже состоялся как меценат и благотворитель.

Они познакомились «по издательским делам». Со слов вдовы Мешкова, к Горькому Н.В. Мешков относился «так себе». А с Шаляпиным, по мнению Батюшкова, перестал здороваться после того, как на одном спектакле тот в роли Сусанина вместе с хором встал на колени. Хористы о чём-то просили царя, но Мешков не мог этого простить Шаляпину.

Горький упоминает имя Мешкова и в связи с волжским миллионером Бугровым. Якобы тот говорил писателю так:

– Капризен человек... чуден... Вот Гордей Чернов бросил всё своё богатство и дело на ходу – в монастырь сбежал, да ещё на Афон, в самую строгость. Кириллов Стёпа, благочестиво и мудро жил, скромен и учён, до шести десятков дожил, закутил, поставил себя на дыбы, как молодой гуляка, на позор и смех людям отдал: «Всё, говорит, неправда, всё – фальшь и зло, богатые – звери, бедные – дураки, царь – злодей, честная жизнь в отказе от себя!» Да. Вот – Зарубин тоже. Савва Морозов, большого ума человек. Николай Мешков – пермяк, с вами, революционерами, якшаются.

Но максимально тему купцов великий советский писатель раскрыл в письме к писателю Константину Федину (1892–1974) из Сорренто в 1932 году: «Не совсем понимаю, дорогой Федин, чем может “соблазнять тайна” моих купцов? Тайна-то ведь очень проста. [...] “Прадеды и деды были крепкими земле” мужиками, веровали в законность рабства, ясно видели незаконные дворянской свободы, сами – при Екатерине – добивались права иметь рабов, а позднее и осуществляли право это, покупая мужиков на имя помещиков. Мужичья жажда “воли” была жаждой права на незаконные, ведь выгодность-то несправедливости вполне очевидна! Веками воспитанный раб крепко сидит в человеке, церковь же укрепляла его идеей рабства богу. И вот, “в страхе рабьем пребывающая”, не верит человек в прочность “свободы”, всё ищет предела её, всё пробует: и так – можно? а – эдак? Погружение в искусство, в филантропию не всякого купца удовлетворяло; Савва Морозов, калужанин Горбунов, пермяк Мешков и многие другие искренно и не без риска для себя помогали революционерам. Затем: ежели возможны были “кающиеся дворяне”, почему же не быть кающемуся купцу? И – далее: так же, как в С.Ш.Америки, наше купечество давало в третьем поколении очень много недорослей и дегенератов, – это объясняется истощением человеческой энергии в погоне за быстрой наживой. Взгляните-ка, как сказочно быстро богатели московские помещики, поволжские лесопромышленники и судовладельцы. И, право же, пред каждым стоял вопрос: всё ли позволено? И, “со страхом испытывая милость господню”, позволяли себе всё.

Литература наша пристально купцом не занималась. Для дворян-писателей купец – не герой, для разночинцев – хозяин и враг. Островский, “обличая” московского купца, умилялся: свинья человек, а забавный! Андрей Печёрский*, обличая в купце “раскольника”, преклонялся пред “деловитостью” купца. А – кто ещё серьёзно писал о нём?»

Купец для советской литературы был, конечно же, классово чуждым элементом. К слову, Константин Федин много позднее тайну купцов всё же решил раскрыть. В его романах «Первые радости» (1943–1945) и «Последнее лето» (1945–1948) есть неприятный персонаж – купец Мешков, владелец ночлежки. Но романы оказались слабыми и сейчас основательно забыты, несмотря на экранизацию.

* Павел Иванович Мельников (или Мельников-Печёрский, псевд. Андрей Печёрский; [1818–1883]) – русский писатель-реалист, публицист, этнограф-беллетрист.

Писатель Горький верно отметил – некоторые из купцов рано или поздно начинали думать: для чего это всё и как свой капитал употребить так, чтобы он принёс пользу. Шальные деньги, действительно, некоторых купцов толкали на странные поступки, но тех, кто выбирал благотворительность, общественное благо, было больше.

Примечательно и то, что была своего рода специализация. Так, Николай Васильевич Мешков не отмечен в благотворительности в пользу церкви или оперного театра, зато книги, книгоиздание, стипендии на обучение, библиотеки и, вершина всего – университет, были главным делом его жизни.

«Однажды в Нижнем, – пишет Л.А. Фотиева, – идя по улице, он увидел в окно полуподвального помещения юношу и девушку, которые разбирали книги. Он подошёл к ним и узнал, что они организуют библиотеку. Без всякой просьбы с их стороны он вынул пятьсот рублей и дал им на покупку книг. Какова была их радость! И таких случаев было очень много».

Книги были одной из главных ценностей жизни Николая Васильевича Мешкова. Не случайно в 1910 году он приобрёл знаковое, как сейчас говорят, издательство Флорентия Фёдоровича Павленкова (1839–1900), который завещал свой капитал на устройство бесплатных библиотек и читален во множестве небольших селений Российской империи.

Ко всему прочему, издательство с 1890 года выпускало серию «Жизнь замечательных людей», впоследствии «приватизированную» под бренд Максима Горького. Благодаря Мешкову издательство продолжило работу по списку, который сформировал Павленков. Так, только в серии ЖЗЛ вышли биографии М.В. Ломоносова, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского (1912), протопопа Аввакума (1913), Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова, А.С. Пушкина (1914) и т.д.

Мешков издавал «левые» журналы «Минувшие годы» и «Былое». Активным подписчиком последнего был Лев Толстой. «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я бы взял в обе руки по револьверу», – говорил он. Журналы в итоге с треском закрыли власти.

Н.П. Орлова: «Его размах, расточительность хлебосольного хозяина были бы “купеческими” у кого-нибудь другого, у Мешкова они имели особую форму: то это деньги кому-то на библиотеку, то на дом для высших курсов, для университета – на покупку озера (да-да, озера Аккуль в Башкирии для строительства профессорской лечебницы и кумысного курорта. – *Прим. С.Ф.*), на помощь многим и многим учащимся, революционерам, терпящим бедствие по сигналу SOS, был великим выдумщиком – всегда с доброжелательным, разумным “дальним прицелом”».

Доступность Мешкова была широко известна, и к нему со своими нуждами обращались очень многие и письменно и лично. «Не пускать» прислуге не разрешалось.

«Николай Васильевич выслушает, обычно расспросит о семье – дружная ли, учатся ли дети, и сам назначит помощь. Всех стипендиатов-студентов даже не помнил, поручая дальнейшее финансирование конторе», – вспоминала вдова купца Екатерина Мешкова.

И в этом смысле, возможно, П.И. был намного ближе Мешкову, нежели революционеры. Их с П.И. связывали не только Курсы Лесгафта, которым Н.В. Мешков помогал, а также возможные или действительные изыскания по железной дороге, но то, что на процессе Преображенский назвал линией, а являющееся на самом деле страстью, главным делом жизни обоих – народное образование, просвещение.

Известно письмо М.Р. Преображенской к краеведу А.К. Шарцу, где она пишет: «Кроме естествознания, Павла Ивановича с юных лет занимал вопрос о просвещении народа. Воспоминание об умственном и бытовом убожестве русской деревни, где он провёл детство (село Лужны Новгородской губернии), жалость к людям и желание им помочь были лейтмотивами всей его жизни».

Мешков, имевший только домашнее образование (по другой версии – Весьегонское уездное училище, но подтверждающих это документов нет), тоже считал, что просвещение народа может быть выходом из тупика, он благоговел перед профессорами, считал, что только «свет учёности» освещает путь, ведёт к всеобщему благу.

Создание Пермского университета в 1916 году – целиком заслуга Мешкова, восклицательный знак в его биографии. «Главный виновник торжества» – так называет его автор статьи об открытии вуза в газете «Пермские ведомости» и сообщает, что появление Мешкова на трибуне сопровождалось долгими, несмолкаемыми овациями.

Да и сам он от этого не отказывался, даже в 1926 году подписывая свои бумаги «Первый почётный член Пермского университета».

Цепь неслучайных случайностей и направленных постоянных усилий одного человека, который консолидировал пермское общество для благородной цели, привела к созданию места силы, которое способно было изменить огромный край в лучшую сторону. И история показала, что так оно и вышло: Пермский университет стал драйвером изменений территории, вывел её в число самых успешных и экономически развитых в стране.

Пермский университет

«Богатый Пермский и Уральский край стоит как-то особняком, вдали от научных центров, ближайший к Перми университет – Московский – находится в расстоянии 1482 вёрст, Петроградский – 1606 вёрст, Томский – 2060 вёрст, наконец, Казанский – водным путём 960 вёрст, а железнодорожным – около 2600. Итак, только один университет в Казани, бедно оборудованный, должен обслужить весь этот богатейший район вплоть до Зауралья и Сибири, ибо до Томска нет ни одного высшего учебного заведения. Но этот район не только богат, но своеобразен, но совершенно не изучен, потому что у него нет университета: он весь в будущем, он сулит широкие перспективы для всякого исследователя, который прикоснётся к нему», – писал Н.В. Мешков в 1916 году, обосновывая свою идею создания университета в Перми.

Спустя десять лет, в 1926 году, когда всё уже случилось – и хорошее, и плохое, он пишет пояснение, рассказывая о «чрезвычайных, исключительных трудах и усилиях наших, давших необходимый Пермскому краю университет».

Начинает он с истории постройки комплекса просветительных и оздоровительных учреждений, как бы мы сейчас сказали – социальной направленности, на юго-западе Перми. В зданиях, занимавших два больших квартала, размещались общественные бани с прачечными, склады, погреб, электрическая станция, а центром всего этого был огромный корпус ночлежного дома с дешёвыми столовыми, библиотекой, бюро труда, амбулаторией и т.д. Его спроектировали в скандинавском стиле, на башенке поместили часы, а на фасаде, высоко у крыши – надпись большими буквами: «Елене Ивановне Мешковой». Так звали мать Николая Васильевича, которая умерла в 1899 году и была для Мешкова образцом ума и любящей доброты. Чуть выше посвящения, шрифтом в два раза меньшим, чем имя, в две строчки нанесли латинское изречение: *mens sana in corpore sano**.

Предназначалось всё это великолепие для «бездомных тружеников», как называл их Мешков. В Перми это были большей частью неимущие водники. Город – портовый, и каждую навигацию сотни, тысячи людей устремлялись сюда на заработки.

Планировалось, что здесь, на Заимке, проложат асфальтовые дороги и ездить по ним будут автомобили, гаражи для которых расположатся тут

---

* В здоровом теле – здоровый дух.

же. Кроме того, в планах были постройка мельницы с электрическими двигателями и хлебопекарен, которые бы снабжали хлебом все рынки Перми и Мотовилихи и т.д. Венцом всего мог бы стать народный сад с площадками для детских игр, предполагалось, что он займёт ещё один участок размером в гектар, но Первая мировая война внесла свои коррективы.

Пермь находилась в глубоком тылу, но остро нуждалась в зданиях для мобилизуемых солдат. Ночлежный дом Мешкова для этих целей подходил как нельзя лучше: рядом располагались пристани и железнодорожный вокзал. Как и положено патриоту, Н.В. Мешков предоставил свои помещения военным абсолютно бесплатно.

Война продолжалась, и однажды, читая газету, Н.В. Мешков увидел заметку, в которой профессор Юрьевского университета К.Д. Покровский рассуждает о том, в какой город лучше этот университет эвакуировать.

«Читая и перечитывая упомянутый номер “Русского Слова”, волнуясь и не находя спокойствия для занятия обычными делами, я решил написать Пермскому обществу “Призыв к самопомощи”», – пишет Н.В. Мешков.

Вот так маленькая заметка в газете запустила цепь событий, колесо судьбы.

Дальше всё тоже было непросто, но помощь пришла, откуда не ждали. Второго человека, которому Пермский университет обязан своим рождением, звали Николай Осипович Палечек (1878–1937). Сын профессора Петербургской консерватории и главного режиссёра Мариинского театра пошёл по чиновничьей стезе. А женат он был на солистке Мариинского театра Марианне Борисовне Черкасской (1876–1934), происходившей из древнего княжеского рода.

Н.О. Палечек служил в министерстве просвещения с 1902 года. К 1916 году он ведал финансами всех российских университетов и считался одним из самых компетентных в области народного образования специалистов. Он знал профессоров и, как пишут его знакомые, «посмеивался, что они такие же честолюбивые, как артисты».

В первое время Мешков воспринимал Палечека скорее как противника, как препятствие своей мечте. Но именно Палечек и убедил Н.В. Мешкова в том, что не нужно добиваться эвакуации Юрьевского университета: «Всё равно будете чужими, а просите правительство открыть филиал Петербургского».

И всё удалось: по представлению заведующего высшими учебными заведениями Н.О. Палечека министр народного просвещения граф Игнатъев одобрил идею. Это решение стало судьбоносным для огромной территории.

Со свойственным ему размахом, Мешков решил в течение десяти лет вносить довольно большую сумму на содержание учебного заведения и обязался предоставить здания под университет на десять лет бесплатно. Когда он пишет об этом в письмах, всегда употребляет притяжательные местоимения: мой и мои. «Мои здания», «имени моей матери». Почему на десять лет? Расчёт был, что за это время «профессура привыкнет и полюбит наш интересный край».

Такая деталь: канцелярия Пермского университета и приёмная ректора размещались не где-нибудь, а в особняке Мешкова на Монастырской улице, в самом сердце его королевства.

Идея организации университета встретила сопротивление военных. По воспоминаниям Мешкова, «солдаты заявили, что “они – защитники Отечества”, что им тут хорошо

и что лишаться удобств ради университета, где и наука-то, наверное, “буржуйная”, они не желают. Местное военное начальство им также симпатизировало... А когда после целого года усиленных хлопот в министерствах и в Казани, перед генералом Сандецким, их, наконец, вывели (но не в 1916-м, а только в 1917 году) в специальные городские бараки, то, выходя, солдаты выломали радиаторы центрального водяного отопления, отбили штыками штукатурку в комнатах и разбили не только стекло, но и много оконных рам во всех этажах огромного здания».

Но поезд шёл на всех парах – не остановишь!

1 октября 1916 года Пермский университет был открыт. Возможно, в тот день стояла такая же пасмурная погода, как и в 2019 году, когда открывали памятник П.И. Преображенскому. Дул пронизывающий ветер, а низкие холодные тучи обещали дождь или снег, а может быть, и то и другое. Но это был один из счастливейших дней в жизни города. В городском театре давали оперу «Евгений Онегин», а радостные новоиспечённые студенты с песнями гуляли по главной улице Перми – Сибирской.

В планах Мешков вынашивал устроить самый лучший университет, «краше которого не было бы в других странах», оснастить его коллекциями и первоклассным оборудованием. Возможно, в этом была изрядная доля честолюбия: университет располагался в «моих зданиях», в доме «имени моей матери», но масштаб задачи и благородство цели от этого не уменьшались.

Кроме того, важно было привлечь и самые лучшие кадры. Есть свидетельство академика Ю.А. Орлова, который, ссылаясь на мнение профессоров, говорит, что Н.В. Мешков поразительно хорошо разбирался в людях и отличал патриотов Пермского университета среди профессуры, самоотверженно взявшейся за дело создания университета, от гастролёров или «апатичных в этом ответственном деле».

Даже после революции какое-то время Н.В. Мешков имел возможность помогать своему университету.

По крайней мере, по воспоминаниям писателя Всеволода Никаноровича Иванова, который поздней осенью 1918 года был у него в гостях как представитель пермского университета, Мешков говорит следующее: «Приедешь, скажи там и ректору Константину Дормидонтовичу*, и господам профессорам, что-де я, Мешков, душу за науку отдам и всё, что положено, что обещал, – всё сделаю. Скажи, что мне Яков Михайлович хорошо помогает... Вот у меня телефон напрямую к нему. Да отвези им, совету университетскому, сахарину килограмм, чтобы чай было легче пить, сахару-то ещё долго не будет».

Яков Михайлович – это Свердлов (1885–1919), революционер, один из руководителей Октябрьской революции, председатель ВЦИК.

Свой очерк Иванов завершает так: «Я видел, как Мешков сидел здесь, под самым Кремлём, словно под Ниагарским водопадом, и пытался спасти своё дело. Он был отважен, этот мужик, пришедший в Пермь в лаптях. Он думал пересидеть революцию... Это было ясно!»

В лаптях Мешков не приходил, а остальное всё верно. Он надеялся, что всё вернётся в прежнее русло.

* Покровский Константин Дормидонтович (Доримедонтович; [1868–1944]), астроном, профессор. Ректор Пермского отделения Императорского Петроградского университета (1916–1917), первый ректор Пермского университета (1917–1918).

Пермский университет под властью большевиков

После революции Н.О. Палечек был вынужден покинуть свой пост в министерстве просвещения, и в 1918 году оказался управделами Пермского университета.

Пермь в тот период была «под большевиками», но, по словам Н.В. Култашева, который стал ректором в конце мая 1918 года, «местной власти было не до университета, хотя имели место разного рода мелкие столкновения с местными органами управления, вроде захвата некоторых университетских помещений, назначения комиссаров над недвижимым имуществом, находящимся в пользовании университета, установления рабочего контроля над мастерской университета, в ходе которых университету приходилось иметь дело с невежественными, подчас малограмотными людьми и, во всяком случае, не понимающими ни университетской жизни, ни значения университета».

По сравнению с тем, что произойдёт в будущем, столкновения 1918 года, конечно же, выглядели незначительными. Однако, по сравнению с предыдущим строем жизни, который условно можно назвать размеренным и законопослушным, они были вопиющими.

Началось всё в январе. В ночь с 12 на 13 января в одно из помещений университета, которое находилось в доме Камчатова (сейчас – Куйбышева, 9. – *Прим. С.Ф.*), явились вооружённые лица. Они назвали себя Красной гвардией и потребовали впустить их, угрожая применить силу. Зайдя в помещение, они отключили телефоны и стали искать оружие. Открывали шкафы и вскрывали ящики с книгами и личными вещами. Из кладовой забрали четыре «берданки», которые принесли студенты, охранявшие университет во время ноябрьских событий 1917 года. В советское время то, что происходило в Петрограде, будут называть Великой Октябрьской социалистической революцией, а в Перми был обычный пьяный погром, который продолжался несколько дней. Справедливости ради скажем, что подобное происходило во всей Пермской губернии: в Кунгуре разгромили милицию и тоже грабили магазины и торговые лавки, в Осинском уезде весь запас находившегося на Михайловском заводе хлебного спирта слили в реку – только бы не достался погромщикам.

В Перми толпа громила магазины и особенно пивные и винные склады. Чтобы остановить грабежи, решено было слить алкоголь в канализацию, но это только усугубило положение. Люди срывали решётки канализации и черпали алкоголесодержащую жидкость во всё, что попадётся,

и тут же пили. Беспорядки усиливались, в городе слышалась стрельба. В этих условиях университетские лаборатории, в частности гистологическая, где использовали спирт в больших количествах, нуждались в охране. Для этих целей оружие взяли в магазине и обещали вернуть.

Несмотря на объяснения служителей, лица, называвшие себя Красной гвардией, «берданки» забрали, а после их ухода на повестке собрания историко-филологического факультета, лежавшей на окне в передней, оказались написанными какие-то фамилии и несколько нецензурных ругательств.

Что сделал Совет Пермского университета? Он констатировал, что на помещение университета был произведён налёт вооружёнными лицами, называвшими себя красногвардейцами, и заявил решительный протест, который был опубликован в газетах. (Журнал экстренного заседания совета Пермского университета № 2/34 от 13 января 1918 года / ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3.)

В прежние времена протест, возможно, и возымел бы своё действие, а виновные понесли наказание, но тогда, в 1918 году, бездна только начала расширяться.

Под предлогом муниципализации были конфискованы все стройматериалы, заготовленные Н.В. Мешковым для нужд университета, а в его помещения, в том числе профессорские квартиры, местные власти начали выдавать мандаты на вселение. Так, в зданиях на Заимке поселились, как они названы в документах, «беженцы-члены коммунистической партии». «Заняв эти помещения, беженцы портят [их], обращая, например, вентиляционные каналы в отхожие места, расхищая университетские дрова и доски на отопление, бесплатно пользуются электрическим освещением и водою, пользуются кроватями студенческого общежития и т.п. Затем, как обнаружилось во время обыска, некоторые из беженцев имеют оружие и ручные бомбы, что всегда может вызвать несчастные случаи». (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 10. Л. 69.)

1918 год принёс университету ущерб там, где никто не мог предположить. Раньше такое было абсолютно невозможно: в сейфе Московского промышленного банка пропали пожертвованные пермскому учебному заведению купцом Н.А. Кропачевым коллекция монет и серебряная статуэтка Будды. Правление Пермского университета делало отчаянные попытки узнать их судьбу, однако безуспешно. (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 11.)

Ю.А. Орлов вспоминает август 1918 года на Биологической станции Пермского университета в Нижней Курье так: «Вдруг раздался конский топот и почти сейчас же вслед за этим громкий стук в ворота: “Немедленно отворить для постоя!” Большой отряд кавалерии прискакал из Перми и располагался по дачным домам; от Биологической станции в Нижней Курье, на которой в то время работали почти все университетские биологи, постоя кавалерии удалось “отвести” как от государственного учреждения. Однако на другое утро и на станции был обыск – искали оружие. Но комнаты, заставленные столами с микроскопами и банками, наполненными живностью, поразили красноармейцев. “Тут и искать-то нечего, всё и так видно”, – говорили они. Оружия, конечно, никакого не нашли, но у всех обнаружили беспорядок в документах. На университетских удостоверениях печати были без советского герба. “Всех вас надо арестовать”, – сказал командир отряда и приказал всем нам, кто был тогда на станции, выстроиться на улице в шеренгу. Ни директора станции Д.М. Федотова, ни замещавшего его А.А. Заварзина

при этом не было. [...] Другие подошли позднее, возвращаясь с экскурсии. “Вот и комиссар ихней команды”, – сказал комиссар Нижней Курьи тов. Пупов, указывая на Властова. Начальник отряда был в полном изумлении при виде компании и молодых, и пожилых людей, вооружённых какими-то банками, сачками, планктонными сетками. [...] Пупов не любил Биологическую станцию, считал её “буржуйской затеей” и, надеясь на то, что ей пришёл конец и что можно будет взять здание для других дел, всё время подзуживал командира отряда. Но острота положения вдруг неожиданно смягчилась. “Когда у вас начало занятий в университете? – неожиданно спросил командир отряда, – я тоже подал заявление на приём”. Разговор сразу перешёл на “академические” темы, и нас всех отпустили с миром». (Академик Юрий Александрович Орлов. К 120-летию со дня рождения. М., 2018.)

Кроме того, новые власти ввели свои правила приёма в университет: теперь, по большевистскому декрету, первоочередное право зачисления имели выходцы из рабочих и беднейшего крестьянства, приёмные испытания были запрещены, а в лаборатории студентов допускал совет старост. «Насаждались своего рода университетские комитеты бедноты», – так позже назовёт новые порядки один из бывших ректоров.

Есть воспоминания о том, как профессора Пермского университета Алексеева заставили читать лекцию по химии взрывчатых веществ перед солдатами Пермского гарнизона. «Это перед солдатами старших возрастов, этаких мужиков – борода лопатой... Если они в театре слушали оперу, то всегда приходилось из-за шиворота выгребать шелуху от семечек, потому что они, сидя на галёрке, щёлкали семечки и плевали прямо в зал». Профессор вышел на сцену в одеянии алхимика со всякой мишурой и звёздами и более двух часов читал им лекцию, а потом устроил на сцене опыты со взрывами и дымом. «И никаких семечек, никакого шума в зале не было», – вспоминает корреспондент. (Пермский университет в воспоминаниях современников. Изд-во Томского ун-та, Перм. отд., 1991.)

В октябре 1918 года события приобрели угрожающий оборот. Губернская чрезвычайная комиссия решила проверить кассу университета. Это стало предлогом для ареста советника правления Н.О. Палечека, казначея и помощника секретаря правления. Был ордер и на арест ректора Н.В. Култашева.

Профессора университета А.А. Заварзин и Н.П. Оттокар пошли в ГубЧК разбираться в произошедшем, но тоже были арестованы. Они несколько раз в письменной и устной формах требовали объяснения причин ареста, но никто им ничего не объяснил. Зато у всех арестованных узнали адреса и в тот же вечер провели обыски. У профессора Оттокара конфисковали рукопись его книги про средневековые города Франции.

Допрашивали арестованных только на следующий день. «Причём следователем были предложены профессорам и Н.О. Палечеку вопросы, во-первых, о том, не состояли ли они товарищами министра народного просвещения при царском или Временном правительствах, затем были затребованы объяснения о порядке делопроизводства в канцелярии правления университета и о причинах скопления большого количества денежных знаков в казначействе университета. Следователь ссылаясь при этом на декрет, доподлинно ему неизвестный, по которому будто бы в кассе не могло быть более 10 тыс. руб., а на руках казначея – больше 50 руб. Следователю было указано, что декрет о сдаче наличности был опубликован накануне ареста и потому исполнен быть не

мог, и что упоминаемый следователем и доподлинно ему неизвестный декрет совершенно неизвестен и арестованным членам правления». (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 10. Л. 141–141об.)

В конечном счёте всех арестованных выпустили, а Пермский университет сделал своей главной тактикой в отношениях с властями саботаж.

На требования большевиков об эвакуации университета при приближении белых, ответ был уклончивым: мол, университет – это собственность местного населения, здесь его родная почва, а «при создавшихся в Перми условиях эвакуация сопряжена с гибелью научного имущества» и т.д.

В общем они, как и многие другие учреждения и промышленные предприятия Перми, никуда не поехали. Были брошены и вооружение, и продовольствие. Количество захваченной в Перми военной добычи трудно было даже учесть, признаётся солдат Белой армии.

В историю эти события войдут как «Пермская катастрофа», а свердловские большевики после этого будут называть Пермь не иначе, как «старая саботажница».

Когда в декабре 1918 года в Пермь вошли лихие сибирские стрелки генерала А.Н. Пепеляева, и город был взят белыми, занятия в университете начались сразу же после рождественских каникул.

Правда и то, что Пермский университет стал кадровым резервом для Омского правительства: профессор Н.В. Устрялов был приглашён на работу юрисконсультom Совета министров, а затем возглавил Бюро печати при правительстве, профессор И.А. Антропов стал юрисконсультom управления делами Верховного правителя и членом комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера, профессор А.Н. Круглевский стал юрисконсультom министерства внутренних дел, а уже знакомый нам Н.О. Палечек возглавил департамент в министерстве народного просвещения, которым руководил П.И.

Одним из самых ярких документов того периода является «Обращение к иностранным университетам по поводу переживаемого Россией бедствия большевизма», которое написали профессора Пермского университета весной 1919 года.

Большевиков они называют «захватившими власть самозванцами, действующими от имени народа», которые растлевают его душу и губят его богатства. В документе сказано, что большевистская власть привела к невыносимым условиям жизни, произволу комбедов и чрезвычайных комиссий, голоду и массовым болезням.

Всё, что произойдёт в ближайшие годы, пермские учёные видели уже тогда: «Культуру большевики понимают чрезвычайно своеобразно, отрицая необходимость бережного к ней отношения и не признавая культурной преемственности. От школы они требуют, чтобы она давала такие знания, которые немедленно повели бы к созданию коммунистически настроенных людей. [...] К науке, университетам отношение их тоже своеобразно, [...] уничтожая понятие научного ценза, чтобы открыть дорогу к преподаванию в высшей школе недоучившимся фантазёрам, выдающим себя за учёных. Покровительствуя тенденциозному преподаванию, они ведут поход против тех отраслей университетского знания, которые, как право и история, считаются ими ненужными и даже вредными».

Н.В. Мешков и большевики

Возможности уехать из страны у Мешкова были. Более того, раньше он за границей бывал. Из донесений охраны мы знаем, что в 1896 году Николай Васильевич выезжал в Каир через Вену и Константинополь, посетил Иерусалим, Неаполь и Париж. Но, похоже, впечатлён не был. Н.П. Орлова записала слова вдовы: «В тяжёлую пору разрухи Мешкову предлагали уехать за границу. Каюсь, предлагала и я. Но он отвечал: “Если хочешь, деньгами обеспечу, уезжай, а я не поеду. Что родине, то и мне”».

Не стал он и бизнес продавать, хотя ему предлагали. Об этом пишет Н.О. Палечек: «Мне пришлось видеть Николая Васильевича в один из наиболее трудных моментов его жизни, когда так ярко проявился его беззаветный патриотизм, в жертву которому он готов был принести всё своё состояние. В начале 1918 года, когда ещё пароходства не были национализированы, Николай Васильевич получил несколько предложений от иностранных компаний продать им дело, обещая спасти его от национализации и сохранить за ним участие в деле. Но он не мог допустить, чтобы внутренние пути сообщения, это, по его выражению, кровообращение страны, перешло в руки иностранцев, и отклонил все такие предложения».

Письмо написано в 1933 году, Палечек им выражал соболезнования в связи со смертью Николая Васильевича, поэтому высокопарный стиль уместен и оправдан.

В феврале 1918 года пароходство Мешкова было национализировано. Как вспоминают очевидцы, протест Мешкова касался лишь того, что на складах хранятся доверенные пароходству товары и они расхищаются: «Пароходы мои, а товары чужие». Якобы он даже говорил: «Правильно, что конфисковали, но почему без описи». Эта прямая цитата из письма Фотиевой очень любима публицистами. Они толкуют её как факт признания революции и лояльного отношения к советской власти.

Известно также, что он посылал в Совет солдатских и рабочих депутатов, который занимался национализацией, своего сотрудника, предлагая сохранить за его, Мешкова, счёт всё содержание бухгалтерии. Ответ был: «За свой счёт! Его арестовать надо!»

Уже после полной конфискации капиталов Мешкова отдельные города, где были его конторы, налагали на него «чрезвычайный налог», каждый свой. В записях Н.П. Орловой рядом с этим абзацем есть зачёркнутая фраза: «В итоге он равнялся многим миллионам».

В изложении Н.И. Дубилета события выглядят так: «В январе 1918 года в Москву съехались с Волги и Камы представители коллективов затонов, пристаней и судов, принадлежащих “Товариществу братьев Каменских и Н.В. Мешкова”, чтобы обсудить меры для обеспечения своевременной подготовки к навигации. Этот вопрос был тогда очень острым. После Октябрьской революции судовладельцы сразу перестали финансировать работы по поддержанию транспортных средств. Хозяйство разваливалось. Рабочих увольняли. Понятное дело, что отношение к судовладельцам было накалённое. Но Мешков пользовался настолько великим авторитетом, что прибывшие в Москву представители коллективов его предприятий, узнав о предстоящей национализации флота, вынесли решение избрать его комиссаром будущего народного пароходства. Когда Мешкову сообщили об избрании, он не стал уклоняться от предложенного поста, а проявил большую заинтересованность в судьбе пароходства. По его настоянию была избрана делегация, которую направили в Петроград информировать центральные советские органы о том тяжёлом положении, в котором оказался речной транспорт на Каме и Волге.

Доверие делегатов от рабочих и служащих фирмы растроголо Мешкова. Вот протокольная запись его выступления: “Выражаю вам мою благодарность. Это первый и единственный случай, когда служащие выбирают предпринимателя комиссаром. Соглашаюсь работать, если только в Петрограде допустят, чтобы меня утвердили комиссаром”...

Реалист, привыкший смотреть на вещи трезво, он понимал, что злостный саботаж судовладельцев, прилагавших все усилия, чтобы расстроить водный транспорт, не дать советской власти пользоваться им, лишил прежнюю администрацию доверия. Комиссаром Мешкова не утвердили».

19 февраля 1918 года пароходство Мешкова по декрету было национализировано. Управлять им был назначен деловой совет под председательством Ивана Смирнова, избранного рабочими Заозерского затона Перми.

А осенью Мешкова арестовали. Поводом стало письмо его сестры из Самары, содержание которого большевики сочли контрреволюционным.

В тюрьме он провёл две недели и, по воспоминаниям, вышел оттуда «совершенно больным, с воспалением лёгких и кишечника». В царской тюрьме всё было по-другому – он там тоже сидел. Тогда даже растерялись, как его принимать: как арестанта или как попечителя, а тут такой вопрос даже не стоял. Купец – значит враг советской власти. Примечательно, что в этот раз освободили Н.В. Мешкова распоряжением В.И. Ленина по докладу Наркомпути Л.Б. Красина.

Наступал, пожалуй, самый горестный период в жизни Мешкова: почти полностью погиб его флот во время речной войны. Отступление белых из Перми сопровождалось пожаром. Только в один день, 1 июля 1919 года, в районе Лёвшино погибло более ста судов, из которых примерно пятая часть принадлежала Мешкову. Национализировали его предприятия, дома и его дворец – дом на набережной в Перми. Но имущественные потери были не так жестоки, как гибель верных друзей.

Возможно, в 1919 году, но не позднее 1920-го, погиб его самый преданный помощник, «верный и любимый друг» Григорий Михайлович Чудинов, с которым они работали вместе с 1878 года. Он многое держал в своей голове и был по-настоящему незаменимым. Якобы Чудинов уехал в Красноярский край, увозя от большевиков архив Мешкова, и умер в Минусинске от тифа.

В марте 1919 года умер от «испанки» большевистский покровитель купца Мешкова Я.М. Свердлов. В советской иерархии он считался вторым человеком после Ленина и мог многое.

Страшная смерть ждала Ивана Григорьевича Каменских (1857–1919), сына одного из братьев Каменских, с которыми Мешкова связывали сотни нитей. Сначала бывшие крепостные из деревни Данилиха были для Н.В. Мешкова недосыгаемыми конкурентами, старшими товарищами, примером того, как нужно вести бизнес. Но прошли десятилетия, и в 1913 году Мешков купил пароходство братьев Каменских, которое из-за негодного управления оказалось в больших долгах.

В газете «Свободная Пермь» от 19 марта 1919 года о судьбе И.Г. Каменских написано: «...начав с отнятия всего недвижимого имущества покойного, эти “социалисты” разграбили всё его движимое состояние, выгнав его из собственного дома, поселили в угол одного из домов терпимости на так называемом пермском Сахалине. Комната, в угол которой был поселён покойный с женой, представляла собой нечто до невозможности отвратительное. Заплёванная, загаженная стена, с матерщинными карандашными пометками самого похабного содержания. После некоторого своего пребывания в притоне очутился он в больнице, а затем в могиле».

Граф Игнатъев, сыгравший, будучи министром просвещения, огромную роль в создании Пермского университета, «один из богатейших людей России», как характеризовал его Мешков, с помощью гувернантки сыновей, англичанки, смог уехать в Англию, где купил молочную ферму и одно время сам работал на ней. А перед этим пережил страшное время. Статья о нём в Википедии сообщает: «В июле 1917 переехал вместе с семьёй в Кисловодск. В октябре 1918 арестован ЧК в качестве заложника и отправлен в Пятигорск, однако освобождён по требованию Кисловодского совета в связи с его заслугами в области народного образования. В книге “Русский альбом” содержится упоминание о том, что он согласился покинуть тюрьму только после того, как по его просьбе были освобождены ещё два заложника. Оставшиеся заложники вскоре были убиты большевиками».

Одной из самых тяжёлых потерь для Мешкова была смерть банкира Александра Николаевича Найдёнова (1866–1920). В его Московском торговом банке Мешков держал все свои капиталы и под честное купеческое слово получал кредиты, которые всегда возвращал. Переход бизнеса Каменских шёл через банк Найдёнова. Более того, он же стал председателем нового «Товарищества братьев Каменских и Мешкова», а в строительстве железной дороги Оренбург – Печора они были бы компаньонами. Но после революции банк национализировали, а Найдёнов, чтобы расплатиться с вкладчиками, многие из которых лишились средств к существованию и перед которыми он чувствовал личную ответственность, продал всё своё имущество. «Банкир при любых условиях должен сберечь свою репутацию», – якобы сказал он и выплатил все долги.

Это было воспринято по-разному. Нашлись люди, которые считали, что так Найдёнов решил «досадить» новой власти. В ноябре 1919 года он был арестован, а 13 января 1920 года расстрелян. Ужас в том, что 17 января, то есть спустя четыре дня, вышел декрет Ленина, предписывающий освободить А.Н. Найдёнова и некоторых других задержанных.

Эти и подобные истории многому научили Мешкова. Во-первых, важно хлопотать, и делать это нужно через сильных фигур. Во-вторых, медлить нельзя.

В 1920-е годы Н.В. Мешков, даже потеряв свои капиталы, ещё обладал большим влиянием. Множество его бывших стипендиатов стали крупными партийными деятелями. Помощь революционерам тоже оказалась своего рода страховым полисом: какое-то время его благодеяния помнили. Эти деньги оказались инвестициями в безопасность.

Но одним из самых правильных шагов оказалось обучение пасынка игре на фортепиано: секретарь вождя мирового пролетариата Л.А. Фотиева, которую он называл просто Лидочка, вопреки расхожему мнению не относилась к стипендиаткам Мешкова, зато учила музыку сына его любимой женщины, мещанки Морозовой из Санкт-Петербурга.

Фотиева и Мешков были знакомы с давних лет, и та тёплая привязанность, которая возникла во время общения, продолжилась, когда роли поменялись. Кто был ничем, тот стал всем, а первые стали последними.

Характерный эпизод из того времени: срочно требовалось помочь в одном конфликте племяннице из Самары – её выселяли из её же дома. Л.А. Фотиевой, к которой Мешков обращался в затруднительных случаях, в Москве не оказалось. Тогда он решил позвонить главному прокурору Верховного суда Красикову, мужу Фотиевой, с которым лично знаком не был. Изложив дело, получил обещание всё выяснить. Позже Мешкову передали рассказ самого Красикова: когда-то давно, будучи студентом, он пришёл к пермскому купцу за материальной помощью. Мешков поблагодарил его за доверие и тут же распорядился о стипендии. В тот раз вопрос был решён в пользу племянницы.

К началу 1920-х годов относится знакомство Н.В. Мешкова с С.В. Грум-Гржимайло, который оставил вот такие воспоминания: «Всегда бодрый, жизнерадостный, со светлым, прямым взглядом, Николай Васильевич оставлял какое-то поразительно тёплое, дружественное впечатление. Казалось, будто удары судьбы, потеря миллионов, потеря общественного положения – всё это прошло мимо него и не разбило его души. Тяжёлое было время: голод, разруха, постоянные эксперименты большевиков, полное нежелание народа работать по уставам партии, спекуляция, как единственный вид деятельности, и кровь, аресты, кровь».

В 1930-х годах инженер С.В. Грум-Гржимайло обратился к Мешкову с просьбой похлопотать об арестованном брате Николае. Тот ответил: «Я не могу идти к Акулову. Прежде я к нему не раз ходил. Но как-то, когда я пришёл хлопотать об одной женщине, он мне сказал: “Николай Васильевич, я выполню вашу просьбу, но больше меня никогда не просите. Поймите, я не могу это делать”. – “Хорошо. А если я Вас всё-таки попрошу?” – “Я сделаю”. Поймите, я не могу идти к нему».

Речь идёт об Иване Алексеевиче Акулове (1888–1937), который в то время занимал пост первого заместителя председателя ОГПУ. Сейчас его называют одним из организаторов массовых репрессий и ключевой фигурой Красного террора.

«Шли месяцы и годы, – пишет С.В. Грум-Гржимайло, – Колю выслали в концентрационные лагеря в Сибирь. Получали от него иногда сведения. Как-то раз мы сидели за чайным столом у Николая Васильевича. Я сидел рядом с ним. Во время общего разговора он наклонился ко мне и на ухо сказал:

- Николай будет освобождён.
- Николай Васильевич, расскажите.
- Ничего не спрашивайте.

Павел Иванович Преображенский

На театре военных действий Карпатской кампании
Первой мировой войны. 1915 г.

Павел Иванович Преображенский, уполномоченный санитарно-питательного отряда имени Русских техников Союза городов. 1915 г. ГАПК

Арестованные
министры колчаковского
правительства.
П.И. Преображенский –
третий слева.
1920 г. ЦА ФСБ

Прощальное письмо
 П.И. Преображенского.
 Омск. 20 мая 1920 г.

Прощальное письмо
П.И. Преображенского.
Омск. 20 мая 1920 г.

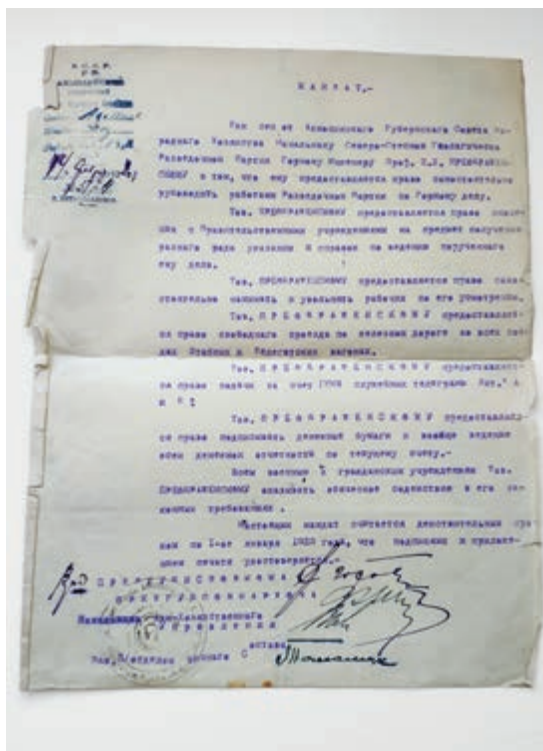
Процесс над бывшими
министрами колчаковского
правительства. Омск. 1920 г.

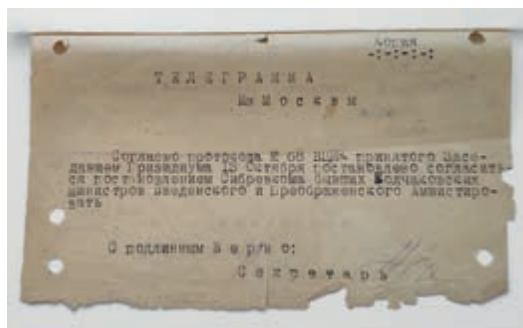
Н.О. Палечек

На прииске Степняк.
1921 г.

Мандат, выданный П.И. Преображенскому
Акмолинским губсовнархозом. 1921 г.

Телеграмма об амнистии
П.И. Преображенского.
1922 г.

С сыном Юрием

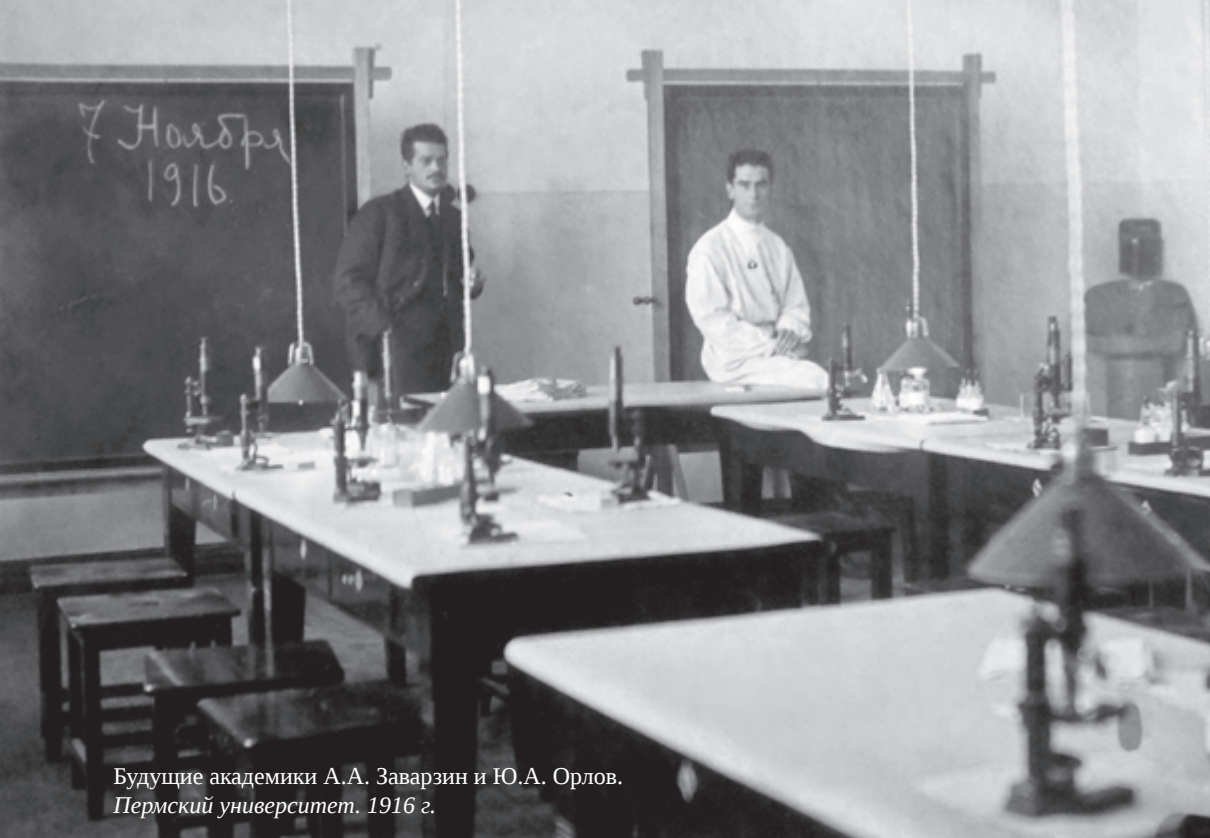

Пермский университет до пожара (вид на главный вход)

... и после (вид с южной стороны)

Будущие академики А.А. Заварзин и Ю.А. Орлов.
Пермский университет. 1916 г.

На кафедре геологии
Пермского госуниверситета.
1922—1924 гг. ГАПК

В оранжерее Пермского госуниверситета.
1922–1924 гг. ГАПК

В университетской лаборатории.
1922–1924 гг.

За изучением выходов каменного угля
в Пашийском районе.
Пермский округ. 1922–1923 гг. ГАПК

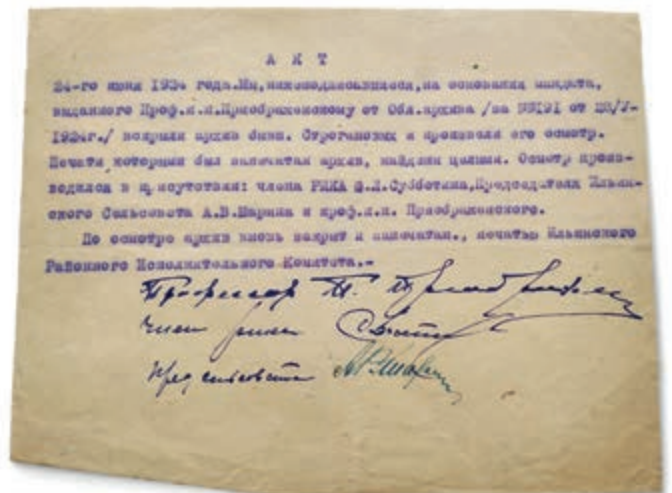

Соликамск. Ок. 1925 г.

Буровая № 7.
Соликамск. 1925 г.

Акт вскрытия архивов
Строгановых. 1924 г.

П.И. Преображенский возле бурового станка. Соликамск. 1927 г.

У палатки геофизиков. Соликамск. 1926 г.

Сильвинит Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей

В рабочем кабинете в Геологическом комитете.
Ленинград. После 1924 г.

Он отвернулся от меня и продолжал общий разговор». Итак, с советской властью у Н.В. Мешкова был скорее нейтралитет.

Но вернёмся назад, в драматичную весну 1920 года, когда проходил судебный процесс над колчаковскими министрами. Точно известно, что в марте 1920-го давние знакомые Н.В. Мешков и Л.Б. Красин снова встретились: бывший миллионер пришёл поблагодарить народного комиссара путей сообщения за своё освобождение из тюрьмы в 1918 году. Итогом этого визита стало то, что Мешков получил предложение о работе в Наркомпути. И принял его.

Возможно ли, чтобы великий пролетарский писатель Горький сам по себе хлопотал перед Лениным о геологе Преображенском, нужном стране? Это маловероятно. «Сам Горький П.И., наверное, не знал», – пишет дочь профессора. Если бы они были знакомы, то ей это наверняка бы было известно.

Надоумить Горького вмешаться в ситуацию мог Л.Б. Красин, которому это, в свою очередь, подсказал Н.В. Мешков. Впрочем, возможно, пермский меценат мог сделать это напрямую – с Горьким они были знакомы с начала XX века не только по издательской деятельности. Но даже если и так, то за работником Наркомпути Мешковым по-любому стояла тень Красина, человека, которому лучше не отказывать.

Мог ли кто-то другой, а не Мешков, похлопотать за П.И. перед Горьким? Мог. Вот только не стал бы тогда Пермский университет так отчаянно добиваться того, чтобы П.И. поступил на работу именно к ним. Уже 13 июля 1920 года ректор Н.П. Оттокар шлёт запрос на П.И. в отдел учебных заведений Наркомпроса, а 23 июля, через 10 дней, получает положительное решение.

Пермский университет – вот та улика, по которой мы можем определить в этом деле руку Мешкова. Лишённый всего, он продолжает иметь там влияние и считает его своим – ведь на фасаде по-прежнему написано посвящение его матери, а договор аренды скоро, в 1926 году, истечёт. Он думает, как сделать лучше людям и городу, как драгоценности продолжает подбирать нужных людей для дела своей жизни.

Далеко не случайно в ходатайство об оказании содействия по передаче в распоряжение Пермского университета осуждённого в Омске геолога П.И. Преображенского – для работ в связи с организацией открытого геологоразведочного отделения при физико-математическом факультете – включён и Н.О. Палечек, которого хотели бы заполучить как специалиста по ведению университетского хозяйства и отчётности – для работ по специальности.

Тем не менее дочь П.И. до конца жизни считала произошедшее случайностью: «Думается, дело в том, что счастливое очко выпало отцу в многотысячной, многомиллионной рулетке театра лицемерия».

Однако же что-то заставило её много лет провести, переписывая от руки документы архива Н.В. Мешкова и собирая материалы о его жизни.

Ссылка

Бывшие колчаковские министры и члены правительства до и во время судебного процесса содержались в подвале пожарной части в Омске. Какое-то время они жили там и после суда, оттуда их водили на работу. П.И. в сопровождении охранника ходил в геологическое управление, и там познакомился с председателем Сибревкома Смирновым, который, как вспоминала Н.П. Орлова, «оказался приличным человеком, его потом судили и расстреляли в 1930-х».

Ивана Никитича Смирнова (1881–1936) неофициально называли сибирский Ленин, а официально он считался организатором разгрома Колчака. И.Н. Смирнов разделит судьбу всех членов троцкистско-зиновьевского блока. Расстреляют не только его, но и дочь, и жену, и женщину, которая родила Смирнову вторую дочь.

Героиня Гражданской войны, писательница и дипломат Лариса Рейснер (1895–1926) писала о нём: «Даже среди беспартийных солдатских масс и среди коммунистов, не знавших его раньше, сразу же была признана удивительная чистота и порядочность тов. Смирнова. Вряд ли он сам знал, как его боялись, как боялись показать трусость и слабость именно перед ним, перед человеком, который никогда и ни на кого не кричал, просто оставаясь самим собой, спокойным и мужественным. Никого так не уважали, как Ивана Никитича. Чувствовалось, что в худшую минуту именно он будет самым сильным и бесстрашным».

Уже в 1921 году Смирнов поддержит Троцкого, войдёт в левую оппозицию и станет наркомом почт и телеграфов. За «контрреволюционную» деятельность его исключили из партии. Соратник Смирнова Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич; [1890–1947]) вспоминает: «Когда у него отобрали министерский портфель, он был доволен. “Всем нам пошло бы на пользу некоторое время побыть рядовыми”... Не имея ни гроша, он отправился на биржу труда регистрироваться как безработный по специальности точной механики. Он простодушно надеялся быстро найти работу на каком-нибудь заводе. Мелкий советский чиновник оторопел, как перед его окошком склонился этот высокий, сидящий добряк с живыми глазами, написавший в анкете, которую ему дали заполнить, в рубрике “последняя занимаемая должность”: “Нарком почт и телеграфов”. Биржа труда проконсультировалась в ЦК, и ГПУ сослало Ивана Никитича в Закавказье. Возмутительные репрессии начинались мягко».

Вот таким человеком был И.Н. Смирнов, который в Омске того времени мог всё!

В каких они с П.И. были отношениях, сейчас сложно сказать. Как минимум, это могла быть искренняя симпатия со стороны Смирнова. В любом случае отъезд в Пермь, в университет, казалось бы уже решённый на самом высоком уровне, оказался отложен на неопределённый срок: Сибревком прочно взял геолога в свои руки – такие кадры требовались и в Сибири.

23 июня 1920 года П.И. назначили заместителем заведующего отделом народного образования Сибревкома и председателем Сибирского комитета профессионально-технического образования.

В трудовом списке Преображенского после записи о приговоре чрезвычайного революционного трибунала в Омске о лишении свободы до окончания Гражданской войны идёт такой пункт: «Заведовал научным отделом Комитета Северного морского пути в Омске – ноябрь 1920 года».

Далее следует: «Был начальником Северо-Степной геологической экспедиции при Сибирском революционном комитете».

Пермский университет настаивал на выполнении решения Наркомпроса, однако всё складывалось непросто. Профессор Поленов объяснял затруднения так: «Несколько месяцев тому назад факультетом была сделана попытка избрания по моему представлению на должность преподавателя солидного научного работника, горного инженера Павла Ивановича Преображенского. К сожалению, ощущающийся в Сибири, где Павел Иванович работает в настоящее время, недостаток геологов вызвал со стороны местных властей препятствия к освобождению его от выполняемой им работы в Киргизской степи и переезду его в Пермь, к месту службы».

Семья П.И. в это время – жена и сын – находились с ним в Омске. Дочь отправили сначала со знакомыми учёными в почвенно-ботаническую экспедицию, а осенью – в Пермь, в университет. Она стала учиться на агрономическом факультете и работать – лаборанткой у профессора А.А. Рихтера, где и познакомилась со своим будущим мужем Ю.А. Орловым.

Сначала П.И. хотели направить за Полярный круг, на месторождение полиметаллов, «но стране понадобился вольфрам», – говорит Н.П. Орлова. И в январе 1921 года, по распоряжению председателя Сибревкома Смирнова, П.И. был направлен на брошенный золотой прииск Степняк Кокчетавского уезда, ранее принадлежавший частному владельцу.

23 марта 1921 года Сибревком выдал П.И., по сути ссыльному, такой мандат, что и вольный позавидует. Там написано, что горный инженер-геолог руководит геологическими исследованиями в Кокчетавском, Атбасарском и Кустанайском уездах. «Для успешного выполнения возложенных на геолога Преображенского поручений ему предоставляется право» нанимать рабочих и средства передвижения, получать необходимое продовольствие, фураж и снаряжение и т.д.

Мандат давал ему право внеочередного провоза багажа и проезда по железной дороге, на пароходах и лошадях. Кроме того, у него был такой атрибут власти, как угловой штамп и печать с оттиском «Заведывающий (так в тексте. – Прим. С.Ф.) Северо-Степной Геологической Партии». И всем советским учреждениям и лицам предложено оказывать геологу Преображенскому всемерное содействие для успешного выполнения возложенного на него поручения.

Прииск, на который был сослан П.И., находился в степи, в трёхстах километрах к югу от Омска. Жена и сын последовали за ним. Дорога заняла почти месяц. Как пишет М.Р. Преображенская, ехали очень долго: «...с одной стороны – масса приключений, с другой – надоело». Им часто и подолгу случалось жить в степи одним, П.И. приходилось разъезжать по работе.

На прииске стояла избушка, возле неё был огород, который сами и возделывали. М.Р. Преображенская приводит слова П.И.: «Я сделал всё, что следовало для огорода, теперь ваше дело, чтобы всё посаженноеросло».

Первые весна и лето на прииске выдались сухими и жаркими. Огород пришлось спасать от саранчи: жена и сын с прутьями ходили от грядки к грядке по 4–5 часов в день, гоня насекомых, чтобы они не успели съесть листья и молодые побеги. Вечерами саранчу давили на стенах избушки – её было очень много, а утром, до жары, пололи грядки.

Кроме того, в хозяйстве были корова с телёнком. Дама из Петербурга, которая на фотографиях так элегантно выглядит в шляпке и перчатках, доила эту корову, а чудесный мальчик помогал, отгоняя довольно большого телёнка, что требовало хлопот и физической силы.

Помимо хозяйственных забот, семья занималась уроками и рисованием – М.Р. Преображенская сама учила Юру всем предметам школьной программы. Они читали книги Брэма и Вальтера Скотта, а вечерами разговаривали.

Н.П. Орлова: «Весной 1921 года папа вызвал меня на каникулы. В Омске мы встретились. Ему дали дохлую лошадку и телегу. Дня три длилось наше восхитительное путешествие в присутствии Николая Осиповича Палечека, которого хорошо помню. Его выхлопотал П.И. То есть судимый судимого взял на поруки. До этого Палечек отбывал наказание в тюрьме помощником доктора Грацианова, тоже осуждённого во время того же процесса колчаковских министров».

Изредка на далёкий прииск приходили письма и газеты. В газетах писали: «Конец привилегиям буржуазии: к абoрту могут прибегать все трудящиеся женщины». Или вот ещё заметка, которую читала Мария Ростиславовна Преображенская и обсуждала с мужем: предлагалось учителям, не получившим зарплату за полгода, не ждать выплат неполученных денег, так как они смогли как-то пропитаться без них, следовательно, и дальше обойдутся тем, что есть.

Однажды пришло письмо от сына Палечека (Черкасский Алексей Николаевич [1904–1980], оперный режиссёр в США. – *Прим. С.Ф.*), который благополучно добрался к матери в Америку. Он писал, что сидит в своей комнате, кажется в Сан-Франциско, и слушает по радио концерт.

М.Р. Преображенская в воспоминаниях пишет: «Для нас, не знавших радио, это было поразительно. По этому поводу много говорилось, делалось предположений, и мы чувствовали себя как новые Робинзоны на необитаемом острове, оторванными от мира. Однако тоски от этого не испытывали: мы, взрослые, от того, наверное, что в предшествующие два года пришлось пережить много тяжёлого [...], а Юра во всём умел находить интересное. [...] Я не помню за всю осень, зиму и весну 1921 и 1922 годов, когда бы я скучала или тяготилась жизнью в этом глухом углу. С таким же тёплым чувством вспоминает об этом времени П.И.».

В другом фрагменте своих воспоминаний Мария Ростиславовна пишет: «14 месяцев в степи, среди природы, были самым счастливым временем моей жизни. Некоторые неудобства и недостатки не нарушали душевного равновесия, а крупных неприятностей не было. Всё тяжёлое, связанное с людьми, было позади. Перед глазами была природа, каждый день приносящая что-нибудь новое. Приятно было работать, и слушать, и смотреть, что делается кругом. Всё делалось без спешки и принуждения. [...] Неожиданным развлечением для нас осенью был прилёт синиц, когда они стайками летели к нам в сени, тогда как мы бросали им крошки только на крыльцо. Приходилось выгонять полотенцем. А зимой у самой избушки появлялась белая стая куропаток, спокойно разгуливала, а затем так же спокойно улетала».

В октябре 1921 года начальник Северо-Степной экспедиции профессор Преображенский получил телеграмму из Сибревкома: «На обороте сего прилагается для Вашего сведения копия телеграммы из Москвы».

А там такой текст: «Согласно протокола № 68 ВЦИК принятого заседанием Президиума 13 октября постановлено согласиться постановлением Сибревкома бывших колчаковских министров Введенского и Преображенского Амнистировать».

Слово «Амнистировать» – с заглавной буквы: оно так редко встречалось в официальных документах, что вызывало уважение. Но амнистировать не значит «отпустить». В Сибири ему пришлось пробыть ещё более полугода.

Итогом того периода, по словам академика В.А. Обручева, было то, что П.И. «работал в Западной Сибири по изучению Ишимского района в Кокчетавском округе Казахстана и описал серебро-свинцовые месторождения. Упомяну ещё его наблюдения по линии Туркестано-Сибирской железной дороги к западу от г. Алма-Аты, где он описал гранитный массив Кандык-Тас». (В.А. Обручев. Избранные труды. Т. 6. М., 1965.)

В Перми

Из степи, с прииска Степняк, семья Преображенских уехала в конце июня 1922 года. Их путь лежал в Пермь. По дороге Юра очень тяжело заболел ветряной оспой. Но, к счастью, быстро поправился. В июле они уже приехали в пока ещё губернский город, переживавший один из самых сильных в своей истории упадков.

Впрочем, настоящее унижение будет впереди: по административной реформе 1923 года Пермь превратится в незначительный центр одного из множества округов в огромной Уральской области, столицей которой станет Екатеринбург. По сути, Пермь разжалуют в райцентры. Правда, это будет единственный в СССР «райцентр» с университетом.

Подготовка к районированию началась как раз в то время, когда приехали Преображенские. Профессура Пермского университета приняла в этом самое деятельное участие.

Профессор Пермского университета А.Г. Генкель (1872–1927), входивший в комиссию по районированию, писал с заседаний занимательные репортажи, из которых понятно, как бурно развивались события: «Сначала всё проходило гладко, и пермяки скрепя сердце идут на это ха-ракири. Но вдруг, для всех неожиданно, [...] выплывает новый проект – устроить новый округ Кунгурский и отдать ему Кунгурский и Красноуфимский уезды. Тут уж пермяки не выдержали, и что всего интереснее, возроптали и сами кунгуряки: не хотим быть столицей округа, когда в 90 верстах от нас Пермь. [...] Но стоило уехать представителям Перми, и вопрос вернулся в первоначальную стадию».

Пермяки пытались протестовать. Общее недовольство высказал профессор ПГУ П.С. Богословский (1890–1966): «Пермь, имеющая за собой 200-летнее существование в качестве крупного промышленно-экономического и культурного центра, созданная благоприятными природными факторами, никак не может сойти на положение небольшого окружного пункта вроде Оханска, Алапаевска и т.д. Необходимо переоценить значение Перми».

Зачем же нужно было так поступить с городом? Профессор Генкель в журнале «Экономика» за 1923 год отвечает на этот вопрос: «Один из уважаемых и старых членов совещания выразил общее мнение так: “Нельзя давать усиливаться Перми, а то она опять голову подымет и начнёт с нами тягаться”».

«С нами» – это с Екатеринбургом, бывшим уездным городом Пермской губернии, который в 1924 году станет Свердловском. О том, что

свердловские большевики называли Пермь не иначе как «старая саботажница», мы уже писали. А вот о том, что и пермяков они считали сплошь контрреволюционерами, ещё нет. О «полном индифферентизме населения» говорили и пермские власти, например комиссар Временного правительства Турчевич. Здесь поддерживали скорее эсеров, а советскую власть встретили, мягко говоря, без восторга.

Что представляла собой Пермь в 1920-е годы?

Газета «Уральский рабочий» в 1926 году отмечала, что от Перми так и пышет спокойствием, тишиной, благонравием, этакой хозяйственной солидностью. Журналист пишет: «А в Перми благодать. [...] Город такой чинный, спокойный, мирный, точно ни войны, ни революции никогда не было. [...] Всё здесь крепко, основательно, всюду чистота и порядок. Прямые улицы, прямые крепкие дома, правда, небольшие, почти сплошь одноэтажные, но по всему видимо – просторные и удобные, прямые, хорошо вымощенные мостовые и широкие плитчатые тротуары. Возле каждого дома электрическая лампочка, на каждом квартале – милиционер, на каждом углу – ночной сторож, деревянной колотушкой убаюкивающий мирных граждан». (Уральский рабочий. 1926. 25 ноября.)

Колотушку упоминают многие современники, например лётчик Леонид Полярный: «Этот звук напоминает нечто глухое, отдалённое, древнее – гоголевское».

Писатель Борис Пильняк (1894–1938), посетивший Пермь в середине 1920-х годов, говорит, что о Перми скучно писать. Этот город «скучен, как дробь, где делитель – Саратов, а делимое – Тетюши, или наоборот, – причём революция из губернского города сделала Пермь окружным, уездным. Обульженный город не скрашен даже трамваем. Но в городе есть университет, песни и Закамье: это хорошо. Здесь можно достать хорошие папиросы, и на каждом углу чистильщик сапог: это не плохо».

Обратной стороной Перми автор статьи, опубликованной в 1926 году, называет ночную жизнь с многочисленными пивными и ресторанами, «из каждой улыбки действительно бесчисленных проституток, из каждой надтреснутой скрипки кабакового “маэстро”, так и глядит расхлябанное, помятое лицо ночной, разгульной Перми».

Лётчик Леонид Полярный был поражён количеством ворожей на рынке: «Их много – пермяки, очевидно, любят ворожить. Около “гадов и гадалок” толпы женщин».

Впрочем, так было и раньше, до революции: портовый город жил по своим законам.

При советской власти жизнь в Перми очень быстро вернулась в спокойное русло, похожее на прежнее. Однако улица Покровская уже стала улицей Ленина, к Рождеству и Пасхе добавились революционные праздники, а пермские большевики в лице их лидера Гавриила Ильича Мясникова (1889–1945) начали очень жёстко конфликтовать с Лениным, требуя свободы мнений и либерализации большевистского режима. Книгу «Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова» Мясников напишет значительно позже, но понятие «мясниковщина»* появится как раз в 1920-е годы.

К моменту приезда Преображенских в Перми насчитывалось около 70 тыс. жителей. Из них примерно треть работоспособного населения являлась служащими, а четверть – рабочими. Кроме того, официально статистикой были учтены так называемые хозяева (8,5%), прислуга (5%), военнослужащие (3%) и «рантьеры» (1,2%). Лица свободных

* Термином «мясниковщина» в советские годы обозначали попытки идеологического ревизионизма, иницируемые из партийных низов, из рабочего класса.

профессий составляли 0,4%, или 112 человек. Примерно столько же людей значилось в графе «Деклассированная группа». (Вся Пермь. 1925 год. Пермь, 1925. С. 19.)

Преподавателей и профессоров Пермского университета статистика, наверное, отнесла к категории «служащие». Согласно краткому отчёту Пермского университета на 1922/1923 академический год в штате состояли 31 профессор, 137 преподавателей и научных сотрудников и 302 человека административно-технического персонала (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 84. Л. 58–58об.). Итого 470 человек, что составляет 1,6% трудоспособного населения города, чуть больше, чем «рантьеров». Но именно они определяли то, что сейчас называют мейнстрим. Газеты того времени называют Пермский университет «стержнем всей жизни города», а основой интересов – науку и учёбу.

В 1920-е годы Пермский университет, включая медицинский факультет, занимал множество зданий по всему городу: клиники, лаборатории и кабинеты располагались и в центре, и на окраине, которой тогда считалась Заимка. Таким образом, университет был не только вплетён в общую ткань города, но и создавал среду: две тысячи студентов для небольшой Перми – это значительная цифра.

Более того, Пермь производила впечатление типичного университетского центра.

«Мудрено ли, что Пермский университет, составляющий гордость Урала, является центром всей культурной и духовной жизни Перми, мудрено ли, что его влияние чувствуется во всём, начиная от бесчисленных научно-культурных обществ, огромных студенческих кварталов и кончая самым укладом жизни города, жизни такой спокойной, тихой, а при глубоком изучении такой содержательно-серьёзной.

Сейчас значение Перми не в её старой торговой роли прикамского порта, не в её промышленности, не в её прежнем историческом административном значении, ни во всём том, что в силу экономических условий отодвинуто на второй план молодыми промышленными и торговыми городами, а в том, что она – центр высшего образования на Урале, в том, что она действительно стала уральским Оксфордом». (Уральский рабочий. 1926. 30 ноября.)

Автор статьи абсолютно прав: всё, чем гордилась Пермь когда-то, всё, что давало ей жизнь в прежние времена – торговля, грузоперевозки и губернское управление, – обесценилось. Но университет, наоборот, набирал вес, стал спасательным кругом для города, который чья-то недобрая политическая воля решила свести на нет.

Пермский госуниверситет остро нуждался в специалистах. В 1920-е годы профессорско-преподавательский состав, по сравнению с 1916 годом, изменился и значительно поредел: кто-то не вернулся из эвакуации в Томск, некоторые профессора предпочли уехать обратно в Петроград, а кто-то и вовсе покинул пределы страны.

Поэтому появление в числе преподавателей «солидного научного работника», как отрекомендовал Преображенского профессор Б.К. Поленов, было фактом глубоко позитивным. Началом работы П.И. профессором «по кафедре геологии» в Пермском университете стало 1 августа 1922 года.

Позади был очень сложный 1921/1922 учебный год, когда в Прикамье царил настоящий голод, который коснулся абсолютно всех. Согласно архивным данным, оклады научных работников Пермского университета в 1922 году составляли небольшие суммы. Профессор получал 50–80 рублей в месяц, преподаватель – 35–56 рублей. Пишут, что месячного оклада профессора хватало на покупку по рыночным ценам 15 фунтов ржаной муки и что Губпродком (губернский продовольственный комитет) практиковал выдачу зарплаты продуктами. Научные работники университета вынуждены были заниматься огородничеством.

Другой серьёзной проблемой того времени был холод: всех, включая профессоров и студентов, обязывали заготавливать дрова. «...Света нет, тепла нет, – пишут современники об учебном процессе в Пермском университете. – Занятия проходят во второй половине дня. Староста на входе выдаёт по свечке в руки каждому студенту. Преподаватель прятал чернильницу за пазуху, иначе чернила застывали». На занятиях сидели одетыми, профессор запросто мог прийти на лекцию в подшитых валенках и выдавшей виды дохе.

Однажды студенты сдавали историю средних веков профессору Круману. Тот обмакнул перо в чернильницу, чтобы поставить зачёт, но чернила замёрзли. «Ничего не попишешь», – добродушно заметил профессор, возвращая зачётку.

При этом в вестибюле главного корпуса продолжал дежурить швейцар с окладистой бородой, одетый в чёрную ливрею с позолоченными галунами. А на разного рода обслуживающие должности устроилось много бывших монахинь и послушниц из закрытого в 1920 году Успенского женского монастыря, который находился недалеко от Пермского университета. Монашки пестовали университетский ботанический сад, который

профессор Александр Германович Генкель начал создавать в 1922 году, в то же время, когда П.И. приехал в Пермь.

«Крёстным отцом» Преображенского в Пермском университете был его коллега Борис Константинович Поленов (1859–1923), профессор геологии. Декан агрономического факультета А.Г. Генкель называл его «высокий, честный и непоколебимый старец, который умел и вдохновить, и поддержать».

Отец Б.К. Поленова был управителем Нижнетагильского железодобывающего завода Пермской губернии, вместе с инженером В.Е. Грум-Гржимайло он перестроил производство так, что там начали выпускать лучшие железнодорожные рельсы в стране.

Б.К. Поленов в 1882 году окончил Санкт-Петербургский университет, где и остался преподавать, совершая экспедиции на Алтай и Урал, в район Нижнего Тагила и Салды, в северные губернии. В 1885 году он был назначен хранителем Геологического кабинета Санкт-Петербургского университета, а в 1904-м перешёл на работу в Казанский университет. К этому же периоду относится дружба с художником Б.М. Кустодиевым (1878–1927): их усадьбы в Костромской губернии находились неподалёку.

Дочь Кустодиева вспоминает: «Папа много раз писал и рисовал членов семьи Поленовых, их жёлтый с зелёной крышей дом. Так, например, широко известен “Портрет семьи Поленовых”, изумительный по глубине образов и живописному мастерству. Написанное в 1905 году, полотно не получило в России признания. Однако на выставке за границей “Портрет семьи Поленовых”, удостоенный золотой медали, был сразу же приобретён для венского Бельведера. Когда картина эта “ушла” за границу с таким почётом, у нас хватились, но было уже поздно. Очень хорош выполненный в 1903 году углём портрет Б.К. Поленова. Его дочь Наталья Борисовна позировала для одной из “Купальщиц”». (И.Б. Кустодиева. Дорогие воспоминания. URL: http://kustodiev-art.ru/i_b_kustodieva/)

А другая дочь – Татьяна – она на картине, которая хранится в музее Бельведер, с кошкой, стала первой женщиной – преподавателем химии Пермского университета и верной соратницей П.И. Она работала с ним позднее и на Верхнекамском месторождении калийных солей, а затем переехала в Ленинград, где, как и он, трудилась в Институте галургии. В блокаду она осталась в Ленинграде и занималась получением искусственного мёда, который выдавали по списку только учёным-блокадникам, а летом 1942 года была эвакуирована в Среднюю Азию, где под руководством П.И. исследовала озеро Индер, ставшее крупнейшим в СССР месторождением боратов.

Когда открылся Пермский университет, Б.К. Поленов был избран первым деканом самого важного факультета – физико-математического. В 1916 году в него входили естественное и медицинское отделения.

В Пермь профессор привёз свою коллекцию минералов и горных пород Алтая и Урала, а также большую личную библиотеку, и на их основе создал Геологический кабинет, который сейчас носит имя Поленова и называется Музей палеонтологии и исторической геологии.

Они с П.И. не могли не знать друг друга: мир учёных узок, тем более что оба изучали Витимское плоскогорье. Кроме того, в драматичном 1919 году Б.К. Поленов встречался с П.И. и Н.О. Палечком в Омске на заседаниях экономического совещания правительства Колчака, куда его командировал Совет Пермского университета.

В архиве семьи потомков Преображенского хранится отзыв профессора Б.К. Поленова о П.И. с рекомендацией того на должность профессора. Поленов пишет: «Кабинетная работа, разработка теоретических научных вопросов никогда не привлекали исключительного внимания П.И. Эти кабинетные занятия были лишь подготовкой к деятельности полевого геолога, которой он всецело отдался, обнаружив необычайную энергию и трудоспособность при исследованиях Прибайкалья и отчасти Западной Сибири, проникая в такие уголки этого дикого края, где каждый шаг был сопряжён с величайшими трудностями и личной опасностью. [...]

Благодаря ежегодным продолжительным поездкам, при которых одна дорога до места исследований и обратно отнимала целые месяцы, при необходимости ежегодного представления подробных отчётов, П.И. не успел ещё пока опубликовать результатов окончательной обработки собранного им материала и дать сводку своих наблюдений, но и ежегодные его предварительные отчёты по обилию наблюдений, талантливой их систематизации и обоснованности выводов представляют ценный научный вклад, который сохранит своё значение, если бы и не воспоследовать (так в тексте. – Прим. С.Ф.) дальнейшей обработке собранного материала, на что мы вправе рассчитывать, предоставив П.И. более благоприятные условия для научной работы в связи с назначением его профессором, что, конечно, будет связано с приобретением им большей осёдлости, чем он имел по роду своей службы в качестве геолога Геологического комитета».

Осёдлость была не для П.И.: сразу по приезде он поедет на север региона, подключившись к изучению залежей каменного угля в Пашийском районе и Журавлинского месторождения бокситов на реке Чусовой.

Окрестности Пашийского завода изучали в середине XIX века. Специалисты пишут, что «после 1870 г. разведку свернули, так как проведённые изыскания показали, что здешние месторождения невыгодны, поскольку пласты угля невелики по протяжённости, имеют малую мощность. Вдобавок химический анализ, выполненный в Уральской химической лаборатории в 1857 [г.] и лаборатории Горного департамента в 1860 г., показал низкое качество угля: он содержит много серного колчедана и даёт при горении спекающийся кокс».

Однако в 1920-е годы месторождение решили снова исследовать: разведку угленосных толщ вели Г.Я. Житомиров и другие геологи, в том числе П.И. Они подтвердили вердикт предшественников: промышленного значения ни пашийские угли, ни бокситы Журавлинского рудника не имеют.

Пройдёт совсем немного времени с момента избрания П.И. Преображенского профессором кафедры геологии Пермского университета, как ему придётся принять на себя заведование кафедрами геологии и минералогии. Б.К. Поленов умер в Перми 29 января 1923 года.

В семейном архиве с того времени хранится конспект лекций по полевой геологии о том, как снарядить экспедицию. Они были прочитаны в Пермском госуниверситете и политехническом институте Свердловска в 1922–1924 годах. Просто пробежим глазами по тезисам, каждый из которых П.И. превращал в рассказ.

«Разнообразие снаряжения соответственно работе: от каравана со всеми принадлежностями до одной записной книжки и карандаша. Закрепление результата – карта, как *condito sine qua non* (лат. – неперемное условие). Масса погибших работ без карты.

Компас. Записная книжка. Молоток. Зубило. Соответствие снаряжения поставленной задаче. Умение снарядиться как залог успеха».

Уточнения по записной книжке: «Формат, толщина, бумага, переплёт, приспособление для карандаша, карман. Метод записи, свободная страница для рисунков, нумерация обнажений, вытягивание карандаша чернилами. Чистота. Дневник.

Карандаш, его качество, номер. Цветные карандаши. Перо, дорожная чернильница, чернильный карандаш, “вечное перо”».

И дальше: «Молотки, русские и заграничные, их номера, качество, ручка. Балда. Рулетка. Односаженная – узкая, стальная; 5- и 10-сажен[ная] тесьма металлическая. Зубила. Лупа. [...]

Фотография, её необходимость. Умение пользоваться фотоаппаратом.

Собственное снаряжение. Головной убор – лёгкость, широкие поля, сетки, дождь.

Чулок шведского типа. Одежда – карманы.

Пояс – карманы для компаса, молотка и записной книжки. [...]

Распределение рабочего дня... Днёвки...»* И т.д.

Помимо руководства двумя кафедрами Пермского университета, в 1923 году Преображенский был избран деканом агрономического факультета Пермского университета, который в 1930 году стал самостоятельным сельскохозяйственным институтом (сейчас – Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова. – *Прим. С. Ф.*).

В личном архиве П.И. Преображенского сохранилась благодарность президиума агрофака от 15 декабря 1923 г. с выражением ему «искренней признательности за [...] общественные и исключительные труды по созданию и укреплению агрофака».

В книге Г.И. Жаворонковой «Становление и развитие высшего агрономического образования на Урале [1918–1930]» (Пермь, 2019) глава о 1923–1924 годах называется «Начало полнокровной работы агрономического факультета». Здесь же приводятся документы о намерении декана П.И. Преображенского «принять меры к передаче нам соседнего помещения (второй половины дома Агрофакультета), занимаемой ныне школой II ступени». Часть этого здания (бывшего дома Александровской гимназии и дома Дягилевых, сейчас – гимназия имени С.П. Дягилева. – *Прим. С.Ф.*) к этому времени уже принадлежала агрофаку, но там была всего одна общая аудитория и помещений очень не хватало. Сразу скажем: задуманное П.И. не удалось, но всё решилось наилучшим образом – в 1926 году агрофак получил одно из самых просторных зданий города – Дворец Труда (до революции – Мариинская гимназия).

Тогда же, в 1923 году, П.И. был восстановлен в должности геолога Геолкома, чему подтверждение – удостоверение с подписью заместителя директора Геолкома И.М. Губкина, где написано, что П.И. Преображенский заведует работами комитета на Урале и в Киргизском крае.

---

* Приложение (№ II-3).

П.И. и Екатеринбург

В свой «уральский период» П.И. Преображенский преподавал ещё и в Екатеринбурге, на горном факультете Уральского университета (бывшего Горного института), где основал кафедру полезных ископаемых.

В архиве семьи сохранились воспоминания академика АН КазССР, автора учебника «Краткий курс геологии СССР», Евгения Дмитриевича Шлыгина (1899–1980), бывшего студента 1920-х годов: «В те времена П.И. Преображенский выглядел подтянутым, стройным, я бы сказал, изящным мужчиной, с решительными и быстрыми движениями. Ходил он в защитного цвета кителе венного образца, что придавало его внешности облик военного. Этот китель, сшитый в талию, ещё больше подчёркивал стройность его высокой фигуры. Читал он лекции изумительно, когда, как говорят, был в ударе. Особенно мы, студенты, любили его лекции по полевой геологии, материал которых он иллюстрировал своими воспоминаниями по работам в Ленской тайге или данными по Средней Азии. [...] Он был очень находчивым, остроумным, живым и весёлым человеком. Даже экзаменовал очень весело, задавал оригинальные вопросы, требовал не формальных знаний, а живой творческой работы мозга студента. Помню, как он поставил в тупик своими вопросами по “жизни” карста. Он первоначально задал вопрос: «Что такое карст, и каково его значение в инженерной геологии?» Я ему официально изложил суть дела и указал, что наличие таких пород, как гипсы, исключает возможность крупных инженерных сооружений. «А вы знаете, что уфимский мост через Белую стоит на гипсах? Значит, он ненадёжен и по нему ездить нельзя!» Я буквально вытаращил на П.И. глаза. Раз поезда по нему ходят, значит тут какая-то загвоздка.

Наводящими фразами он заставил меня сообразить, что основание моста, действительно покоящееся на гипсах, располагается в зоне насыщенных сернокислым кальцием вод, поэтому не растворяющих это опасное в отношении инженерной геологии основание».

Летом 1923 года предметные комиссии выставили кандидатуру Преображенского на должность декана горного факультета Уральского университета, даже не спросив его согласия. Он ответил письмом от 15 июля 1923 года: «Я привык в своей академической работе исходить из основного требования: единства линии правления вуза и хотя бы руководящей части профессуры. Между тем, мне приходится с большим сожалением констатировать тот факт, что в Уральском государственном университете

отношения, сложившиеся между правлением и большинством профессуры, таковы, что ни о какой совместной работе этих двух групп не приходится и мечтать. В то же время я держусь того взгляда, что как бы ни было сильно правление, но надеяться вести университет вопреки воле большинства профессуры – большое заблуждение, и пока путь соглашения не найден, никакие, хотя бы и единогласные кандидатуры деканов не помогут, за отсутствием атмосферы для спокойной деловой работы. Исходя из этого, чувствую своё полнейшее бессилие помочь факультету при сложившейся обстановке, я благодарю за сделанную мне честь и решительно отказываюсь принять избрание»*.

Настроения в Екатеринбурге уже тогда складывались нездоровые. Это покажет во всей красе прошедший через полгода, в январе 1924-го, показательный процесс Модеста Клера (1879–1966), геолога, палеонтолога и краеведа, который обвинялся в шпионаже в пользу французов.

Дело Клера было одним из тех, что наметили контур будущих репрессий против старых специалистов. Кроме того, были протестированы границы дозволенного: Модест Онисимович Клер обвинялся в передаче сведений иностранцам о месторождении платины, которые находились в открытом доступе. То, что выглядело абсурдным для специалистов, нашло поддержку в суде и прессе.

Обставили всё тоже очень театрально, как и судебный процесс над колчаковскими министрами в Омске 1920 года. Даже были входные билеты на суд, которые распространялись главным образом между партийными и комсомольцами. Но, как вспоминают очевидцы, в зале почему-то оказалось много беспартийных, притом что билеты достать было очень трудно.

Газеты того времени писали: «Когда Клер был арестован, несмотря на разъяснения ГПУ, ряд лиц, в том числе из профессоров, ходатайствовали об освобождении, доказывая, что обвинение против такого человека – абсурд. Советская власть сейчас не может дать своим профессорам и учёным, вообще своим работникам умственного труда всего того, чем их может прельстить буржуазия. Советскому государству позарез нужна интеллигенция. В будущем работники умственного труда будут поставлены в условия, о которых не снилось буржуазному обществу. Но сейчас интеллигенция должна пойти за Советской властью, повинувшись голосу той великой правды, которую несёт освободительная борьба коммунистического пролетариата. Кто этого не поймёт, тот неизбежно попадёт вольно или невольно в положение Клера, тот попадёт под беспощадные удары Советской революционной законности, все такие будут раздавлены победоносной Революцией и над могилой их будет страшная всенародная эпитафия: “Будьте вы прокляты, продажные шкуры буржуазии!”».

Одним из тех, кто выступил на процессе Клера в его защиту, был металлург, профессор В.Е. Грум-Гржимайло (1864–1928), тот самый, что вместе с отцом профессора Б.К. Поленова модернизировал Нижнетагильский завод.

По воспоминаниям сына, С.В. Грум-Гржимайло, его отец сказал: «“Древний Иегова щадил великие города грешников из-за одного или двух праведников. Вот одного из таких праведников вы имеете перед собой.” – “А скажите, профессор, как вы можете защищать такого шпиона, как Клер?” – “Я душу его знаю!”»

---

* Приложение (№ I-15).

И весь зал заплодировал в такт три хлопка...»

Судебное заседание прервали, и минут через пять объявили, что «ввиду нарушения порядка ведения судебного процесса все присутствующие в зале, за исключением депутатов Верховного Совета и горсовета и высших служащих ГПУ, арестовываются на полчаса».

Владимир Ефимович Грум-Гржимайло после оглашения приговора во время ареста на полчаса «сидел глубоко задумавшись. Жена спросила его, как он себя чувствует. Он сказал: “Сижу и жду, что меня арестуют”».

С.В. Грум-Гржимайло пишет: «Этот процесс всколыхнул весь город, но не в желательном для властей направлении. Сочувствие было явно на стороне М.О. Клера. Но он был за решёткой, а Владимир Ефимович [Грум-Гржимайло] был среди горожан. Он оказался героем дня, и на улицах его приветствовали, восхищались его поступком... На вокзале, когда он вошёл в ресторан, громогласно объявили тост за его здоровье.

Власти неистовствовали. Местная газета старалась вовсю... Собирали митинги, выносили резолюции – ругательные оскорбительные...»

Позицию властей высказал корреспондент газеты «Уральский рабочий»: «Гр. Клер не только хотел, но и стал агентом французского капитала. Представители защиты пытаются установить, что Клер передавал незначительные документы, что большинство этих документов не были секретными. Плох тот шпион, который старается достать одни секретные документы. “Легальная” форма шпионажа и есть самая опасная. Ряд серьёзных и почтенных людей отзывались о Клере самым благоприятным образом. И это усугубляет его вину. Это шпион и провокатор, у которого два лица. Некоторая часть нашей интеллигенции до сих пор не хочет понять, что она сейчас должна служить рабочему классу так, как он хочет. Приговор над Клером послужит наглядным уроком для этой части интеллигенции».

Суд вынес Клеру смертный приговор – расстрел, но, учитывая «окрепшее международное положение СССР», его заменили на заключение со строгой изоляцией на 10 лет и конфискацией имущества.

В августе 1925 года по постановлению ВЦИК Модест Клер был освобождён.

«Почерк» похож на тот, что изменил судьбу Преображенского: чудовищный приговор местных властей был дезавуирован Москвой. Чья невидимая рука спасла ещё одного человека из челюстей бессмысленно жестокого классового террора?

Возможно, снова Николай Васильевич Мешков. Известно, что Мешков внимательно следил за процессом Клера, а со свидетелем со стороны обвиняемого, металлургом Владимиром Ефимовичем Грум-Гржимайло, они были в дружеских отношениях до конца жизни.

Присутствовал ли П.И. на процессе Клера? Это не исключено – январём 1924 года датировано удостоверение, которое было выдано П.И. Пермским университетом. Документ, в числе прочих, подписал член правления университета Палечек. П.И., командированный в Екатеринбург в качестве представителя ПГУ с 28 января по март 1924 года, был «уполномочен представлять и защищать интересы Пермского университета во всех Уральских областных и Екатеринбургских окружных учреждениях, входить с ними от имени правления университета в сношения и получать денежные суммы и материальное снабжение».

Но вопрос, который волнует больше всего: останься Преображенский в Екатеринбурге, не попал бы он в новую мясорубку, страшнее прежней? Да, такое могло быть.

Более того, холодное дыхание тюрьмы почувствовалось в следующий раз в 1930 году, когда М.О. Клера снова арестовали в Свердловске по делу Промпартии и перевезли в Ленинград. Как раз в этом году под редакцией П.И. Преображенского, М.О. Клера и П.М. Идкина вышла монография «Известия Пермского и Кунгурского округов Уральской области» в серии «Уральское геологоразведочное управление». В то время такое соавторство могло отразиться на судьбе самым пагубным образом, вылиться в новый арест и обвинения в контрреволюционности. Но всё и на этот раз обошлось: Клера в 1931 году выслали на пять лет на Урал и больше не трогали. П.И. по этому делу тоже не привлекали.

Коллекция

А.К. Денисова-Уральского в ПГУ

Роман Ивана Ефремова (1908–1972) «Лезвие бритвы» начинается с пролога. Автор пишет о тончайшей взаимосвязи и обусловленности кажущихся различными явлений мира и жизни. Всеобщее переплетение отдалённых случайностей, вырастающее в необходимость, Ефремов называет законом природы. Незаметные совпадения, тонкие нити, соединяющие те или иные случайности, и составляют судьбу. Он полагает, что если проследить всю цепь, а затем распутать её начальные нити, можно найти то, что стало спусковым крючком или замыкающей кнопкой событий.

За этими словами следует, собственно, начало действия: «5 марта 1916 года в Петрограде, на Морской, открылась выставка известного художника и ювелира, собирателя самоцветных сокровищ Урала Алексея Козьмича Денисова-Уральского». По выставке ходит и зачарованный камнями мальчик Ваня: биограф Ивана Ефремова П.К. Чудинов считает, что писатель в нём изобразил самого себя. Мальчик в матросском костюмчике рассматривает витрины со скульптурными группами, которые вырезаны из лучших уральских самоцветов: «Камни излучали собственный свет, независимый от капризов погоды и темноты человеческого жилья». Здесь были белый медведь из лунного камня, знамя из ляпис-лазури, аметистовые волны, бархатно-зелёный оникс, фигурка девушки, которая олицетворяла Францию, из удивительно подобранных оттенков амазонита и яшмы, орёл из горного хрусталя с крупными изумрудами вместо глаз, тигр из золотисто-жёлтого кошачьего глаза, сrostки хрусталя, щётки и солнца турмалина, натёки малахита и т.д.

Где художник взял такие камни? – спрашивали одни. «Собирались сотней людей и десятками лет», – отвечают им. «Горки, издавна прославившие екатеринбургских мастеров, особенно хорошо удавались Денисову-Уральскому и шли нарасхват, так же как и его коллекции уральских камней в больших и малых ящиках с клеточками-гнездами», – пишет Иван Ефремов.

Больше ни мальчик в матросском костюмчике, ни камнерезные изделия, которые Ефремов довольно подробно описывает, в тексте романа не встречаются. Какие тонкие нити неслучайных взаимосвязей должны были переплестись, чтобы автор это написал. Какой замыкающей кнопкой или спусковым крючком событий стала для него эта коллекция А.К. Денисова-Уральского? Мы этого не знаем.

В советское время эта коллекция аллегорических фигур воюющих держав, которая была показана в Петрограде в 1916 году, считалась утраченной, а имя А.К. Денисова-Уральского (1864–1926) вычеркнуто из истории страны. По крайней мере, так пишет биограф художника С.В. Семёнова: «Могучий Атлант, подпирающий скудеющий, некогда легендарный промысел, родоначальник реалистической пейзажной живописи на Урале, последний на стыке веков борец за свободу российского кустаря, творец, тонкие художественные таланты которого сочетались с серьёзным предпринимательством, оказался ненужным своей стране». (Семёнова С.В. Пламя и камень. Жизнеописание и размышления о том, как жил и работал художник и каменных дел мастер А.К. Денисов-Уральский». Екатеринбург, 2007. С. 5.)

При этом для остального мира русское искусство рубежа XIX–XX веков исчерпывается тремя именами: Репин, Фаберже и Денисов-Уральский. Так, по крайней мере, везде пишет в своих работах глава фонда Фаберже, почётный академик Российской академии художеств, консультант департамента русского искусства фонда *Christie's* В.В. Скурлов. Более того, он называет Фаберже и Денисова-Уральского достойными конкурентами, не уступающими друг другу ни в мастерстве, ни в ассортименте, ни в сиятельных именах покупателей своих изделий. Достаточно сказать, что главными заказчиками работ и Фаберже и Денисова-Уральского был Императорский дом и все, кто вокруг.

«Чудом сохранившийся великолепный денисовский кристалл дымчатого кварца, некогда украшавший кабинет императора Николая II в Александровском дворце Царского Села, сейчас хранится в собрании Оружейной палаты Государственного историко-культурного заповедника «Московский Кремль» как укоризна, как напоминание о бесславно утраченном собрании удивительных камней Денисова, поражавшем воображение современников», – пишет С.В. Семёнова.

Сильно сказано: «бесславно утраченном». Это не совсем верно: когда в 1923 году П.И. принял на себя руководство кафедрами геологии и минералогии ПГУ, он автоматически стал руководителем минералогического музея университета, который на тот момент владел и минералогической коллекцией Денисова-Уральского и собранием его камнерезных изделий. Сейчас понятно, что это самая большая в мире сохранившаяся коллекция изделий этого уникального камнереза и художника, несмотря на все утраты.

Более того, именно П.И. вёл переписку с А.К. Денисовым-Уральским в 1923–1924 годах. Художник в это время жил в Финляндии по хорошо знакомому Преображенскому адресу – станция Уусикиркко. Он хотел вернуться на родину и усиленно хлопотал о том, чтобы создать в родном, любимом Екатеринбурге музей «ископаемых богатств» имени своего отца, Козьмы Осиповича Денисова. Основой экспозиции должны были стать картины художника, его ювелирные и камнерезные изделия, а также кристаллы, самородки, самоцветные камни Урала и т.д.

А.К. Денисов-Уральский начал переписку с екатеринбургскими большевиками летом 1923 года. Он обращался с этим проектом и в Комиссариат народного просвещения РСФСР, и к советскому полномочному представителю в Гельсингфорсе, и в Уральское общество любителей естествознания, и к академику А.Е. Ферсману* и т.д. Очень был настойчив: он так хотел вернуться на родину!

* Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), минералог, кристаллограф, геохимик, профессор, академик. Редактор журнала «Природа».

Чуть позже он послал запрос в Пермский университет: ему сообщили, что камнерезные аллегорические фигуры стран-участниц войны находятся там: груз в 52 места в конце 1917 – начале 1918 года был послан в Пермь через пароходство Николая Васильевича Мешкова.

На письмо ответил П.И., как заведующий кафедрами геологии и минералогии ПГУ. Он сообщил, в каком состоянии находятся предметы: только минералогическая коллекция получена более или менее в порядке, а всё остальное либо поломано, либо вовсе отсутствует, а из семи витрин, которые видел мальчик Ваня из романа «Лезвие бритвы», уцелело только три. На тот момент главной ценностью была, безусловно, минералогическая коллекция, а камнерезные фигурки – забавной, интересной мелочью. «Благодарим за щедрый дар», – написал П.И., и эта фраза вот уже почти век является аргументом в пользу того, что Пермский университет владеет работами художника незаконно.

Н.П. Орлова утверждает, что видела в детстве витрину салона А.К. Денисова-Уральского на Морской улице в Петрограде и хорошо помнит её. По поводу всей этой истории она пишет: «П.И. Преображенский работал в Перми с лета 1922 по лето 1924 годов. Письмо А.К. Денисова-Уральского застало его в 1923 году, как “старшего” на геологических кафедрах. К этому времени Б.К. Поленов умер, а А.А. Полканов из Перми уже уехал. Как мог П.И. Преображенский в ответе Денисову-Уральскому охарактеризовать “статус” коллекции в университете, как не “щедрый дар”? В мои студенческие годы – до 1924-го – не помню сейчас, чтобы вещи из коллекции Денисова-Уральского видела или слышала о ней – не случалось. П.И. мне о ней не говорил. Объясняю это тем, что экспонировать её тогда было бы очень трудно. Возможно, она была в какой-то момент даже “обузой”, т.к. естественно, очень сложен вопрос её хранения. Никаких “обитых железом дверей”, как в запасниках Пермской художественной галереи, не было. Кабинеты кафедры помещались тогда в так называемом минералогическом корпусе, наполовину занятом жилыми помещениями. Думается, самым надёжным запором было молчание, неведение».

Правда в том, что документов, которые бы подтверждали приобретение этой коллекции, пока не найдено. И «молчание, неведение» об этой коллекции сохраняется в какой-то степени до сих пор – специалисты о ней знают, а широкая публика, начиная с 1990-х и вплоть до последнего времени, могла ознакомиться с экспонатами минералогического музея ПГУ разве что на «музейной ночи», раз в году.

Но вернёмся к поискам пути попадания коллекции А.К. Денисова-Уральского в Пермский университет. Очевидно, что это был период 1917–1919 годов. «Чудаки забывают, какое это было время», – пишет Н.П. Орлова одному из своих корреспондентов, рассказывая об этой коллекции и имея в виду то, что тогда происходили невозможные события.

По её словам, дело могло быть так: «Николай Васильевич Мешков ещё сохранял связи со своими рабочими и учениками, и он воспользовался возможностью эту коллекцию спасти. Она была упакована [...] и на баржах отправлена в Пермь. Думаю, что это было перед самым-самым 1917 годом, потому что [в записях] учреждения, которое ведало коллекциями и художественными произведениями, доставшимися кадетскому правительству, которое составляло описи при участии Александра Блока* – [в них] кол-

* Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт, один из крупнейших представителей русского символизма.

лекция А.К. Денисова-Уральского не значится. [...] Словом, описи коллекции нет, а она уехала. И приехала в Пермь на баржах. Два ящика при перегрузке упали в воду у пристани, а остальные ящики, очевидно, попали в Пермский университет».

В другом письме она в этом месте делает приписку, что «задача для аквалангистов поискать ящики у старых причалов на берегу Пермского “морья”!»

Н.П. Орлова продолжает: «Эти вещи хранились там же, как и спирт, в гистологической лаборатории (в здании Кирилло-Мефодиевского училища, ул. Пушкина, 76. – *Прим. С.Ф.*). Там же были и другие ценности университета – микроскопы и др. Спрятанные и от красных, и от белых, они сохранились трудами Марии Фёдоровны Поленовой (жена профессора Б.К. Поленова. – *Прим. С.Ф.*). Она-то не эвакуировалась в Томск, как уезжал остальной личный состав Пермского университета. В воспоминаниях Юрия Александровича (Орлова. – *Прим. С.Ф.*) она упоминается как хранительница вот таких ценностей, которые они получили по возвращении из эвакуации из Томска в Пермь».

В приходно-расходной книге Минералогического кабинета Пермского университета, которая до сих пор не введена в научный оборот, есть запись – счёт за телеграмму, которую отправил профессор А.А. Полканов ректору университета 6 августа 1918 года. Он просит «спешно» выслать пермской конторе Каменских-Мешкова 25 тыс. рублей для оплаты счетов Гольдберга. Через неделю снова телеграмма с просьбой немедленно выслать оказией приказание конторе Мешкова уплачивать по счетам университетских кабинетов, чтобы «не случилось, как с [*неразборчиво*], которые, за неимением денег, продали другому». Возможно, это и есть разгадка, а может быть, и нет.

Единственное, в чём можно быть уверенным: что Н.В. Мешков, его пароходство и в этом случае оказались участниками событий, которые привели к тому, что коллекция Денисова-Уральского оказалась в Пермском университете.

Пароходство братьев Каменских-Мешкова, мы помним, национализировали в феврале 1918 года, и пермский купец даже предлагал за свой счёт содержать бухгалтерию, чтобы сохранить порядок: пароходы были его, а грузы – чужие. Их нужно было вернуть хозяевам. Как и компаньон, московский банкир Найдёнов, он слыл человеком слова. Десятилетиями Мешков вёл дела «на доверии». Представить, что теперь всё по-другому, он не мог.

С.В. Семёнова приводит цитату из письма А.К. Денисова-Уральского с ответом П.И.: мол, благодарить его за щедрый дар преждевременно и что «ещё окончательно не решил, буду ли разделять всё высланное на два университета – Пермский и Екатеринбургский, или сосредоточить в одном месте» (*Семёнова С.В. Пламя и камень. Жизнеописание и размышления о том, как жил и работал художник и каменных дел мастер А.К.Денисов-Уральский. Екатеринбург, 2007. С. 25.*)

Решение это зависело от екатеринбургских большевиков. А.К. Денисов-Уральский склонялся в пользу Екатеринбурга и даже обсуждал с властями здание, где мог бы разместиться музей – ему нравился особняк купца Харитонова. Он строил планы до конца жизни работать для этого музея и, по словам С.В. Семёновой, «продолжал упаковывать картины, готовиться к возвращению на родину».

Однако екатеринбургские большевики молчат. В феврале 1924 года он уже требует «дать тот или иной ответ, ибо в зависимости от этого будет решать, как быть дальше с материалами». Его многочисленные просьбы, письма один из его респондентов называет «категорическими».

Там, в Финляндии, среди лесов и озёр, художник не видел изменений, которые стремительно происходили в Екатеринбурге. Тот необратимо перерождался в Свердловск. Не доходили до Усукиркко и екатеринбургские газеты, в которых по поводу процесса М.О. Клера употреблялись выражения «продажная шкура буржуазии», «матёрый агент французского капитала», «шпион и провокатор, у которого два лица» и т.д.

Между тем это было важным обстоятельством: отец подсудимого, Онисим Егорович Клер (1845–1920), был одним из главных создателей Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), первой научной организации Урала. При этом обществе создавался первый краеведческий музей, сначала крохотный, а позднее превратившийся в мощный центр. Он стал крупнейшим краеведческим собранием региона. УОЛЕ выступало главным коллекционером и пропагандистом всего, что связано с историей Урала, застрельщиком многих культурных инициатив, а «вечным двигателем» УОЛЕ, по словам писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912), был О.Е. Клер. Художественная жизнь Екатеринбурга зародилась тоже с помощью УОЛЕ. Более того, одна из первых выставок А.К. Денисова-Уральского проходила в 1891 году в залах этого общества.

В феврале 1924 года, когда А.К. Денисов-Уральский просит дать окончательный ответ, сына основателя УОЛЕ приговорили к расстрелу. Екатеринбург, пронизанный множеством тончайших взаимосвязей, от такого приговора вздрогнул.

Это, возможно, и стало спусковым крючком для фразы одного свердловского большевика: «В подарках белогвардейского выроodka уральский пролетариат не нуждается». (*Семёнова С.В.* Пламя и камень. Жизнеописание и размышления о том, как жил и работал художник и каменных дел мастер А.К. Денисов-Уральский». Екатеринбург, 2007. С. 18.)

Свердловск, по сути, отказался от коллекции великого художника. По крайней мере, хлопоты Денисова-Уральского оказались пустыми: картины уральского живописца так и не были вывезены с его дачи в Финляндии, и судьба их неизвестна.

А великолепная коллекция А.К. Денисова-Уральского мирового уровня осталась в минералогическом музее Пермского университета. Теперь это одно из главных сокровищ Пермского края, наряду с коллекцией пермской деревянной скульптуры, пермским звериным стилем и сасанидским серебром.

К 2020-м годам она несколько поубавилась в размерах: серебряные вещи забрали в Гохран на переплавку для целей индустриализации в 1930-е годы. Тогда же часть камнерезных аллегорических фигур была передана в Пермскую художественную галерею. В 1934–1935 годах что-то утащили студенты и т.д. Но основная часть коллекции А.К. Денисова-Уральского сохранена.

Н.П. Орлова: «В заключение истории всех поисков, обретений, недоумений и обид можно пожалеть, что А.К. Денисов-Уральский напрасно сердился на каких-то «третьих лиц» из Перми, не подозревая, что эти люди сделали всё, что могли, чтобы сохранить драгоценную коллекцию».

Собственно, П.И. в этой ситуации ничего не пришлось особо делать, чтобы сохранить коллекцию Денисова-Уральского за Пермским университетом: он просто уважительно общался с художником, рассказал ему всё, что знал, не делал ни лишних движений, ни резких заявлений. Иногда только это и нужно, чтобы стать замыкающей кнопкой событий.

Вторая ленинградская жизнь

С Пермским университетом Павел Иванович Преображенский протиснулся очень изысканно. Оцените слог: «Не имея возможности совмещать свою службу в Геологическом комитете с преподавательской деятельностью в Пермском государственном университете, покорнейше прошу правление с 1 июля сего года не числить меня на штатной службе [...]. Вместе с этим, не желая терять связи с университетом и надеясь быть ему полезным хотя бы периодически, особенно ввиду отсутствия мне заместителя, прошу числить меня сверхштатным профессором по кафедре минералогии. П. Преображенский. 12 мая 1924 года».

Н.П. Орлова возвращение в Ленинград называет: «вторая наша ленинградская жизнь». Семья перебралась на новое-старое место жительства в мае 1924 года.

Дочь П.И. вспоминает, что осенью того года было большое наводнение. Они жили на высоком первом этаже, на углу Тучкова переулка, и видели лодочника, который плыл прямо по Кубанскому проспекту. Н.П. Орлова помнит рассказ Николая Осиповича Палечека, который в то же время переехал в Ленинград, как тот добирался домой на одну из линий Васильевского острова по колено в воде.

А на следующий день светило солнце: у Зимнего на берег выбросило судно, а на Невском проспекте, вплоть до Литейного, была выворочена мостовая.

В архиве семьи сохранились фотографии проводов Н.О. Палечека из Пермского университета. «В руках у него мимоза – значит, дело происходит ранней весной», – замечает в одном из писем Н.П. Орлова. Кстати, нет подобных фотографий с П.И., хотя провода из Пермского университета были традицией. Они предполагали целый ритуал: уезжающему говорили напутственные слова, добрые пожелания, приносили благодарность за всё хорошее, что было сделано для университета, профессоров, преподавателей и студенчества. Затем обязательный банкет с пирогами «домашнего печения», винегретом и тоже с речами. Традицией было говорить такие тёплые и душевные слова, что, к примеру, профессор А.А. Заварзин на проводах, по воспоминаниям, «плакал, как маленький ребёнок».

Почему так? Возможно, потому, что П.И. уезжал из Перми не по-настоящему. Несмотря на место жительства – Ленинград, местом работы П.И. вплоть до конца 1937 года оставался в основном западный склон Урала.

Из письма другу, профессору Обручеву, который тогда работал в Московской горной академии, узнаём о жизни П.И. осенью 1924 года: «Я переселился в Питер со всеми чадами и домочадцами. Имею хорошую квартиру в четыре комнаты (Васильевский остров, Тучков пер., д. 6, кв. 4), а так как, благодаря друзьям, большая часть обстановки уцелела, то и есть на чем сидеть и лежать. Словом – всё в порядке. Лето провёл в больших передвижениях: сначала Богословский округ – по вопросу о сохранении Фёдоровского музея, затем Усолье-Пермское – по вопросу бурения на соль, далее Павлодарский соляной район – для составления программы исследования соляных озёр, и наконец, август и сентябрь – в Кокчетавском уезде на съёмке и по разведке Ишимского свинцового месторождения. В Питер вернулся 27 октября.

Сейчас занят сметами по бурению на калийные соли около Соликамска. Дело очень крупное, надо втянуть в него Наркомзем. Не можете ли Вы и Серёжа (Сергей Владимирович Обручев [1891–1965], сын В.А. Обручева, в то время работал в Геолкоме ВСНХ СССР. – *Прим. С.Ф.*) помочь этому предприятию? Комитетская смета – 15 тыс., а нужно около 75 тыс. руб., и моё мнение, что его надо ставить именно в этих размерах, – тогда выйдет толк. Не возьмётесь ли Вы или С.В. проводить это дело в Москве. Сообщу все материалы. Почти готов гарантировать благоприятный результат бурения»*.

И ещё одно знаменательное событие случилось той осенью: 21 ноября 1924 года в Петроградском ЗАГСе Ленинграда поженились дочь П.И. Наталья Павловна Преображенская и Юрий Александрович Орлов, будущий академик, в честь которого сейчас назван один из лучших палеонтологических музеев мира.

Они познакомились в Перми, в университете, где Ю.А. Орлов был ассистентом великого А.А. Заварзина.

Спустя годы, в 1943 году, в частном письме дочь напишет отцу: «Ещё я додумалась – хорошо, что ты и мама подтолкнули наш брак с Ю.А. – обычно высокие мерки приводят к старому девичеству – ничего весёлого».

А перед смертью П.И. признавался дочери, что она и зять самые родные для него люди.

---

* Приложение (№ II-16).

Юрий Александрович Орлов

«У Юрия Александровича долго сохранялась привычка голодных военных лет – отправлять в рот крошки хлеба, смахнув их со стола в ладошку», – пишет в воспоминаниях его сын, внук П.И., Олег Юрьевич Орлов.

Как и многим из его поколения, судьба Ю.А. Орлову (1893–1966) досталась такая, что хочется немного изменить настройки: слишком ярко и неправдоподобно. Но это всё было на самом деле.

Он родился в Вельске. Его отец, Александр Фёдорович Орлов (1855–1940), был дворянином, действительным статским советником, чиновником удельного ведомства Вологодской и Архангельской губерний. Но в газете «Правда», в некрологе Ю.А. Орлова, отца окрестили лесничим. Мать – Вера Павловна Тумаркина (1862–1899) – работала врачом-отоларингологом в Санкт-Петербургской консерватории. Она умерла, когда будущему академику было шесть лет, а перед этим скончалась его маленькая сестра. Это была огромная семейная трагедия – отец, чтобы не обезуметь от горя, работал на железной дороге, разгружая по вагону в день, а потом уехал на Север. «Здесь, в северных лесах и на северных реках, я и рос до самого поступления в университет», – напишет Ю.А. Орлов в книге «В мире древних животных».

Зимой, почти всё свободное от домашнего обучения время, они проводили на лыжах, а лето – на лодке. В доме не держали ни икон, ни портретов царя, зато было много книг, особенно по естествознанию и истории. После революции их реквизировали в местную библиотеку. А лабораторное оборудование, которое отец Ю.А. Орлова приобрёл для своих сыновей – он учил их дома, поступило в Вельский техникум. Это к вопросу о том, насколько серьёзно подходил А.Ф. Орлов к домашнему обучению.

Ещё он считал, что год путешествий равен двум годам учения в университете, и брал сыновей в служебные поездки. Ю.А. Орлов вспоминает: «Мы вскоре хорошо знали сплав брёвен, их сплотку в огромные паромы: осмотрели старые, дымные “смолокурные печи” и новые душистые канифольно-скипидарные заводы; много раз бывали на шумных лесопильных заводах. [...] Мы подробно осматривали северную старину с её монастырями, скитами, старыми бревенчатыми церквями, тесовыми куполами и старообрядческими “молельнями”; с жадным детским любопытством смотрели мы на старинное оружие и утварь в местных музеях и у любителей старины; наблюдали быт населения, вслушивались в своеобразный сонорный говор [...] и другие обороты старинной русской речи;

наблюдали всё, что считал поучительным отец и что привлекало наше собственное внимание, но прежде всего и больше всего – природу. Нам были с объяснениями показаны сухой и светлый сосновый бор с белым оленьим мхом, влажный тёмный еловый лес и смена леса на горях и вырубках; заболачивание лесных озёр и т.д.» В одну из таких поездок они осмотрели раскопки профессора Амалицкого* на Северной Двине, которые произвели неизгладимое впечатление и запомнились на всю жизнь.

А.Ф. Орлов настойчиво учил сыновей языкам, а также музыке. Причём на таком уровне, что когда пришла пора выбирать учебное заведение, Юрий Александрович всерьёз рассматривал поступление в консерваторию, но выбрал Петроградский университет, физико-математический факультет. Начал «по математическому разряду», а через год перешёл на отделение естественных наук по группе биологии. Вслед за своим учителем А.А. Заварзиным он отправился в Пермский университет, работать ассистентом на кафедре гистологии медицинского отделения.

Н.П. Орлова: «Юрий Александрович всегда сознавал, если можно так выразиться, своё “место” среди других людей. И такое, с одной стороны, чувство долга, постоянных обязательств по отношению к окружающим. Оно выражалось в том, что он никогда не высовывался вперёд. Он никогда не выбивался из очереди, никогда не старался уступить свою очередь другим. Такое повышенное чувство долга – это всё шло из дома его отца Александра Фёдоровича. У них дома не водилось ни вина, ни папирос, ни карт. Я бы прибавила ещё, что не водилось и пересудов. Всё было направлено на разумную работу. Некогда было ни болтать, ни бездельничать. Вот эта сосредоточенность и выработала у него и такое отношение к работе, и к своим товарищам. Причём ему посчастливилось – он очень рано попал в Перми ассистентом на кафедру. В сущности, если не мальчишкой, то юношей он пришёл в университет, в среду студентов, которых ему приходилось учить. Студенты были почти что его ровесники».

Ю.А. Орлов записал свои первые впечатления о Пермском университете: «При виде больших, чисто выбеленных, но совершенно пустых комнат Кирилло-Мефодиевского училища как-то было трудно представить себе, что “это и есть университет”, что это и есть начало той большой работы в области науки и изучения природы “обширного прикамского приуральского края”, как писалось тогда в многочисленных докладных записках».

Н.П. Орлова: «Заварзин был незаурядным руководителем, в высшей степени требовательным по отношению к себе, к тому, как поставлено преподавание, и это способствовало такому настоящему университетскому духу, который Юрий Александрович до конца жизни пронёс. [...] Университет – это было его детище. Университет, планы дальнейшего преподавания. Кроме того, у Заварзина были с самого начала близкие очень отношения с Мешковым. [...] И вот это почтительное отношение, любовное отношение к Мешкову – человеку, который предан своему делу, предан просветительству – оно – Мешков, Заварзин – передавалось и более молодым».

Пермский университет стал для Ю.А. Орлова местом, где он «взял свой след», и потому вспоминал он его всегда с теплотой.

Ещё он был адептом так называемой «мемориальной археологии»: и сам оставил подробные воспоминания, и других к этому побуждал. Благодаря Ю.А. Орлову нам

* Амалицкий Владимир Прохорович (1860–1917), русский геолог, палеонтолог, исследователь позвоночных пермского периода.

известны многие факты того времени, интересные подробности. Например, вплоть до 2000-х годов единственная известная фотография ректора ПГУ с октября 1919 по 1922 год Николая Петровича Оттокара (1884–1957) была получена от Ю.А. Орлова. Это тот самый Оттокар, который от имени Пермского университета писал запросы в министерство, чтобы П.И. направили к ним, и он же слал телеграммы в Омск, на судебный процесс.

Орлов в 1958 году летел в Пекин для обсуждения плана работы советско-китайской палеонтологической экспедиции, а рядом оказалось место профессора славистики *Leone Pacini* (1907–1990), того самого, который перевёл на итальянский язык всего Гоголя. Они разговорились, и на вопрос, каким образом он так свободно говорит по-русски, выяснилось, что итальянец изучал его у Н.П. Оттокара в университете Флоренции. О бывшем ректоре с 1922 года не было никаких известий: он уехал в командировку в Италию завершать научную работу, и больше о нём не слышали. Профессор *Pacini* прислал Орлову фотографию Оттокара, которая впоследствии и тиражировалась во всех книгах об истории университета, а также рассказал, что учёный всё время работал во Флорентийском университете и был выдающимся медиевистом – заслуги его таковы, что в честь него во Флоренции назвали улицу.

В Перми Ю.А. Орлов прожил с 1916 по 1924 год, пережил две революции, дважды через город прокатился фронт Гражданской войны, вместе с университетом он был эвакуирован в Томск, а потом вернулся обратно.

В Перми у них было общее дело: П.И., ставший деканом агрономического факультета, поручил Ю.А. Орлову организовать кабинет домашних животных и читать лекции по этому предмету. По воспоминаниям, он взялся за это с жаром и стал собирать материалы по их анатомии, особенно по скелету – источником материала была бойня, которая находилась недалеко от ПГУ.

В 1925 году Ю.А. встал перед главным выбором своей жизни: идти по проторённой дороге гистологии, которой успешно шёл последние десять лет, или же, поставив на карту всё, включая материальное благополучие семьи, кардинально поменять научные интересы.

«Меня тянуло из мрачного здания анатомического института, с его банками, склянками и формалиновыми препаратами, на природу; влекло к истории Жизни, к тем поразительным по своей наглядности документам прошлого, которые встречаются в земле в виде окаменевших раковин и костей», – писал Ю.А. Орлов.

Свою жизнь Орлов решил переменить после судьбоносного разговора с профессором П.И. Преображенским, – об этом он честно пишет в главе «Как я стал заниматься палеонтологией». А первым шагом стало решение использовать свой отпуск для работы в палеонтологической экспедиции в Западной Сибири и Северном Казахстане в 1925 году, куда его взяли простым рабочим, потому что у него ещё не было никаких заслуг в палеонтологии. Очень скоро, после первой же поездки, они появились – он нашёл местонахождение древних животных.

Там и определилась его дальнейшая жизнь. Судьба дала знак – ему открылось местонахождение третичной фауны млекопитающих, а когда обрабатывал собранный материал, познакомился со своим будущим руководителем – профессором А.А. Борисяком (1872–1944), основателем Палеозоологического института.

Палеонтология навсегда вошла в жизнь Ю.А. Орлова, изменила её. Тем не менее доцентом кафедры цитологии и гистологии в Институте исследований мозга и военно-медицинской академии в Ленинграде Орлов работал вплоть до 1935 года, совмещая таким образом две профессии, которые, казалось бы, совсем не пересекались. Однако же логика в его научных исследованиях была: от сравнительной морфологии нервной системы животных он плавно перешёл к изучению эволюционного развития мозга ископаемых млекопитающих и стал основоположником палеоневрологии, совершенно нового направления.

С 1935 года Ю.А. Орлов почти всё время находился в Москве, обустроив Палеонтологический институт, или в экспедициях. А Н.П. Орлова продолжала жить с детьми в Ленинграде: никакого довоенного домашнего семейного очага не было. «Теперь-то я догадываюсь, чем была эта жизнь для нашей мамы, молодой, красивой, женщины с прекрасным голосом, вынужденной самой разбираться с шайкой не слишком гладких сыновей, с нашей маленькой сестрёнкой на руках», – пишет О.Ю. Орлов.

В 1938–1939 годах тучи над ним сгустились: не в том дело, что он был зятем министра в правительстве Колчака, а отец его имел царские награды, а в том, что потерпела неудачу организованная им палеонтологическая экспедиция на остров Врангеля. Мамонта, как ожидалось, не нашли. «По бокам от меня стояли два красноармейца с винтовками и примкнутыми к ним штыками, я отвечал на вопросы стоя», – вспоминает Орлов о своём допросе в Прокуратуре СССР на ул. Пушкинской в Москве, откуда не все выходили. На следующий допрос он взял с собой смену белья, но, к счастью, дело закрыли.

После войны он был назначен директором Палеонтологического института АН СССР, который и возглавлял до своей смерти, более двадцати лет. К слову, одним из его сотрудников был писатель И.А. Ефремов. Но это так, очередная случайная связь.

«Быть директором института отцу помогал не только большой опыт организационной работы, но и беспартийность, позволявшая ему сквозь пальцы смотреть на решения институтского партбюро, в которое входили не только профессор Т.Г. Сарычева, но и институтская уборщица. Но всё это было пустяками, по сравнению с внешними по отношению к институту событиями, которые запомнились как череда погромов», – пишет О.Ю. Орлов. И ещё одно горькое признание: «Я думаю, на протяжении его жизни было столько бессмысленных кровопролитных потерь, цинизма и лжи».

Имя Ю.А. Орлова золотыми буквами вписано в историю российской науки: его интересы, как учёного, отличали широта и разнообразие. Как организатор или, выражаясь современным языком, визионер, он предопределил развитие палеонтологии в СССР – на мировом уровне. Он был неустанным популяризатором научных знаний и, как заведующий кафедрой палеонтологии МГУ, подготовил множество исследователей.

Академик Владимир Васильевич Меннер (1905–1989) однажды сказал: «Самое большое, что Юрий Александрович сделал, это то, как он представил русскую науку за рубежом».

Н.П. Орлова: «Это действительно так. Потому что Юрий Александрович приезжал не только как специалист. Он приезжал как человек, который искренне интересуется тем, что делается там. Он искренне делился тем, чем он мог поделиться. Он, прежде всего, приезжая на новое место, интересовался тем, что там из себя представляет уни-

верситет. Первый раз он попал в Индию, познакомился, бывал в студенческом городке, подружился там со студентами. Потом, когда проездом был в Париже, то побывал в Сорбонне. И он пользовался очень большим успехом у студентов именно. Он очень дорожил этим. Для него студенчество, подрастающее поколение, – было самое такое большое детище. Потом уже был музей».

Одним из главных трудов в жизни Орлова, воплощения которого он добивался долгие годы, стал палеонтологический музей. Несмотря на то что на решении о его строительстве стояла подпись первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1906–1982), всё продвигалось очень сложно. Но трудности были преодолены, и мечта академика осуществилась: палеонтологический музей в Москве открылся. И более того, вошёл в число лучших палеонтологических музеев мира. С 1967 года он носит имя Ю.А. Орлова.

Соль земли

«Существует какое-то таинственное единообразие в том, как открывались крупнейшие месторождения Урала: сначала полное неведение, потом проблеск в виде случайной находки, затем упорство и подвижничество одиночек. И наконец, открытие, сопровождающееся удивлением: как это люди умудрялись столько долгих десятилетий и даже веков не замечать того, что лежало буквально на поверхности?» – такими словами начинается Геннадий Бординских (1959–2014) книгу «История длиной в столетие» об открытии Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей.

И раньше, и сейчас калийные удобрения – источник плодородия, пища для растений. И растениям, и человеку, и почве калий нужен как воздух. И он незаменим. Недостаток калия – это всегда плохо: растения развиваются медленнее, листья у них желтеют, фрукты становятся менее сладкими, хуже переносят засуху и морозы.

«Калий – основа жизни», – написал в одной из своих книг академик А.Е. Ферсман.

Вот он какой, этот щелочной металл! А ещё его можно резать ножом, он держится на поверхности воды, всплывает со взрывом фиолетовым цветом и входит в состав нескольких сотен минералов.

Месторождений калийных солей в мире мало, и каждое – на вес золота, а может, и дороже.

В начале XX века лидером калийного рынка, по сути монополистом, являлась Германия, которая и диктовала цены. Она же была экспортёром калийных удобрений, продавая России этот продукт за твёрдую валюту. Там же, к слову, пробурили первые скважины «на соль» в 1839 году, и Германия первой создала калийную промышленность.

Альтернативой калийной соли был поташ, который в России получали путём выварки золы из стеблей подсолнечника – культуры, быстро истощающей землю. Арабское слово «каль-али», от которого пошло название «калий», и означает «зола растений».

С началом Первой мировой войны в России активизировались поиски своих месторождений калийных солей, правда неудачно – их искали в Прикаспийском нефтяном районе. А в Пермской губернии начало работ по поиску калийных солей отсчитывают с 1906 года. (Л.Я. Трунов. Калий и магний Верхнекамья. Начало пути. Т. 1. Соликамск, 2011. С. 97.)

На севере Прикамья поваренную соль добывали с XV века. Это был главный бизнес региона на протяжении столетий.

Собственно, главным источником богатств Строгановых была именно соль. Основателя династии Аникея Строганова (1488–1569) официально считают создателем солевой промышленности в Перми Великой. Это не совсем так. Серьёзные исследователи называют первыми мастерами-солеварями, которые начали в этих местах проходку скважин, предпринимателей Калинниковых. Они обосновались на берегу реки Боровой в 1420–1425 годах. А в 1430 году перенесли свои солеварни на берег реки Усолки, на место селища коми-пермяков или их предков, живших здесь в IX–XV веках. Вокруг этого соляного промысла и возникло новое поселение, которое сначала называлось Усолье Камское, потом Соль Камская и, наконец, Соликамск – под этим именем город известен и теперь.

Рост Соликамска и соляного промысла произошёл, когда Пермь Великая стала плацдармом для рывка в огромную, неизвестную Сибирь. Строгановы профинансировали экспедицию Ермака, которая выступила из их Орла-городка. По другим данным – из их же Чусовских Городков, где через столетия П.И. найдёт нефть.

В итоге Соликамск обрёл статус важного перевалочного пункта по «государевой дороге» в Сибирь. К этому времени царь Иван Грозный уже пожаловал Строгановым огромное количество земли, размером с небольшое европейское государство. Потом так же поступали другие царствующие особы и императоры – Строгановы стали надёжной опорой верховной власти, щедро делясь богатством и поддерживая во всех государственных начинаниях. А государям земли для Строгановых было не жалко: неосвоенной территории – море. Даже, скорее, океан.

Строгановы и принялись развивать этот край, по мере возможностей возводя церкви, строя больницы, театры, школы и посылая способных детей на обучение в Санкт-Петербург.

В XVII–XVIII веках в центре Соликамска был построен архитектурный комплекс из храмов, часовен и звонниц. Московские, новгородские и владимирские богомазы, каменщики и кузнецы создали удивительный по своей выразительности ансамбль: белые, высокие, резные строения среди чёрных изб смотрелись впечатляюще, точно мираж. Да и сейчас среди серых типовых пятиэтажек средневековые храмы выглядят как привет с другой планеты, где живут более разумные существа.

Вся история соляной столицы Прикамья проходит через эти храмы. Здесь, в Богоявленской церкви хранится икона Николая Угодника, которую, по преданию, подарил соликамцам Иван Грозный. Здесь, в одном из храмов, топором рубили бороды по указу Петра I. Летописец написал об этом событии: «При виде остриженных отцов и мужей, дети и жёны подняли страшный вой, словно над покойниками, и возврат семей после богослужения в дом уподоблялся похоронному шествию». Здесь же хранились сокровища Русского музея, эвакуированные в Великую Отечественную войну.

Недалеко от этого архитектурного комплекса, в бывших зданиях мужского монастыря, таких же белых и древних, в 1930-е годы разместится трест «Союзкалий»: кабинеты будут даже в алтаре!

Кстати, прическазка «пермяк – солёные уши» означает, что у соленош (была такая массовая профессия – соль носить) распухали уши от разъедавшей их соли, которая высыпалась из мешков на спине.

В.И. Немирович-Данченко (1858–1943), посетивший пермские соляные промыслы в конце XIX – начале XX века, пишет о «людях на скотской работе»: «Всё безотрадно,

уныло. Лица усольцев, попадающихся навстречу, кажутся суровыми; везде бедность непокрытая... Амбары просолились насквозь. Здесь и потеют соляным раствором, и плачут соляными слезами. [...] Работу, исполняемую паровой машиной, у других солеваров усольских делают наёмные солёносы. Каждый из них берёт мешок весом от четырёх до пяти пудов и тащит его на голове вверх по наклонной плоскости. Отдыха почти не полагается. [...] Чем я вообще больше всматривался в усольский соляной промысел, тем отчётливее он являлся мне истинным рабочим адом».

Основная прибыль соляных промыслов шла в столицу. На протяжении веков Строгановы инвестировали доходы от продажи уральской соли в балы, войны и разные, как тогда казалось, причуды, вроде бесплатной школы рисования. В дальнейшем эта школа будет известна как Строгановское училище (теперь – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова). Они строили дворцы в Санкт-Петербурге, имения и поместья в разных концах страны, храмы, железоделательные и медные заводы и т.д. Пермской соли обязаны своим появлением строгановская школа иконописи, строгановское золотное шитьё, одно из направлений барочного стиля в русской архитектуре.

Но нужно отметить, что вплоть до начала XX века в Соликамске добывали только белую, пищевую соль. Временами встречались упоминания о разноцветной соли – жёлтого, голубого, розового цветов. Она была горькой и непригодной в пищу. «И животу вред приносит», – написал Никита Попов в газете «Казанский листок» в 1816 году, рассказывая о некоторых особенностях соликамской соли.

Соликамскую соль неоднократно исследовали геологи. В обширной монографии Л.Я. Трунова «Калий и магний Верхнекамья. Начало пути» (Соликамск, 2011) называются фамилии геологов А.А. Чернова, который исследовал геологическое строение окрестностей Соликамска на рубеже XIX и XX веков, и П.И. Кротова, чей отчёт об этой местности датирован 1888 годом.

Известно, что ещё в 1906 году при проходке Людмилинской скважины* красноватые прослойки соли были особо отмечены. Техник одного из Верхнекамских заводов Н.П. Рязанцев (1882 [1883?]-1934) направил образцы породы и их анализ, сделанный местным аптекарем, в Санкт-Петербург, в Геологический комитет. Однако ответ из столичной лаборатории тогда пришёл отрицательный: «В соликамских солях обнаружен самый ничтожный процент калия. Такие соли никакого промышленного значения не имеют». В советской литературе было принято толковать этот факт происками агентов германской промышленности на том основании, что руководителем лаборатории Геолкома был немец Гальфгаузен.

А современные исследователи пишут, что система бурения, применявшаяся тогда в пермском соляном деле, была совершенно непригодна для отыскания калийных солей: в процессе работы вся масса горных пород превращалась в «кашу» с водой; перемешивались и все пласты. Из этой «каши» и были отобраны образцы для анализа, который дал отрицательный результат.

В 1911–1915 годах горный инженер И.Н. Глушков (1873–1916) на страницах печати высказывал мнение о необходимости поиска калийных солей в недрах Прикамья

* Сохранившаяся Людмилинская соляная скважина на территории бывшего Троицкого солеваренного завода является достопримечательностью Соликамска.

и предлагал начать бурение. (*Л.Я. Трунов. Калий и магний Верхнекамья. Начало пути. Т. 1. Соликамск, 2011. С. 99.*)

В 1916 году обследования территории проводил горный инженер Г.Р. Деринг (1868 – после 1936), который получил от Н.П. Рязанцева образцы цветной соли из Людмилинской скважины.

«Г.П. Деринг был на миллиметр от открытия, помешало ему то, что бурение тогда велось ударным методом, а этот метод был совершенно не подходящ для отыскания калийных солей», – писал геолог Н.А. Шадлун (1883–1932). Деринг собрал на местных солязаводах несколько образцов солей с содержанием калия. Присутствовал он и при бурении скважины и даже увёз с собой множество красных кусков соли, поднятых из неё. Но тогда открытия не случилось.

Примечательно, что детальное изучение Соликамского района сразу после революции проводил известный геолог А.Н. Рябинин (1874–1942), на тот момент профессор Московской горной академии, директор Геолкома в 1921–1923 годах. Он изучал рассолоподъёмные трубы (прообраз буровых скважин) Березников, Лёнвы, Дедюхина, Усть-Боровой, Соликамска и т.д. и поставил вопрос о разведочном бурении на калийные соли в Соликамском районе.

Такое же заключение дал и академик Н.С. Курнаков (1860–1941), который вместе с инженерами К.Ф. Белоглазовым (1887–1951) и М.К. Шматко в 1917–1918 годах исследовал рассолы соликамских соляных источников и проводил их химический анализ. (*Л.Я. Трунов. Калий и магний Верхнекамья. Начало пути. Т. 1. Соликамск, 2011. С. 108.*)

В бумагах Н.В. Мешкова, в записях о железной дороге от Оренбурга вдоль Западного Предуралья в Печорский край, которые были сделаны на основе изысканий 1911–1918 годов, о калийных солях в Соликамском и Чердынском уездах говорится как о факте: «давно обнаружено присутствие». В 1919 году Мешков пишет: «Проходя как раз вдоль всех существующих соляных промыслов, железная дорога, при технических изысканиях своей трассы и бурении колодцев для водоснабжения [...], может попутно принять участие и в бурении для выяснения мощности пластов калийных солей. Для нашей земледельческой страны более чем важно иметь своё, а не заграничное калийное удобрение. И несомненно, что только железная дорога, идущая с юга, из хлебных, сахарных, хлопковых и других урожайных районов, к ближайшему новому северному океанскому порту, может дать жизнь, может быть, очень крупной калийной промышленности».

«В 1921 году, – пишет Л.Я. Трунов, – была предпринята попытка вскрыть калийные соли разведочным шурфом, который был заложен на территории Соликамского солеваренного завода». (*Л.Я. Трунов. Калий и магний Верхнекамья. Начало пути. Т. 1. Соликамск, 2011. С. 111.*) Но за полгода смогли пройти семь метров, после чего разведочный шурф затопили подземные воды.

Людмила Рафиенко пишет, что «в начале 1924 года во время поездки в Березники П.И. Преображенский обнаружил в коллекции солей на Березниковском содовом заводе образец соли розового цвета. Он знал, что геологи с начала XX в. считали возможным наличие здесь калийных солей, но, несмотря на геологические исследования, месторождение не было обнаружено».

Другие исследователи считают, что «по соляной части» П.И. пошёл в 1923 году. Как бы то ни было, началась новая страница в биографии профессора – вся его дальнейшая

деятельность была связана с изучением соляных месторождений СССР. Но и в истории Прикамья тоже началась новая глава: до появления в Соликамском районе профессора Преображенского работа была проделана огромная, но без результата.

Всё сходилось на том, что необходимо разведочное бурение, но где его проводить?

Ошибки могли быть чреватые: в литературе легко найти сведения о том, что сел в тюрьму как вредитель технический руководитель «Пермсоли», который в 1920 году сделал проходку шурфа для поиска калийных солей, но – неудачно.

Для того чтобы сузить поиск, решили обследовать архивы солезаводчиков Строгановых и других промышленников, которые добывали соль – их было немало.

В архиве семьи П.И. есть акт от 24 июня 1924 года о том, что в Ильинском «на основании мандата [...] вскрыли архив бывш. Строгановых (так в тексте. – Прим. С.Ф.) и произвели его осмотр. Печати, которыми был запечатан архив, найдены целыми. Осмотр производился в присутствии...» и далее список из трёх человек, и в их числе профессор Преображенский.

Сохранилось и удостоверение Уральского областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и областного архивного бюро, которые удостоверяют, что «Павлу Ивановичу Преображенскому поручен учёт заводских и рудничных архивов в районе трестов Средне-Уральского, Богословского, Пермского, Пермсоли и Уралхима. Облархив предлагает всем лицам и учреждениям [...] допустить проф. Преображенского к ознакомлению с архивами. [...] Кроме того, Преображенскому поручено собрать необходимые сведения о состоянии архивов и условиях хранения их. Облархив просит, ввиду важности порученной проф. Преображенскому задачи для будущего развития уральской промышленности, оказать ему всяческое содействие в работе». Документ составлен 28 мая 1924 года.

Как в воду смотрели! Вплоть до сегодняшнего дня важность сделанных впоследствии открытий для развития уральской промышленности сложно переоценить. Как и для статуса Перми и Соликамска.

Напомним, что Пермь к этому времени уже утратила своё губернское значение, превратившись в центр небольшого округа. А Соликамск к 1924 году представлял собой село, в котором проживало три тысячи человек трудоспособного населения, из которых две тысячи стояли на бирже труда. Центром Верхнекамского округа по новой административной реформе стало Усолье, к нему теперь относились территории бывшего Чердынского уезда, Лёнвинского и Кизеловского районов, весь Коми-Пермяцкий автономный округ и, собственно, Соликамск.

Настроения в Соликамске были примерно такие же, как те, что увидел русский историк Василий Берх (1781–1834/1835), проезжая через город в начале XIX века, после того как новый Сибирский тракт прошёл через Кунгур: «Ныне увидит путешественник в городе сём одни только развалины, свидетельствующие о прежнем великолепии оного».

Но уже в 1926 году всё стремительно изменится. Центром округа станет Соликамск, сюда же спешно переедут органы ВКП(б) и советской власти. Здесь закипит бурное строительство. К 1935 году в Соликамске уже будет 30 тыс. жителей!

Открытие профессора Преображенского вдохнёт новую жизнь в это древнее место. Настолько новую, что на рубеже 1930-х годов всерьёз будут обсуждать переименование города с пятивековой историей в Калийград.

Открытие Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей

Константин Паустовский (1892–1968) в рассказе «Соль земли» так описывает открытие месторождения: «Дело, собственно, в том, что соль на Верхней Каме – так называемую “пермянку” – начали добывать ещё во времена Ивана Грозного. Местность эта издревле гремела солью. Там и названия солёные – Соликамск, Усолье, Сысольск. Весь тот край отдали во владение купцам Строгановым, – между прочим, прекрасный пример феодализма, прямо просится в хрестоматию. Соль варили в бревенчатых варницах и везли обозами во все углы Московского государства. Это дело давнишнее. А вот недавно профессор Преображенский был послан в Соликамск обследовать тамошние соляные месторождения.

– Забавный город, – вздохнул химик и заглянул в окно.

Луна блеснула глухим пламенем в болоте и медленным метеором ворвалась в частый ельник. Она не отставала от поезда ни на шаг.

– Замечательный город, особенно зимой. Средневековые соборы, старики в голубых поддёрвках, снега да изразцовые печки. В этом сонливом городишке Преображенский заложил первую буровую скважину. Результаты получились неслыханные».

Профессор Е.Д. Шлыгин излагает то же самое, но с другой точки зрения: «Научный прогноз П.И. Преображенского в отношении Соликамского месторождения был действительно крупнейшим достижением геологии. Исходным материалом для такого прогноза явились данные Курнакова по анализу рапы (рапа – концентрированный раствор солей. – *Прим. С.Ф.*). Но в своё время было очень мало оптимистов в отношении нахождения калия на Урале. Средства на работу П.И. приходилось собирать по грошам.

Начало соликамских разведок финансировали несколько учреждений: Геолком, Главхимпром (кажется, так называлось это учреждение), Пермсоль и др. Как выражался сам Преображенский, ему приходилось ходить по учреждениям “со шляпой”. Средства давали с большой неохотой».

На фотографиях «соликамского периода» рядом с Преображенским часто стоит его коллега А.А. Иванов, который оставил о П.И. вот такие воспоминания: «Он проявил исключительную энергию и настойчивость в деле постановки разведки на калий, непреклонно веря в успех дела. На его плечи легла вся тяжесть начального этапа работ. Благодаря его кипучей деятельности, энтузиазму и уверенности в своих действиях... были

преодолены все трудности, и начатое дело блестяще увенчалось открытием величайшего в мире месторождения калийных солей».

Трудностей было более чем достаточно.

Дополнительных денег, о которых П.И. писал Обручеву, найти не удалось. Как впоследствии вспоминал П.И., «сумма в 15 тыс. руб. – в сущности все те затраты, которые были произведены на непосредственное открытие Верхнекамского калийного месторождения».

А оборудование для бурения пришлось собирать со всей страны. Л.Я. Трунов пишет, что буровой станок «Девис-Каликс ВФ-1» привезли с Мариинского прииска в Сибири, по последнему санному пути. Он был в разобранном виде и простаивал с 1914 года, только двигатель работал на приисковой обогатительной мельнице. Ремонтировать всё это хозяйство отправили в Свердловск. Локомотив для бурения прибыл из Ленинграда. Буровое оборудование – из разных мест Урала, Курской области и Кавказа, а часть изготовили в мастерских Перми, Кунгура и Соликамска.

Сложность состояла и в том, что с Соликамском отсутствовало железнодорожное сообщение. Поэтому грузы приходилось доставлять по старинному Чердынскому тракту гужевым транспортом со станции Усольская, за 30 км от пункта назначения. Если груз прибывал водным путём, то от пристани расстояние всё равно было значительным – 7 км.

Буровую построили из брёвен на левом берегу реки Усолки, на территории бывшего Троицкого солеваренного завода, на окраине Соликамска. Она находилась в 300 метрах от той самой Людмилинской скважины, из которой в 1906 году образцы соли были отправлены в Геолком. Напомним, ответ тогда был отрицательным: калийных солей нет.

К бурению приступили в начале сентября 1925 года. В начале октября на глубине 91,7 метра обнаружили слой резко цветных солей. Октябрь в Соликамске ещё суровее, чем в Перми: тучи ещё ниже, цвет их почти чёрный, а ветер такой, что проникает сквозь любую одежду, до самых костей, выдувает не только тепло, но и душу.

Е.Д. Шлыгин: «Помню день открытия этого месторождения. Первые анализы на калий проводил как будто Н.Н. Ефремов в лаборатории химического или металлургического факультета Уральского университета. [...] Я находился на втором этаже [...] Уралгеолкома, который тогда занимал здание бывшей богадельни. В нижнем этаже находилось общежитие, а вверху домашняя церковь, куда вела довольно широкая каменная винтовая лестница. Находясь в бывшем помещении церкви, я вдруг услышал какой-то восторженный крик, грохот и шум на лестнице. Мы бросились туда и увидели вбегающего по лестнице П.И. Преображенского, сбросившего на ходу шубу и радостно кричащего: “Да понимаете ли вы, что такое 32% калия?” Рукой он потрясал бумажку, на которой был написан этот анализ».

Официальной датой открытия Верхнекамского месторождения калийно-магниевого солей считается 5 октября 1925 года.

Скважину бурили до января 1926 года – нужно было определить мощность пласта калийной соли. Выяснилось – 120 метров!

Е.Д. Шлыгин: «Припоминаю волнение и озабоченность Павла Ивановича по мере развития разведки и получения благоприятных результатов на Соликамском калийном месторождении. Каждая новая скважина в районе Соликамска расширяла и без того огромную площадь месторождения. Все дотоле известные месторождения калий-

ных солей имели ограниченные размеры, представляя совокупность отдельных линз. Неслыханные размеры заронили в П.И. сомнение в правильности интерпретации непрерывного распространения калиевого горизонта. В один из дней раздумья он представил себе, что по простой случайности пробуренные скважины стихийно вскрывают лишь отдельные линзы. Этот червь сомнения долго точил П.И. Преображенского, пока он не поверил в огромность калиевого горизонта Соликамска».

Сомнения были понятны: где бы ни бурили разведочные скважины, они утыкались в калийную залежь. В 1926 году оказались результативны все заложенные скважины, а бурили уже тремя станками! Было от чего потерять голову.

Профессор А.В. Николаев (1902–1977): «Действительно, вначале было трудно поверить, что у нас вообще есть калий, ведь что калия у нас не может быть на обычных глубинах, на все голоса утверждали немецкие, а тогда это значило мировые авторитеты. Ещё труднее было сразу принять, что калия найдено столько же, сколько есть в Стасфурте*, а совершенно невероятным казалось представление, что обнаружено удивительное по составу (без сульфатов), по величине запасов и мощности отложений мировое месторождение калийных солей».

В отчёте об итогах 1926 года П.И. Преображенский писал: «Работы отчётного года принесли нам уверенность в громадных запасах калийных солей, имеющихся у нас, запасах настолько больших, что они являются интересными не только в масштабе СССР, но и для всего мира. Остаётся их умело использовать».

Параметры Верхнекамского месторождения солей, которое к настоящему времени является хорошо изученным, впечатляют: гигантская линзообразная залежь имеет протяжённость 205 км и ширину 55 км. Она захватывает территории нескольких городских и муниципальных округов Пермского края – Березники, Соликамск, Чердынь, Красновишерск, Добрянку, Александровск.

До открытия Саскачеванского калиевого бассейна в Канаде Верхнекамское месторождение считалось крупнейшим в мире. Сейчас оно активно эксплуатируется. Здесь добывают сильвинит – основу калийных удобрений, карналлит – сырьё для магниевой промышленности, каменную соль, из которой производят техническую, кормовую и пищевую соль, а также рассолы, используемые в производстве соды и в энергетической промышленности.

А тогда всё только начиналось: уже в августе 1926 года на уровне руководства СССР было принято решение об организации «калийной промышленности на базе соликамских и ближайших к ним месторождений».

В Соликамск выехала комиссия, председателем которой был Н.А. Шадлун, чтобы определить место будущего рудника. П.И. тоже входил в состав комиссии. Против его фамилии значилась скромная должность «геолог».

Теоретически, строить можно было в любом месте – весь Соликамск и окружающие деревни стояли на мощном калийном пласте. Но требовалось учесть огромное количество факторов, включая такой непрогнозируемый, как «водная линза» – именно из-за прорывов воды во всём мире погибали и погибают калийные рудники, на строительство которых затрачиваются огромные деньги. Забегая далеко вперёд, скажем, что вы-

* Штасфурт – город в Германии, в земле Саксония-Анхальт, один из главных центров германской соледобывающей промышленности.

бор места оказался удачным, – первый советский калийный рудник до сих пор работает, но история его строительства – долгий рассказ.

Тогда на уровне правительства велась дискуссия: что делать дальше? Строить рудник и потом разведывать месторождение дальше, либо делать это одновременно? П.И. отстаивал второй вариант. Он это называл «перспективная» разведка, систематическое бурение. И выступал за глубокое бурение, которое дорого стоит, требует другого оборудования, но может дать интересные результаты.

Его точка зрения победила. Денег правительство решило не жалеть: вопрос с калийными солями стал не только экономическим, но уже и политическим. Править миром можно и с помощью калийных удобрений!

7 ноября 1927 года была заложена первая шахта калийного рудника в Соликамске. Газеты сообщали, что символическую тачку земли на отвал отвезли профессор Преображенский и инженер Шадлун.

Стройку объявили «Всесоюзной» и «ударной», наряду с Днепрогэсом и Магниткой, а Соликамску не только вернули статус города, но и провели сюда, в этот медвежий угол, железную дорогу.

Газета «Уральский рабочий» писала: «7 ноября 1928 года ровно в 2 часа впервые в Соликамске прогудели паровозные гудки. Первый поезд привёз делегацию рабочих и крестьян 300 человек. Проложено начало регулярному движению по рельсовому пути Свердловск – Пермь – Усольская – Соликамск. Рельсы железнодорожной линии приблизили к колхозным полям богатейшие на земном шаре месторождения калия».

До этого поезда ходили только до станции Усольская, а до Соликамска добирались на лошадях, запряжённых цугом. Зимой путешественников заворачивали в шубы, чтобы не замёрзли, и везли между зелёно-синими соснами и елями, в снежной тишине. Всё это было мило и романтично, но железной дорогой добираться до Соликамска оказалось много проще.

Алексей Нерослов: «Брали энтузиазмом. Киркой, лопатой, топором. Ударники получали за смену от 8 до 14 рублей, рядовые рабочие – не больше 4 рублей, спецпереселенцы – и того меньше. Каждому после смены в забое по колено в ледяной воде полагался стакан водки.

С германскими специалистами заключили подряд на проходку одной из шахт калийного комбината “по-сухому” – методом замораживания насыщенных водой грунтов-“пльвунов”. Тонкости новой для СССР технологии немцы скрывали. Пришлось внедрять в рядовую проходческую бригаду грамотного инженера “под прикрытием” – по документам студента-практиканта».

О визите на соликамскую стройку генерального директора калийного синдиката доктора Карау и профессора Экштейна из США написано буквально следующее: «За обедом профессор Экштейн допытывался:

– Скажите, в чём секрет? Как вы смогли всё это сделать в таком медвежьем углу, с такими кадрами?

И сознался, что, приехав в Пермь, послал жене телеграмму, что находится в глухой азиатской тайге, где на него могут напасть звери.

Высоким представителям понравилась не только проходка шахты. Каждый раз они просили оставлять им после ужина графин со спиртом. Ночью они вставляли, наливали

по рюмочке и с удовольствием причмокивали: “Тут руссише водка”». (А. Ничиперович. Сильвинит. Страницы истории. Пермь, 2000. С. 20.)

Строительство первой шахты – это отдельная эпопея: со взрывом метана из-за заглохшего вентилятора, с обвалом на 60-метровой отметке, с человеческими жертвами, но уже в мае 1930 года комбинат сдали в эксплуатацию. Вернее, подняли на-гора первые бадьи с калийной рудой. В строй действующих предприятие было записано только в 1934 году под красивым названием: Соликамский калийный комбинат имени 10-летия Октябрьской революции.

Открытие огромного месторождения положительно сказалось на карьере П.И.: в феврале 1927 года из простых геологов с мутным прошлым он станет небольшим начальником. Его назначат заведующим подсекцией солей и соляных озёр секции неметаллических ископаемых Геологического комитета, но главным местом его работы будет не кабинет с письменным столом, а поле в широком смысле.

Тем более что разведка месторождения продолжалась. И многое было непросто.

Передовая скважина № 11, которую бурили в 1927 году, попала на водный горизонт. Катастрофа! «Попытку начальника разведочной партии Геолкома П.И. Преображенского объяснить значительную порчу передовой скважины стихийным бедствием вследствие встречи в недрах калийной залежи какого-то тектонического нарушения надо признать совершенно неудачной и научно-искусственной», – такими были выводы членов правления Калийного треста. «Шахтинское дело» об экономической контрреволюции прогремит только через год, дело Геолкома – через два, но тучи над головой П.И. в 1927 году явно сгустились. Спасло неожиданное обстоятельство – в одном из пунктов договора Калийного треста с геологом Преображенским специально оговаривалось, что он не берёт на себя никаких специальных наблюдений за режимом подземных вод. Вот так! Определённо, над ним сияла счастливая звезда.

В итоге всё закончилось хорошо для П.И. Единственное, он не поехал в намеченную командировку в Германию от Калийтреста, которая уже была делом решённым, но события 1937 года показали, что и не стоило. Почти всех, кто ездил в конце 1920-х – начале 1930-х за границу, позднее обвиняли в шпионаже.

Работа на месторождении продолжалась: в июне 1928 года на П.И. возложено общее руководство работами Березниковских полевых партий – двух геологоразведочных, алмазно-буровой, гравиметрической и двух топографических.

27 апреля 1929 года он был назначен уже ответственным руководителем всех геологоразведочных работ в Прикамском соленосном районе.

В том же 1929-м иностранная пресса писала: «Весной этого года из Москвы распространилось сообщение, которое осведомило изумлённый небольшевицкий мир, что уже через самое короткое время русские начнут экспортировать высокоценные соли. Германская калийная промышленность и вместе с ней германская общественность с самого начала с большим беспокойством воспринимала русские сообщения о “советском калии”». (Ганновский курьер. 1929).

Верхнекамское месторождение калийно-магниевого солей навсегда изменило расстановку сил на мировом рынке калийных удобрений, до этого времени представлявшем собой закрытый клуб. Уточним: закрытый бойцовский клуб, членом которого теперь стал и СССР.

«Калий есть, магний будет!»

Кроме калийных солей, в Верхнекамском месторождении обнаружился в большом количестве хлористый магний. Первое время было непонятно, хорошо это или плохо. Такие серьёзные химики, как Ф.Ф. Вольф (1890–1950) и В.С. Ятлов, считали, что это явление вредное. Однако впоследствии именно они приложили много сил для решения магниевой проблемы на Урале.

Магний в 1920-е годы продолжал быть экзотикой: технологией его получения владели только США и Германия. Однако свойства лёгкого и прочного металла были уникальны: он стал использоваться в самолётостроении и в производстве автомобилей. Фантазёры мечтали об ажурных мостах из этого металла, которые покроют весь СССР, – главное, нужно было найти отечественную технологию его производства. Заграничные компании отказались помогать и не разрешали своим специалистам работать в СССР.

Павел Генрихович Детков, директор Соликамского магниевого завода в 2003–2005 годах: «Нежелание иностранцев делиться магниевой технологией не должно нас удивлять. Помогая развивать алюминиевое и калийное производство, они понимали, что широкое распространение этих технологий не позволит долго держать их в тайне. Зачем отдавать то, что может приносить сверхприбыли? Тем более что значение магния для военной промышленности намного выше, чем, к примеру, алюминия».

Такая деталь: в 1930–1934 годах советские специалисты посетили множество предприятий в США, в том числе их пускали в «святынях»: на моторостроительные производства. Однако делегацию «Союзкалия» не пустили в цеха американских магниевых заводов, – писал управляющий Всесоюзным калийным трестом В.Е. Цифринович (1897–1938) в журнале «Калий» (1934, № 8), рассказывая о своих американских впечатлениях.

Знаний о магнии было недостаточно, тем не менее завод в Соликамске решили строить, параллельно проводя лабораторные испытания и пытаясь найти технологическую схему производства магния из карналлита, добываемого на Верхнекамском месторождении. В.Е. Цифринович писал: «Мы должны были затратить около двух лет для того, чтобы убедить целый ряд товарищей, что дедушка Менделеев не ошибался, когда написал, что из карналлита можно получить магний».

Площадку для строительства нового завода выбрали на территории Первого калийного рудника в Соликамске, и строил его «Союзкалий».

А.В. Чуб, доктор технических наук (Соликамский магниевый завод): «Как охарактеризовать подход руководителей 1930-х годов к решению сложной технической задачи? Как инженерную лихость в сочетании с революционным энтузиазмом (“не знаю как, но сделаю”)! Или как неоправданную трату сил и здоровья людей? Сейчас склонны обвинять хозяйственников тех лет в отсутствии здравого смысла (как можно начинать строительство без проектной документации?). Однако же они сделали то, что и сейчас представляется малореальным: за три года построили и запустили магниевый завод, не имея никакого опыта организации подобного производства!» (Сплав металлов и судеб. 60-летний путь Соликамского магниевого завода. Пермь, 1996. С. 21– 22.)

Первый секретарь Уралобкома ВКП(б), могущественный И.Д. Кабаков (1891–1937), в 1932 году писал И.В. Сталину о том, что на строительстве Соликамского магниевого завода не хватает почти всего, а особенно рабочих, и требовал, чтобы в Соликамске был организован концентрационный лагерь или трудовая колония на 10 тыс. заключённых, только тогда можно будет пустить предприятие в срок.

Ответил ли ему Сталин – неизвестно, однако примерно половину строителей Соликамского магниевого завода составляли заключённые Усольлага – эковского государства, которое росло на севере Прикамья стремительнее темпов индустриализации.

14 марта 1936 года считается днём рождения СМЗ – была отлита первая чушка магния.

Газета «Уральский рабочий» писала об этом событии: «Только личное посещение завода и города позволяет увидеть ту творческую атмосферу, которая сложилась при пуске СМЗ. Она охватила всех – и рабочих, и инженеров. Магний – металл молодых. Самому старому инженеру на заводе – 34 года, а большинство начальников цехов и сменные инженеры – недавние выпускники Уральского политехнического института, им по 25–26 лет». (Уральский рабочий. 1936. 26 марта.)

Условия работы на производстве металла будущего были чудовищны: прежде чем идти на рабочее место, работник обмазывал себя солидолом с пяток до корней волос: с потолка капала соляная кислота, и без этой меры защиты можно было получить обширные ожоги. В воздухе стоял хлорный туман, поэтому работали в противогазах, а температура в цехах и зимой, и летом достигала 40 градусов. Но не было ни душевых, ни даже простых умывальников. Сама работа при этом требовала больших физических сил. Однако же первый советский магний в победных статьях называли не иначе как «особый вклад в укрепление могущества нашей родины». Так оно и было. «Металл будущего становится металлом настоящего» – такие заголовки украшали поздние публикации.

Уже в 1939 году были освоены сплавы для авиационного моторостроения, которые шли на все авиационные заводы СССР.

Вплоть до 1941 года Соликамский магниевый завод находился в составе Калийного треста.

Сейчас это старейший магниевый завод мира: немецкие и американские магниевые заводы, которые скрывали свои технологии тогда, в 1930-е годы, умерли, не выдержав конкуренции, а соликамский – жив!

В книгах о своей истории соликамские магниевики на первой же странице рассказывают об экспедиции профессора Преображенского 1925 года. Правда, учитывая специфику деятельности, они пишут, что она открыла «безграничные, как тогда казалось, запасы магнезиального сырья в районе Березников – Соликамска».

«И вообще»

Одна из папок в обширном архиве семьи называется «И вообще». Там собрана всякая всячина, не относящаяся к производственной или общественной деятельности П.И.

«Ещё о любимых выражениях П.И.» – так начинается один из разрозненных листов этой папки.

Рукой Н.П. Орловой первыми выведены выражения «хриstopродавцы» и «шьёт себе шубу» – теперь говорят «тянет на себя одеяло».

Дочери запомнилось, как он однажды высказался, что предпочтёт умного подлеца дураку. «Конечно, крайность, – комментирует она, – но, вероятно, умному человеку подлости можно избежать, а в глупости увязнешь сам».

Ещё выражение П.И.: «Лежит в горячке, а ест без памяти».

Н.П. Орлова говорит, что хорошо помнит, как П.И. ходит по комнате и поёт песню «Славное море, священный Байкал». А ещё он любил волчки и, когда она была маленькой, покупал их ей в больших количествах и самых разных устройств – до шарикоподшипников включительно. «Папа объяснял мне его замечательные свойства и применение».

Дочь вспоминает, что у П.И. бывали тяжелейшие мигрени. А внук помнит, что «из лекарств, которые бабушка регулярно давала дедушке, обычными были два: йод и мышьяк». Йод бабушка капала в стакан с молоком, размешивала, и дедушка это пил. Мышьяк, видимо, был тогда в моде (как и красный стрептоцид). Такие пушистые горошинки цвета хаки. Зачем то и другое – надо копать в истории медицины начала XX века. А ещё «дедушке ставили банки. Банки с чем? Оказывается, банки чмокают, на спине получают пятна, и пахнет огнём со спиртом».

Там же, в папке, письмо, которое пришло в московскую квартиру в 1980-х: «Хочу добавить вам ещё несколько своих воспоминаний. Я и мой брат очень любили Павла Ивановича за его весёлый нрав. Он носил нас на плечах, шалил с нами, пел нам песни. Помню, как чудесно он изображал паровоз, подходящий к станции. Паровоз говорил, замедляя темп: “П-п-ить хоч-чу, п-п-ить х-хоч-чу!..” А когда поезд ускорял движение, отходя от станции, он говорил (так слышалось в движущихся колёсах): “инженеры – жулики, инженеры – жулики...” Это я тоже запомнила навсегда».

«В молодости П.И. отличался склонностью к дурачествам, – пишет в воспоминаниях и Н.П. Орлова. – Отца помню уставшим, очень уставшим, угнетённым смертью сына, рассерженным, но кислым – никогда.

[...] Бодрость духа и способность ободрить других П.И. сохранял до конца своей жизни. Унылых физиономий не терпел. Этим объясняется то, что за год до смерти, узнав о своей неизлечимой, тяжёлой болезни, никому из семьи об этом не говорил».

Одной пожилой даме их общий друг и врач, кроме лекарств, прописал «для поднятия настроения “немного Пал Иваныча”». Это было в 1924–1925 годах, когда самому П.И. перевалило за пятьдесят.

М.Р. Преображенская, которая знала П.И. лучше, чем кто-либо, писала: «П.И. был очень жизнерадостный и почти никогда не поддавался унынию, умея найти юмористическую сторону как в своей беде, так и в чужой, за что на него не сердились, так как нельзя было не улыбнуться неожиданному шутивому обороту дела. П.И. любил шутить над собой и над другими, но так как он был в высшей степени доброжелательным, то на его шутки, подчас и брань, не обижались.

Появление П.И. приветствовалось во всяком обществе, было ли это собрание учёных, студентов, какой-нибудь журфикс, или его знакомых рабочих. Его заметки из прочитанного или из личных наблюдений, с его образным языком, красноречивой мимикой и всей подвижной фигурой, оживляли всех. Но самому ему пробыть 1–2 часа в одном месте было скучно, и он спешил повидать других, интересных или необходимых для дела людей. Оставшиеся в таких случаях говорили про П.И.: “Налетит, растормошит всех и исчезнет!” “Хоть бы ещё остался!” – добавляли с сожалением».

Евгений Дмитриевич Шлыгин, ученик П.И. в политехническом институте Свердловска, рассказывал, что профессор вызывал восхищение, в том числе и тем, что «в экспедициях, во время нудного дождя, они ждут, сидят в доме, а П.И., прохаживаясь, говорит, а у них, студентов или поисковиков, “животы надрываются” от смеха».

Ещё штрих к портрету: П.И. был очень постоянен в привязанностях. Например, в Соликамске он всегда останавливался на квартире у женщины по фамилии Балашова. Сохранились фотографии того периода, на оборотной стороне которых она помечена как «ехидная старушка».

О некоторых обстоятельствах жизни в Соликамске мы можем узнать из письма, которое пришло Н.П. Орловой уже в 1980-е годы из Астрахани, от Ивана Петровича Ильиных. Он прочитал в журнале «Вокруг света» (1980, № 1) статью о Преображенском, и пишет: «Нам-то Павел Иванович хорошо знаком – стиль его работы, обращение с людьми, его кипучая энергия, неутомимость, незабываемые встречи с ним в домашней обстановке, так как он всегда приходил с 3–4 гостями, чаще или французами, или немцами, и за пельменями, которыми их он заманивал ко мне, велись оживлённые беседы (для меня практика на немецком языке, для Нади – на французском) [...] Любил П.И. соленья различные, небольшие в бутылочке, белые, боровые рыжики, грузди, а уж о варении и говорить нечего. Для него всегда было варение из княженики или малиновое с добавлением княженичного [...]

Вспоминаю, когда я выполнил ему срочную работу (4–5 дней не выходил из лаборатории), он на следующее утро прислал лошадь с приказанием увезти меня и отца дня на три в Косолапову, в деревню, на рыбалку хариусов и щук. Маринованных хариусов он тоже очень любил.

Он был для меня вторым отцом и часто отчитывал меня, а потом пояснял, что он же желал, чтобы я был ещё лучше. Его слова: “Если вас хвалит всё время – берегитесь

этого человека! Если ругает, указывая ваши недостатки, – это ваш друг!” И ругал же он меня, но и награждал по-царски. Несколько командировок в Москву, Ленинград, Свердловск, к жене в Пермь, на Донбасс. А премия, которую он мне дал, денежная, не помню сколько, как будто рублей 300, с условием на эту сумму представить ему счета на КНИГИ. Это мог придумать только он. [...]

А каким авторитетом он был! Расскажу один случай. Надоело мне работать [...] в Калийтресте, я и брякнул – мол, готов куда угодно уйти, даже на завод в Березники. Он звонит оттуда и просит зайти к директору – будете работать химиком-исследователем. Я поехал, сказал секретарю, она мне – у нас штаты полные, нам химиков не надо. Я, обескураженный, сказал: “А как же, мне Павел Иванович сказал, чтобы я зашёл к директору”. И как по волшебной палочке, директор тут же предложил мне написать заявление».

К этому же времени относится рассказ профессора Шлыгина о том, как спустя годы П.И. приехал на рудник Степняк, где когда-то отбывал ссылку. В 1928 году ему была поручена консультация работ Кокчетавской геологоразведочной партии.

Е.Д. Шлыгин: «Заехав в Степняк, он попал в момент, когда старательская артель Уткова только что сняла богатейший “сполоск” за зимний сезон. В артели были ещё патриархальные пережитки, когда в “обмывке сполоска” принимало участие всё взрослое население рудника. Были на три дня устроены грандиозные пельмени.

Первый день угощались администрация и все именитые люди рудника, на второй день были пельмени для старателей других артелей, на третий день готовились специально пельмени из жеребёнка для казахской части старателей и любителей конского мяса.

Этот период совпал с началом эксплуатации месторождения Степняк, и на руднике шло строительство первых крупных домов, проводились линии энергопроводки (электропередачи. – Прим. С.Ф.). Весь Степняк был в ямах, штабелях строительного материала.

На пельмени с обильным возлиянием был как почётный гость приглашён Павел Иванович. Он не пил спиртного и, как только развернулось торжество и присутствующие захмелели, незаметно вышел и отправился в отведённую нам недостроенную квартиру, ещё без окон и печей.

Начало праздника совпало с началом сильнейшего дождя, потоки воды быстро сравняли с поверхностью земли все ямы, в том числе и для электрических столбов.

И вот вечером Павел Иванович, будучи совершенно трезвым, нырнул в такую яму, из которой он с огромным трудом выбрался. Когда позднее я появился в комнате, то застал её увешанной одеждой П.И., а его самого – сидящим на кровати, завернутым в одеяло и трясущимся от холода. Увидев меня, он заявил: “Вот вы там выпиваете, а я за вас должен купаться. Это не совсем правильное распределение обязанностей”».

Об одном из героев этого рассказа – Георгии Васильевиче Уткове, который начал работать с П.И. Преображенским на руднике ещё в 1920-е годы простым рабочим, Шлыгин поясняет, что под влиянием П.И. тот увлёкся геологией, стал энтузиастом, «организовал одну из крупнейших артелей старателей и открыл ряд золоторудных месторождений. В геологию и в Павла Ивановича он верил безоговорочно. В процессе работ к югу от Степняка П.И. удалось выявить поле развития карбоновых отложений

и собрать фауну продуктив». В одной из своих бесед с Утковым Павел Иванович сказал, что «наличие каменноугольных брахиопод является благоприятным показателем на возможность открытия в Яблоновской мульде углей. Эта идея глубоко запала в голову талантливого старателя. В дальнейшем Г.В. Утков, будучи председателем артели старателей, действительно открыл Яблоновское месторождение, правда сильно золистых углей. Эти угли эксплуатировались во время Отечественной войны».

Есть воспоминания профессора А.В. Николаева о поездке на «дребезжащем автомобиле» в 1929 году с П.И. на так называемый Петуховский содоострой: «Мы останавливались у крестьян всегда по его выбору; они оказывались замечательны или как охотники, или разведением особых пород скота, или садоводством и т.д. Слушать разговоры П.И. с такого рода нашими гостеприимными хозяевами было истинное удовольствие, настолько они были непринуждённые и естественные, и в то же время содержательные и часто веселые».

П.И. ездил в простой ситцевой рубашке и всюду рекомендовался таким образом: «Вот с ним (жест в мою сторону) мы по соляной части... Да нет, не по налогу, а по горной части – как её добывать»».

Дом на Геслеровском проспекте

В 1929 году семья Преображенских переселилась в дом на Геслеровском проспекте Ленинграда, это был жилищный кооператив научных работников. «Там тоже была пора благополучной жизни», – вспоминает Н.П. Орлова.

Позднее, в 1942 году, когда в очередной раз решался вопрос с жильём и местом жительства, П.И. написал жене: «Лучше нашего Геслеровского [проспекта], [д.] 7, кв. 8 – я ничего придумать не могу, и в первую очередь, конечно, мечтаю и рассчитываю на него, если только и по окончании войны там будет на что рассчитывать».

О.Ю. Орлов: «До войны мы жили в Ленинграде, в редком тогда и потому подозрительном кооперативном двухэтажном доме по Геслеровскому проспекту, дом 7, квартира 8, на углу с Бармалеевой улицей, где наша трёхкомнатная квартира через кухню с коридорчиками соединялась с двухкомнатной квартирой дедушки Павла Ивановича и бабушки Марии Ростиславовны. Меня, маленького, туда не очень приглашали».

У Н.П. Орловой есть такие воспоминания о жизни в том доме: «Помню, на половине родителей сидим за роялем с Н.О. Палечком, и я показываю ему свои находки среди *lieder** Шуберта. Николай Осипович утверждает, что я пою “лучше всех”, но мы оба трусихи».

«Забор вдоль Геслеровского проспекта и деревянный дом были настолько неказисты, что большинству людей даже и в голову не приходило открыть калитку и посмотреть, что там внутри. Но если кто-то из любопытства или по делам попадал внутрь, то удивлению его не было предела. Это был совсем другой мир.

Слева от калитки располагался деревянный дом. Каменный дом не был виден, так как его закрывал флигель деревянного. Прямо и слева – небольшая площадка, где мы, дети, играли в волейбол, штандар**, лапту, чижика и другие игры. Немного в глубине, справа, когда-то был погреб-холодильник типа землянки, где во время блокады оборудовали бомбоубежище. В конце войны оно было закопано».

Это всё вспоминает один из жильцов того времени А.М. Покровский: «Далее располагался сад – от калитки открывался вид на деревья (сирень, берёзы, клёны), кусты жасмина и клумбы с цветами. Внутри сада живописно располагались скамейки, где взрослые и дети любили проводить

---

* Песни, романсы (нем.).

** Штандар (штандер) – популярная в 1920–1930-е гг. детская игра с мячом.

время за беседами. И наконец, в торце участка находился огород и фруктовый сад с вишнями, яблонями, малиной, крыжовником. Огород представлял собой грядки, принадлежащие жильцам каменного дома. Каждый сеял на них то, что ему нравилось.

Когда расцветала сирень, мы и кто-нибудь из взрослых срезали ветки, составляли букеты и разносили их по квартирам каменного дома». (А.М. Покровский. Из Петербурга в Петербург. Неформальные воспоминания. 2019. ISBN 978-5-4485-6985-2. Электронная издательская система *Ridero*. С. 64–100.)

По соседству находилась церковь Алексея человека Божия, построенная в 1906–1911 годах по проекту академика Императорской академии художеств Г.Д. Гримма (1865–1942). Храм в неорусском стиле являлся одним из самых смелых, почти авангардных, проявлений модерна. «Может показаться, что перед нами отражение в самоваре или в кривом зеркале», – описывали современники церковь.

Её закрыли под новый, 1933 год, и в помещение въехал завод «Радист». По всей видимости, дом, где жил П.И., раньше тоже принадлежал этой церкви.

Квартиры П.И. и семьи его дочери располагались на втором этаже. Напротив них жил профессор Александр Васильевич Ливеровский (1867–1951), один из руководителей строительства Транссибирской железной дороги. Так получилось, что именно он забил и первый, и последний серебряные костыли Великого Сибирского пути. Ещё он был министром путей сообщения во Временном правительстве в 1917 году.

Очевидцы помнят, что на площадке второго этажа, рядом с квартирами П.И., семьи его дочери и Ливеровского, стоял старый, ещё дореволюционных времён, красивый деревянный холодильник. Он не был электрическим: лёд нужно было всякий раз накладывать дополнительно.

Сохранилось описание интерьера квартиры профессора Ливеровского: вдоль стен столовой располагались книжные шкафы со всеми томами энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в кабинете вдоль стены со спальней в таких же шкафах стояли собрания сочинений Шекспира, Шиллера, Байрона большого формата с иллюстрациями, тоже издательства Брокгауза и Ефрона, а также издания классиков – Чехова, Шелера-Михайлова и других. Книжные шкафы располагались и в передней, перед входом в кабинет и спальню. Можем предположить, что и у П.И. главным в квартире были книги.

На первом этаже жили три дружные семьи: профессора физики Юрия Петровича Маслаковца (1899–1967), который, как пишут, вместе с академиком Иоффе создавал полупроводники, и его жены, художницы Ирины Владимировны Вальтер; сестры Юрия Петровича, пианистки Аллы Петровны Маслаковец (1905–1986) и её мужа, инженера Василия Васильевича Григорьева; близкого родственника Юрия Петровича и Аллы Петровны Петра Александровича Траубе и его жены Ирины Александровны Жданко и дочери, Инги Траубе.

«Это были замечательные люди – весёлые, хлебосольные. У них был очень большой круг знакомых – учёные, писатели, художники, музыканты. Часто приезжали гости: пианистка Мария Юдина, писатель Иван Ефремов, академик А.Ф. Иоффе и многие другие, – вспоминает А.М. Покровский. – А ещё у Юрия Петровича была настоящая пушка небольшого размера, и Юрий Петрович иногда в праздники из этой пушки стрелял, что доставляло нам большое удовольствие».

Академик Ж.И. Алфёров (1930–2019) оставил об Ю.П. Маслаковеце другие воспоминания. Он пишет, что в 1938 году тот вместе с Б.Т. Коломиец создали серно-галлиевый фотоэлемент с коэффициентом полезного действия 1%, установив мировой рекорд преобразования солнечной энергии. «И это подвигло А.Ф. Иоффе предложить использовать крыши жилых зданий для покрытия их такими фотоэлементами и для использования их для получения энергии».

И ещё один штрих о соседях П.И. с первого этажа: они были увлечены охотой и держали охотничьих собак, которые участвовали в собачьих выставках. А Алла Петровна, позднее доцент консерватории, давала уроки игры на фортепиано, и время от времени – концерты.

А.М. Покровский, который тогда был школьником, пишет, что эти люди запомнились ему на всю жизнь своим образом жизни, характером ума и дали пример незаурядной личности – абсолютно свободной, не подчиняющейся никаким идеологическим правилам. По его словам, они не были учёными-«сухарями», а напротив, воодушевляли оптимизмом и даже некоторым озорством.

Детская память запечатлела то, что А.В. Ливеровский был маленького роста, с большими пышными усами, а Преображенский, наоборот, «огромного роста, настоящий сибирский мужик». И вот пошли они, взяв с собой Ю.П. Маслаковеца, в магазин покупать шляпы. И долго их не было. Вернулись без шляп, потому что продавщица им сказала, что у них нестандартные головы, и это им очень понравилось.

Соседкой, с которой семья П.И. поддерживала особо тёплые отношения, была Сузанна Александровна Рейнеке (1893–?). О.Ю. Орлов вспоминает, что в детстве ходил к ней на уроки арифметики и немецкого языка. В войну, после отъезда Преображенских, она переедет в квартиру, которую занимал П.И.

А.М. Покровский запомнил её высокой, красивой женщиной, которая преподавала латинский язык в Первом медицинском институте и слыла грозой студентов. По его словам, у неё был тяжёлый характер. Практически никто не сдавал ей экзамен с первого раза. Частенько студенты приходили сдавать ей латынь в сад возле дома на Геслеровском проспекте.

Этого дома по Геслеровскому проспекту, 7, сейчас нет: в 1957–1958 годах территория отошла к ЦНИИ «Морфизприбор». Сад они вырубili, дома снесли и на этом месте построили ещё один корпус. Жильцам дали квартиры в доме на ул. В. Вишневского.

Но это когда будет! А пока на дворе судьбоносный 1929 год.

Жилищные условия П.И. улучшились, а вот о своих настроениях он честно пишет своему другу профессору Обручеву 23 февраля 1929 года: «В [Геологическом] комитете атмосфера до того сгущается, что невольно начинаешь думать, ради чего мы все держимся за это учреждение, как будто на нём свет клином сошёлся, и не всё ли равно, где при таких условиях служить, если только есть какая-либо возможность и жить, и делать своё дело.

Словом, у меня создаётся определённая тенденция к уходу, но куда?.. Между прочим, в числе возможностей – «Союззолото». Но прежде чем даже пытаться, я желал бы слышать от Вас добрый совет старого шефа – стоит ли с этим учреждением связываться.

Я, конечно, никакого административного поста занимать определённо не желаю, но если бы, например, мне дали возможность вести геологическую съёмку Кокчетавского золотоносного района, то я бы согласился заведовать и всеми разведками в этом районе. [...] Конечно, это всё пока одни мечты, но на каких условиях их можно осуществить, и что это может дать реального в смысле вознаграждения? [...]»*

Однако же всё пошло не так, как предполагал П.И.

---

* Приложение (№ II-17).

Нефть Верхнечусовских Городков

В рассказе «Соль земли» Константин Паустовский пишет об открытии нефти на Урале: «Вы спрашиваете, как могло Преображенскому надоесть это дело? Очень просто. Надо было выяснить площадь залегания калия. Преображенский пошёл к югу. Он начал закладывать скважины через каждые пять километров – и всё то же, только пласт становился чем дальше, тем толще. Тогда Преображенский решил делать скважины через десять километров – всё то же. А время – и немалое время – идёт. Преображенский делает скачок в двадцать пять километров до Березников, – пласт ещё богаче! Как вы думаете, – химик засмеялся, – можно прийти в ярость. Преображенскому надоело рыть землю каждые двадцать пять километров. Он сделал прыжок на пятьдесят километров к югу, к Чусовским городкам, и... – химик не торопясь закурил, – наткнулся на уральскую нефть!»

Поэт и нефтяник С.И. Ваксман в книге «Полевая книжка» тоже удивляется: «Мы не знаем, случайно ли было выбрано место, откуда Ермак отправился покорять Сибирь – Верхнечусовские Городки у реки Рассошки. Мы также не знаем, искал ли профессор корневую аналогию в названиях речек – Усолка и Рассошка (“рассол”?) Он мог поставить скважину где угодно – ведь она была рекогносцировочной». (С.И. Ваксман. Полевая книжка. Пермь, 2014. С. 19.)

Можем предположить, что выбор места был не случаен. Строгановские архивы, которые П.И. изучил, наверняка содержали информацию о добыче соли в XVI веке в Чусовских Городках, которые тогда не разделились ещё на Верхние и Нижние. Но, как мы увидим позже, вопрос удачи в скудном и небольшом месторождении расположить скважину так, чтобы она попала прямо в верхушку нефтяного рифа.

Сам профессор Преображенский об открытии нефти рассказывал «с неподражаемым добродушным юмором и нарочито народными присказками вроде «ёлки-палки», – вспоминает его друг и коллега А.В. Николаев, директор института неорганической химии Сибирского отделения АН СССР.

По его словам, после того как первая скважина в Соликамске дала калий, П.И. распорядился заложить ещё две, по треугольнику, на расстоянии один километр.

«И вот, – рассказывал П.И., – в ВСНХ кто-то узнал об этом и шлёт мне грозную бумагу – какие-де у меня основания предполагать 1,5 кв. км калийных залежей, и предписывалось прекратить бурение “дальних” сква-

жин и заложить новые в полукилометре от первой, давшей калий. Заложили эти новые скважины, а в это время одна из дальних скважин вошла в калий. Затем вошла вторая “дальняя” и две ближних скважины. Но тут я уже стал интересоваться, где же конец калию. Где ни задам скважину, всюду калий! На карте в сторонке мне бросились в глаза Городки, ну и велел там бурить. Калия-то не оказалось, бромные воды всё же нашлись, да ещё окаянная нефть». (Дальше зачёркнуто, но прочитать можно: «Вот пропасть-то, ёлки-палки!» – Прим. С.Ф.)

На американском геологическом сленге такие скважины называют *wild cat* – «дикая кошка».

А вот как пишет об этом историческом событии сам П.И. Преображенский по горячим следам (и от третьего лица!), весной 1929 года: «Уже давно в наших геологических кругах обсуждается идея о так называемом “диком” бурении на нефть, т.е. таком, которое производится в местностях, где нет решительно никаких признаков присутствия под землёю нефти и существуют лишь косвенные указания на то, что нефть, может быть, здесь найдётся. В России таким способом никто и нигде нефть не искал, но американцы, с их богатством капиталами и готовностью идти на крупный риск, давно уже применяют этот способ поисков нефти, и можно указать несколько крупных коренных месторождений, которые были открыты таким образом.

Особенно оживились споры на эту тему минувшим летом, когда старый, заслуженный работник нефтяного дела, инженер И.Н. Стрижов*, вернувшись из поездки в Америку, в одной из своих газетных статей предложил совершенно серьёзно искать нефть по способу “дикого” бурения – под Москвой. Мысль эта была для нас до того необычна и до того не вязалась со всем, что мы привыкли думать о месторождениях нефти, что на одном из заседаний И.Н. Стрижову был даже задан вопрос, что если уж он собирается искать нефть под Москвой, то не желает ли он заодно и сделаться испанским королём?

Но смеётся хорошо тот, кто смеётся последним, и то, что сейчас открыто на Урале, говорит за то, что для нас, СССР, с его необъятными пространствами совершенно не обследованных и не разведанных на глубину земель, идея “дикого” бурения вовсе не такая уж дикая, как это многим, может быть, казалось, и что мы можем наметить у себя некоторые районы, где попробовать поискать нефть очень не мешало бы».

Районом, где может быть найдена нефть, П.И. прямо называет западный склон Среднего Урала. Из статьи следует, что он «давно уже пробовал убедить крупных работников наших высших хозяйственных учреждений отпустить средства на такое бурение», но деньги требовались большие, а гарантий результатов, кроме научных, не было никаких. В результате вопрос оставался «висящим в воздухе».

«Выручил случай: летом минувшего года при разведках на калийные соли была заложена одна скважина, находящаяся вблизи старинного русского поселения на р. Чусовой – Верхний Чусовской Городок... [...] По целому ряду причин скважина была спроектирована таким образом, чтобы ею можно было пройти до глубины 1000 метров, и она должна была явиться самой глубокой скважиной на Западном Урале. Средства на это были отпущены Главным управлением химической промышленности.

* Стрижов Иван Николаевич (1872–1953), российский геолог-нефтяник. Основатель газовой промышленности в Российской империи и СССР.

Начата бурением скважина была в октябре месяце [19]28 года. Породы, которые прорезывались ею, оказались очень твёрдыми, и бурение шло медленно. Чтобы прорезать некоторые особенно твёрдые пласты, пришлось прибегать к алмазам. Но всё это не представляло ничего неожиданного, и работа шла своим чередом, так что к концу марта было уже пройдено около 325 метров.

С глубины 328 метров начались уже неожиданности: прежде всего, резко изменился наружный вид пород, пошли чёрные, крепкие известняки, которые выше не встречались совершенно, а затем из скважины временами стали выделяться газы с запахом керосина, а по трещинам в образцах пород, извлечённых из скважины, можно было видеть густую нефть. Понятно, что на всё это было немедленно обращено внимание, бурение было взято Геологическим комитетом под усиленный надзор, и сведения о работе стали приходить по телеграфу. К настоящему моменту получено уже довольно много донесений, свидетельствующих о том, что нефть, несомненно, имеется, и необходимо принимать меры к выяснению её запасов.

Скважина доведена до 400 метров глубины; начиная с 350 метров и до самого низу идут пористые, местами губчатые, известняки, выделяющие нефть и газы; нефть поднимается с водой из скважины и уже выслана в Геологический комитет для исследования. Факты эти свидетельствуют о серьёзности явления, и Геологическим комитетом уже приняты меры к возможно большему форсированию работ».

Сообщается, что на Урал «послано два оч[ень] крупных станка, предназначенных специально для бурения на нефть; сформирована уже специальная техническая группа для обслуживания значительно расширяющегося дела, и, таким образом, это открытие не останется лежащим втуне».

«Пока ещё трудно предсказывать, – продолжает автор, – как велико окажется это новое нефтяное месторождение, но перспективы его головокружительны, и нет ничего удивительного, что среди геологов уральская нефть и её открытие – главная сенсация последних десяти дней».

Далее указывается, что от железной дороги месторождение находится в 10 верстах, до Перми и её заводов – в 50-ти, в 40 верстах находится крупный металлургический завод в Чусовом, на таком же расстоянии в другой стороне – Лысьвенский завод, а река Чусовая у Верхнечусовских Городков пригодна для судоходства. «Словом, – следует вывод, – экономические данные настолько блестящи, что нет сомнения, что на выяснение всего этого дела будут направлены значительные силы и крупные средства, и можно думать, что к началу осени мы будем в состоянии сообщить нашим читателям, что же из себя представляет в действительности для нашего хозяйства эта пока ещё лишь многообещающая уральская нефть».

Итак, в октябре 1928 года начали бурить, в марте 1929 года был отмечен запах нефти. Затем в керне заметили нефть. 16 апреля в буровом растворе появилась, как записано в буровом журнале, «обильная плёнка с пузырьками газа» – эта дата и считается днём открытия пермской нефти.

26 апреля бутыл с пермской нефтью была доставлена в Свердловск, в Уральский областной совнархоз.

А уже 28 апреля делегат от Пермского округа вручил 7-му Уральскому съезду Советов образцы нефтеносных пород. Это получилось очень вовремя: на съезде как раз была

озвучена директива партии: «решительно усилить удельный вес Урала и выдвинуть его в число важнейших индустриальных районов СССР». А своя нефть существенно упростила выполнение этой задачи.

Многообещающую уральскую нефть быстро вписали в первую лигу! Хотя Преображенский, «верный своему принципу “за Землю не ручайся”», как пишет С.И. Ваксман, осторожничал. (Слово о пермской нефти. Пермь, 1999. С. 11.) И не зря. В дальнейшем излишняя поспешность сослужила плохую службу.

Ещё несколько деталей в картину эпохального открытия добавляет ветеран-нефтяник М.В. Ерхов, начинавший с Верхнечусовских Городков: «С Преображенским мы выбрали площадку неподалёку от речки Рассошки, которая протекает в посёлке. А вскоре приехали строители и бурильщики во главе с мастером П.М. Поздняковым. Они построили буровую, смонтировали оборудование... Бурили до мая 1929 года. Был вскрыт нефтяной пласт, скважина начала фонтанировать. Для устранения разлива нефти собрали все бочки из-под керосина, которые оказались в посёлке. Фонтан закрыли, но пришла новая беда: весной река Чусовая вышла из берегов, залил площадку, где была скважина. Работы временно приостановились. В Верхнечусовские Городки началось паломничество. Приезжали из Перми – Буцацкий, из Москвы – Косиор, а с ними геологи и другие специалисты». (Цит. по кн.: История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006.)

К слову, ждали и писателя Горького, но он не приехал, а было бы символично!

Е.Д. Шлыгин про открытие нефти узнал в кабинете прекрасного Геолкомовского здания в Ленинграде: «Едва я уселся напротив стола П.И., он молча достаёт из правого ящика письменного стола образец и ни слова не говоря суёт мне под нос. Ничего не понимая, я пытался его рассмотреть. “Нюхай, нюхай, чем пахнет?” Я почувствовал запах минерального масла, но сообразить не смог. “Да это же уральская нефть!” Затем, нагнувшись, он вытащил бутылку, наполненную нефтью. [...] Как будто руководил тогда буровыми работами инженер Слесарев, ныне профессор Магнитогорского горно-металлургического института. Во время бурения произошёл выброс газа. Буровой станок работал на паре. Пришлось быстро гасить котёл, т.к. боялись возгорания газа и пожара на буровой».

Нефть на Урале стала сенсацией!

На первомайской демонстрации в Перми несли не только плакаты и цветы, а бутылку с первой российской нефтью! «Это неожиданное открытие было встречено с удивительным энтузиазмом», – пишет краевед Сергей Николаев.

Очевидцы рассказывают, что часть нефти попала в Чусовую, и деревенские мужики собирали этот «дармовой дёготь»: «Мазали хомуты, телеги, сапоги, набирали нефть в бочки». (И.В. Щадрин. Липа вековая / Бель Чусовских Городков. Екатеринбург, 2000. С. 229.) Однако кожаные изделия, намазанные нефтью, коробились и трескались.

В кинотеатрах Перми перед художественными фильмами показывали документальную ленту об этом великом событии. Самый яркий кадр: нефть, как сливки, собирают кружкой из бочки. «Да здравствует уральская нефть, бурно стремящаяся на помощь рабочим и крестьянам из глубины Земли», – камера медленно едет мимо этого транспаранта. И титры, как восклицательный знак: «Качественно уральская нефть лучше грозненской». Это единственные кадры, на которых есть профессор Преображенский: другой кинохроника с ним не сохранилось.

Плѐнка с киножурналом «Нефть на Урале» дошла до наших дней – уже чудо! Она оцифрована, и в Музее пермской нефти исторические кадры транслируют на большом экране.

В Пермь даже прибыл заместитель председателя ВСНХ И.В. Косиор, в прошлом руководитель треста «Грознефть». Он активно интересовался работами, и когда в конце марта первый керн с трещинами, заполненными нефтью, прислали в Ленинград, Преображенский первым делом сообщил ему.

Косиор срочно вызвал его в Москву: «Что у вас там случилось на Урале?» А увидев керн, не поверил: «Вы думаете – это нефть? Мне это не внушает доверия». Но дальнейшие события не оставили сомнений.

И вот уже на пароходе «МОПР» (Международная организация пролетарской революции) делегация во главе с Косиором прибыла в Верхнечусовские Городки.

«В тот день был праздник вешнего Николы, и колокол звонил, и его звуки расстились над водой», – пишут авторы книги «Слово о пермской нефти» (Пермь, 1999).

«После швартовки судна прямо на пристани собрали митинг. Настроение выступавших и многочисленных собравшихся отражал лозунг большого транспаранта: «Мы разбудим спящие недра!»

Затем делегация осмотрела буровую вышку, обнесѐнную плетнѐм. «Близко курить нельзя!» – сообщала надпись на воротах. После короткого и убедительного доклада П.И. Преображенского по плану прошли испытания скважины, во время которых сорвало шланг и нефть попала на брюки Косиора.

– Ну как, Иосиф Викентьевич, есть нефть на Урале? – якобы рассмеялся П.И.

Нефть Страны Советов

Тогда же, весной 1929 года, был сделан первый химический анализ пермской нефти в лаборатории органической химии ПГУ. Профессор Д.М. Марко (1878–1963) вместе со своим коллегой И.И. Лапкиным (1903–1993) выделили и положительные, и отрицательные свойства пермской нефти: «Ценные – большое содержание ароматики в нефти. Следовательно, есть возможность получения как самих ароматных углеводородов, так и высокоценных антидетонирующих горючих для двигателей внутреннего сгорания, а также получения их крекингом керосиновых и солярных дестиллатов; благодаря смолистости – возможно получать хороший асфальт и др. Но в то же время, благодаря той же смолистости, нельзя получить смазочных масел; благодаря большому количеству ароматических углеводородов невозможно получить керосин для осветительных целей. Но всё же главным недостатком пермской нефти является большое содержание серы. При увеличении числа буровых, а следовательно, и необходимости заводской переработки нефти, существенным станет вопрос очистки от серы бензина и керосина. Так как американские и союзные нефти содержат серы гораздо меньше, чем пермские, и практикующиеся установки не смогут удовлетворительно очистить вышеуказанные фракции, то очень возможно, что разрешить эту задачу нужно будет исключительно силами советских научных работников».

Но качество пермской нефти было вопросом второстепенным. Главное, она была!

Самым горячим сторонником нового нефтеносного района стал Иван Михайлович Губкин (1871–1939), академик АН СССР, в то время один из самых влиятельных людей в отечественной геологии. В главной газете страны «Правда» 5 мая 1929 года вышла его статья с оптимистичным заголовком: «Огромные перспективы нового нефтеносного района».

Дело в том, что в то время как раз шла острейшая теоретическая дискуссия, в каком направлении прилагать усилия в области нефтеразведки.

А.К. Соколов пишет: «Среди специалистов-геологов, круг которых был в общем-то невелик и они хорошо знали друг друга, разразились споры относительно географии новых нефтяных месторождений. Наибольшим авторитетом пользовалась теория первичных залежей геолога К.П. Калицкого*, по работам которого учились предшествующие по-

---

* Калицкий Казимир Петрович (1873–1941), один из крупнейших специалистов по геологии нефтяных месторождений Поволжья, Дагестана, Северного Кавказа, Прикаспия, Туркмении и др.

коления нефтяников. Она стояла на том, что нефть надо искать в первичных пластах, и прежде всего там, где когда-то были гигантские залежи морской травы. Иной точки зрения придерживался Губкин. Его положения сводились к тому, что нефтяные залежи тесно связаны с особенностями строения и состава горных пород. Нефть надо искать в осадочных породах, там, где в прошлом обильно развивался органический мир в морских условиях: на окраинах древних морей, там, где наиболее активно шла борьба между морем и сушей. В противовес теории первичных залегающих, Губкин выдвинул гравитационную теорию. Нефть приходит из районов своего первичного образования путём более или менее сложной миграции. На этой основе строилась стратиграфическая (рукавообразная) теория залегания нефтяных пластов, согласно которой нефть способна пробиваться на поверхность, пользуясь трещинами в земной коре. С этой точки зрения, по мнению Губкина, наиболее перспективным был бассейн между Волгой и Уралом». (Соколов А.К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Sokolov.html>)

В то время Губкин возглавлял Московское отделение Геолкома и организовал комиссию по поискам уральской нефти. Губкин писал: «Но стоило мне и товарищам приступить к изучению этой проблемы, как консервативные учёные, в их числе вредители, начали невообразимую возню. Тогдашний председатель Геологического комитета злобно шипел:

– Нефть на Урале... Это даже не утопия! Это очередная авантюра Губкина, как и его курское железо!»

Комиссия, созданная Губкиным, изучила результаты экспедиций, организованных в 1918 году в Ухту и Симбирск. Отчёты были такими, что «если подвести всему этому итог, то можно попросту сказать: похоронили район по первому разряду – с музыкой», – негодовал Губкин.

А.К. Соколов пишет: «...Многие выступали против теории Губкина. Даже его друг Д.В. Голубятников*, тоже старый революционер, мнение которого было почти непререкаемым в хозяйственных органах, встретил построения Губкина с глубоким скепсисом. Геолог Н.Н. Тихонович** говорил, что одного желания новых месторождений мало, нужны сами месторождения, одного наличия антиклиналей и куполов в осадочных породах ещё недостаточно для получения нефти. [...] Борьба между школами приобретала опасный поворот, далёкий от научных дискуссий. Губкину наносили чувствительные удары, но и он не оставался в долгу, бил, что называется, наотмашь, публикуя разгромные статьи против Стрижова, Кисельникова***, Ортенберга****». (Соколов А.К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Sokolov.html>)

---

* Голубятников Дмитрий Васильевич (1866–1933), геолог-нефтяник, один из создателей промысловой геологии и основоположников нефтяной геологии Азербайджана.

** Тихонович Николай Николаевич (1872–1952), видный специалист в области геологии нефти и газа, один из руководителей геологических служб СССР в 1920-е гг.

*** Кисельников Василий Васильевич (1881–?), горный инженер, в 1920–1926 гг. – член Особой комиссии по Курской магнитной аномалии.

**** Ортенберг Дмитрий Львович (1885–1941), геолог и горный инженер, один из пионеров магнитометрических исследований в стране.

Открытие пермской нефти профессором Преображенским расставило точки над “ё” и стало звёздным часом И.М. Губкина. «Кучка вредителей бессильна была остановить ход истории, – так комментировал он происходящее, – жизнь показала, что молодая советская наука оказалась целиком права. [...] Через несколько месяцев после того, как злобствующий профессор столь нелестно аттестовал желание искать нефть на Урале, нефть была найдена в Верхнечусовских Городках. Искали калий, а нашли нефть. Случайно, но нашли! Наше научное предчувствие целиком оправдалось!» (Губкин И.М. Доверие народа – высшая награда. М., 1938.)

Губкин очень верил в огромные перспективы нового нефтеносного района, который был окрещён «вторым Баку», и даже называл это открытие «пермским уроком»: «Пример открытия Урало-Волжского нефтеносного района [...] блестяще показывает, как настоящая, передовая наука, наука, не боящаяся фетишей, та наука, о которой говорит товарищ Сталин – наш друг и вождь, самый блестящий представитель этой науки, открывает перед нашей прекрасной родиной поистине безграничные перспективы хозяйственного и культурного развития, какую огромную роль она играет в обеспечении перехода от социализма к коммунизму».

То же самое, только иными словами, написал профессор Губкин в статье «Доверие народа – высшая награда»: «Так в нашей прекрасной действительности ещё один миф стал реальностью, ещё одна сказка сделалась былью!»

«Второе Баку»

Правительственные совещания по поводу уральской нефти следовали одно за другим. Итогом стало решение: бурить ещё скважины, заказать в США станок для глубокого бурения и направить сюда, в Верхнечусовские Городки, новейшее импортное оборудование.

Последнее было не лишним: старинное село обреталось на окраине цивилизации. До открытия нефти Чусовские Городки прославились тем, что отсюда Ермак отправился завоёвывать Сибирь, и тем, что здесь жил святой Трифон, впоследствии известный как Вятский.

Он в этих местах совершал свой «иноческий подвиг», в том числе творя чудеса: изгоняя демонов, исцеляя бесноватых и возвращая зрение слепым. Но однажды огонь, разведённый Трифоном, чтобы расчистить поле, перекинулся на дрова, заготовленные местными жителями в промышленных масштабах для строгановских солеварен. Жители Чусовских Городков в ярости скинули будущего православного святого с высокого берега реки Чусовой. На лодке без весла ему удалось переправиться на другой берег, что, как пишут летописи, уберегло чудотворца от «окончательной расправы». А потом его изгнали из этих мест. «Да не живите же вы ни бедно, ни богато», – по преданию сказал Трифон, отчаливая на лодке. По другой версии, слова были такими: «Место свято, да люди кляты».

С XVI века здесь мало что изменилось, того же примерно уклада придерживались и в начале XX столетия: радио и электричество в 1929 году были в сёлах и деревнях Прикамья, скорее, экзотикой. Электрификация на Западном Урале затянулась до 1960-х годов.

«Дедовским» было и оборудование скважины-первооткрывательницы: буровой станок «Вирт-XV» привезли из Сибири, где он простаивал с 1914 года. Германский фабрикант, владелец фирмы «Вирт», в 1930-е годы побывавший на Верхнечусовском промысле, увидев свой станок, искренне недоумевал, почему он не отправлен в лом? Внешне буровая установка тоже выглядела несколько архаично: 18-метровое строение из брёвен-кругляка, бруса и досок, обитое толем, совсем не походило на ажурные металлические вышки Кавказа. Да и поставили её чуть ли не в огородах, на берегу речки Рассошки.

Проходившие старушки мелко крестились на тусклые электрические лампочки, освещавшие первый в Центральной России нефтепромысел.

«Подъезжаешь к посёлку – ловишь радостный запах нефти. А ещё до того, как подбиралась к нефти, положишь породу, извлечённую из сква-

жины, поближе к печке – из неё начинает сочиться нефть. А бурили тогда алмазными коронками. Алмазные зерна сами вчekanивали в тело долота. Бывало, загоняет мастер: заставит нас разбивать стёкла побольше и помельче. На стекле тренировались. Положишь стекляшку в гнездо на долоте и обстукаешь кругом, чтобы не выпала. Если трещина на стекле – начинай сначала». (А.Г. Черепанов. Это было так // Уральская вышка. 1957. 3 января.)

Жизнь в древних Верхнечусовских Городках стремительно менялась: закрыли церковь и винную лавку и спешно стали строить дома и бараки для рабочих нефтепромысла, автогараж, столовую, аптеку и даже родильный дом.

У крестьян из окрестных деревень конфисковали лошадей (тогда говорили – мобилизовали) для ремонта старого Валёжнинского тракта.

«Понаехало полно рабочих на буровые. Из сёл шли к нам красные обозы – крестьяне везли хлеб. [...] Здесь же мазали втулки телег нефтью вместо дёгтя. Радостно начиналась нефть. Радостно и очень тяжело. Теперь-то нефтяное дело не лёгкое, а тогда и говорить нечего». (А.Г. Черепанов. Это было так // Уральская вышка. 1957. 3 января.)

За очень короткий срок была проложена железнодорожная ветка от станции Комарихинская до Верхнечусовских Городков, протяжённостью 12 км. Над названием станции долго не раздумывали, окрестили просто – «Нефть». Затем название изменили на более конкретное – «Уралнефть». Местные жители шептались, что место для станции выбрано очень неудачно здесь раньше было болото, в котором утонула жеребая кобыла. Плохой знак. Однако это никого не остановило.

К осени 1930 года в районе Верхнечусовских Городков работали 51 буровая установка, а численность занятых на нефтепромыслах возросла почти в шесть раз, достигнув трёх тысяч человек, из которых более 700 были квалифицированными специалистами с нефтепромыслов Баку и Грозного.

«Как прекрасны уральские виды, – пишет С.И. Ваксман, – с дощатым буровым копром – обязательным элементом пейзажа! Как трудна работа – разгрузка в Лёвшино баржи с частями разобранной буровой из Чердыни – всё вручную! Как труден, как беден быт! Как малы радости – танцы под гармошку, выдача муки в ларьке! Как тяжело идёт телега за молоком по лесной лежнёвке! Но на лицах людей разлита надежда: “Мы живём плохо, но дети наши будут жить хорошо”».

Партия и правительство поставили перед «вторым Баку» плановый показатель – 5 млн тонн, для этого «Уралнефть» получила невиданные для советского государства преференции – напрямую работать с границей.

Но, увь-увь! Потом выяснится, что скважина, которую заложил профессор Преображенский, попала в верхушку нефтяного рифа, что создало иллюзию большого месторождения. Его запасы оказались совсем незначительными. Моря нефти, как ожидалось, не было, как не было и нефтяного поля от Печоры до Чусовой. Но к счастью для Преображенского, после первой скважины, давшей нефть, от дальнейших работ на нефтяном направлении он был отодвинут, руководство нефтеразведкой взяла в свои руки «тяжёлая артиллерия» вроде академика Губкина.

Через несколько лет запасы Верхнечусовского месторождения будут исчерпаны, а в 1945 году промысел и вовсе закроется. Большую нефть в Прикамье откроют только в

1950-е. Найдут её и на территории Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей, но это всё будет позже.

В то же время, в 1932 году, ударил фонтан на Ишимбае, и большинство специалистов уехали из Верхнечусовских Городков осваивать другие месторождения. Благо теперь нефть стали находить в разных районах России: открытие в Прикамье стало толчком для широкомасштабных поисково-разведочных работ на нефть.

«Главные предвоенные открытия в Волго-Урале на юге – Ишимбай, Туймаза, Сызрань, Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), Бугуруслан. Все эти открытия были сделаны благодаря тому, что когда-то профессор Преображенский настоял на углублении скважины № 20! Буровики его не понимали: зачем мудрить? Ведь проектный горизонт вскрыт, не надо мучить себя, не надо мучить коня». (С.И. Вакман. Полевая книжка. Пермь, 2014. С. 25.)

Буровые скважины появились в самых неожиданных местах СССР, и нефтяные месторождения стали открывать одно за другим. Началась новая глава не только в экономике Прикамья, но и всей страны, которая полностью изменит промышленный потенциал Российской Федерации уже в ближайшие десятилетия.

За открытие месторождения нефти в районе Верхнечусовских Городков геологу Преображенскому объявили благодарность и выдали премию в размере 10 тыс. рублей.

А в июне 1930 года, наверняка благодаря этому событию, его назначили членом Центрального технико-экономического совета при Президиуме ВСНХ СССР.

Открытие на Западном Урале ещё и нефти в дополнение к громадному Верхнекамскому месторождению калийно-магниевых солей – это был не просто успех, а самое настоящее чудо.

Награды и потери

Преображенский стал первым в Советском Союзе геологом, награждённым орденом Трудового Красного Знамени. Государственный указ об этом был подписан в 1934 году. Более того, он оказался одним из первых учёных, получивших правительственную награду. В те времена это было редкостью – традиции только начали складываться.

Почему в 1934 году? Потому что в этом году пустили в действие Первый калийный рудник в Соликамске и наградили всех, кто имел к этому отношение. К слову, большая группа калийщиков была удостоена самой высокой награды СССР – ордена Ленина. Список награждённых возглавлял руководитель строительства и первый директор В.Е. Цифринович, за ним геолог Н.О. Галушко, потом начальник капитального строительства Л.М. Фельдмахер и секретарь парткома А.И. Милуков, ну и замыкал строй орденосцев рабочий А.М. Казанцев.

Орден Трудового Красного Знамени был рангом ниже, но и за него спасибо.

Н.П. Орлова: «Этот орден долгое время служил ему охранной грамотой. В 1930-е годы он мне как-то сказал, на мой вопрос по поводу безопасности: "...у меня орден пытаются отнять". Потом была война и, вероятно, было не до того, после был процесс геологов, но Павел Иванович к этому времени уже умер».

На одном ордене поток наград и поощрений не остановился.

Решением Высшей аттестационной комиссии ВКВТО* при СНК СССР от 23 октября 1935 года он был утверждён в учёной степени доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации – тоже своего рода награда и признание больших заслуг в науке.

П.И. стал символом того, что «Страна Советов знает и умеет ценить и награждать своих героев», – как написано в одной из статей того времени. И там же: «Честные специалисты, идущие единым фронтом с пролетариатом по пути построения социализма в нашей стране, приобретают заслуженное доверие со стороны правительства и всей советской общестственности. Это особенно подчёркивается фактом награждения орденом П.И. Преображенского, старого специалиста, выросшего на дрожжах капиталистического строя, в прошлом участника контрреволюционного белого движения и министра народного просвещения в правительстве

---

* Всесоюзный комитет по делам высшей школы (при Совете народных комиссаров СССР).

Колчака. В настоящее время это прошлое навсегда вычеркнуто из “Трудового списка” П.И. Преображенского. Его громадные заслуги перед Страной Советов, отмеченные высокой наградой советского правительства, ставят в настоящее время П.И. Преображенского в первые ряды борцов на фронте индустриализации СССР».

Но большинству тех, кто был воспитан «на дрожжах капиталистического строя», то есть кто родился до революции, не повезло.

Н.П. Орлова: «Я сейчас в руках держу книгу “Репрессированные геологи”. И почти на каждой странице есть кто-то знакомый, в частности – Владимир Климентьевич Котульский, которого я помню, можно сказать, с детства. Его первая семья – жена его была певицей, сын Вовка у нас на даче в Финляндии жил, вероятно, в 1914 году или что-то около этого. Он был ровесником моего покойного брата. Потом помню, как в конце [19]30 года отец мне сказал – это был первый случай: “Владимир Климентьевич Котульский арестован”. И дальше пошло и пошло. Уже после войны я видела Владимира Климентьевича на улице Горького, в квартире Павла Ивановича. Он был там у Марии Ростиславовны. Когда я ему напомнила о давно минувших днях, как я ему аккомпанировала, а он пел: “О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями...” У него был хороший голос, очень приятный баритон. Он – брат Котульской, певицы Большого театра. И на это он мне отвечал: “Да, если бы я пошёл по этой линии, то, вероятно, моя судьба была бы лучше”. В этой книге “Репрессированные геологи”, конечно, значится и Дмитрий Иванович Мушкетов. И к нему тоже привязана память. Давние времена, когда я ещё девочкой бывала в семье его матери – Екатерины Павловны Мушкетовой – супруги его отца, профессора Мушкетова, к которому с большим уважением относились все геологи поколения моего отца. Я помню, как Клавдия Михайловна Герасимова мне говорила, когда я собиралась выходить замуж: “Обязательно должна побывать у Екатерины Павловны!” Ну я у Екатерины Павловны побывала – она мне подарила на память три платочка, вышитых. [...] Страшная книга. [...] Почему так сложилась судьба? Ведь и нашу она определила. Я об этом давно и много думала. Счастливое стечение обстоятельств, потому что не одними личными качествами это определяется».

Владимир Климентьевич Котульский (1879–1951), о котором рассказывает Наталья Павловна, был коллегой П.И. по исследованию Ленского золотоносного района. Он проводил в этом районе маршрутные изыскания в 1908–1914 годах. В Гражданскую войну оказался в Сибири, занимал пост вице-директора временного Геологического комитета при правительстве адмирала Колчака. В советское время В.К. Котульский был старшим геологом Геолкома, затем директором Геологоразведочного института цветных металлов (1929–1930).

В первый раз его арестовали в октябре 1930 года за то, что якобы занижал запасы металлов и тормозил освоение месторождений. По моде тех лет его приговорили к расстрелу с заменой на 10 лет лишения свободы. Времена уже наступили другие, не такие травоядные, как те, когда шёл «процесс Клера». Однако же в этот раз Котульский был вскоре освобождён благодаря хлопотам сестры, Е.К. Катульской (1888–1966), известной оперной певицы Большого театра.

Второй раз его арестовали в январе 1932 года по знаменитой 58-й статье, по пунктам «вредительство» и «организация контрреволюционной деятельности». Срок отбывал в Особом геологическом бюро в Мурманске. После освобождения Котульский

много и плодотворно работал и даже был награждён орденом Трудового Красного Знамени (1943).

За работу по Мончегорскому и Норильскому месторождениям ему была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации (1945). В 1944 году с него сняли судимость, но в 1949-м снова арестовали, присовокупив «измену родине» и антисоветскую агитацию, и дали уже 25 лет лагерей. Котульский, автор монографии о норильском месторождении и карты Норильского района, погиб на этапе в Норильлаг в феврале 1951 года. Пишут, что его убил уголовник.

Судьба Дмитрия Ивановича Мушкетова (1882–1938) не менее драматична. Он родился в семье, где геология была образом жизни, считалась важнейшей из наук. Мать, Екатерина Павловна, принадлежала к третьему поколению немецкой династии горных инженеров Иосс; отец, Иван Васильевич, выдающийся учёный-геолог, всю жизнь посвятил науке, преподавательской и общественной деятельности. Кстати, В.А. Обручев был учеником И.В. Мушкетова, а первые экспедиции его сына – Д.И. Мушкетова и, соответственно, первые исследования прошли в Ленском золотоносном районе: маршрут от Витима до Олёкминска он изучил в 1903 году.

В 1918 году, в 36 лет, Д.И. Мушкетов стал директором Горного института, а в 1927 году – Геологического комитета.

В 1929 году началось так называемое «дело Геолкома». Известно, что первую скрипку в разгроме и последующем упразднении этой организации сыграл академик И.М. Губкин, заместитель Мушкетова в Геолкоме. Свои аргументы он позднее изложил так: «Геологическая служба – один из элементов великой стройки, а не самодовлеющее учреждение со своими задачами служения геологической науке в мировом масштабе, каким стремился всё время сделаться старый царский Геолком». Но обвиняли сотрудников Геолкома не в идеологической близорукости, а во вполне конкретных преступлениях – экономическом шпионаже, контрреволюции и вредительстве. Причём «шпионаж» – в том числе в пользу концессионного предприятия «Лена Голдфилдс» (*Lena Goldfields, Ltd*), так теперь называлось хорошо известное П.И. «Лензолото». Кроме того, есть в обвинительном заключении, отпечатанном в типографии и переплетённом в ярко-красную коленкоровую обложку, и строки о том, что специалисты Геолкома направляли «разведочную инициативу [...] в заведомо лишённых эксплуатационного эффекта местах, с целью сохранения недр для бывших владельцев». Главным образом, считали следователи, такое происходило в нефтяной промышленности.

«Дело Геолкома» было одним из многих дел, направленных против «вредителей и шпионов», «старых» специалистов и учёных. Кстати, В.К. Котульского, служившего заместителем директора Геолкома, арестовали и осудили примерно в это время. Тогда же проходили аресты, следствие и суды по «Шахтинскому делу» (1928), по делам «о вредительстве в золото-платиновой промышленности» (1929) и «о вредительстве в нефтяной промышленности» (1929–1931), «делу Промпартии» (1930) и «Академическому делу» (1930–1931), делу «о вредительской и шпионской деятельности контрреволюционных групп в геологоразведочной промышленности» (1930–1932) и т.д.

Геолком в итоге был упразднён, а центр принятия решений переместился из Ленинграда в Москву, в новую структуру, которая стала называться Центральный научно-ис-

следовательский геологоразведочный институт (ЦНИГРИ), позднее известный как Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт (ВСЕГЕИ).

В Википедии написано, что В.А. Обручев привлёк Д.И. Мушкетова к руководству вновь образованным научным кружком Геологического института АН СССР. Зная контекст времени, в этой фразе можно «прочитать»: В.А. Обручев протянул руку помощи сыну своего учителя, помог в сложной ситуации: когда тот остался без работы, он предоставил ему место.

Д.И. Мушкетов свободно владел несколькими иностранными языками, что позволяло ему держаться в курсе мировых исследований и открытий. Он участвовал и в международных геологических конгрессах, всемирных съездах геологов, проводимых в разных странах. На конгресс в Брюсселе в 1922 году Д.И. Мушкетов ездил по личному приглашению. Мадрид в 1926-м он посетил как член делегации СССР. В 1929 году, на XV Международном геологическом конгрессе, который проходил в Претории (ЮАР), он уже был главой советской делегации. Его избрали вице-президентом конгресса, и именно его усилия во многом привели к тому, что XVII Международный геологический конгресс, намеченный на 1937 год, провели в Москве. Ирония судьбы в том, что Мушкетова арестовали за 21 день до открытия этого форума, а председателем конгресса вместо него стал И.М. Губкин.

Вот что пишет геолог В.В. Белоусов (1907–1990): «Иван Михайлович Губкин был грозой для геологов, особенно для тех, кто занимался нефтью. Он постоянно искал вокруг себя вредителей, выступал с пугающими обвинительными речами, и, если кого-либо он считал не таким, как нужно, автор этих идей, да и его ближайшие коллеги попадали в опалу, и их карьере мог прийти конец. Могло быть и хуже». (Владимир Владимирович Белоусов. М., 1999. С. 254–255.)

П.И. Преображенский не попал под «карающий меч» Губкина, возможно, потому, что открытие нефти в Верхнечусовских Городках, в числе прочего, «лило воду на мельницу» академика. Зато список других геологов, в судьбе которых Иван Михайлович сыграл зловещую роль, довольно длинный.

Вместе с Д.И. Мушкетовым арестовали и многих его коллег по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной фашистской вредительской террористической организации», которая действовала с 1930 года.

Мушкетова расстреляли 18 февраля 1938 года. На приговоре, где великий геолог числится под № 42, стоят визы Сталина, Ворошилова, Молотова и Кагановича. Жена Мушкетова, как член семьи изменника родины, тоже была репрессирована.

Геолог Иван Николаевич Стрижов, который предлагал искать нефть по способу «дикого» бурения, в 1929 году был арестован органами ОГПУ по обвинению во вредительстве. И.М. Губкин откликнулся на этот арест статьёй в газете «Известия»: «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось». Высшую меру наказания ему заменили тюремным сроком. В Москву он вернулся только через десять лет.

При этом перед арестом И.Н. Стрижов успел добиться в ВСНХ СССР ассигнований на разведочное бурение в Ишимбае, где и найдут вскоре настоящую большую нефть. В автобиографии, написанной в 1943 году, Стрижов пишет: «Задолго до получения первой нефти на западном склоне Урала я настаивал на необходимости бурения на Самарской

Луке, в Ишимбае, около Астрахани, на Доно-Медведицкой антиклинали, на Шугуровском куполе, на Вятском вале, на антиклиналях Саратовского уезда, на антиклиналях Ока – Цна – Клязьма – Волга, на структурах Новый Торжок – Вышний Волочёк, на Полесском вале и др., но другие геологи меня высмеивали...»

Попал под каток репрессий и Н.О. Палечек, с которым П.И. связывала крепкая дружба. Он, к слову, был крёстным его средних внуков – Романа и Олега, которые родились в 1929 и 1932 годах.

«Дело Геолкома», где Палечек занимался финансами, задело его по касательной, а вот паспортизация сильно изменила жизнь. По новым требованиям, он был лишён права проживать в Ленинграде и уехал в Калининскую область, где работал счетоводом. Была надежда, что на периферии его не тронут.

Н.П. Орлова: «Палечек писал оттуда своим родственникам: “Старичок-сторож нашей конторы говорит мне: “Недолго ходить тебе на воле, дедушка! Скоро до тебя доберутся!” Слишком интеллигентный, “прежний”, а не советский облик был у него. Сын Палечека, Алёша, которого удалось из Сибири отправить к матери в Америку, вплоть до своей смерти так и не знал, отчего же умер его отец, а родственники в Ленинграде надеялись, что сыну, который тогда процветал, удалось выкупить за золото своего отца – безвредного старика – у советского правительства. Ходили слухи, что иногда такое делалось».

Но – нет. Н.О. Палечека арестовали в деревне Селище Кировского района Тверской области за антисоветскую агитацию и 27 декабря 1937 года приговорили к высшей мере наказания.

Как горько написал один из адресатов Н.П. Орловой: «Вспоминали всех Палечек, которых когда-то было много, и так интересно и полезно они жили, но судьба жестоко с ними обошлась». Родной брат Палечека и племянник тоже пострадали: сначала были сосланы в Оренбург, а уже там оказались в тюрьме, откуда оба не вышли.

В марте 1933 года был арестован и ближайший сосед в доме по Геслеровскому проспекту, профессор А.В. Ливеровский, имя которого внесено в справочник «Выдающиеся инженеры и учёные железнодорожного транспорта». В мае его освободили, чтобы в сентябре снова арестовать и этапировать в Москву, в Бутырскую тюрьму. В марте 1934 года он был освобождён, но мы можем представить, какие чувства испытывали его соседи и по поводу его арестов, и по поводу освобождения.

Был расстрелян геолог Александр Карлович Мейстер (1865–1938), с которым в начале XX века Преображенский изучал золотоносные районы Сибири.

О «тяжких грехах перед народом» директора Соликамского калийного комбината В.Е. Цифриновича, автора книги «Мы создали калийную промышленность» (Свердловск, 1934), объявили на заводском митинге летом 1937 года перед тысячной толпой рабочих. «Тишина стояла такая, что даже теперь вспомнить страшно», – пишут очевидцы. Всесильный управляющий калийным трестом ВСНХ СССР («Союзкалий»), а потом организатор строительства и первый директор Соликамского калийного комбината Владимир Ефимович Цифринович был расстрелян 14 января 1938 года.

А вот геолог Николай Шадлун, с которым П.И. начинал работу по калию в Верхнекамье и который докладывал результаты Президиуму Госплана, умер сам. Правда,

Павел Иванович Преображенский

П.И. Преображенский и Ю.В. Морачевский (слева), 1929 г.

Скважина № 20 – первооткрывательница пермской нефти. Весенний паводок. Верхнечусовские Городки. 1929 г.

С бригадой-первопроходцев бурового мастера Геолкома П.М. Позднякова (П.И. Преображенский – во втором ряду четвёртый справа). Верхнечусовские Городки. 1929 г. ГАПК

Испытания скважины № 20 в Верхнечусовских Городках.
Кадр киножурнала «Нефть на Урале». 1929 г. РГАКФД

С членами правительственной комиссии. Верхнечусовские Городки. 1929 г.

Изменили из расчета на меня,
 моих соотечественников, которые
 и в настоящее время являются
 отчасти жертвами политическими
 Комитетами нефтяной промышленности.
 Факт этот настолько важен, насколько
 мы с вами знаем, что нефть
 находится в таком количестве
 на территории нашей страны, что
 мы должны быть уверены, что мы
 сможем и в будущем обеспечить себе
 будущее: удовлетвоя в наших
 нуждах по производству нефти
 удовлетворяем себе в том, что называется
 "дешевым" бурением на нефть, т.е.
 танком, которая производится в
 местностях, где все, что касается
 нефти, ^{применяется} как при
 бурении скважин под землей на нефть,
 и осуществляют свои первоначальные
 операции на территории, что касается
 бурения. И этот материал
 В России танком сего-то более много
 и шведы нефть не только, но
 они танк с ним богатством
 как и танк и готовность
 и и на нефть и нефть
 уже пришедшие. Эти стелас
 помешают нефть и нефть
 за нефть и нефть и нефть
 нефть нефть и нефть, нефть
 нефть нефть и нефть

Беседа с рабочими-буровиками. Верхнечусовские Городки. 1929 г.

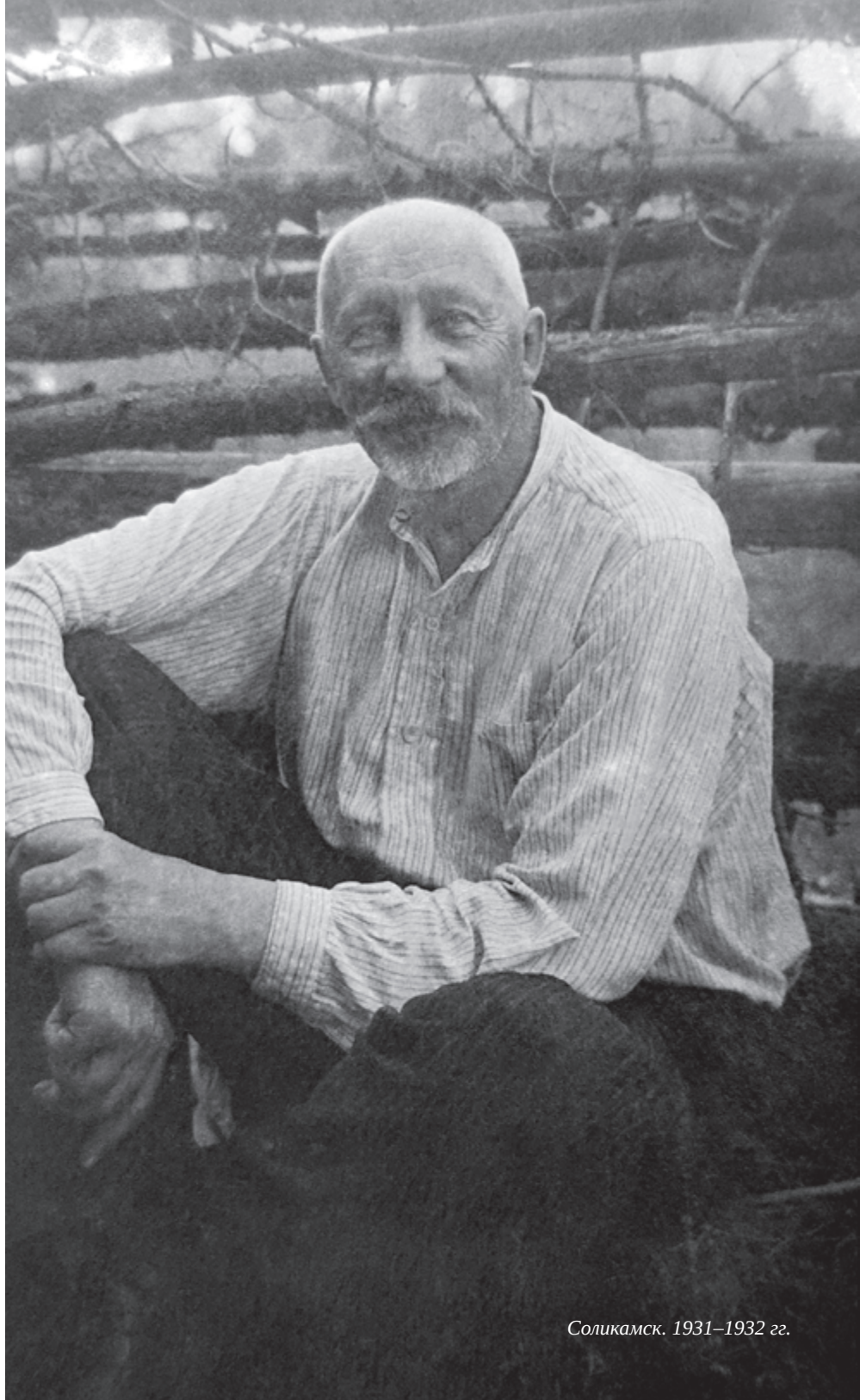
Иллюстрация к очерку «Чёрное золото Урала»
(Вокруг света. 1929. № 18)

Памятная стела в честь 80-летия
открытия пермской нефти, установленная
компанией «ЛУКОЙЛ». Автодорога
Добрянка – Чусовой, Пермский край. 2009 г.

Соликамск, 1931–1932 гг.

Т.Б. Поленова,
П.И. Преображенский,
Ю.В. Морачевский,
А.А. Иванов.
Соликамск. 1931–1932 гг.

Юрий Павлович
Преображенский

П.И. Преображенский с внуками Всеволодом и Романом. 1932 г.

П.И. Преображенский,
А.А. Иванов, Т.Б. Поленова.
Слева – «ехидная старушка»
Балашова, у которой
останавливался П.И. во время
поездок в Соликамск. 1932 г.

С группой инженеров Первого калийного комбината. Соликамск. 1938 г.

В Кисловодске. 1940 г.

С внуками в ленинградской квартире по Геслеровскому проспекту. 1939–1940 гг.

22-39

РСФСР

Представитель
районный СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
г. Ленинград
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 93-СВ-249, 1941 г.
Л.д. 0.95

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Представитель настоящего удостоверения
г.р. Дроздовичский Л. И.

С членами семьи:

1. Дроздовичский М. Р.
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

вакуированы из гор. Ленинграда, в _____ области.

М. П. _____

Председатель

Тютчев
районная комиссия г. Ленинграда

Г. Мейер

М 1007, Типография № 1 им. Володарского, Дз. № 207.

Удостоверение эвакуированного. 1941 г.

П.И. Преображенский

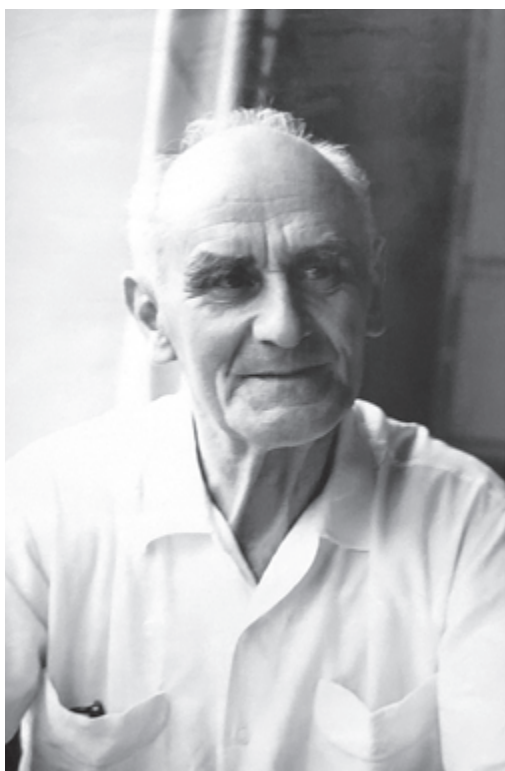
Личные вещи
учёного-геолога

Внуки – Олег, Сева, Рома. Ленинград, 1937 год

Н.П. Орлова с дочерью Наталией.
Лысково, 1939 год

Академик Ю.А. Орлов

И.С. Романов. Портрет профессора Преображенского. 1959 г.
Из собрания Березниковского историко-художественного музея

Потомки П.И. Преображенского
и руководители Приволжского федерального округа,
Пермского края и нефтяной компании «ЛУКОЙЛ»
на открытии памятника выдающемуся геологу.
Пермь, 19 октября 2019 г.

после того, как был арестован в 1930 году. Следствие длилось много месяцев, его отпустили домой, где он и умер от рака печени летом 1932 года.

Соликамск, милый патриархальный Соликамск, стремительно превращался в столицу зэковского государства: белый, похожий на корабль, храм Иоанна Предтечи на берегу реки Усолки уже в 1929 году приспособили под пересыльную тюрьму, где сидел, в том числе писатель Варлаам Шаламов. Чем дальше, тем больше появлялось на улицах города заключённых каналармейцев («Зэ-Ка») – зэков, а в окрестностях – бесчисленных «командировок», то есть мест заключения.

Что испытывал П.И. в то время, видя, как исчезают в неизвестном направлении знакомые люди, читая в газетах отчёты о судебных процессах с абсурдными обвинениями? Вопрос риторический. Можем предположить, что его спасением стала работа.

Так было и в 1914 году. В письме к профессору Обручеву от 24 апреля 1914 года П.И. писал: «...я совсем выбился из колеи: нервы стали до того негодны, что одно время меня даже определил доктор в санаторию, но я оттуда сбежал – никак не могу взять себя в руки: на людях ещё как-то держусь, а когда один, так прямо нет сил справиться с тоской и сердцебиением. Определённой внешней причины всему этому я и сам подыскать не могу, доктора же говорят, что это нервное истощение. Надеюсь, на работе я потом снова оживу»*.

В другом письме к Обручеву этого же периода он пишет: «Думаю, что на работе лучше, чем в санатории, – душа будет занята волей-неволей, а это для меня сейчас главное»**.

На работе всегда лучше. Она – универсальный лекарь, тем более что в жизни П.И. произошла огромная личная трагедия: 27 ноября 1932 года умер сын Юрий, которому было 23 года. Он уже окончил Горный институт, ездил в экспедиции, и всё предвещало счастливую жизнь. Но инфекция, с которой тогда не умели бороться, оборвала его жизнь.

«Почему же его не положили в Военно-медицинскую академию? Ведь там уже работал зять П.И.?» – в семье до сих пор горячо обсуждают этот вопрос, как будто всё произошло недавно. Как бы то ни было, Юрий умер дома, на руках у родителей, найдясь до последнего вздоха в сознании, словно утонул. Они были рядом, но ничего не могли сделать.

Эта смерть разделила всю оставшуюся жизнь П.И. и его жены на «до» и «после».

Сохранилось душераздирающее письмо П.И. из Москвы жене, написанное спустя две недели после смерти сына: «Хорошо ты сделала, дорогая, что не поехала в Москву, – таскать своё горе по чужим людям долго тяжело, что вчера я не в силах был куда-нибудь пойти по знакомым, и надо было убить время от 6 до 10, когда можно было вернуться к Ржевским и под предлогом усталости без разговоров улечься спать. Ходил по улицам, но так как пошёл мокрый снег, то зашёл в кино. Попал на тяжёлую драму, политического оттенка. Расставание матери с сыном – и тут, значит, не легче стало. [...] Привечают как могут, но разве нам поможешь?..»***

---

* Приложение (№ П-6).

** Там же (№ П-7).

*** Там же (№ П-18).

Вторая война

К калийным солям Прикамья профессор Преображенский добавил изучение соляных месторождений Башкирского Приуралья, Донбасса, Средней Азии, соляных озёр Западной Сибири и Забайкалья, Индерского месторождения боратов и т.д.

Часть работ была начата в 1928–1929 годах. Например, на соляные озёра Прииртышья П.И. пригласили в связи с затруднениями треста «Павлодарсоль» в добыче соли. Считалось, что озёра, активно эксплуатировавшиеся со времён Ермака, и вокруг которых по реке Иртыш была построена вся линия казачьих станиц и форпостов, исчерпаны.

Там нашли «кара-туз» – чёрную соль, и, по воспоминаниям профессора А.В. Николаева, П.И. «в свойственной ему милой и шутиливой манере разговора [...] затеял со мной весёлый в то же время настойчивый спор, что «кара-туз» это не соль с илом, а ил с солью. Я понял, что П.И. требовал этим детального изучения кара-туза. [...] Именно его шутиливое и настойчивое вмешательство обеспечило быстрое строительство железнодорожной ветки к оз. Таволжан*, возникновению здесь большого соляного промысла и города под названием Туз-кане**, то есть “соляной город”».

К 1940 году П.И. признали крупнейшим и старейшим специалистом по солям. Кроме Верхнекамского месторождения калийно-магниевого солей, по словам академика В.А. Обручева, «исследования Илецкого соляного штока во многом обязаны его настойчивости, с которой он преодолевал бюрократические тенденции в наркомате. В течение последних десяти лет (имеется в виду жизнь П.И., 1935–1944 годы. – Прим. С.Ф.) он не раз бывал у меня в Москве и часто возмущался волокитой и непониманием условий развития соляного дела, с которыми ему пришлось бороться». (В.А. Обручев. Избранные труды. Т. 6. М., 1965. С. 108–109.)

Так как соли находились в ведении Наркомата химической промышленности, то с 1937 года по совместительству, а с 1939-го штатно Преображенский стал работать во Всесоюзном институте галургии (ВИГ), который находился в подчинении наркомата. В 1939 году он перешёл на работу в ВИГ на должность главного геолога.

В июне 1940 года праздновалось 40-летие научной деятельности П.И. В архиве семьи хранятся грамоты от руководства Института галургии,

---

* Озеро Большой Таволжан (Павлодарская область, Казахстан)

** Так в тексте. Вероятно, имеется в виду железнодорожная станция Туз-Кала (казах. Түз-Қала).

отдельный адрес от сотрудников, старинных коллег – Морачевского, Дзенс-Литовского, Мурашова и других, от Центральной научно-исследовательской соляной лаборатории, от Соликамского гидроузла, от сотрудников Ленинградского геологоразведочного треста НКХП.

П.И. подводил черту под своей профессиональной деятельностью: сорок лет – огромный срок для полевого геолога и учёного. Казалось бы, пора уже и отдохнуть, почивая на лаврах, но на следующий год началась война.

22 июня 1941 года П.И. находился в Ленинграде. Младшие внуки вместе с бабушкой, Марией Ростиславовной, жили на даче: Роману – 11 лет, Олегу – 8, Наташе – 3 года. Старший, 15-летний Всеволод, с отцом, Ю.А. Орловым, тем летом были в экспедиции в Голодной степи*. Дочь Наталья сдавала экзамены на курсах музыкального образования по вокальному и фортепианному отделениям, и 22 июня предстоял один из экзаменов.

Ничего ещё не было понятно, но уже пришли распоряжения об эвакуации: П.И. стал хлопотать, чтобы откомандировать сотрудников Института галургии в Соликамск. Туда же направил дочь и внуков. Баржа в Соликамск должна была отчалить в конце июня – начале июля.

Н.П. Орлова: «Я долго собиралась. Упаковывала фотографии и все ноты, воображала, что своё музыкальное образование смогу использовать. И папа сказал: “Господи, когда же ты с реальностью считаешься!” И собрал нас самостоятельно: сложил нам всё, что понадобится, даже зимние вещи и обувь. Потом, в Соликамске, мы очень это оценили. К примеру, наши знакомые привезли в эвакуацию скатерти, но не взяли тёплых вещей – таких было очень много. Дедушка оказался предусмотрительнее многих. Он сказал: “Соликамск такое место, что туда приходилось посылать продовольственные посылки до войны, но там есть люди, которые в случае чего вам помогут”. И дал мне два письма: одно к Василию Николаевичу Прокошеву, агроному, другое к старикам Безукладниковым».

М.Р. Преображенская оставила воспоминания о том, как они жили с П.И. в Ленинграде в начале войны: «Вот первые бомбы [упали] на Старо-Невский, Лиговку, а вечером 8 сентября – на Петроградской стороне разрушено несколько домов – и так пошло. Сначала каждый вечер, а затем и каждый день, по всем частям города. [...] Началось резкое сокращение выдачи продуктов. Кроме рабочих, все получали по 200 г хлеба уже с 1 сентября. В столовые стали пускать только ранее прикрепленных. [...] За картошкой ездили сначала за город, но скоро это прекратилось. Когда на улице появлялась тележка с картошкой или капустой, сейчас же бежали за ней до лавки».

Семье Преображенских, благодаря заботам соседки Сусанны Александровны Рейнеке, каждый день перепадало по пол-литра козьего молока, но это было счастливое исключение, так же как и ежедневные обеды П.И. в Институте галургии. Но у дома были ещё грядки, на которых росли свёкла и морковь!

Окна в первые же дни войны на две трети заколотили фанерой, поэтому везде стояла полутьма, которая удручала не меньше всего остального. «Ясная погода, вместо обычной радости, заставляла сжиматься сердце, – пишет М.Р. Преображенская. – Помню раз, с 8 до 9 утра, я с удовольствием сидела у калитки: грело солнце, зелёная листва обрамляла с правой стороны ярко-синее небо, прозрачный воздух без малейшего ветер-

* Глинисто-солончаковая пустыня в Средней Азии, на левобережье Сырдарьи, по выходу её из Ферганской долины, в пограничных районах Узбекистана, Южного Казахстана и Таджикистана.

ка; не хотелось отводить глаз от этой чудесной синевы. Вдруг на ней влево от зелёных листьев появилась белая точка, за ней другая, третья; каждая точка превращается в белый след; полосы поднимаются выше, расширяются; за первыми двумя появляются ещё три точки, за ними следующие три. Первые достигают зенита, казалось, над нашим двором, и начались выстрелы из пулемётов, зениток...

[...] Этот чудесный солнечный день превратился в пытку для всех: было 12–13 тревог с перерывами полчаса и короче. А многим принёс он гибель: на Гулярной улице были разрушены все дома. Это только на одной Петроградской стороне».

Уже в сентябре исчезли продукты из магазинов, остались только напитки. В воспоминаниях тех лет многие пишут, что настроение у всех было обречённым: уходишь из дома и думаешь: может быть, не вернусь, а может быть, вернусь, да не найду дома.

Война сблизила между собой всех живущих во дворе, отношения, которые и раньше были тёплыми и дружескими, стали ещё крепче. Каждый старался ободрить другого; в бомбоубежище, куда пришлось спускаться при налётах, не поощряли рассказы об ужасах бомбардировок.

П.И. и А.В. Ливеровский, сидя в щели, всякий раз говорили между собой на такие интересные темы, что все остальные начинали прислушиваться и переставали шептаться о случившемся днём или ночью.

Одна из жительниц дома, которая особенно подавленно чувствовала себя из-за предстоящей голодовки маленькой внучки, каждый раз со слезами в глазах говорила М.Р. Преображенской: «Только Вы подбадриваете меня своим видом».

В семье хранится документ, который предписывает Преображенскому явиться 23 сентября 1941 года с 12 до 21 часа в Смольный, к заместителю председателя исполкома Ленгорсовета тов. Мотылёву Б.М. Причина – «по специальному заданию».

Вероятно, именно там ему предложили вылететь из Ленинграда в Москву «без дискуссий».

Когда П.И. сообщил об этом жене, то первой мыслью её было уговорить его уклониться каким-нибудь способом от этого требования, так как ей не хотелось уходить от людей, «которым безмолвно дала обещание остаться с ними до конца».

Однако пришлось собираться. Вылет дважды откладывали, наконец, 28 сентября в 6 утра явился сопровождающий и, окинув взглядом вещи семьи – лимит был 40 кг на двоих, разрешил взять пишущую машинку.

«За калиткой на противоположной стороне улицы у пустого забора стоял автобус, – вспоминает М.Р. Преображенская. – Степан открыл дверцу и посадил меня: одетая в два платья, пальто, шубу, с пледом на плечах, я с трудом двигалась. В автобусе сидело шесть человек, все с серьёзными лицами, и так же, как мы с П.И., одетые в двойную, а может быть, и больше одежду. [...] По лёгкой лесенке мне помогли подняться в “чрево” самолёта. Это – просторное (13–15 кв. м) помещение, совершенно пустое, только середина приспособлена для пулемёта, с грязным полом. Сидеть надо было на чемоданах. П.И. поставил мой чемодан к окну. Я села и с интересом ждала взлёта. Кроме нас пятерых, вошло несколько бойцов. Один военный положил свои вещи напротив меня у окна, растянулся сам на полу и, кажется, сразу уснул. [...] Рядом со мной [сидела] моя ближайшая соседка по самолёту, высокая пожилая дама. Спрашиваю её: “Вы тоже должны были вылететь без дискуссий?” – “Разумеется, разве Вы не знаете, что я –

Ахматова, писательница? Когда я сказала, что по своему здоровью не могу уехать одна, мне предложили взять с собой любую спутницу, вот я и предложила своей молодой знакомой, мадам Н., проводить меня, а затем ехать дальше к своему ребёнку»».

В Москве ситуация тоже была тревожной. М.Р. Преображенская пишет: «Было 12 октября, а день выезда всё ещё неизвестен. Пал Орёл. Начались налёты. Каждый вечер, после 10 ч[асов], к грохоту улицы примешивалась пулемётная и пушечная пальба. Раз, после 12 часов ночи, не вытерпели и пошли с П.И. и даже с Ю.А. [Орловым] в бомбоубежище этого же дома. [...] Тревога, которая нас заставила покинуть нашу комнату, оказалась страшнее стрельбы, начавшейся ещё с вечера, и мы вернулись на свои постели, решив больше не трогаться».

«Московская паника 1941 года» – вот как называют это время историки. Считается, что она ограничивается тремя днями: 15–17 октября, а дальше ситуацию удалось взять под контроль.

Все эти дни Преображенские жили в столице. К 14 октября П.И. получил наконец все необходимые для отъезда бумаги, только железнодорожные билеты уже невозможно было достать.

15 октября прошло у Преображенских в пустых хлопотах. А в это время по секретному постановлению ГКО начинается бегство самых важных государственных структур, начиная с аппарата ЦК ВКП(б), Генерального штаба, Наркомата обороны вместе с Наркоматом военно-морского флота, дипкорпуса, Президиума Верховного Совета и Совнаркома СССР. (Коммерсант-Власть. 2005. 10 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/616136>)

Второй секретарь Московского комитета ВКП(б) Г. Попов вспоминал: «Я поехал в Московский комитет партии. Однако и там было безлюдно. Навстречу мне шла в слезах буфетчица Оля, которая обычно приносила нам чай с бутербродами. Я спросил её, где люди. Она ответила, что все уехали.

Я вошёл в кабинет Щербакова и задал ему вопрос, почему нет работников на своих местах. Он ответил, что надо было спасать актив. Людей отправили в Горький. Я поразился такому ответу и спросил: а кто же будет защищать Москву?»

Есть много воспоминаний о том, какое столпотворение творилось на московских вокзалах. Начальник управления Ленинской железной дороги Ф.В. Ростовцев вспоминал:

«Аппетиты у каждого наркомата были очень большие. Каждый наркомат, каждый завод требовал для себя максимума, и потому приходили к нам и заявляли: давайте лишние вагоны для меня, для Сидора Ивановича, для моей жены! Привозили пианино, диваны, столы. А мы с этим не могли считаться. Происходили у нас большие скандалы с ответственными работниками, но мы всё же добивались, чтобы аппетиты были урезаны...»

В каждом вагоне должно было разместиться до 30–35 человек. И тут надо было учесть стремление каждого захватить с собой побольше вещей: и машинку швейную, и кровать, и зеркало. А тут мы заставляли их с этим расстаться. Крепко мы уплотняли и с большими скандалами». (Коммерсант-Власть. 2005. 10 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/616136>)

К этому времени опустели полностью продовольственные магазины, и в обезлюдевших кабинетах властных структур ветер гонял брошенные секретные документы, переписку и прочие бумаги, ставшие совсем неважными перед надвигающимся бедствием.

16 октября закрыли московское метро – единственный день в истории, когда оно не работало. Готовились предложения по его уничтожению, которое нужно было сделать любым способом – опасались, что немцы войдут в город в ближайшие дни.

Сотрудникам Палеонтологического института, где работал Ю.А. Орлов, приказали уничтожить все микроскопы, чтобы они не достались фашистам.

16 октября П.И. написал прощальное письмо своей дочери: ситуация складывалась так, что это было не лишним. Начальство П.И. исчезло. К Преображенским зашёл коллега П.И. и предложил к 14 часам собрать вещи: приедет машина, есть место в вагоне Уральской экспедиции.

М.Р. Преображенская пишет: «Вскоре приходит дворничиха, зовёт меня опять к телефону и просит выяснить, в чём дело, так как она поняла, что в городе останутся партийные и комсомольцы, а все другие должны немедленно уходить. Я у телефона. “Оставьте сборы, – говорит на этот раз Ю.А., – готовьте обед, никуда не едем. Приказ из Президиума Академии наук рассчитать всех служащих с оплатой вперёд за месяц. Второй приказ (от кого?): все партийцы и комсомольцы должны оставить Москву и для этого к 13 часам дня собраться у Рогожской заставы. С ними могут уйти все желающие”. Остаться в Москве! [...] Зачем же заставили лететь из Ленинграда, бросив всех и всё?

[П.И. тоже возмущён:] “Как глупо! Для чего вызвали из Ленинграда! В главке – никого... Видел только двоих своих сотрудников, которые сказали, что пытаются достать билеты. Но... Надеяться нечего, придётся остаться в Москве. Надо послать телеграмму Тате, послать деньги”».

16 октября на улицах Москвы была масса народа, и все с узлами. Все спешили, паника охватила всех. Собранные портпледы ещё не были разложены, когда вернулся с работы Ю.А. Орлов. Пришлось идти пешком почти два часа – метро не работало, трамваи шли кое-как.

Однако произошло невозможное: П.И. удалось купить билеты на поезд на 17 октября на 9.45 утра до Ярославля. Там пересадка на пароход до Горького, потом – на камский поезд и дальше к своим, в Соликамск. Вещей было много, а носильщиков и транспорта – никакого. Поэтому в день отъезда на Ярославский вокзал отправились в 6 часов утра пешком, нагрузившись кто чем мог. Осталось три места для второй очереди – Ю.А. Орлов сходил за ними второй раз.

В Ярославле приключения продолжились. На пристани скопилось много людей, ожидающих пароход. Получить билеты, казалось, невозможно: люди по 3–4 суток провозили на пристани, прежде чем уехать. Было очень холодно.

М.Р. Преображенская: «Мы с П.И. решили ехать с вещами к бывшему ученику Ю.А. Орлова – А.Н. Иванову. Он принял нас очень приветливо. [...] Предлагали ночевать у них, но не хотелось их стеснять. Решили попробовать счастья в гостинице. По совершенно тёмным улицам А.Н. [Иванов] повёл нас до гостиницы. “Не только номера, но и койки нет свободной”, – ответили нам. Пошли назад... [...] Вдруг голос в темноте: “Где квартира Иванова?” “Вы откуда?” – спрашиваю я. “Приехал за вами с машиной. Б. на пристани у кассы, скоро возьмёт билеты”. Едем! Хотелось есть и спать, а не на холод, но делать нечего! Холод же заставлял думать, что это – последний рейс, как говорили. Завтра могут снять дебаркадер».

На пристани измученная ожиданиями публика толпилась у самого борта. Подали «Челюскин», маленький пароход на короткие рейсы. Не успели положить вторую половину трапа, как пассажиры ринулись на корабль. Крики, рыдания, истерические вопли: «Мой багаж! Мой ребёнок!» Жена П.И. с волной публики оказалась на пароходе, и он отчалил. В темноте было непонятно: попал ли П.И. на этот пароход, не остались ли их спутники и вещи на пристани.

Между тем ситуация на пароходе только накалилась. «Капитан, что делать? Мой ребёнок остался на пристани!» – кричит одна женщина. «Я не успела взять вещи!» – кричит другая. «Пароход подойдёт снова, только к соседней пристани!» – раздалось по громкой связи, и шум несколько утих.

Не обошлось без потерь.

М.Р. Преображенская: «Так, у одной скромной молодой женщины украли два чемодана. Нужны были физическая сила или нахальство, чтобы в такой суматохе погрузить все вещи и попасть на пароход. Один старик упал было между пристанью и пароходом, его удержала женщина, упавшая для этого на палубу. Нам помогли, кроме Б. и М., ещё шесть бойцов, которым обещали и дали 120 рублей. Вещи остались на открытой палубе (места под крышей не было), и к утру все они занесены были мокрым снегом».

В путешествии забыли об элементарных удобствах: воды не было ни для питья, ни для мытья рук. Первый день мылись мокрым снегом, второй – дождём, третий – водой, почерпнутой из Волги. Эту же воду пили многие взрослые. П.И. и спутники сидели и спали, приткнувшись к горе чужих вещей на корме.

21 октября Преображенские прибыли в Горький. Шёл дождь. Попасть на пароход не удалось: к причалу подходили уже гружёные пароходы и никого не брали.

В Горьком, на пристани, пришлось провести два дня и две ночи без сна. Уехать было невозможно: не помогли даже московские документы П.И. и хлопоты спутников, которые решили не уезжать, пока не посадят нас.

Удача, казалось бы, пришла в виде двух водниц, с которыми познакомились в первую ночь. Одна из них принесла кипяток с приставшего парохода – стали пить чай с пирогом и лепёшкой. Они-то и рассказали Преображенским важный секрет: без взятки на пароход не попасть. И научили, кому дать.

М.Р. Преображенская: «Но это не помогло, так как мы давали 150–200 [рублей], а дают, как оказалось, по тысяче».

К вечеру 22 октября объявили, что 23-го утром пойдёт баржа на Пермь.

М.Р. Преображенская: «Совершенно измученные криком, толкотнёй, бессонными ночами, мы решили ехать на барже. [...] Баржа была огромная, чистая; после грязной пристани показалась невесть какими хоромами... Мы расположились где хотели. Но... баржа была из-под соли, а потому через несколько минут почувствовали большую сырость и холод. [...]

И вот мы едем в каютке [...] Жена шкипера согласилась кормить нас [...] С Москвы мы не были так сыты. В каюте оказались книги: “Пошехонская сторона” Салтыкова [-Щедрина], “89-й год” Гюго, ещё другие. [...] Мы чувствуем себя после всего пережитого как бы в плавучем доме отдыха».

Снова Соликамск

В Соликамске П.И. с женой оказались только в начале ноября 1941 года.

Его семье выделили трёхкомнатную квартиру на втором этаже дома по проспекту Сталина, который вёл к калийному руднику. Белые шпили средневековых церквей перестали быть центром города. Новой точкой сборки города, вокруг которой забила жизнь, стал калийный рудник.

Квартира профессора мало того, что была на главной улице города, но и оказалась, можно сказать, благоустроенной: из печи с котлом в ванную поступала горячая вода. И это, по военным временам, считалось огромным, невероятным счастьем.

До приезда Преображенского у его дочери были проблемы с дровами. Она вспоминает, что приходилось таскать доски из заборов и ходить за опилом на лесопилку, но с приездом отца всё наладилось.

Кроме того, в квартире имелся телефон – необычайная роскошь в те годы. Правда, им непрерывно пользовались в деловых переговорах сотрудники Института галургии: обычная, в принципе, практика.

Дом находился недалеко от калийного рудника. В соседних бараках жили рабочие, рядом располагался Соликамский магниевый завод, где даже лошади работали в противогасах – такой была задымлённость в цехах. За домами располагался мёртвый, коричневый хвойный лес, погибший из-за выбросов хлора с завода.

Н.П. Орлова: «Впечатление удручающее, хуже придумать нельзя. Но мы были в тепле, и это сберегло здоровье и жизнь и нам, и папе с мамой. Есть было нечего, у нас были иждивенческие карточки и детские. Когда приехал папа, появилась рабочая карточка, а рынка не существовало. Я искала работу. Зашла в ГУЛАГ узнать, не надо ли там что-нибудь, но мне там, явно усмехаясь, сказали: вашей музыки нам не надо. Среди всей окружающей нищеты здание управления ГУЛАГа представляло дворец. Явно строилось на другие средства, чем всё остальное».

Усмешку можно было понять: в ГУЛАГе своих музыкантов хватало, причём высокого уровня. Да и не только. Художники, врачи, архитекторы, геологи, инженеры и т.д. – соликамские лагеря перемалывали всех. Спасти удалось единицам: например, балерину Екатерину Николаевну Гейденрейх (1897–1982), которая как раз в то время в соликамском лагере отбывала срок, вытащили свои же коллеги по Ленинградскому театру имени Кирова, бывшей Мариинке, который находился в эвакуации в Мо-

лотове. Она стала педагогом и основателем Пермского хореографического училища. Но это, скорее, счастливое исключение, чем правило.

Под новый, 1942 год П.И. написал соседке по дому С.А. Рейнеке письмо, из которого мы узнаём и настроения семьи в этот праздничный день, и обстоятельства жизни: «Очевидно, когда не везёт, то не везёт всерьёз и надолго: я, по крайней мере, сколько ни пишу в Ленинград, тем не менее ответа решительно ни от кого с 28 сентября не имею. Наверное, хоть часть из моих друзей и знакомых остались в живых и не замёрзли, но признаков этого ни я, ни М.Р., ни Тата не ощущаем, поэтому Вы можете представить наши настроения в сегодняшний вечер. [...] Мы все, за исключением Севы, сегодня вместе, и это при современных условиях так много, что можно не думать о ряде мелких относительно неприятностей, с которыми не может быть не связана война такого масштаба... Я как будто достаточно прочно сейчас связался с Соликамским районом, и едва ли куда двинусь отсюда до весны. Здоровьем похвастаться не могу, М.Р. тоже, у детей привычка хворать не усилилась, но и не ослабела, так как климат здесь ещё хуже ленинградского. [...] Я бы готов посидеть и за чашкой, пускай пустого чая, но только бы перекинуться несколькими мыслями с друзьями, и, по-видимому, это настроение владеет очень и очень многими из находящихся здесь ленинградцев...»*

Здесь, в Соликамске, П.И. пришлось принять руководство Институтом галургии, потому что прежний руководитель – Афанасий Евменович Ходьков (1909–2003) ушёл добровольцем в действующую армию.

Мало что тяготило П.И. так, как необходимость быть начальником. В частном письме от 3 мая 1942 года он писал: «Но здешние ветры, которые и сейчас житья не дают и резко отзываются на сердце, заставляют и меня думать о чём-то другом. [...] Что греха таить, временами мне так кисло, что лучшее, что я должен в такие моменты делать – это ложиться и читать глупые романы, а моё директорство обладает способностью как раз в это время награждать меня такими переживаниями, которые никак улучшению моего состояния не способствуют. [...] И съедает меня сейчас не голод, не ветры и, как следствие, плохое состояние сердца, а именно директорство».

Весной 1942 года дочь Наталья с детьми уехала к мужу, институт которого эвакуировали в Алма-Ату. Сердце Марии Ростиславовны, которая провела счастливое детство в Семиречье, не могло не дрогнуть. Однако в письмах того периода, которых много сохранилось в архиве семьи, нет ни намёка на ту, прежнюю жизнь, ни одного воспоминания. Мария Ростиславовна напишет их много позже, после войны.

Семья тоже стала думать о более тёплых краях, тем более что Совет народных комиссаров Киргизии предложил Преображенскому заняться их солями, а объёма работ в Верхнекамье для института явно недоставало. «Каковы бы ни были предложения начальства, но если они будут связаны с необходимостью остаться здесь, мы их принять не можем»**, – писал П.И. в одном из писем.

Зятю, Ю.А. Орлову, П.И. 2 мая 1942 года сообщал: «Никто за Соликамск из нас не держится, хотя, как я думаю, совершенно напрасно: с пропитанием здесь будет налаживаться, в то время как в других местах этот вопрос или стоит на месте, или, благодаря росту цен на базарах, разлаживается. Здесь опасно только в случае большой государ-

* Приложение (№ II-25).

** Там же (№ II-29).

ственной катастрофы, когда перестанут думать о рабочем снабжении, а этого не может быть, и я, поэтому, с точки зрения продовольственной ставлю здешний район на первое место. За наше жалование прокормиться здесь вполне возможно, а таких квартир мы нигде в другом месте не найдём».

Проводы Н.П. Орловой с детьми в Среднюю Азию вылились в очередное приключение со счастливым концом.

Из письма П.И. Ю.А. Орлову 4 мая 1942 года: «Вчера случилась замечательная вещь: машина, которую нам дали для перевозки вещей и пассажиров, была газогенераторная – на чурках. Начали мы грузиться дома в 2 часа дня, конечно, не всё было готово. Затем, когда уже поехали на вокзал, оставив пассажиров дома, я, уже отъехав порядочное расстояние, вдруг обнаружил, что забыл на столе решительно все командировочные документы Таты и её спутников. Пришлось вернуться».

На вокзале возня с покупкой билетов и хлопоты по получению разрешения взять весь багаж в вагон, заплатив за него как за багаж, заняли очень много времени, и пришлось ввиду этого сильно задержать машину. Наконец, послали. Вещи погрузили – народу я нагнал из своих сотрудников достаточно – сидим, ждём. Уходит поезд в 4 часа 47 минут, а наших всё нет и нет. Наконец, приехали в 4 часа 40 минут, а то я уже начал думать – не сломалась ли машина и что нам делать, если они в самом деле не приедут.

Решили ехать в Березники (я и инженер Иванов) и там выброситься со всеми вещами. Самое пикантное, что машина, в конце концов, всё же нашла необходимым сломаться, но сделала это, когда надо было ехать с вокзала домой, и все шли оттуда пешком. Вот было бы здорово, если бы это случилось раньше»*.

В другом письме к зятю П.И. писал: «Злой стал до того, что на людей кидаюсь ни с того ни с сего, а характер совсем испортился, и всё решительно меня раздражает. Говорят, что некоторые сотрудницы прямо и не заходят ко мне из-за боязни быть обязательно выруганными. Постарайтесь и Вы не так долго задерживаться на посту замдиректора, чтобы не сделаться таким же «чортушкой»**.

С другой стороны, поводы быть «чортушкой» у Преображенского были, как он писал одному из адресатов: «Настроение паршивое... Денег у Института [галургии] нет, и не видно, чтобы начальство собиралось их выслать. Начинаю задерживать зарплату. В Соликамске это в первый раз, до сих пор всё как-то вывёртывался и деньги платил»***.

Лето 1942 года для Преображенского прошло под знаком неопределённости: с общего одобрения сотрудников ВИГа решили переводить институт в Омск, для чего он как директор поехал хлопотать в Москву. При этом сам он решил менять работу: «Я собираюсь определённо уходить отсюда. Куда? А вот это будет, в первую очередь, зависеть от начальства и его планов относительно меня. Я желаю только одного: не быть более директором, и пойду на всё, что мне будет предложено, лишь бы отвязаться от этого занятия». Обдумывая варианты: Киргизия или Москва, П.И. рассуждал: «Думаю, что от Москвы я откажусь – страшно соскучился по реальной работе, и использовать меня для канцелярских дел – просто не остроумно»****.

---

* Приложение (№ II-26).

** Там же (№ II-27).

*** Там же (№ II-30).

**** Там же (№ II-29).

Характеризует П.И. и следующее письмо по дороге в Москву: «2 июня 1942 года. Молотов. [...] Сюда доехал хорошо в “мягком”, но это не хитро; лучше уже, что уехал снабжённый продовольствием; как сами хорошо знаете, в Соликамске это не так просто, хотя и вполне [выполнимо] для “хороших господ”, к которым нас там не относят, возможно. Здесь пока все более чем ладно встретили, сразу устроили в шикарнейший номер в гостинице – Водный вокзал, устроили пропуск в столовую НКХП, а вечером даже стащили смотреть “Большой вальс”, который можно смотреть много и много раз. [...]

Благодаря тому, что я отвязался от текущих дел, жалоб и всяческих неприятностей, больших и маленьких, и свалил их в Соликамске на Ю.В. Морачевского, а в Москве, по-видимому, удастся свалить и всё директорство на кого-то другого – настроение у меня сразу улучшилось, и я готов опять лезть в бой. Хочу начать делать это уже с Перми – собираюсь пойти в обком и делать им большие предложения по снабжению Урала солью»*.

В Перми все, с кем можно было решать этот вопрос, оказались в разъезде, но желание что-то сделать для общего дела, для того чтобы улучшить жизнь людей, показательное – для этого готов «опять лезть в бой».

Небольшие зарисовки быта того времени из письма П.И.: «11 июня 1942 года, Москва, гостиница “Балчуг”, номер 38. В Москву приехали ночью, когда выходить с вокзала уже было нельзя, и пришлось протолкаться до утра. Я и ещё один служащий Наркомата химической промышленности великолепно устроились на полу – благо он чисто содержится – жестковато, но спал честно»**.

Письмо Марии Ростиславовне: «18 июня 1942 года, Москва, гостиница “Балчуг”. Как я живу! Писал уже, что номер у меня отдельный, в нём имеется радио, и оно меня будит утром в 6 часов последними известиями. Конечно, я к этому времени уже реально просыпаюсь и просто лежу и жду, когда заговорит радио и что оно принесёт на сегодня. Встаю в седьмом, и так как завтракать можно не ранее 9½, то я сажусь за машинку и пишу письма и разные деловые бумаги, пока не настанет время идти завтракать. Так как писать и здесь приходится немало, то обычно и после завтрака сижу и пишу, если только не приходится почему-либо срочно бежать в какое-либо учреждение. [...]

Хотя мы оба Москвы не любим, но мне с Москвой дела будет очень много, и очень возможно, что если всё пойдёт так, как оно намечается сейчас, перед нами встанет вопрос о переезде на жительство в Москву. Даже когда я пишу эти слова, мне делается неприятно, а что же будет, когда этот вопрос встанет во весь рост? [...] ...То, как нас встретит Фрунзе, сыграет большую роль в решении этого вопроса. Я не очень оптимистично настроен как по отношению к Фрунзе, так и тем более по отношению к Москве. Киргизы меня ещё не знают, и особенно ухаживать за мной нет оснований, а московское начальство убеждено, что каждый рвётся в Москву и стерпит поэтому всякое свинство, которое будет относительно него проявлено, если только будет дана возможность как-то, хотя бы по-свински жить в Москве. [...] Здесь есть ещё один момент, который мешает точному решению этого интересующего нас вопроса, – это война. Многого мне обещать не могут, так как завтрашний день никому не ясен, и хотя я,

* Приложение (№ II-32).

** Там же (№ II-34).

например, твёрдо убеждён в победе союзников, но когда это будет и когда мы к этому придём, через сколько времени, – никому не ясно...»*

Там же, в номере гостиницы «Балчуг», П.И. написал программный текст под названием «Мои мечты»** – по сути, план развития Наркомага химической промышленности на годы вперёд. Документ поражает не только масштабностью мышления, но и детальным знанием предмета, государственным подходом.

К этому же времени относится аналитическая записка профессора Преображенского – заключение на готовящийся проект, который бы изменил геологоразведочную работу в стране в худшую сторону. Профессор пишет: «Как советский гражданин и человек, имеющий за собой 47-летний опыт работы в геологоразведочном деле, непосредственно соприкасавшийся с различными формами государственного контроля в своей деятельности, я самым настойчивым образом возражаю против проекта усиления геологического контроля, выдвигаемого Комитетом по делам геологии при СНК СССР»***. И приводит свои аргументы.

Эта записка имела, как пишет П.И. в письме жене, «тяжёлые для меня самого последствия»: ему предложили стать главным геологом Народного комиссариата химической промышленности. «Нужна фигура, а их, на моё несчастье, в НКХП по линии геологии нет, и вот затеянное мною дело ударило по мне же. Представляю все возражения, какие только можно, и самым искренним образом; со всем этим соглашаются, но – укажите, кем можно заменить! Из-за войны не считаю возможным сопротивляться назначению во что бы то ни стало, другим ещё тяжелее достаётся, но удручён очень сильно и не знаю, как буду располагать ближайшим временем»****, – пишет П.И.

Впрочем, всё постепенно наладилось. Решено было отозвать с фронта А.Е. Ходькова и вновь назначить его директором Института галургии, тем самым освободив Преображенского для той работы, которая была ему по душе. «Планы у меня были большие, и я собирался заложить в Киргизии фундамент химической промышленности», – писал он.

«Надо передать [Ходькову] институт несколько иначе, чем он передавал его мне, т.е. бросить всё на свете и уйти», – делился П.И.

«Я себя считаю обязанным делать так, как я делаю, что вам иногда может показаться достаточно нелепым и вредным для меня самого, из-за этой же треклятой войны; или мы её действительно желаем выиграть, и тогда должны делать для этого всё, что можем, или мы только разговариваем, а все беды согласны валить на других. Мне это не пристало, и я убеждён, что ты меня поймёшь и не станешь за меня огорчаться. Не стоит, дорогая, мне вовсе не так уже плохо»*****, – писал всё тем же летом 1942 года Преображенский дочери.

«Тем более, если сравнить с положением других людей», – наверняка добавлял он про себя.

---

* Приложение (№ II-35).

** Там же (№ I-5).

*** Там же (№ I-6).

**** Там же (№ II-39).

***** Там же (№ II-41).

Письмо из 1942 года

В архиве Преображенского хранится письмо, которое к жизни профессора, казалось бы, не относится. Оно адресовано П.И., и написал его человек, с которым они были едва знакомы. Однако что-то заставило Н.П. Орлову перепечатать его в нескольких экземплярах и сохранить наравне с другими документами. Возможно, оно говорит что-то важное о том времени и той обстановке, в которой проходила их жизнь. Итак, читаем.

«Глубокоуважаемый профессор! Вам пишет это письмо один из самых мелких сотрудников Вашего института, бывший коллектор Карабогазской геологоразведочной партии Еловской Л.В., (1941 г.) некий Владимир Заварин.

Извините, пожалуйста, я прямо начну с моей просьбы к Вам, а потом уже расскажу мою историю.

В данный момент я мобилизованный рабочий завода № 183 им. Коминтерна в г. Нижний Тагил. Работаю я контролёром в отделе 9-го завода и подчинён Бюро № 709.

Условия жизни и работы таковы, а перспективы ближайшего будущего здесь настолько безнадежно мрачны, что иной раз заскрипишь зубами, чтобы не закричать и не разрыдаться как истеричка. Единственный бальзам для души и сердца – безумная мысль пуститься в бега, в надежде любой ценой вырваться отсюда к человечеству, к воле, к жизни.

Не знаю, должно быть, я уже не числюсь Вашим сотрудником, но я прошу Вас, я умоляю вызвать меня пока не поздно с завода. Я готов исполнять любую работу в любом месте. Я работал в двух геологических партиях коллектором, работал в Москве в Институте геологических наук научно-техническим сотрудником, готовясь к несостоявшейся экспедиции специального исследовательского Туркменского отряда. Я буду рад всякой работе у Вас, лишь бы вырваться из того ада, в котором я пребываю сейчас, только бы снова попасть в человеческое общество, снова жить человеческими интересами, вернуться к жизни.

Теперь я должен рассказать о себе. Я учащийся, учился в школе, занимался на геолого-почвенном факультете Ленинградского университета, окончил курсы коллекторов при Ленинградском геологическом управлении. В мае 1941 года я стал сотрудником ВИГа в качестве коллектора геологоразведочной экспедиции Л.В. Еловской. В октябре прошлого года, возвращаясь из Карабогаза, после безуспешной попытки проехать в Ленинград я очутился в Москве.

11 октября я встретился с Вами в здании главка и был Вам представлен С.Н. Дейнегой. Я находился в то время в Москве в беспомощном положении, не зная, что предпринимать дальше и куда деваться. К счастью, я нашёл приют у академика П.Л. Капицы*. Вы мне помогли советом, дали Ваши рекомендации к академику Ферсману. В последний момент, 16 октября, Вы на всякий случай дали мне наркоматскую командировку в Славгород, к Яснопольскому.

Все эти документы и сейчас со мной в целости и сохранности. Я не поехал в Славгород, до последнего дня надеясь уехать в Туркмению с экспедицией академии. В конце ноября экспедиция была окончательно отменена. Но я всё-таки с ослиным упорством цеплялся за Москву, надеясь зимой пробиться в Ленинград к родным. Под новый год меня вдруг мобилизовали в РККА (до этого, в силу того, что мой отец политический заключённый, на меня и смотреть не хотели). В строевые части (вот по этой причине) меня не взяли. Более десяти дней прожил я в одной из бывших школ Москвы в обществе таких же мобилизованных москвичей. Как вдруг меня перекинули в другую школу, заполненную вшивым, оборванным сбродом каких-то тёмных личностей, сбежавших из немецкого окружения. Уже тогда они мало походили на людей. Странный факт, почти все предпочитали садиться куда попало прямо на пол, а стулья и скамьи стояли свободные. Ночью нас всех загнали в вагоны и повезли неведомо куда. Куда, мы узнали, лишь прибыв сюда, в Нижний Тагил. Здесь все были сданы 183-му заводу в качестве чернорабочих для перетаскивания деталей, уборки путей и прочей подсобной работы. В то же время вся эта грязная, оборванная толпа, которую каждое утро пригоняли на завод, считалась красноармейцами.

Первые дни были ужасны. Вместо воды – снег. Помещение – только что сшитый из досок барак. 45 градусов мороза. Спали вповалку прямо на полу, поближе к железным печуркам, топившимся круглые сутки. Я отморозил ноги. Помощи никакой. Потом всё несколько наладилось. Дали топчаны, появилась настоящая вода, печи обложили кирпичами.

Здесь, в собранной сюда 10-тысячной толпе бывших преступников-лагерников, окруженцев и попросту настолько диких и тёмных людей, что другое, как ковырять снег или толкать вагоны, им нельзя и поручить – не поймут, не разберут, что хотят от них, в этой толпе я разыскал ещё несколько студентов, учителей, техников, даже одного инженера. Они так же, как и я, задыхались в зловонном дыхании этого общества, где всякий считал нас своими врагами. Как, почему я попал в такое положение? Когда я уже был привезён в Тагил, начальники так объяснили мне: “Видно, там пидарь сдуру списки перепутал”.

Жить пришлось в невообразимой грязи. Спали на голых досках, никогда не раздеваясь. Причём, днём, например, сплю я, а ночью какой-нибудь вшивый вонючий татарин, который к воде не прикасается, как к запретному. Работа – 12 часов набиваешь клейма на детали. По 12 часов. Через каждые 12 часов уже вновь в цеху – и вновь бьёшь и бьёшь. И так каждый день. Пища для нас – 800 г хлеба и 2 баланды. Потом были вынуждены прибавить ещё одну.

* Капица Пётр Леонидович (1894–1984), физик, инженер и инноватор, видный организатор науки. Основатель Института физических проблем. Лауреат Нобелевской премии.

И ко всему – всевозможные издевательства ото всех, кому не лень. Нас не считают за людей (и вполне справедливо), и мы не пользуемся никакими правами. Мы ненавистная чума здешних мест. И ещё бы: грязные, почерневшие от грязи как негры, оборванные, кишасшие вшами, вонючие, на работе лентяи из лентяев, ворюги, жаднующие на деньгу (многие продажей хлеба за бешеную цену свели себя в могилу, так как оставались без пищи; зато, правда, спасли и продлили жизнь мне и некоторым другим).

1 мая всех нас из РККА демобилизовали и полностью передали заводу. Я проился на фронт, но не взяли из-за отца. Несколько счастливцев уехало.

С тёплыми днями стало полегче. В бараках свободнее (за зиму, а особенно, весну, многих не стало), и кроме того, многие теперь остаются спать прямо под станками в цехах. Таким образом, сейчас удаётся хоть немножко отделиться от этой вонючей толпы скотов. Мне пришибло ногу, и я сейчас бюллетеню и, значит, отдыхаю. Прошло уже 1/2 месяца, как я не работаю, и вот только теперь я начинаю чувствовать, что во мне вновь начинает пульсировать человеческая кровь.

Страшное окружение, тяжёлые бытовые условия, плохое питание наряду с 12-часовым рабочим днём. И тяжёлый, и главное – бессмысленный для меня труд. Всё это приводит к тому, что остаётся единственное стремление – поесть и скорее спать. Мыться и то силой воли принуждаешь себя. И так ведь изо дня в день, месяц за месяцем. Что же удивительного, что кто бы ты ни был, опускаешься и опускаешься. Мне удалось полу-чудом достать роман Бальзака “Отец Горио”. Как раз я уже имел на руках бюллетень. Я ковлял с завода, обнимая книгу обеими руками и прижимая к груди. Когда же я раскрыл её и с жадностью углубился в чтение, то, прочитав несколько страниц, убедился, что только считываю слова, не постигая их смысла, и не запоминаю того, о чём только что прочёл. Лишь через несколько дней я смог полностью наслаждаться чтением.

Сейчас я отваживаюсь читать Гегеля – нашёл у кого-то, приготовленного к раскурке.

Вот жизнь, которую я вынужден терпеть. Что меня ждёт впереди?

Сейчас здесь не случилось и половины из тех десяти тысяч, что были привезены зимой. У меня большая выносливость, ей я, видимо, обязан тем, что всё ещё дышу. Но я измотан, ослаб здесь и начинаю замечать за собой нехорошие симптомы. Начинается что-то похожее на цингу. Ещё осень и зиму в таких условиях мне не перенести. Я еле-еле пережил страшную здесь весну и дотянул до лета. Но самое ужасное – это общество, с которым делю судьбу. С которым работаю, ем, сплю, терплю несправедливости.

Вырваться отсюда, вырваться из этой толпы деморализованных, снова почувствовать, что ты человек, а не бесправная скотина, хуже скотины, потому что и лошадь, и корова обладают какими-то чувствами, а эта деморализованная толпа не имеет ни сердца, ни чувства, ни разума. Хоть бы умереть среди людей!

Это и заставляет меня, забыв приличия, вежливость, деликатность, умолять Вас вызвать меня отсюда.

Я боюсь, что Вы не поверите тому, что я пишу Вам. Но всё это истина. Я не могу рассказать Вам многого – это ведь не разговор по душам. Во сне я и сам не верю

в это. И тем тяжелее пробуждение. Можно ли было мне здесь жить? Да, можно. Если бы мне дали работу для меня, для моих рук, если бы дали хоть несколько человеческие условия существования. Но такой работы на этом заводе для меня нет. А если бы и была, то мне были бы закрыты к ней все пути. Я ведь чужак, мобилизованный. Условия? Их неоткуда взять здесь для такой армии. Да и сами люди с бараньим равнодушием покоряются всем невзгодам. Жаловаться? Кому? Куда? Завод ведь первый в Союзе по выполнению задания. Выход только один: удрать отсюда, пока ещё есть силы. Помогите мне! Вы спасёте меня от моральной и физической смерти. Умоляю Вас, не откажите в помощи! Я приписываю ниже адрес завода и мой личный адрес. Как бы то ни было, не оставляйте меня в неизвестности. Лучше правда прямо в глаза. Помогите мне!

С надеждой и почтением, В. Заварин.

Адрес завода № 183 им. Коминтерна: г. Н. Тагил Свердловской области, Уралвагонзавод, [...]

Мой адрес: Н. Тагил Свердловской области, почтовое отделение № 6. До востребования Заварину Владимиру Владимировичу».

Мы не знаем, как сложилась судьба этого человека, смог ли П.И. ему помочь, но этот человеческий документ не может не трогать: судьба человека, брошенного в жернова ради Великой Победы.

Средняя Азия

Всё сложилось, на первый взгляд, благоприятно для П.И. По крайней мере, так, как он хотел. В Москве он не остался, из Соликамска уехал и уже осенью 1942 года приступил к работе в Средней Азии в качестве главного геолога Института геологии.

Семья дочери оказалась в Средней Азии раньше: они жили в эвакуации в Алма-Ате с мая 1942 года. Мария Ростиславовна приехала осенью 1942 года в свой любимый Пишпек, который теперь носил имя сына их доброго соседа Фрунзе. Она увидела места, знакомые с детства. Яркие картинки из прошлого, которые стояли перед её глазами в Соликамске. Низкий дом с камышовой крышей и тремя окнами на улице, где жили её родители в 1881–1885 годах. Сад с абрикосовыми и персиковыми деревьями, рядом с домом, занимавший целый квартал. Она вспоминала, как в жаркое лето во дворе ставили нанятую у киргизов новую юрту, в которой по округности расставляли кровати. Открывали верх, поднимали снизу боковые кошмы: и прохладно, и видно над головой звёзды.

Вспоминала она и ручного журавля, который жил в их доме. Он бродил ночью по арыкам, возвращаясь к утреннему завтраку. В пару к нему кухарка поймала цаплю, отставшую от стаи. Опровергая басню Крылова, журавль и цапля бродили вместе по арыку.

Под вечер на их улице танцевали кадрили.

Собственно, эти картинки и заставляли её мечтать переехать из Соликамска в Среднюю Азию. Наверное, контраст с действительностью был слишком велик: о городе Фрунзе периода эвакуации воспоминаний она не оставила.

Всё опять оказалось непросто, особенно с работой П.И. Подробный отчёт о деятельности профессора Преображенского сохранился в архиве семьи. Если озаглавить его одним словом, это будет «эпопея».

Итак, в конце октября 1942 года он прибыл в Джамбул на горнохимический комбинат в Кара-Тау и мышьяковый рудник Уч-Имчек, началась работа и преодоление бесконечных сложностей. Дело было не только в восточной специфике, хотя и в ней тоже, трудности были на всех фронтах. П.И. пишет: «Я вернулся в Джамбул, где в это время всё более и более стало вырисовываться крайне тяжёлое положение Средне-Азиатской партии с помещением, снабжением и в отношении финансов и плана работ. Некоторые изменения в личном составе президиума облисполкома неблагоприятно повлияли вообще на положение партии в Джамбуле; стало труднее проводить вопросы снабжения группы за счёт местных ресур-

сов, и почти перестал двигаться разрешавшийся и ранее с большим трудом вопрос о помещении для лаборатории и конторы партии. Пришлось целиком переключиться на очень дорого обходившиеся комиссионные услуги частных лиц, не дававшие какие-то результаты. Необходимо отметить при этом помощь “Каратаустроля”, и в особенности зав[едующего] техническим снабжением комбината тов. Замайро, без которого при полном отсутствии каких бы то ни было симптомов помощи Средне-Азиатской партии ВИГа со стороны дирекции [института], из Москвы со стороны главка, само физическое существование сотрудников ВИГа в Джамбуле было бы поставлено под удар. [...] ...Техническое оснащение, начиная с простых треугольников и линейек, до того убого, что мы ничего решительно не можем сделать в направлении ускорения производства чертежей, без которых нельзя что бы то ни было сделать в ряде вопросов. Плохо в этом деле и то, что даже на частном рынке в Джамбуле приобрести нужные вещи нельзя за их полным отсутствием. Решительно бьёт нашу работу и отсутствие бумаги, кальки и туши. Ничего из перечисленного нет и у рудоуправления. Всё это вызывает неизбежные простои, тяжело сказывающиеся на плане работ».

Далее подробно описываются перипетии с инженером Галушко, которого руководство ВИГа сначала командировало туда, то сюда, потом отменяет свои распоряжения. Причём выезд Галушко «срывает весь наладившийся выполнением план работ. [...] Вслед за этим от меня потребовали сведений о том, что нами сделано по экспертизе проекта подземных горных работ по Шор-Су. Главку ещё ранее этого запроса было сообщено, что дирекция рудоуправления Шор-Су даже не потрудились откликнуться на пересланный ей с нарочным протокол совещания [...] о заключении договора на экспертизу этого проекта, почему никаких работ в указанном направлении мы и не производили»*.

В отчёте П.И. спрашивает, кто будет платить пени за сорванные работы, и описывает, в каких сложных условиях пришлось работать Т. Поленовой на Чулак-Гау (в мороз, при почти полном отсутствии транспорта). В итоге она установила ошибку, допущенную в определении пород, и что обнаружены запасы вовсе не тенардита, сырья для содовой промышленности, а астраханита, который используется в производстве стекла, целлюлозы, текстиля, мыла, кожи – чего угодно, но только не соды. И это, пишет Преображенский, «решительно сорвало всю подготовительную работу, начатую по моему распоряжению Средне-Азиатской партией в Джамбуле»**. Планировалось попытаться наладить здесь выпуск термофосфатов – фосфорных удобрений, спекаемых из природных фосфатов с добавкой соды, поташа и др.

Пришлось сообщать о неудаче в Джамбульский обком ВКП(б) и т.д.

Положение весной 1943 года было просто отчаянным. В письме от 2 марта 1943 года из Ленинполя, с Уч-Имчекского месторождения, П.И. делится с коллегой и очень просит никому больше не говорить: «Я сижу, вернее, лежу в Ленинполе из-за болезни – простудился и вот уже три недели как не могу выехать даже в Джамбул. Все дела встали. Работать не могу. Настроение отвратительное»***.

В августе 1943 года П.И. вызвали в Москву и назначили заместителем директора по научной части вновь созданного Института горнохимического сырья.

---

* Приложение (№ I-9).

** Там же.

*** Приложение (№ II-44).

«Москва, как много в этом звуке...»

Так сложилась жизнь профессора Преображенского, что он жил в разных городах и, кроме «второй» ленинградской, у него были «вторая омская», «вторая соликамская», «вторая семиреченская» и «вторая московская» жизни.

Драматичные периоды сменялись благополучными, и наоборот.

Москва, которую они оба с женой не любили, стала последним причалом и для него, и для неё. Конечно, они бы предпочли Ленинград. Но, как писал П.И. вдове геолога Герасимова: «Реален ли наш Ленинград, о котором, кстати сказать, я уже давно почти ничего не знаю, но пробелы среди близких людей, с которыми сжился, без которых как-то не представляешь себе этого Ленинграда, так велики, что становится жутко. Не в улицах и домах заключается то большое, ради чего все мы оставались верны этому городу; если же окажется, что друзья оттуда безвозвратно ушли, то не всё ли равно, куда и нам идти»*.

Возвращение в столицу Преображенских, скорее, можно назвать триумфальным. Во-первых, П.И. в Москве выделили квартиру на улице Горького, 8 (теперь – Тверская), в непосредственной близости от Кремля, с окнами на площадь. В этом доме сейчас находится книжный магазин «Москва». Во-вторых, 70-летие П.И. в январе 1944 года отмечалось с размахом, достойным большого учёного.

Празднование дня рождения разделилось на два раунда: в Институте горнохимического сырья, где работал П.И., прошёл вечер, а само чествование состоялось 15 января в «прекрасно убранном зале гостиницы “Москва”, в торжественной и сердечной обстановке», как вспоминали современники.

Многочисленные ученики, товарищи и друзья пришли поздравить «старейшего и крупнейшего учёного по геологии минеральных солей», как его все называли, профессора Павла Ивановича Преображенского.

Это было правдой: более двадцати лет, фактически до самой смерти, П.И. ежегодно посещал Верхнекамье, консультировал и являлся идейным руководителем и вдохновителем геологоразведочных и других исследований Верхнекамского калийно-магниевого месторождения.

Он не написал фундаментального обобщающего труда по геологии Верхнекамского месторождения. Впрочем, по другим месторождениям – тоже. Позднее сожалели, что «Павел Иванович не оставил крупных трудов – он отделялся предварительными отчётами об экспедициях, так как

---

* Приложение (№ II-43).

очень не любил писать, но он любил работать в поле и претворять свои идеи в полезное дело; всякие препятствия в природе и в людях возбуждали его энергию, а также и юмор, которым он обладал в большой степени», – это слова академика В.А. Обручева. В его-то научном арсенале около 650 печатных работ. А у Преображенского – всего 50!

Есть лишь несколько небольших заметок П.И. об открытии Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей и первых этапах разведки, несколько статей о гидрогеологических условиях месторождения и геолокации калия в районе Первого рудника в Соликамске и небольшая монография.

Притом, как пишут А.А. Иванов и Ю.В. Морачевский, Преображенский «владел буквально всем материалом и изучил это месторождение с большой полнотой, обладая при этом серьёзными знаниями и по зарубежным месторождениям калийных солей. [...] Он охотно отдавал свои научные материалы и знания другим лицам, всячески поощряя их к опубликованию статей и трудов по Верхнекамскому месторождению, никогда при этом не отстаивая своего приоритета в разрешении тех или иных научных споров».

Месторождение изучали очень тщательно, знания о нём углублялись, но, по словам Иванова и Морачевского, целый ряд положений, которые высказал П.И., остались незыблемыми.

А какие-то даже и пророческими.

В архиве семьи хранится конспект прощальной речи, которую Ю.В. Морачевский написал в поезде, когда ехал на похороны П.И. Как бы обращаясь к профессору, он говорит: «Вас всегда интересовала проблема связи между нефтью и солью. Зорко следя за признаками, вмещающих соль пород, Вы не раз высказывали уверенность в том, что нефть должна быть обнаружена в Западном Приуралье». Ю.В. Морачевский далее вспоминает об открытии нефти в Верхнечусовских Городках. Но дело в том, что в 1970-е годы промышленные запасы нефти были открыты и под залежами калийно-магниевых солей Верхнекамского месторождения – просто бурить нужно было глубже.

Примерно такие же речи звучали и на праздновании 70-летия профессора. Тогда никто не знал, но этот праздник стал своеобразным прощанием. П.И. услышал от своих коллег много хороших слов. Были представители наркоматов, НИИ, вузов, научных обществ, партийных органов и профессиональных организаций. Как и положено, юбиляру преподносились многочисленные адреса и ценные подарки. На имя П.И. поступило множество приветственных телеграмм от организаций и отдельных лиц с различных далёких концов нашей великой Родины – так тогда было принято.

Заведующий кафедрой геологии Московского горного института имени И. Сталина профессор А.А. Гапеев (1881–1958), поздравляя П.И., называет его одним из старейших и талантливейших геологов Советского Союза, который создал себе при жизни «памятник нерукотворный» открытием и разведкой Соликамского калийного месторождения.

А.И. Дзенс-Литовский позднее подытожил выступления в печатной статье: «За годы советского периода Преображенский создал русскую школу геологов-солеводов, разработал методiku поисков и разведки соляных месторождений, идейно руководит и направляет все работы по минеральным солям на территории нашего Союза. [...] Многочисленные его консультационно-экспертные заключения по соляным рудникам и промыслам СССР отличаются широтой, глубиной, конкретностью, чёткостью, ясностью и законченностью мысли».

Пришло признание заслуг и от партии и правительства: в связи с семидесятилетием П.И. был награждён орденом «Знак Почёта».

В феврале 1944 года П.И. просит руководство перевести его на рядовую работу. «Полагаю, что для наркомата будет даже более выгодно, чтобы я занимался отдельными крупными вопросами сырьевой базы химической промышленности, которых сейчас более чем достаточно»*. Неизвестно, удовлетворили ли просьбу, но в числе последних проектов Преображенского был «Карабогазсульфат».

Его включили в комиссию для разработки мероприятий по обеспечению добычи сульфата натрия, и распоряжением Совета народных комиссаров, которое вышло 24 марта 1944 года, Преображенскому и ещё трём инженерам предписывалось немедленно выехать на место и к 15 апреля представить свои предложения.

Но П.И. тяжело заболел.

В начале июня его положили в Кремлёвскую больницу в Сокольниках («за пожарной каланчой, направо», – пишет в своих заметках Н.П. Орлова).

24 июня 1944 года стал известен диагноз – рак.

Н.П. Орлова: «Невозможно проверить теперь, знал ли папа раньше о своей болезни... [...] Судя же по реакции позже летом на “неудачное лечение” и на доктора больницы, он всё же не знал основной причины. Однажды только, незадолго до конца, очень страдая, сказал: “Дурак, дурак я был ещё зимой”».

Кроме членов семьи, в больнице его навестили коллеги: Т.Б. Поленова, проездом из эвакуации в Ленинград; Я.Я. Яржемский говорил с П.И. о предстоящей работе на Эмбе. Там позднее был открыт и новый, редко встречающийся минерал из группы водных боратов, названный Яржемским преображенскитом в честь Павла Ивановича.

Н.П. Орлова:

«[Приходил] Гиммельфарб, папин сотрудник, направлявшийся, кажется, в Якутию, с которым он обстоятельно предстоящую работу обсуждал, давая какие-то инструкции... А после Гиммельфарб же помогал медперсоналу на простынях поднять больного, чтобы что-то поправить, так как иначе трогать его было нельзя. В больнице папа неизменно слушал военные сводки, когда мог. Когда уже и самому плохо было, у него был сосед, чем-то мучившийся, и папа его жалел... А то меня смешил, когда мне не до смеха было. Иногда мне что-нибудь рассказывал, но недолго, трудно было. Очень всё время моего прихода ждал, я же [...] кроме уколов, делала то, что делала бы медсестра или нянька – мыла и кормила. [...] Я думаю, что самое плохое была ложь – тот лёгкий тон, с которым говорили с ним о болезни, как о преходящей, непонятной, но не вызывающей тревоги. О скольком можно, надо было поговорить, если бы говорить в открытую. [...] Изредка только было вроде напутствия. Папа был очень доволен моим увлечением дендрологией, зелёным строительством, которое и для меня явилось неожиданным приложением географического образования, и папе, моим образованием всегда интересовавшемуся и его направлявшему, представились новые для меня возможности, в которых бы я стала, по его выражению, “не лаптем щи хлебать”».

Тогда же в Президиум Академии наук СССР поступило письмо от геологов и горных инженеров, которое предложил составить академик В.А. Обручев, с просьбой возбудить

---

* Приложение (№ II-46).

перед правительством ходатайство о представлении П.И. кандидатом на Сталинскую премию. В письме говорится: «Отличительными особенностями в работе П.И. Преображенского являются большой научный кругозор, необычайная целеустремлённость, исключительная настойчивость и умение сплачивать людей вокруг намеченных им задач. [...] Преображенский всегда стремится не только выявить практические результаты и довести их до промышленности, но, если возможно, и осуществить их. Так, в частности, во время Отечественной войны он организовал в Ленинграде изготовление химически чистых препаратов хлористого кальция и хлористого натрия для военно-санитарного ведомства и тиосульфата аммония для оборонных целей».

У П.И. был рак лёгких и метастазы в позвоночник, дикая боль в левой руке, которая не давала пошевелить головой.

М.Р. Преображенская: «За двое суток до кончины П.И. шутил над собой так, что развеселил дочь с зятем и обеих медицинских сестёр. А страдал он ужасно! И тут он не изменил своей удивительной выдержке!»

10 сентября 1944 года профессор Павел Иванович Преображенский умер.

«Вместе с вами скорбим мы о потере этого изумительного человека, – писал вдове и дочери геолог Я.Я. Яржемский, – обладавшего неисчерпаемыми сокровищами своей глубокой, всех привлекавших к нему души. Павел Иванович дорог и близок нам не только как наш учитель, к которому мы всегда обращались по самым разнообразным вопросам. Он был нам дорог как культурнейший человек нашего времени. Мы любили его как очень чистого, честного в своих помыслах и поступках человека, дававшего веру в будущее, как юношу жизнерадостного, полного здоровым, бодрящим юмором, и как отца отзывчивого».

Отпевали его в соборе в Сокольниках. Потом были похороны на кладбище крематория Донского монастыря, в той части, которая примыкает к древней церковной земле.

«Участок № 4438» – записала его дочь для памяти в воспоминаниях, однако это было лишним – тропа к памятнику из лабрадорита, сверкающему на солнце голубыми огоньками, не зарастает.

Вторая жизнь

Фамилия Преображенский прервалась на Юрии, но «клан Орловых», который состоит из четырёх внуков, семи правнуков, 13 праправнуков и ещё 11 прапраправнуков, память о своём великом предке хранит верно и самоотверженно. Они живут в разных концах мира. Среди них есть и учёные, и финансисты, и преподаватели, и писатели, и художники – каждый выбрал свою дорогу, ту, которая по душе. Но в семье обязательно кто-нибудь пишет и собирает материалы о родственниках: словно есть какая-то невидимая эстафетная палочка, которая передаётся из поколения в поколение.

Семья П.И. сохранила всё, что только возможно: письма, документы и фотографии. В этом плане П.И. тоже повезло.

Сначала архив хранила жена П.И., потом дочь профессора, а затем внучка – Наталия Юрьевна Заварзина. (Да-да, Заварзина: внучка профессора Преображенского вышла замуж за микробиолога, будущего академика Георгия Александровича Заварзина, сына младшего брата академика А.А. Заварзина, с которым работал Ю.А. Орлов.)

Они точно знали: время архива придёт. И оно пришло, но не сразу. Постепенно, как бы проявляясь на плёнке, образ П.И. всё отчётливее стал проступать сквозь вуаль истории на скрижалях времени.

Одним из первых биографией Павла Ивановича Преображенского занялся пермский краевед Аркадий Шарц. В письме к академику Орлову он без обиняков объяснял свои мотивы: «Я был студентом Пермского университета с 1922 по 1926 год и знал Павла Ивановича. После, находясь на руководящей работе, мне много раз приходилось встречаться с Павлом Ивановичем. Моё уважение к нему сложилось не на заседаниях, где он официально излагал курс своих лекций или доказывал необходимость геологических поисков, а в частных беседах. Скоро после войны [...] я стал собирать материал о П.И. Преображенском, но целый ряд обстоятельств, в том числе и трагичных, не позволил мне осуществить своё желание написать о нём как основоположнике “второго Баку”».

Далее он сообщает, что Пермское книжное издательство начало выпускать серию «Замечательные люди Прикамья», но предложение включить в неё П.И. Преображенского «сначала поддержки не нашло», хотя потом последовала оговорка: можно это сделать. «“Дайте рукопись и посмотрим на редакционном совете”, – сказали мне на предложение включить в план издательства на 1958 год», – пишет Шарц.

Вдова П.И. послала Шарцу несколько фотографий, и он обещал их вернуть, но не сделал этого. Впоследствии все материалы были переданы им в Государственный архив Пермского края, там же можно найти и письма Марии Ростиславовны с просьбой: «Пожалуйста, верните фотографии». Они были в единственном экземпляре!

Но, увы, фотографии вернулись в семью только в электронном виде уже в XXI веке, а книга о Преображенском в серии «Замечательные люди Прикамья» в советское время так и не вышла. Зато в 1957 году появилась книга Шарца «Первооткрыватель калия Н.П. Рязанцев». В ней есть глава и о П.И. Преображенском. Профессор в книге все действия совершает при активном содействии Н.П. Рязанцева. Последний «вышел биографией» – сын солёвара, бывшего строгановского крепостного, и не занимал высоких постов в белогвардейском правительстве.

Кроме того, Уральский областной совет народного хозяйства в марте 1926 года принял специальное постановление по этому поводу: «Считать тов. Рязанцева первым открывателем в Соликамском заводе на Урале калийных солей и разрешить управлению треста “Пермьсоль” выдать ему денежную премию». Профессор Преображенский тем же документом назван «инициатором и вдохновителем глубокого бурения, открывшего Соликамский калийный район».

А вот в книге «Пермская экскурсия. Северный маршрут», которая была подготовлена к XVII международному геологическому конгрессу (Л. – М., 1937), в главе о Соликамском районе, полностью посвящённом Верхнекамскому месторождению калийных солей, имени Преображенского нет: работы вёл Геолком – к чему персонализация, когда один за всех и все за одного.

В 1972 году Министерство геологии СССР учредило знак и диплом «Первооткрыватель месторождения полезного ископаемого». В числе первых им был отмечен Павел Иванович Преображенский. Инициатором награждения был его коллега А.А. Иванов, которого горячо поддержали ВСЕГЕИ и Уральское геологическое управление. Иванов писал дочери Преображенского: «Хотя эта награда и пришла слишком поздно, я думаю, что она будет служить и для Вас и для потомков Павла Ивановича символом больших его научных и практических заслуг, память о которых этот знак и диплом в какой-то степени закрепляют и утврждают».

Этот диплом и значок первооткрывателя вместе с фотографиями П.И., образцом соли и полевыми принадлежностями геолога одно время находились в экспозиции одного из самых значительных музеев советского времени – Музея Революции.

Столетию П.И. в 1974 году было посвящено заседание учёного совета Института геологии. С воспоминаниями и докладами на нём выступили М.Г. Валяшко, Я.Я. Яржемский, А.С. Соколов и М.П. Фивег. В итоге было принято решение издать юбилейный сборник и ходатайствовать о выпуске почтовой марки с портретом П.И.

Своеобразным салютом к столетию П.И. стал выход фильма «Земля Санникова» по роману академика В.А. Обручева. Его в 1974 году посмотрел 41 миллион зрителей. От сюжета романа Обручева почти ничего не осталось, кроме главного: это история о романтике путешествий и неизвестной земле, которую предстоит открыть, то есть о том, чем всю жизнь занимался П.И.

А год спустя, в 1975-м, вышел героико-приключенческий советский фильм «Пропавшая экспедиция», который тоже можно считать своеобразным кинематографи-

ческим «приветом» П.И. Главный герой – горный инженер из Петрограда, которого играет Николай Гринько, даже внешне похож на Преображенского. Он ищет и находит золото на сибирской речке Ардыбаш. Невольно оказывается на территории, занятой белогвардейцами. В экспедиции участвует его дочь Тася, её играет актриса Евгения Симонова. Характеры героев и детали их «киношных» биографий так органичны, что невозможно не провести параллели с реально жившими людьми. Все события вымышлены, но в фильме очень точно передан непритязательный быт полевых геологических экспедиций, уклад сибирских таёжных деревень начала XX века.

Отметили столетие П.И. Преображенского и в Березниках, в новеньком музее предприятия «Уралкалий», которое занимается разработкой Верхнекамского калийно-магниевого месторождения. Заведующий музеем Г. Булай заблаговременно списался с родственниками и просил для этой экспозиции фотографии, документы и какие-нибудь артефакты. Так в Березниках оказались очки П.И. Сейчас они находятся в постоянной экспозиции Березниковского историко-художественного музея имени И.Ф. Коновалова. В архиве семьи есть и письмо 1974 года с обратным адресом: Бодайбо, «Лензолото». Спрашивают, нет ли в архиве семьи фотографий бодайбинцев и старых книг о приисках.

К 1980-м годам Верхнекамское месторождение калийно-магниевых солей разрабатывали два государственных предприятия: «Сильвинит» в Соликамске и «Уралкалий» в Березниках. Они производили калийные удобрения, которые шли не только сельхозпредприятиям СССР, но и на экспорт. Карналлит, который добывали оба предприятия на этом месторождении, шёл, соответственно, на Соликамский магниевый завод и Березниковский титано-магниевый комбинат. Из карналлита, благодаря уникальной технологии, производили самый дешёвый в мире магний и его сплавы. Первый советский луноход был изготовлен из магниевод-циркониевого сплава, произведённого на Соликамском магниевом заводе из карналлита Верхнекамского месторождения.

И «Сильвинит», и «Уралкалий» были флагманами экономики региона: к «перестройке» на соликамском предприятии работало чуть более 10 тыс. человек, на березниковском – почти 15 тысяч.

Нефтяники выглядели ещё более впечатляюще: количество работающих в объединении «Пермнефть» в 1992 году достигало 42 тыс. человек.

После открытия нефти в Верхнечусовских Городках в 1929 году была длинная и драматичная история поиска других месторождений. Краснокамскую нефть нашли случайно – бурили на воду, зато другие буровые закладывали вполне осознанно. И наконец, в 1960-е годы на юге и севере Пермской области стали открывать одно месторождение за другим. Нашли нефть и в районе Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей, как и предсказывал П.И.!

1960-е годы стали временем расцвета нефтедобычи в Пермской области. Добыча увеличивалась каждый год, каждую пятилетку: если в 1960 году в регионе добыли 2,3 млн тонн нефти, то в 1965-м – почти 10 млн тонн, а в 1970-м – уже 16 млн тонн! А по итогам 1976 года был установлен абсолютный рекорд добычи нефти в регионе – 23,4 млн тонн.

Удивлялись таким цифрам разве что иностранцы. По воспоминаниям Бориса Коноплева (1919–2008), первого секретаря Пермского обкома КПСС с 1972 по 1988 год,

председатель Госплана Германской Демократической Республики сказал, что если бы они в республике добывали нефти даже вполовину объёма нефтедобычи в Пермской области, то ГДР давно бы стала самой богатой страной в Европе.

Однако ни нефтяники, ни калийщики в советское время не входили в производственную элиту региона: к ней относились только машиностроители – те, кто работал на космос и оборону.

В 1990-е годы всё переменялось. Нефтяники и калийщики вышли на первые позиции в регионе и по объёму выручки, и как работодатели. Они же стали крупнейшими плательщиками в бюджеты всех уровней. Особенно ситуация изменилась, когда почти вся нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая отрасль региона перешла под знамёна ЛУКОЙЛа.

С этого времени началась и настоящая слава П.И. Преображенского, достойная его имени и вклада в науку. Флагманом исследований об истории нефтедобычи и, особенно, о пионерах нефтеразведки стал Музей пермской нефти, возглавляемый А.М. Нерословым.

Параллельно развивались корпоративные музеи калийщиков в Соликамске и Березниках: в обоих городах профессор Преображенский признан героем, его именем названы улица и проспект.

С 1990-х годов тексты статей о П.И. в газетах, журналах и книгах стали сплетаться в прочное полотно. Фильмы и электронные ресурсы только закрепляли образ профессора, который прожил удивительную жизнь, полную настоящих приключений, опасностей и открытий. Счастливую звезду над ним заметили все.

«Существует легенда, что только счастливым, увидевшим цветение папоротника – а цветёт он лишь одну ночь накануне Ивана Купала, – открываются клады земли. Выдающийся русский геолог Павел Иванович Преображенский вполне мог считать себя счастливым человеком. Под его руководством за десять лет были разведаны и открыты три клада земли, имеющих первостепенное значение для жизни Пермской губернии и всей страны», – написано в книге «Сильвинит. Страницы истории» (Пермь, 2000. С. 9.)

«Павел Иванович Преображенский, ленинградский профессор с булгаковской фамилией, был счастливым, фартовым геологом. Про таких людей, как он, у нас говорят “родился в рубашке”, а в Англии – “с серебряной ложечкой во рту”», – пишет С.И. Ваксман. (Ваксман С.И. Полевая книжка. Пермь, 2014. С. 18.)

Памятник Геологу Удачи у офиса «ЛУКОЙЛ-ПЕРМИ» на улице Ленина в Перми стал своеобразной вершиной памяти, данью благодарности профессору Преображенскому.

Однако же подземные силы истории оставили пространство для развития сюжета. Как раз в то время, когда профессора Пермского университета хлопотали об установке памятника Преображенскому, искали деньги и обсуждали эскизы скульптора, в Омске шёл судебный процесс, который вынес ошеломляющее решение. Президиум Омского областного суда, рассматривая кассацию, постановил признать всех членов бывшего колчаковского правительства, включая П.И. Преображенского и Н.О. Палечка, которых осудили почти сто лет назад, не подлежащими реабилитации.

Мотивировка занимает 13 страниц и сводится примерно к тем же тезисам, что и в 1920 году. Омский областной суд в 2017 году в своём решении пишет: «Преображенский и Палечек установили в области просвещения право и порядок, ликвидирующие

революционные завоевания в области народного образования. На аресты, избиения и казни учащихся офицерами колчаковских военных формирований министерство не реагировало».

Справедливости ради скажем, что решение суда основывается на материалах проверки прокуратуры Омской области, которая в числе прочего проверила легитимность полномочий Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете и нашла их законными. Это значит – и выводы этого органа считаются «нашедшими своё подтверждение», а именно то, что осуждённые осуществляли действия, связанные «с совершением преступлений против мира и человечества, а также со свержением действующих институтов власти, установлением политического режима со своей структурой органов власти, в которых осуждённые занимали руководящие посты».

Директор Музея пермской нефти Алексей Нерослов пишет: «Судебная инстанция сочла достаточной доказательную базу, собранную в 1920 году, и почти под копирку продублировала “Заключение по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей...”, составленное Гейхбаргом. А доводы Преображенского о приобщении к делу стенограмм заседаний колчаковского Совмина для рассмотрения поимённого голосования за те же “антинародные” законы опять не были услышаны».

Банально, но жизнь интереснее любого романа. Правда же?

«Лёд тронулся, тронулась и река, освобождаясь ото льда»

«Проявление лика» Н.В. Мешкова шло по другому сценарию.

Сначала тьма сгустилась так крепко, что казалось, солнце никогда уже не взойдёт. Причём началось это ещё при его жизни.

В 1926 году, когда аренда зданий Мешкова, отданных им под университет, должна была закончиться, праздновалось 10-летие со дня открытия вуза. Кажется, Н.В. Мешкова даже не пригласили. Хотя всего несколько лет назад, в 1923 году, его в Пермском университете принимали очень тепло.

«Зал был украшен золотыми купавками, – вспоминает Наталья Орлова, – и праздничность этой встречи, доброжелательность, которой проникнуты были взаимные приветствия наших учителей и Н.В. Мешкова, запомнились как одно из ярких впечатлений тех лет».

Чуть ли не единственным, кто вспомнил в 1926 году заслуги бывшего купца, был профессор Н.И. Кромер (1866–1941). «Духовному и действительному создателю Пермского государственного университета Николаю Васильевичу Мешкову в день десятилетия основания его, в знак глубокого уважения и искренней преданности», – надписал профессор на брошюре под грифом «Химико-фармацевтическое отделение при медицинском факультете ПГУ». Эта 20-страничная книжечка хранилась у Николая Мешкова как драгоценность, оставшаяся после всех конфискации. То, на что можно было любоваться и вспоминать былое, зримый предмет прежнего величия и настоящего уважения.

Дальше – больше.

В январе 1927 года в главном корпусе Пермского университета случился пожар: запылал чердак над квартирами преподавателей, библиотекой-читальней и оранжереей ботанической лаборатории. Пожар тушили и спасали имущество и растения более двух суток, но причин его выявить так и не удалось «ввиду значительных разрушений».

Полностью сгорела украшавшая здание башня с часами, а вместе с ней и две надписи, одна – посвящение матери, другая – эпитафия к жизни Н.В. Мешкова: *mens sana in corpore sano*.

Известно, что Мешков в Москве хлопотал о реконструкции корпуса университета.

Здание вскоре восстановили, но уже без башенки и надписей. Если по первой были проекты, в том числе и по устройству там астрономической обсерватории, то о том, чтобы вернуть посвящение матери Николая Мешкова и латинское изречение, никогда даже не заикались.

Вскоре новый удар: власти Перми закрыли Архиерейское кладбище за Спасо-Преображенским собором, где хоронили самых уважаемых людей царской России. Собор отдали галерее, архиерейский дом – краеведческому музею, в составе которого был зоопарк. Вот его-то и решили разместить на могилах предков. На этом кладбище была похоронена мать Мешкова. Комсомольцы во время субботника снесли каменные надгробья, из них, рассказывают, сделали фундаменты для некоторых зданий. А вот надгробие Е.И. Мешковой уцелело. Хозяйственные деятели использовали его по второму разу, поставив на могилу бывшего председателя горсовета, директора судостроительного завода Михаила Петровича Овчинникова (1894–1931) на Егошихинском кладбище. Мы не знаем, был ли этот факт известен Мешкову, планировали так ему досадить или же это обычная практика для того времени.

Тогда же, в 1930-е годы, началась реорганизация, почти ликвидация Пермского университета. Комиссия Совнаркома решила раздробить его на несколько учебных заведений, по сути «раскулачить».

Ликвидационную комиссию возглавлял ректор Степан Стойчев (1891–1938). Главным вопросом был раздел имущества между выделяемыми в свободное плавание педагогическим, медицинским и сельскохозяйственным факультетами. Делили не только книги и здания, но и микроскопы, лошадей, квартиры преподавателей. Тогда же часть аллегорических камнерезных фигур Денисова-Уральского передали из минералогического музея университета в Пермскую художественную галерею.

Спустя год, в апреле 1931 года, пленум ВКП(б) признал ликвидацию университетов ошибочной. Тот же Стойчев возглавил новую комиссию «по реорганизации». Суть этих реформ высказал уже упоминаемый нами профессор Кромер: «Чтобы в корне изменить традиции старого Пермского университета 1917 г., построенного по капиталистическим принципам, необходимо было его расформировать в отдельные институты с тем, чтобы теперь снова на базе кафедр [...] создать новый социалистический университет».

В 1931 году в Пермском университете произошли события, которые получили название «культурная революция».

В один из дней студенты закидали гнилыми помидорами профессора «старой школы» – их в Перми ещё оставалось немало. Обычно его занятия проходили так: выносили кресло, затем появлялся он, в шёлковом кашне, с кошкой в руках, садился в кресло и, глядя кошку, читал лекцию.

Катализатором ситуации явилось постановление Уралобкома ВКП(б) о пединституте, в котором говорилось о сдаче позиций на идеологическом фронте классово-враждебной реакционной профессуре. Речь всерьёз заходила о ликвидации и университета, и пединститута, и мединститута, всего год назад выделившихся из *alma mater*.

31 декабря 1931 года и 5 января 1932 года в Перми проходили собрания научных работников, на которых громили преподавателей-последователей «гнилого либерализма» и буржуазных теорий.

Примеры: доцент Шубин В.Н. в статье о зобе писал, что в Швейцарии этой проблеме уделяют много внимания, а у нас – нет. Вывод: «Статья написана языком классового врага». Профессор Беклемишев заявлял, что «причинность нельзя объяснить». Вывод – пропаганда реакционной идеологии. Но особо была выделена деятельность «бывшего колчаковца, активного реакционера и классового врага» Богословского, а также его коллег, профессоров Дьяконова и Савича. В докладной записке в Пермский городской комитет ВКП(б) сказано, что «являясь дипломированными крепостниками, эта группа исследовала вопросы истории церкви, монастырей, роль культуры полотенца при погребении, поездки в Иерусалим. Вели пропаганду поповщины, мракобесия в трудах этнографического общества, сборниках и учебных записках гос. университета. Богословский через организованную капеллу выезжал в деревню, распевал старые песенно-кулацкие религиозные обряды, религиозные песни».

Профессор Богословский был человеком, которому Н.В. Мешков очень благоволил: главный смысл университета в Перми состоял в изучении не только промышленных сил края, но и его старины. Ещё и года не прошло с момента открытия университета, как этнографическая экспедиция под руководством профессора Богословского направилась на пароходах Мешкова на север Пермской губернии. Купцам Алиным из Чердыни наказано было принять профессоров как самого Мешкова.

Борьба с «реакционной профессурой» велась разными методами. От слов «Уйдите прочь с дороги! Мы не сегодня-завтра всё равно вас сметём. Уходите сами!» до создания невыносимых условий работы «путём проведения систематических осмотров кафедр, поощрения интриг», – как пишут исследователи истории ПГУ.

«Контрольный выстрел» сделал президиум Пермской городской контрольной комиссии ВКП(б) постановлением от 7 января 1932 года: «В университете, пединституте и мединституте имеется ряд реакционных профессоров, которые, на словах являясь лояльными Советской власти, на деле оставшись до сих пор её врагами [...] Что будучи враждебно настроенными против марксизма-ленинизма, ряд профессоров (Богословский, Беклемишев, Миртов, Шумков) свою преподавательскую работу основывали на чуждых пролетарской идеологии учениях [...] (в курсе эмбриологии животных проф. Беклемишева совершенно игнорируется дарвинизм; в инструкции по разработке Уральского словаря проф. Миртова ни слова не говорится о ликвидации кулачества как класса; в курсе проф. Шумкова явно преподавалась поповщина, основанная на классово-враждебной теории “биопотребности”; в преподавательской работе проф. Богословского (бывшего активного белогвардейца) по кафедре истории явно игнорировались теории Маркса – Ленина и классовая борьба».

Своей нижней точки Пермский государственный университет достиг в 1933 году: здесь осталось менее 300 студентов, притом что в начале 1930 года их было на две тысячи больше. В том же году Н.В. Мешков умер.

К счастью, пермский университет получил приставку «имени А.М. Горького» уже после этого, в 1934 году.

В Перми Горький бывал в 12–13-летнем возрасте, когда служил на пароходах. Главное впечатление от города: здесь у него украли деньги и он вывихнул ногу в Мотовилихе. Вторая ассоциация с Пермью – арестанты. «В людях» они описаны так: «Мимо меня шли десятки серых человечков, гулко топая ногами, звякая кольцами кандалов,

согнувшись под тяжестью котомок; шли женщины и мужчины, старые и молодые, красивые и уродливые, но совсем такие же, как все люди, только иначе одетые и обезображенные бритьём».

Вот и всё. Большой пролетарский писатель ничего для университета не сделал, для города тоже. Впрочем, нет. Главная заслуга Горького – телеграмма в Омск в 1920 году с ходатайством «о смягчении участи Преображенского, нужного стране».

Имя равнодушного к Перми писателя продержалось на университете до 1993 года и тихо отпало, никем не защищаемое.

А имя Мешкова только набирало силу.

Наум Дубилет писал в письме к Н.П. Орловой в 1960-е годы: «Помню, когда в 1941 году я волею судеб оказался в Перми и стал работать редактором газеты Камского пароходства, часто слышал: “вот дом Мешкова”, “этот был капитаном на пароходе Мешкова”, “при Мешкове так было”... Словом, имя Николая Васильевича склонялось на всех ладах, и я, естественно, стал расспрашивать, кто же такой Мешков. Характерно, что бывалые водники говорили о нём без зла, всячески подчёркивая, что это был необыкновенный капиталист. [...] Некоторые старые капитаны наседали на меня: “Поработай, может, получится, человек стоит того, чтобы написали”».

Дополнительной причиной такого интереса было то, что Камское речное пароходство, в советское время – мощное и успешное, разместились в доме Мешкова.

Однако вплоть до 1966 года на его имени стояла «печать молчания», как образно выразилась Н.П. Орлова. Сняло его письмо секретаря Ленина Л.А. Фотиевой, которое она написала по просьбе академика Ю.А. Орлова. Тот, незадолго до смерти, собирался на празднование 50-летия ПГУ, которое проходило в октябре 1966 года. Он планировал сделать доклад и поставить вопрос о присвоении университету имени Н.В. Мешкова. К сожалению, этого не случилось: Ю.А. Орлов умер за пару недель до празднования.

Долго ходили слухи, что это произошло в поезде, на пути в Пермь. Нет, всё было не так драматично, но обидно: академик и орденносец, он пользовался огромным авторитетом и уже осуществил масштабные проекты, главным из которых стало создание Палеонтологического музея в Москве. У него бы получилось поднять имя Мешкова на должную высоту. И ещё. Он хорошо понимал механизмы советского времени и успел заверить письмо Фотиевой в Музее Ленина. Затем оно было передано в Государственный архив Пермской области, его прочитали партийные руководители.

Ведьмовской лес дрогнул от заклинаний старого партийного работника. Фотиева писала: «Ленин знал Мешкова ещё до революции; не встречался с ним, но знал о нём и о его деятельности, и назначение Н.В. Мешкова консультантом НКПС было сделано с полного согласия Ленина, если не ошибаюсь, по инициативе Л.Б. Красина». И ещё: «Прежде всего, Николай Васильевич был меньше всего “купцом-толстосумом”, как его несколько презрительно охарактеризовали. Он был умный, остроумный, обаятельный человек, самородок. Внешне – очень красивый, представительный. Как делец – честный, с широким размахом».

«Старая саботажница» Пермь и в 1960-е годы остро страдала от своей былой контрреволюционности. Не добавило очков городу и переименование в Молотов в 1939 году. Позже Вячеслав Михайлович возглавил антипартийную группу против Хрущёва, и городу в 1957-м вернули прежнее название. Включение большинства предприятий региона

в космическую программу СССР, которая начала осуществляться в 1958 году, конечно, увеличило рейтинг Пермской области в общесоюзном условном раскладе, однако же местным руководителям приходилось тяжело. В сравнении с соседним Свердловском, где и царя убили, и революционные традиции были не в пример серьезнее, Пермь выглядела бледно. Поэтому любые, самые незначительные сигналы о том, что Ленин к кому-то из пермяков хорошо относился, воспринимались с повышенным вниманием.

Теперь о Мешкове стало можно говорить. Раньше «наши рассказы о Мешкове воспринимались глухо», – написал И.С. Богословский, брат того самого, бывшего активно белогвардейца, распевавшего религиозные песни. Во всяком случае, продолжал он, «лёд тронулся, тронулась и река, освобождаясь ото льда».

Постепенно начали появляться публикации в газетах, даже фильм на Пермском телевидении по сценарию Н.Д. Аленчиковой, который стал сенсацией.

К 70-летию Пермского государственного университета вышла книга «Первый на Урале», редколлегию которой возглавлял ректор ПГУ В.П. Живописцев (1915–2006). Её сдали в печать летом 1986 года. В тексте Н.В.Мешкова назвали выходцем из крестьян Вятской губернии – о нём мало что знали. Но всё равно прогресс, по сравнению с 1966 годом. Тогда, «в юбилейном сборнике, который был выпущен к 50-летию Пермского университета, я не нашёл ни одной строчки об участии Николая Васильевича в создании этого учебного заведения. Видимо, университетские деятели не решились воздать должное капиталисту», – писал Дубилет Н.П. Орловой.

К 1986 году Пермский госуниверситет был сложившимся научным центром Западно-Урала, самым мощным и самым авторитетным вузом. Примечательно, что количество работавших в ПГУ профессоров в 1986–1990 годах примерно соответствовало их числу в 1918–1923 годах. В это же время директор музея истории университета А.С. Стабровский нашёл в Москве родственников Мешкова, и в музейных фондах появились и документы, и вещи Николая Васильевича, а самое главное – достоверная информация.

Время шло, в 1990 году в серии «Замечательные люди Прикамья» вышла книга Р.И. Рабиновича (1902–1999) «Опальный миллионер». Напомним, что в этой же серии планировалось издать биографию П.И., но этого так и не случилось. Затем, в 2008 году, появилась книга В.Л. Семёнова «Николай Васильевич Мешков: пермский миллионер, либерал и просветитель». А потом и книга Н.Д. Аленчиковой «Пермский гражданин Н.В. Мешков» (Пермь, 2016).

Камское речное пароходство тем временем пришло в такой упадок, что особняк Мешкова удалось получить в городскую собственность и устроить там краеведческий музей. Музейных зданий в Перми много, но у этого есть название, которое знают все – дом Мешкова.

Переезд краеведческого музея вышел спешным: требовалось освободить архиерейский дом, который решением властей передали православной церкви, и взамен искали что-то равноценное, в центре и с историей – дом Мешкова походил для этого как нельзя лучше. Проблема была только в мамонте, слишком большом, но уже давно ставшем символом краеведческого музея. В какой-то момент у него даже появилось имя – Вася.

Нашли его в 1927 году в Верещагинском районе. Раскопки вела Екатерина Васильевна Пермякова, та самая, которую Мешков в письмах называл «самоварчик» за то, что она быстро вспыхивала.

Для мамонта нашли отдельное помещение: теперь Музей пермских древностей – один из самых посещаемых и любимых в Перми, но если бы мамонт Пермяковой оказался в доме Мешкова, это было бы глубоко символично.

Ну и в 2016 году, к 100-летию триумфа Н.В. Мешкова, на территории университетского городка открыли памятник купцу и меценату работы скульптора Алексея Залазаева. Монумент из бронзы весом 13 тонн и высотой семь метров стал визуальным центром всего пространства, как и должно быть.

Работа над увековечиванием памяти Н.В. Мешкова стала спусковым крючком или же замыкающей кнопкой событий, которые привели к созданию памятника и П.И. Преображенскому – так эти два человека, связанные при жизни неочевидным, но крепким образом, оказались «в связке» и теперь. Неслучайное переплетение отдалённых случайностей выросло в необходимость.

Причудливые узоры их биографий складываются в твёрдое убеждение: бог не играет в кости; провидение хранит людей, чьи помыслы чисты, а слово крепко; правда, закатанная в асфальт, всё равно прорастает травой, выходит на поверхность разными путями. Ничто никуда не исчезает, а записывается на небесных скрижалях. И всегда найдётся тот, кто перепишет от руки старые письма, наговорит на магнитофонные кассеты воспоминания, заведёт серую папку с надписью «И вообще», куда сложит самые важные документы. А тот, кто сохранит всё это и передаст по эстафете дальше, может, и не знает, что он и есть тот самый, кто выбран быть хранителем. Однако же неслучайная цепь событий, туго затягивая свои узелки, с настойчивой очевидностью приводит к тому, что Иван Ефремов назвал «необходимостью».

Только нужно быть стойким и верить, что время придёт и река освободится ото льда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложение включены ранее не публиковавшиеся работы и письма выдающегося русского и советского геолога, профессора П.И. Преображенского (1874–1944), библиография и аннотации его научных работ и др.

Базовый массив публикуемых впервые документов хранится в семейном архиве Преображенских-Орловых-Заварзиных. Расшифровкой рукописей П.И. Преображенского из семейного архива на протяжении нескольких лет занималась его дочь Н.П. Орлова, ряд писем (№ 1, 8, 9, 11) расшифрованы Е. Мэмми-Заварзиной и Е. Гадаевой.

Публикуемые письма П.И. Преображенского В.А. Обручеву (№ 3, 4, 5, 7, 16, 17) – всего лишь малая часть из хранящейся в семейном архиве в копиях (списках) переписки учёных. Письма переданы для публикации Орловыми-Заварзиными со ссылкой на «архив академика В.А. Обручева».

При публикации работ и писем учтены рекомендации «Правил издания исторических документов» (М., 1990), в части библиографии – стандартов ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.100-2018.

Публикуемые документы разбиты на два корпуса, в которых структурированы в хронологическом порядке. Каждый документ снабжён порядковым номером, оригинальным или редакционным заголовком (указанием адресата писем), ссылкой на место и дату написания. Поскольку основной массив представленных работ (в т.ч. ранее не публиковавшиеся отчёты, статьи, докладные записки и др.) и писем имеет единое место хранения, способы воспроизведения и местонахождение документов («легенда») за редким исключением не указываются.

Тексты публикуемых документов приведены в соответствии с современными нормами русского языка, с сохранением некоторых стилистических авторских особенностей. Явные грамматические и пунктуационные ошибки, очевидные искажения в написании имён, фамилий, населённых пунктов, дат исправлялись без оговорок. То же самое в отношении ошибок, опечаток, влекущее иную смысловую трактовку – оговаривается дополнительно.

В датировке документов учтён переход на новое (григорианское) летоисчисление. Работы и письма, написанные до 1 февраля 1918 г., датируются по старому стилю, с 1 февраля 1918 г. – по новому. Географические названия, претерпевшие переименование (Пермь – Молотов; Петербург – Петроград – Ленинград; и др.), скорректированы в контексте исторической хронологии. Например: до марта 1940 г. – Пермь, с марта 1940-го (по октябрь 1957 г.) – Молотов, и т.д.

Редакционные пропуски в текстах обозначены отточиями, заключёнными в квадратные скобки. В квадратные же скобки заключены вставки недостающих в текстах отдельных букв, слов и т.п. В затекстовые примечания к документам вынесены расшифровки вышедших из употребления сокращений и аббревиатур, данные установленных персоналий, значения редко употребляемых слов (кроме терминов) и т.п. Биографические справки персоналий составлены на основе открытых источников и не претендуют на энциклопедичность.

Алексей Нерослов

I. РАБОТЫ П.И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

№ 1 БАССЕЙНЫ РЕК ТАХТЫГИ И АНАНГРЫ Предварительный отчёт горного инженера П.И. Преображенского¹

Не ранее осени 1903 г.

Положение работ по геологическому исследованию Олёкминско-Витимской золотоносной системы в её западной части к лету 1902 года представлялось в следующем виде: район бассейнов р[ек] Бодайбо и Вачи, занятые наиболее богатыми приисками, были уже исследованы В.А. Обручевым² и А.П. Герасимовым³; многие вопросы, как, напр[имер], возможные источники золота, условия образования россыпей, бывшее оледенение страны – получили достаточное решение, и по отношению к ним дальнейшие работы могли дать лишь дополнительный материал; в то же время все сделанные только что названными исследователями маршруты кончались ещё в пределах развития золотоносных метаморфических сланцев, и вопрос о границах области, занятой этими породами, и их отношении к гранитам, выходящим на Витим и найденным Обручевым (в 1892 г[оду]) в верховьях р[еки] Тахтыги, – стоял совершенно открытым.

На основании этого положения дела и было решено произвести маршрутные исследования по р[екам] Тахтыге, Тахтыкану, Чумаркою и Анангре, по которым местами имеются ещё небольшие прииски, и бассейны которых расположены в непосредственном соседстве к западу от уже исследованной области. Работа эта была поручена мне, и хотя закончить удалось только в 1903 году, но ввиду того, что весь изученный район крайне однообразен, и в геологическом отношении в большей своей части представляет продолжение лежащих рядом и уже описанных Обручевым и Герасимовым местностей, – я и позволяю себе не разрывать данного отчёта ради одних хронологических соображений на две части, чтобы не повторить дважды одних и тех же вещей.

Бассейны рек Тахтыги и Анангры, водораздел между которыми проходит по широте почти посередине описываемого района, вместе взятые, представляют из себя значительной ширины (около 30 вёрст) полосу, вытянутую SSW–NNO⁴ и лежащую, как об этом только что упоминалось, в непосредственном соседстве к западу от бассейнов р[ек] Бодайбо и Верхней Вачи. Если припомнить все топографические характеристики, которые даны Обручевым и Герасимовым в их предварительных отчётах, касающихся названных местностей, то в общих чертах то же надо сказать и про наш район: горная страна с сильно расчленённым рельефом, с короткими, неправильно расположенными грядами и группами более высоких вершин, – от них масса отрогов, в расположении которых также не удаётся подметить никакой закономерности, долины самой разнообразной ширины и всевозможных по отношению к простиранию пород направлений – всё

это типичные черты и описываемых мест, и притом черты настолько сложные, что пока, за недостатком геологического и топографического материала, почти никакие заключения общего характера в этом направлении ещё невозможны.

Из отдельных наиболее выдающихся гряд необходимо указать на гольцы, лежащие в верховьях Синингры, Тахтыги и Тахтыкана и достигающие до 600 сж.⁵ средней высоты и около 650 сж. в высших точках; гряды эту до известной степени можно связывать с хребтом Кропоткина, лежащим на SW от неё, и сюда же тогда нужно отнести и большой двуглавый Кырыллахский голец (685,6 [сж.]), лежащий уже в бассейне р[еки] Чумаркоя. По направлению к западу, на пространстве между верховьями Тахтыги и её правым притоком Аканакком, гряда эта сильно расширяется и даёт высокий отрог на SSO, а сама поворачивает на SW и, постепенно понижаясь, доходит до Тахтыкана. Другая гряда – меньшей высоты (около 500 с[ж.] в среднем и отдельные точки 550–600 [сж.]) – тянется к Тахтыге от вершин Бодайбокана по левому берегу р[еки] Аикты. Продолжение этой гряды можно видеть в ряде вершин, составляющих водораздел Тахтыги и Дюбуккана и идущих по правому берегу Тахтыги от устья р[еки] Аканака до Любавинского прииска, но какова эта связь, так и вообще вопрос о взаимном соотношении различных групп и вершин – далеко ещё не выяснен. Можно бы ещё указать на довольно значительную гряду, тянущуюся на W от верховьев р[еки] Сибикты и составляющих водораздел Тахтыги и Витима, но, к сожалению, мне удалось видеть только восточный конец этой гряды, и каково её дальнейшее направление – мне неизвестно. Что касается бассейна Тахтыкана и нижней части Анангры, то здесь в пределах съёмки нельзя указать ни на одну горную группу, как на уже окончательно выяснившуюся, и только лежащий уже далеко за пределами исследования водораздел Мары и Анангры, виденный мною с вершин, находящихся в бассейне последней, – вырисовывается вдали в виде довольно значительного (не выше, однако, 600–650 сж.) хребта, вытянутого приблизительно по меридиану.

Формы гор, хотя и слабо, но всё же несколько отличаются от таковых в соседних к востоку областях; *domes arrondis*⁶, столь характерные для Бодайбо, здесь – особенно в наиболее западных частях – теряют свои типичные черты, и сравнительно острые вершины и крутые обрывы уже не составляют редкости и в местах, занятых метаморфическими сланцами. Если же взять части района, где развиты почти исключительно граниты (низовья Анангры, Тахтыги, весь Тахтыкан), то здесь геологическое строение накладывает такой резкий отпечаток на формы рельефа, что говорить о мягких линиях становится уже трудно. Узкие, с резкими, неожиданными поворотами долины, крутые, а часто и обрывистые склоны, громадные россыпи скал, часто делающие невозможным движение по дну долины, водопады и пороги на реке настолько связаны с областью развития гранитов, что, даже не видев местности, по имеющейся двухвёрстной съёмке можно сказать, где приблизительно проходит граница гранитов, как, напр[имер], по Анангре.

Но всё-таки эта характеристика гораздо более касается долин и вида, представляющегося из них; если же смотреть с более высоких вершин, то нельзя не отметить, что и для гранитной области впечатление некоторой общей

сглаженности контуров сохраняется. Является ли это обстоятельство хотя бы косвенным доказательством былого оледенения – сказать трудно, так как на округлость вершин, совершенно, по-видимому, не зависящую от оледенения, не раз уже указывалось в географической литературе по Восточной Сибири (Черский⁶, Обручев). Вообще вопрос о том, была ли описываемая местность покрыта ледниками, как то можно с несомненностью утверждать про более восточный район бассейнов Бодайбо и Вачи, здесь ещё остаётся открытым и нуждается в фактическом подтверждении.

Трудно, конечно, допустить, чтобы ледники, отложившие громадное количество рыхлого материала в долине Бодайбо, оставившие эрратические валуны на высоте 635 [сж.] на склонах гольцов хребта Кропоткина, в то же самое время совершенно не загроунили соседних долин Тахтыги и Анангры, но как бы то ни было, доказательств несомненного оледенения бассейнов этих рек ещё очень и очень немного, большинство же имеющихся фактов можно объяснить различно.

О характере речных долин в области развития гранитов только что говорилось выше; что же касается района, занятого метаморфическими породами, то здесь верхние течения рек проходят в широких, с отлогими склонами долинах, дно которых занято или сплошными кустарниковыми болотами, как на Тахтыге и Синингре, или же отложениями галечников, большую часть года покрытых громадными наледями, – на Анангре. Долина этой, последней, между прочим, интересна по той, крайне резкой разнице в её формах, которые наблюдаются вверх от устья Б[ольшого] Шушмана и вниз от него. Как раз у устья этого притока Анангры оканчивается область метаморфических сланцев, и вниз по реке идут сплошные граниты; вместе с этим широкая ровная долина в буквальном смысле слова сразу переходит в узкое, заваленное гранитными россыпями, едва проходимое ущелье, а падение реки с 1,8 [сж.] становится равным 4,5 [сж.] на версту.

Среднее течение Тахтыги, где ранее были расположены несколько довольно крупных приисков, представляет ряд небольших расширений, связанных узкими, с крутым падением реки, участками долины. Широкие увалы в нижней части склонов, типичные для бассейнов Бодайбо, Вачи и Энгажимо, в долинах нашего района выражены несравненно слабее, хотя необходимо сказать, что заметить присутствие этих увалов, благодаря довольно хорошо сохранившейся лесной растительности, здесь очень трудно.

По геологическому строению описываемый район делится на две части, одна занята метаморфическими слоистыми породами самого разнообразного характера, другая – почти сплошь гранитами. Граница этих двух областей, идущая в общем SW–NO (приблизительно от устья правого притока Тахтыги – Дюбуккана к устью правого же притока Анангры – Б[ольшого] Шушмана), к сожалению, далеко не везде захвачена съёмкой, и потому многие частные вопросы, разрешение которых помогло бы выяснить тектонику местности, до сих пор остаются открытыми. Группа метаморфических сланцев, у нас занимающих бассейны верхних течений Чумаркоя и Анангры, всей Синингры и большей части Тахтыги, уже достаточно подробно описана в предварительных отчётах В.А. Обручева и А.П. Герасимова, и нет нужды повторять уже

сказанное ими. Метаморфические песчаники различных оттенков серого цвета, часто слюдистые, с бурый шпатом и пиритом и без них; глинистые, чаще кварцево-глинистые сланцы, большею частью тёмно-серого и даже почти чёрного цвета от большого количества входящего в их состав углистого вещества; филлиты – известковистые, углистые, буро-шпатовые и, наконец, известково-слюдистые сланцы и чистые известняки; – все эти разновидности имеют своих представителей среди пород, слагающих описываемую местность, и обыкновенно ничем не отличаются от таковых же сланцев, развитых в соседнем бодайбинском районе. Только узкая полоса непосредственного контакта сланцев и гранита, влияние которого, большею частью благодаря плохим обнажениям, возможно проследить лишь на крайне ничтожном пространстве, только эта полоса даёт нам образцы пород, несколько отличающихся от своих восточных соседей. Таковы, напр[имер], буровато-серые слюдистые песчаники с массой мелких пустот, с сильно окрашенными в жёлто-бурый цвет краями; далее слюдистые песчаники с очень большим количеством биотита; изредка встречаются (в верховьях Тахтыги) роговообманковые песчаники, а также имеющие вид серых биотитовых сланцев метаморфизованные граниты. Все эти породы, особенно местами, сильно обогащены такими вторичными минералами, как биотит, роговая обманка, дистен, цоизит, эпидот; их выделения так характерны для некоторых сланцев и песчаников, близких к контакту, и играют настолько существенную роль среди других породообразующих минералов, что названия – цоизитовый, кианитовый – нередко придётся употреблять при характеристике пород, развитых по соседству с гранитом. Кроме того, в них же хорошо заметны и следы чисто механических влияний: как сланцы, так и песчаники сильно помяты, часто мелкоплойчатые, с сильно развитым кливажем, а под микроскопом в них видны целые полосы смятых в пыль составных частей.

Пирит и бурый шпат, характеризующие своим присутствием породы, с которыми связаны наиболее богатые прииски на Бодайбо, в сланцах нашего района развиты далеко не так обильно, особенно бурый шпат; пирит же, если даже и находится, то очень часто не в виде правильных кристаллов, а в форме линзочек и неправильных прожилков. Жилы кварца, наоборот, встречаются гораздо чаще и несравненно большей мощности, чем те, что описаны, напр[имер], Обручевым для бассейна Бодайбо; особенно много их (некоторые около 1,5 сж. мощности) в бассейне Аканака и верхней Тахтыги; кварц, выполняющий жилы, обыкновенно молочно-белый, плотный, изредка с обломками окружающей породы и включениями светлой слюды. Произведённые анализы – 7 проб – в лучшем случае (в 2-х пробах) показали только следы присутствия золота, большинство же дали совершенно отрицательный результат.

Что касается до распространения отдельных пород, то детали этого вопроса могут быть выяснены лишь после окончательной обработки материала, теперь же можно только указать на большое количество тёмных, а иногда и прямо чёрных кварцево-глинистых сланцев, развитых в бассейнах верхней части Тахтыги, всего Аканака, Безымянки, Каверы и части Аикты, и на известняки нижнего

течения Тахтыги, то сходные с бодайбинскими (см. предв. отчёт Обручева), то отличные от них – отсутствие слюды.

О гранитах, занимающих почти сплошь северо-западную часть исследованной области, к сожалению, можно сказать очень немного: к обычным пробелам, вытекающим из крайней разрозненности обнажений, здесь присоединились ещё и те, что были вызваны крайне тяжёлыми физическими условиями работы в этой части района и отсутствием в то время какой бы то ни было топографической съёмки, – поэтому очень многие интересные вопросы и до сих пор остаются совершенно невыясненными.

В общем – гранит светло-серого цвета, среднезернистый, со светлой зеленоватого-жёлтой слюдой, под микроскопом – при беглом изучении – состав довольно ординарный: кварц, значительное количество ортоклаза, меньше плагиоклаза и микроклина, мусковит, изредка биотит, гранат, титанит; структура равномерно зернистая, изредка письменно-гранитная; но таков гранит главным образом в россыпях, в большом количестве развитых по склонам долин и заваливающих иногда всё дно их; в отдельных же выходах, сравнительно не редких и имеющих большею частью вид разрушенных громадных дейков, порода совершенно белая, с зерном очень большой величины – полевые шпаты до $\frac{3}{4}$ кубич[еского] фута не представляют редкости; светлая слюда – или редкими крупными выделениями (пластинки около 5–6 квадр[атных] дюймов), или совсем отсутствует. Какой-либо правильности в расположении дейков подметить не удалось. Совершенно также неясно и взаимоотношение гранитов и встречающихся местами среди них метаморфизованных слоистых пород. Громадное количество разрозненных выходов гранита иногда внезапно прерывается, и на протяжении нескольких вёрст можно наблюдать отлогие склоны, пониженные вершины, сглаженные контуры – вообще явления, свидетельствующие о том, что данная часть долины занята более мягкими породами. Действительно, на крайне редких в таких местах обнажениях можно найти или выход крупнозернистого кристаллического известняка, или, что чаще, сильно метаморфизованного слюдистого песчаника; при этом изменение породы обыкновенно настолько резко, что при полевых определениях все они были названы гнейсами. Нередко эти же породы можно встретить в одном-двух обнажениях и в области сплошного развития гранитов.

Все эти факты настолько отрывочны, что совершенно не дают возможности сделать какие-нибудь выводы, и единственное заключение, вытекающее пока из данных исследования, это то, что граниты представляют образование более юного геологического возраста, чем метаморфические породы восточной части района. Граница сланцевой и гранитной областей идёт по неправильной кривой; в низовьях Тахтыги, ещё задолго до начала сплошных гранитов, известняки и сланцы этой части долины прорезываются неправильными мощными жилами гранита, количество которых всё более и более увеличивается вниз по течению, так что здесь довольно трудно даже сказать точно, где кончается область развития метаморфических пород; далее к северу, в бассейне правого притока Тахтыги – Аканака – гранит в виде длинного языка заходит

в область сланцев, и присутствие этой громадной толщи, вклинившейся в метаморфические породы, даёт возможность хотя отчасти выяснить тектонику этого района. Здесь, между прочим, видна, правда на небольшом пространстве, последовательность налегания друг на друга буровато-серых слюдистых песчаников, углистых кварцево-глинистых сланцев и серых биотитовых песчаников; вполне использовать эти факты возможно, конечно, только после подробной обработки собранного материала. В бассейне Анангры и Чумаркоя граница массивных и слоистых пород тянется от вершины Тахтыги по довольно правильной прямой на *NO*, и здесь интересно только отметить повсеместное присутствие на контакте буровато-серых слюдистых песчаников.

Тектоника всего района в общих чертах может быть охарактеризована таким образом: простираение пород, идущее *NW 280–290°*, типичное для более восточных частей области, сохраняется и у нас, хотя отступления от этих средних чисел и несколько более часты; ввиду известной повторяемости пород, выяснить которую вполне есть задача будущего, можно считать, что метаморфические сланцы и песчаники собраны в ряд крутых, идущих приблизительно в широтном направлении, складок. В западных частях складки эти, если даже они и усложнены сбросами, построены более или менее однообразно, но по мере приближения к гранитам это однообразие строения исчезает, появляется, например, такое направление оси складки, как *NNO* (в бассейне Аканака), сами простираения пород хотя и меняются уже в очень значительных пределах, но тоже тяготеют больше к *NO*-вым, вообще становится очевидным появление некоторой складчатости, параллельной краю гранитного массива. По отношению к тектонике контактовая полоса даёт целый ряд хотя и мелких, но в общем очень важных для уяснения строения местности фактов, поэтому нельзя не пожалеть, что съёмка далеко не всюду захватила эту полосу.

Материал для изучения наносных отложений, заключающих единственное полезное ископаемое района – золото, очень не велик. Два-три старых, обвалившихся приисковых разреза, кое-где канавы, проведённые хищниками⁸, да пять мелких, работающих с грехом пополам старателями, приисков – это всё, чем приходится пользоваться при тех или иных выводах. Между тем разведок, как самых примитивных, так и поставленных очень солидно, по всему району произведено немало; очевидно (судя по старым шурфам), пробовали искать золото повсюду, даже среди гранитов, но от всего этого богатейшего для изучения наносов материала не осталось ровно ничего, и, например, все мои попытки найти хотя какие-нибудь данные, касающиеся работавшихся на так давно на Тахтыге приисков Громова, решительно ни к чему не привели, а между тем, как говорит предание, в это дело было вложено около 2-х милл[ионов] рублей. Осмотренные разрезы – количество их, как я уже сказал, невелико – свидетельствуют об исключительно аллювиальном происхождении наносов; отложений, носящих ледниковый характер, я указать совершенно не могу. Возможно, впрочем, судя по изборождённым валунам в отвалах, что шахты Веринского прииска (на устье р[еки] Каверы) и дали бы что-нибудь в этом направлении, тем более что вообще не отличающиеся мощностью наносы долины р[еки] Тахтыги здесь оказались

настолько значительными, что для их разработки пришлось прибегнуть к подземным работам (какова глубина шахты – сведений получить не мог).

В общем, наносы бассейнов Тахтыги и Анангры состоят из различно окрашенных песчано-галечных отложений и лишь изредка из более или менее чистых песков и глин. На Тахтыге иногда встречаются тонкие буровато-серые илы, незначительной мощности, но наиболее характерным для бассейна этой реки является присутствие среди наносов громадных валунов метаморфических песчаников и гранита, иногда в очень большом количестве; наносы же долины Анангры, наоборот, содержат таких валунов сравнительно мало и отличаются развитием мелких галечников и песков – за это, по крайней мере, говорят как осмотренные разрезы, так и показания приисковых служащих и рабочих. Мощность наносов в большинстве случаев незначительная и несколько больше на Анангре, чем на Тахтыге; так, на первой приходилось наблюдать разрезы до 3½ сж. мощности (пр[ииск] Счастливый), тогда как на второй, за исключением наносов Каверы, о которых уже упоминалось, нигде не встречалось обнажений более двух сажен, а разрезы, например, приисков Любавинского (устье Аикты) и Ивано-Николаевского (Тахтыга) не превышают 1,5 сажен. Вопрос о золотоносности наносов и на Тахтыге, и на Анангре как следует далеко ещё не выяснен. Единственное, что можно сказать про россыпи этого района – это то, что золото в них распределено крайне неравномерно: рядом с очень богатой узкой полосой песка, глины или галечника часто лежит такая же по внешнему виду полоса – совершенно пустая. Отсутствие россыпей в области распространения гранитов, анализы – к сожалению, немногочисленные – показавшие следы присутствия золота в самих метаморфических сланцах, пустота кварцевых жил, – всё это говорит за то, что и для нашего района условия образования золотоносных россыпей приблизительно те же, что и для бассейнов Вачи и Бодайбо, т.е. извлечение золота путём целого ряда процессов из коренных пород и осаждение его в наносах; но у нас, кроме того, это явление осложнилось действием размыва, под влиянием которого происходило ещё множество перемещений, давших в результате современные, очень неправильные россыпи.

Последнее обстоятельство в связи с крайне неудовлетворительной постановкой разведочного дела вообще и создало россыпям Тахтыги и Анангры их дурную славу. Слава эта такова, что золотопромышленники совершенно пренебрегают этими ближайшими к современным приискам и далеко не безнадежными площадями, а в то же время крайне нерационально затрачивают средства на поиски золота в таких местах, где его нет и следов.

Небольшое количество действующих мелких приисков района работает при следующих условиях.

В бассейне Анангры.

Прииск Счастливый, расположенный на самой Анангре; работа ведётся в правом борту долины неправильно разбросанными старательскими шурфами; выбираются только наиболее богатые места. Торфа – в среднем 2 сж. мощности. Золото, большей частью крупное, залегает гнёздами; содержание 1¼–2 золотника.

Прииск Благовещенский – на ключе того же имени, впадающем справа в Анангру. Узкий извилистый разрез по руслу ключа; торфов – около 10–12 чет-

верт[ей] арш[ина]; часть наноса, идущая в промывку пласта, равна 4–5 четвертям; содержание – от 60 долей до 1,5 золотника. Нередки самородки, достигающие иногда до 50 золотн[иков] весом.

В бассейне Тахтыги.

Прииск Аннинский – на Золотом ключе, впадающем справа в Каверу. Несколько больших неправильных ям, глубиной около 2-х саженей, в неслоистых речниках, содержащих местами очень крупные валуны; золото мелкое, пластинчатое, с окатанными краями, появляется приблизительно на глубине 1,25 сж.; содержание – около 70–80 долей.

Прииск Любавинский; на устье правого притока Тахтыги – Аикты. Россыпь наиболее близка к типу элювиальных; золото, хотя и небогатое; по словам управляющего прииском, среднее содержание по промывке 40 долей, но довольно постоянное. Разрез ведётся по руслу р[еки] Аикты, в промывку берётся нижняя часть галечникового наноса и разрушившиеся верхи коренных пород; торфа – не толще 1,5 сж. Золото мелкое, обтёртое, с примазками бурого железняка, «горелое»⁹.

Ивано-Николаевский прииск, небольшой старательский разрез на правом берегу р[еки] Тахтыги, почти у самого её русла. Промывают мелкие иловатые галечники, «речники», залегающие между крупными валунами, в большом количестве рассеянными по всему разрезу. Торфа – не более 2-х аршин; до коренных пород разрез не доходит; золото очень мелкое и сильно обтёртое; содержание крайне неравномерное, среднее – не выше 1 золотн[ика].

Все только что приведённые данные свидетельствуют о крайне жалком современном состоянии золотого дела в описываемом районе; как долго это будет идти и далее – сказать, конечно, трудно, но несомненно только, что среди данных геологического исследования имеется крайне мало фактов, которые могли бы способствовать поддержанию современных, более чем пессимистических взглядов на золотоносность Тахтыги и Анангры.

¹ Авторская рукопись расшифрована Н.П. Орловой. В настоящем издании сверена с ранее опубликованным вариантом отчёта: *Преображенский П.И.* Бассейны рек Тахтыги и Анангры // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. III. СПб, 1905. С. 45–58.

² Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956), геолог, географ, путешественник, писатель и популяризатор науки. Академик АН СССР. С начала 1900-х гг. – наставник и близкий друг П.И. Преображенского.

³ Герасимов Александр Павлович (1869–1942), геолог, географ, горный инженер. Председатель Всероссийского минералогического общества (1937–1942). В 1903 г. – сотрудник Геологического комитета. Наставник П.И. Преображенского в профессии.

⁴ Обозначение румбов (*N, north* – север; *S, south* – юг; *W, west* – запад; *O, ost* – восток). В данном случае соответствует направлению: юго-юго-запад – северо-северо-восток.

⁵ Сажень (устар.).

⁶ Округлые купола (фр.).

⁷ Черский Иван Дементьевич (1845–1892), русский исследователь Сибири, географ, геоморфолог, геолог, палеонтолог. Участник Польского восстания 1863 г.

⁸ Нелегальный старатель (ср. простореч. – хитник, хита, хитнический промысел).

⁹ Самородное золото, поверхность которого покрыта слоем бурого железняка.

№ 2 **ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА** **ИРКУТСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ**

1916 г.

Его высокопревосходительству господину Иркутскому генерал-губернатору¹
геолога Геологического комитета горного инженера Преображенского

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

Летом настоящего года я был командирован с утверждения господина министра торговли и промышленности в Иркутские Саяны, в Окинский район, для обследования месторождений меди и золота, привлёкших к себе за последнее время внимание промышленных кругов. К большому сожалению, оказалось, что сведения об этих месторождениях совершенно неверны и крайне преувеличены.

Месторождений меди, заслуживающих разработки, не найдено вовсе, и хотя не исключена возможность открытия таковых в будущем, но пока мы их ещё не знаем, и даже трудно сказать, где их следует искать.

Золото, несомненно, имеется в количествах, заслуживающих разработки, но целый ряд специфических особенностей в характере рудных долин и строении содержащих золото наносов делает то, что крупному капиталу идти в этот район не представляет интереса, и в ближайшем будущем здесь возможно возникновение лишь небольших предприятий. Работы мои по обследованию всех этих месторождений были сосредоточены главным образом в полосе, непосредственно прилегающей к границе Иркутской губ[ернии] и Урянхайского края (если принимать за таковой весь бассейн верхнего Енисея). Из целого ряда фактов мне пришлось убедиться, что полоса заведомо золотоносных пород развита не только по северную сторону водораздела Ока – Енисей, но переходит и на южный склон. Желание удостовериться, насколько далеко к югу заходит эта полоса, заставило меня предпринять поездку в пределы Урянхайского края, и здесь я натолкнулся на некоторые факты, о которых считаю своей обязанностью донести до сведения Вашего высокопревосходительства [...] по южную сторону водораздела заведомо золотоносные породы развиты, пожалуй, более мощно, чем на северном склоне, и целый ряд речек, стекающих к югу и принадлежащих к системам Енисея, несомненно содержат золото. При этом, по сравнению с реками, текущими на север, южные долины в своём строении имеют много выгодных особенностей, делающих вполне возможным применение таких машин, как драги и экскаваторы, к разработке предполагаемых россыпей. Последнее же обстоятельство может привлечь крупный капитал, так как при благоприятном сочетании условий механическая разработка россыпей, даже и не очень богатых, является весьма выгодным предприятием, несмотря на весьма крупные первоначальные затраты на оборудование.

Между тем до сих пор русские золотоискатели, и крупные, и особенно мелкие, прямо-таки боятся идти с поисками на южный склон из опасения встретить сопротивление со стороны монголов, и мне пришлось слышать об одном, не знаю, насколько достоверном факте, что будто бы монголы когда-то сожгли все постройки и выгнали людей с разведки [...]. Но даже относясь как к легенде к этим рассказам, нельзя не признать, что для опасений есть все основания и сейчас; если возможно говорить, что западная часть Урянхайского края открыта для русской промышленности, то восточная находится в крайне неопределённом положении, и хотя как район, входящий в систему рек, стекающих в Енисей, несомненно относится к Урянхаю и принадлежит, следовательно, России, но это чисто теоретически; в действительности, судя по ряду фактов, монголы там полные хозяева. Между тем громадная потребность в золоте, которую государство будет испытывать по окончании войны, заставляет правительство уже и теперь принимать все меры к тому, чтобы увеличить количество добываемого у нас золота, поэтому пренебрегать районом, несомненно могущим увеличить приток золота в Государственное казначейство, вряд ли возможно, и является крайне желательным как-нибудь дать возможность нашей золотопромышленности обосноваться у южного подножия Саян.

Нет сомнения, что капиталисты, готовые затратить известные средства на разведку в этом районе, легко найдутся, а тем более имело бы значение, если бы без опасений за себя могли двинуться на Саяны так называемые «хищники», т.е. вольные мелкие золотоискатели, эти лучшие пионеры в деле отыскания золотых россыпей.

Можно думать, что одной из мер, могущих способствовать развитию золотопромышленности в этом районе, было бы подчинение восточной части Урянхия компетенции Иркутского Горного управления, так как край этот легко доступен с восточной стороны и, следовательно, ближайшим административным центром является Иркутск.

Ещё более существенным было бы определённое признание со стороны высших властей, что для восточной части Урянхия действительны те же правила относительно горного дела, что и для западной, т.е. что все желающие заниматься в этом районе горным делом должны, не нарушая непосредственных интересов местных жителей, считаться лишь с соответственными законами Российской империи, а ни в каких предварительных разрешениях со стороны Монгольского правительства или в получении от него концессий не нуждаются.

Выводы эти, к которым я пришёл на основании кратких предварительных исследований, по возвращении в Петроград я буду иметь честь доложить господину министру торговли и промышленности, но предварительно я счёл себя обязанным представить на благовоззрение Вашего высокопревосходительства, так как такое довольно простое отношение к данному вопросу, основанное лишь на географических фактах, несомненно нуждается в значительных коррективах, и может быть, целый ряд соображений более широкого

масштаба заставит Ваше высокопревосходительство высказаться даже против возбуждения вопроса о проведении вышеуказанных мер.

Горный инженер П.И. Преображенский.

---

¹ В 1916–1917 гг. пост Иркутского генерал-губернатора занимал действительный статский советник Александр Иванович Пильц (1870–1944).

№ 3 КАК СНАРЯДИТЬ ЭКСПЕДИЦИЮ

Конспект лекций по полевой геологии, прочитанных в Пермском университете и Свердловском политехническом институте

1922–1924 гг.

*Mente et malleo*¹.

Кабинет и поле. Сбор и обработка. Методология того и другого. Лучший приём – практика. Настоящий курс – введение.

Крайнее разнообразие работы геолога: от геолога-путешественника до постоянного геолога рудников. Разнообразие снаряжения соответственно работе: от каравана со всеми принадлежностями до одной записной книжки и карандаша. Закрепление результата – карта, как *condito sine qua non*². Масса погибших работ без карты.

Компас. Записная книжка. Молоток. Зубило. Соответствие снаряжения поставленной задаче. Умение снарядиться, как залог успеха.

Понимание объёма задачи. Барон Толль³, Чурин.

Топографические познания для геолога. Умение сделать съёмку, соответствующую поставленной задаче. Умение читать карты и планы.

Картография в более широком смысле слова. Сближение с географами. Роль русских геологов как географов. Константиновская медаль Русского географического общества⁴.

Задачи, стоящие перед русскими геологами вообще. Задачи исследования Северо-Восточной России. Роль Пермского университета в этом направлении.

Исследования общего характера. Специальные исследования отдельных вопросов.

Геологические карты.

Международная, шестидесятивёрстная карта Европейской России, десятивёрстная, специальные карты более крупного масштаба, их географическая основа; вся неудовлетворительность в пределах Северо-Восточной России.

Недостаток астрономических пунктов. Отсутствие мензульных съёмок, отсутствие высотных данных. Их значение при спокойном залегании пород.

Гипсометрические карты. Данные нивелировок, их основное значение. Анероидные и гипсотермометрические данные. Необходимость их собирания и закрепления на картах.

Глазомерные съёмки, их роль. Ведение глазомерной съёмки горным компасом. Счёт расстояний (шаги, шагомеры, часы).

Собирание материалов. Геологический кабинет как справочное учреждение по имеющимся картам общего пользования при различного рода геологических работах.

Гипсометрическая съёмка.

Анероиды, их число, обращение с ними.

Ртутный барометр, гипсотермометр, барограф.

Сверка со станциями. Вычисления.

История геологических исследований России. Геологические исследования Приуралья.

Геологические учреждения России. Их задачи.

Съёмки мелкого масштаба, съёмки крупного масштаба. Постепенное увеличение масштаба.

Необходимость увеличения числа работников с ростом культуры.

Влияние общих исследований на решение социальных (прикладных) вопросов.

Примеры – гидрогеология (Романовский⁵), Донецкий бассейн и др.

Съёмки при специальных исследованиях. Мензула, тахеометр, секстант, компас с диоптрами. Разведочные данные, шурфы, бурение, колонки алмазного бурения. Промывка песков.

Методы нанесения на карту.

Карты горизонтов, пластовые карты. Данные рудничных планов.

Сбор материала – петрографического, палеонтологического. Мешки, наклейки, бумага, укупорка, пересылка. Эtiquетирование.

Записная книжка – формат, толщина, бумага, переплёт, приспособление для карандаша, карман. Метод записи, свободная страница для рисунков, нумерация обнажений, вытягивание карандаша чернилами. Чистота. Дневник.

Карандаш, его качество, номер. Цветные карандаши. Перо, дорожная чернильница, чернильный карандаш, «вечное перо».

Карты, их наклейка, формат. Ненаклеенные карты.

Прозрачный карман.

Компасы. Их системы. Фирмы.

Молотки, русские и заграничные, их номера, качество, ручка. Балда. Рулетка. Односаженная – узкая, стальная; 5- и 10-сажен[ная] тесьма металлическая. Зубила. Лупа.

Фотография, её необходимость. Умение пользоваться фотоаппаратом.

Собственное снаряжение.

Головной убор – лёгкость, широкие поля, сетки, дождь.

Чулок шведского типа.

Одежда – карманы.

Пояс – карманы для компаса, молотка и записной книжки.

Штаны – наколенники. Обувь – запасная обувь.

Непромокаемые куртки – свобода, брезент, химическая пропитка, масляное полотно.

Вьючное снаряжение.

Седло, высокий ленчик, мягкий потник, пришитый и сплошной потник, нагрудник и подхвостник, шлея. Ковка. Запасные подковы. Пути. Недоуздок.

Вьючные сумы, их типы, размеры, материал.

Вьючные ящики, кофры, размеры.

Брезентовые мешки. Брезенты.

Вьючная верёвка.

Ремонт вещей в пути.

Палатка, её размеры, тент, материал. Тип. Опорные колья, колья для верёвок.

Кровать – тип, вес.

Спальный мешок.

Стол, стул.

Оружие.

Вопросы продовольствия.

Рабочие – их число, соответствие задаче.

Проводники, их значение для географических названий.

Аптека, йод.

Распределение рабочего дня. Приведение в порядок собранных материалов. Днёвки.

Нанесение данных на карту. Американский метод точных съёмов. Прослеживание выходов. Вытягивание пласта. Оконтуривание месторождений. Прослеживание палеонтологических данных. Составление разрезов. Зарисовывание обнажений. Рисунок и фотография.

---

¹ Мысль и молоток (лат.). Международный девиз геологов.

² Непременное условие (лат.).

³ Барон Толль Эдуард Васильевич (1858–1902), русский геолог, арктический исследователь и организатор экспедиций.

⁴ Вручение Константиновской медали, высшей награды Русского географического общества, учреждённой в 1846 г., было приостановлено после 1929 г.

⁵ Романовский Геннадий Данилович (1830–1906), геолог, горный инженер, один из первых российских специалистов по механическому бурению.

После 16 апреля 1929 г.

Одним из сенсационнейших событий последней недели является известие об открытии Геологическим комитетом нефти на Урале. Факт этот даёт возможность строить настолько грандиозные планы реконструкции нашего хозяйства, что мы постарались проверить это известие из первоисточника, и поэтому можем сообщить следующее.

Уже давно в наших геологических кругах обсуждается идея о так называемом «диком» бурении на нефть, т.е. таком, которое производится в местностях, где нет решительно никаких признаков присутствия под землёю нефти и существуют лишь косвенные указания на то, что нефть, может быть, здесь найдётся. В России таким способом никто и нигде нефть не искал, но американцы, с их богатством капиталами и готовностью идти на крупный риск, давно уже применяют этот способ поисков нефти, и можно указать несколько крупных коренных месторождений, которые были открыты таким образом.

Особенно оживились споры на эту тему минувшим летом, когда старый, заслуженный работник нефтяного дела, инженер И.Н. Стрижов², вернувшись из поездки в Америку, в одной из своих газетных статей предложил совершенно серьёзно искать нефть по способу «дикого» бурения – под Москвой.

Мысль эта была для нас до того необычна и до того не вязалась со всем, что мы привыкли думать о месторождениях нефти, что на одном из заседаний И.Н. Стрижову был даже задан вопрос, что если уж он собирается искать нефть под Москвой, то не желает ли он заодно и сделаться испанским королём?

Но смеётся хорошо тот, кто смеётся последним, и то, что сейчас открыто на Урале, говорит за то, что для нас, СССР, с его необъятными пространствами совершенно не обследованных и не разведанных на глубину земель, идея «дикого» бурения вовсе не такая уж дикая, как это многим, может быть, казалось, и что мы можем наметить у себя некоторые районы, где попробовать поискать нефть очень не мешало бы.

Между прочим, одним из таких районов является западный склон Среднего Урала, и ведущий здесь от Геологического комитета разведочные работы геолог проф. Преображенский, один из защитников «дикого» бурения, давно уже пробовал убедить крупных работников наших высших хозяйственных учреждений отпустить средства на такое бурение, но... средства требовались большие, гарантии, что от их затраты будут получены какие-либо иные результаты, кроме научных, нельзя было дать никакой, и вопрос оставался висющим в воздухе.

Выручил случай: летом минувшего года при разведках на калийные соли была заложена одна скважина, находящаяся вблизи старинного русского поселения на р[еке] Чусовой – Верхний Чусовской Городок, верстах в 40 от впадения Чусовой в Каму.

По целому ряду причин скважина была спроектирована таким образом, чтобы ею можно было пройти до глубины 1000 метров, и она должна была явиться самой глубокой скважиной на Западном Урале. Средства на это были отпущены Главным управлением химической промышленности.

Начата бурением скважина была в октябре месяце [19]28 года. Породы, которые прорезывались ею, оказались очень твёрдыми, и бурение шло медленно. Чтобы прорезать некоторые особенно твёрдые пласты, пришлось прибегать к алмазам. Но всё это не представляло ничего неожиданного, и работа шла своим чередом, так что к концу марта было уже пройдено около 325 метров.

С глубины 328 метров начались уже неожиданности: прежде всего, резко изменился наружный вид пород, пошли чёрные, крепкие известняки, которые выше не встречались совершенно, а затем из скважины временами стали выделяться газы с запахом керосина, а по трещинам в образцах пород, извлечённых из скважины, можно было видеть густую нефть. Понятно, что на всё это было немедленно обращено внимание, бурение было взято Геологическим комитетом под усиленный надзор, и сведения о работе стали приходиться по телеграфу. К настоящему моменту получено уже довольно много донесений, свидетельствующих о том, что нефть, несомненно, имеется, и необходимо принимать меры к выяснению её запасов.

Скважина доведена до 400 метров глубины; начиная с 350 метров и до самого низу идут пористые, местами губчатые, известняки, выделяющие нефть и газы; нефть поднимается с водой из скважины и уже выслана в Геологический комитет для исследования. Факты эти свидетельствуют о серьёзности явления, и Геологическим комитетом уже приняты меры к возможно большему форсированию работ. Руководитель всего этого предприятия проф. Преображенский спешно выехал на Урал; туда же послано два оч[ень] крупных станка, предназначенных специально для бурения на нефть; сформирована уже специальная техническая группа для обслуживания значительно расширяющегося дела, и, таким образом, это открытие не останется лежащим втуне.

Пока ещё трудно предсказывать, как велико окажется это новое нефтяное месторождение, но перспективы его головокружительны, и нет ничего удивительного, что среди геологов уральская нефть и её открытие – главная сенсация последних десяти дней.

От железной дороги месторождение находится всего в 10 верстах, до г[орода] Перми и его заводов по просёлочной дороге около 50 вёрст, в 40 верстах на восток лежит крупный металлургический завод – Чусовской, а в таком же расстоянии на юго-восток – не менее крупный Лысьвенский завод; р[ека] Чусовая у Чусовских Городков доступна для пароходов. Словом, экономические данные настолько блестящи, что нет сомнения, что на выяснение всего этого дела будут направлены значительные силы и крупные средства, и можно думать, что к началу осени мы будем в состоянии сообщить нашим читателям, что же из себя представляет в действительности для нашего хозяйства эта пока ещё лишь многообещающая уральская нефть.

¹ Неопубликованная статья в газету «Ленинградская правда», написанная от третьего лица. Расшифровка С. Федотовой и А. Нерослова по фотокопии рукописи (Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1432. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6).

² Стрижов Иван Николаевич (1872–1953), геолог-нефтяник, основатель газовой промышленности в Российской империи и СССР. В 1929 г. – старший директор нефтяной промышленности, председатель Научно-технического совета нефтяной промышленности Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР.

№ 5 МОИ МЕЧТЫ

Москва

2 июля 1942 г.

Я считаю, что первое, что НКХП¹ необходимо, это правильная организация дела. Количество вопросов, которые приходится разрешать при использовании естественного сырья, в системе НКХП настолько велико, что сколько-нибудь хорошо разрешить их невозможно, располагая теми силами и оборудованием, которые имеются в распоряжении наркомата в настоящее время.

Совершенно необходим или специальный геологоразведочный отдел при наркомате, или, как в других ведомствах, Главное управление, которому должны быть подчинены все организации, ведающие геологоразведочными работами и производящие их.

Соответственно этому необходимо иметь и единый Научно-исследовательский институт горнохимического сырья. Институт этот должен и вполне может быть штабом наркомата по сырьевым вопросам. Естественно, что он должен помещаться в Москве, хотя это не мешает ему иметь филиалы не только в Ленинграде, а и в более мелких республиканских центрах, если это будет признано необходимым.

Руководящие геологоразведочным делом в системе НКХП лица должны твёрдо стоять на установленном к настоящему моменту положении: региональная съёмка и поисковые работы – это обязанность системы по делам геологии; НКХП как отраслевой наркомат ведёт работы на уже открытых месторождениях, и если занимается съёмками, то только районов месторождений. Это позволит значительно сократить исследовательский аппарат центрального института и избавит его от вредного параллелизма работы, до сих пор имеющего место в нашем геологоразведочном деле.

Г[еолого]р[азведочные] организации системы НКХП должны быть совершенно заново оборудованы по-современному. То, что у нас делается сейчас, нельзя назвать иначе как нищенством. Мы за свою необорудованность платим тем, что в течение трёх лет не можем начать строить Стерлитамакский содовый завод, что не смеем даже приступить к разрешению ряда животрепещущих вопросов, имеющих самое непосредственное отношение к делу обороны, что оставляем без движения удовлетворение многих назревших потребностей химической пром[ышленнос]ти СССР.

Темпы нашей современной работы при разведках прямо недопустимые, но если мы попробуем посмотреть, какое из ведомств общесоюзного значения имеет худшее, чем система НКХП, разведочное оборудование, то, пожалуй, окажется, что мы занимаем самое последнее место. Понимание роли обеспечения предприятия сырьём никогда не было в числе достоинств НКХП, а отсюда и все качества как в организации геологической службы в наркомате, так и в вопросах технического её оборудования.

Какие вопросы перед нами стоят? Что для их разрешения надо сделать? Я считаю, что сейчас у нас наметились совершенно определённо несколько районов, в которых геологоразведочные и исследовательские работы будут идти независимо от каких бы то ни было тенденций руководства предприятия, существующими в этих районах, и поэтому необходимо иметь ясное представление, ради чего мы будем работать в этих местах и какие цели мы там будем преследовать. Сейчас, к сожалению, так называемая связь с промышленностью выливается иногда в зависимость проведения той или иной исследовательской работы от понимания её директором или главным инженером того предприятия, где ведётся эта работа, что едва ли служит пользе дела. Поэтому у геологоразведочных работ должен иметься большой 15-летний план, целиком связанный с 15-летним планом развития всего народного хозяйства, и план этот должен проводиться достаточно твёрдо и систематически. По отношению к химии, я должен сказать, что такого плана у нас никогда не было. Я связан довольно тесно с органами, ведающими химической промышленностью, с 1925 года. За это время я не раз пробовал добиваться даже от достаточно высокостоящих руководителей этой промышленности указаний, на какой масштаб добычи необходимо ориентировать разведки отдельных полезных ископаемых по линии горнохимического сырья, и, увы, ни разу ответа не получил.

Нам необходимо иметь план развития химической промышленности, и план на достаточно длительный период, так как только при этих условиях мы сможем поставить рационально нашу геологическую службу и вовремя обеспечить предприятия нужными запасами сырья. Однако мечтать во время войны, что кто-то позволит заниматься 15-летним планом развития нашего хозяйства, и в том числе химии, ясно, не приходится, поэтому мы должны будем пойти от обратного – от наших уже теперь наметившихся возможностей, и в этом тоже будет определённый смысл, так как без этих данных 15-летнего плана всё равно не построишь.

Богатейшим по своим возможностям я считаю Верхне-Камский район. Проведённые здесь в течение [19]39 и [19]40 годов изыскания так называемого Соликамского гидроузла показали полную возможность создания здесь гидроэлектростанции мощностью в 600 000 кВт, что будет также соединено с полной реконструкцией водного пути в пределах верхней Камы и доведения её глубин в наиболее мелких местах до 2,8 м. Далее, открытие больших запасов газа в месторождениях верхней Ижмы (200 км к северу от Соликамска) и проект создания газопровода от Ижмы до Молотова и его заводов; газопровода, который не может, конечно, не быть использован на руд-

никах и заводах Соликамско-Березниковского района, представляет с точки зрения интересов химической промышленности первостепенное явление. Газ Ижмы – почти чистый метан, т.е. исходный материал для синтеза ряда продуктов. Я в последнюю очередь говорю о колоссальных запасах хлористых магния, калия и натрия, имеющихся в этом районе, как о фактах общеизвестных. Всё перечисленное должно заставить НКХП уже теперь начать строить самый широкий план использования богатств Верхне-Камского края – в комплексном разрезе.

Приходится подчёркивать последнее обстоятельство, так как на нём, или, вернее, за несоблюдение этого принципа, мы сейчас переплачиваем большие деньги и теряем в темпах работы: как известно, Верхне-Камская залежь состоит из сильвинита и карналлита. Промышленность начала использование залежи сильвинита и рассматривала все попытки исследовательских организаций по детальному изучению карналлитовой части залежи как чисто теоретическое занятие, не вызываемое потребностями промышленности; как следствие, получилось, что когда понадобилось глубокое понимание карналлитов, то его не оказалось, и это изучение пришлось начинать сначала.

Я бы хотел сказать, что этого понимания нет и сейчас. Более того, то, что сделано к настоящему моменту, заставляет подозревать, что, по-видимому, качество карналлитов с севера на юг понижается. Это настолько важно, что требует решительного ответа, так как от этого будет зависеть решение, где мы должны строить следующие заводы для добычи магния.

Разведка [19]42 года на Белой Пашне должна ответить нам, действительно ли южная часть м[есторожде]ния обладает такими богатыми пластами сильвинита, какие были обнаружены одной нефтяной разведочной скважиной, данные по которой сохранились в недостаточных размерах. Если эти данные подтвердятся, то нет сомнения, что строительство дальнейших рудников для сильвинита должно сдвинуться на юг от Березников. Для этого края мы не имеем топографических карт достаточного большого масштаба; геологические съёмки имеются только рекогносцировочные; разведка соли здесь впервые проводится в [19]42 году и имеет тоже рекогносцировочный характер. Скважина, между прочим, должна осветить и вопрос о качестве карналлитовой части залежи на юг от Березников.

Необходимо, чтобы наркомат нефти занялся систематическим изучением правобережья Камы.

Нефтеносный Верхне-Камский район изучен до Добрянки (120 км к югу от Березников) и затем около Чердыни (90 км к северу от Соликамска). Участок правобережья Камы, в 200 км протяжением – от Чердыни до Добрянки, наиболее интересный для НКХП, как лежащий против калиеносного района, изучению даже рекогносцировочному не подвергался, и необходимо уже теперь начать его исследование, занимающее в лучшем случае не менее трёх лет, пока будут выявлены площади для глубокого эксплуатационного бурения. Чтобы не оказаться неподготовленными, когда дело дойдёт до возможности осуществления глубокого разведочного бурения, работу надо начинать заблаговременно.

Что даст нам правобережье Камы – нефть или газ – сказать трудно. Вернее – первую. Если судить по Краснокамску, то нефть здесь будет находиться на большой глубине – до 1500–2000 м и едва ли будет обильной (тонн 10–20 в сутки на скважину), но всё это на основании аналогий, которые могут и не подтвердиться. Присутствие нефти на правом берегу Камы, против калийных м[есторожде]ний Соликамска и Березников, не вызывает сомнений. Всё дело в глубине залегания и мощности залежи, а это может решить только глубокое бурение, точку для которого необходимо обосновать достаточно солидно.

Другой перспективный вопрос – это нахождение угля к востоку от калийного района. Севернее Луньевки продуктивные пласты Кизеловской каменноугольной свиты ныряют под вышележащие известняки и не найдены до Вишеры, где они уже оказываются неинтересными для промышленного использования. Необходимо, чтобы Комитет по делам геологии или Углеразведка обсудили вопрос о рекогносцировочном бурении на уголь против Соликамска или Березников, к востоку от них, и раз и навсегда решили задачу о возможности иметь каменный уголь в непосредственном соседстве с предприятиями системы НКХП. Я считаю разрешение этой задачи настолько важным, что предложил бы отпустить на это средства из кредитов даже [19]42 года (из неиспользованных средств), чтобы только то или другое из названных учреждений поставило названные работы.

Количество более мелких вопросов, касающихся м[есторожде]ний карналлитов и сильвинитов Верхне-Камского района, весьма велико, и здесь вырисовываются задачи не только геологического характера, но и уже гораздо более прикладные, или, вернее, касающиеся не строения и условий залегания пластов солей, а их разработки, и как одно из предложений, которое, несомненно, должно рано или поздно получить своё разрешение, это учреждение в составе ли ВИГа², а лучше в составе того единственного Института горнохимического сырья, который когда ещё будет, горноисследовательской группы. Наблюдая, что делается сейчас на карналлитовых участках работ Первого калийного рудника, я считаю совершенно необходимым внести творческую мысль в эти действия, которые никакими официальными инструкциями на рациональный путь вывести невозможно, а в послевоенное время, при остром недостатке людей – и подавно.

Так как количество геологоразведочных и исследовательских работ, идущих по линии изучения местного сырья в Верхне-Камском районе, всегда было и будет достаточно велико, то правильно было бы основать, хотя бы и не сию минуту, в этом районе базу г[еолого]р[азведочной] службы НКХП в виде станции постоянного типа, принадлежащей Институту горнохимического сырья, со складом бурового оборудования и ремонтными мастерскими для него. Когда мы поймём необходимость организации показательных горнопроходческих бригад, которые сейчас в системе Наркомугля или Наркомчермета разъезжают по рудникам их системы и показывают, как надо работать в каждом отдельном случае, то необходимость такой базы ещё более вырисовывается, так как работа подобных бригад является своего рода исследованием и должна быть связана с деятельностью той горной группы, которая, по моему мнению, должна быть учреждена в составе Института горнохимического сырья.

Недостатками Верхне-Камского калийного м[есторожде]ния являются его местоположение, достаточно отдалённое от районов потребления главных масс калия, и наличие только хлористых соединений калия и магния. Это обстоятельство уже теперь заставляет нас думать и работать над освоением других наших калийных районов, и из них пока наиболее обещающим является, несомненно, Индерское борато-калийное месторождение. М[есторожде]ние это, с геологической точки зрения, является уникальным в мировом масштабе, так как бораты в нём, по всем данным, связаны с отложением морских солей и представлены в количествах, не наблюдавшихся в таком сочетании ещё нигде в мире.

Основная беда Индера, не позволяющая развёртывать здесь работы в том масштабе, как заслуживает это м[есторожде]ние, это отсутствие железной дороги. Индер лежит на давно намеченной трассе ж. д. Александров Гай – Чарджоу. Ещё в самые первые годы революции от Александрова Гая до Индера были не только проведены изыскания дороги, но и сделаны все земляные работы на этом участке, сохранившиеся до сих пор. Однако рельсы здесь никогда не были положены, равно не были сделаны искусственные сооружения и не построены мосты. Сейчас Индер расположен в 120 км от ст. Магат Гурьев-Кандагачской ж. д. и около 320 км от Александрова Гая. Как ни интересен Индер, но если не будет решён в первую очередь вопрос о постройке дороги, которая бы соединяла Индер со всей сетью железных дорог Союза, на Индере ничего серьёзного делать нельзя, и наоборот, стоит это сделать, и роль Индера сразу же станет настолько крупной, что трудно не упустить что-нибудь, перечисляя все возможности этого своеобразного м[есторожде]ния.

По боратам Индер – единственное серьёзное м[есторожде]ние, которое имеет СССР, и пока мы его разрабатываем самым хищническим образом. До первичных боратовых руд мы ещё не добрались, они, по-видимому, будут представлены некоторыми борными минералами, примешанными в небольшом количестве к калийным солям, встречающимся на этом м[есторожде]нии, и мы рано или поздно будем добывать бор из калийных руд после извлечения калия. Но кроме того, на Индере имеется масса бедных – от 0,5 до 10% B_2O_5 – боратовых руд, и они, конечно, должны быть пущены в ход. Озеро Индер обладает громадными запасами исключительно чистой поваренной соли, известной своими высокими качествами и интересной в том отношении, что получение её более легко, чем баскунчакской гранатки. Соль эта среднезерниста и сплошь рыхла, т.е. может добываться землесосами, экскаваторами, словом – всякими механическими приборами, и прямо поступать в вагоны железной дороги.

Так как уже рядом скважин доказано присутствие на Индере залежей калийных солей, то сейчас готовится площадь, на которой должен быть заложен первый калийный рудник. Следует вперёд знать, что индерская калийная залежь будет обладать очень сложной тектоникой, поэтому здесь совершенно нельзя говорить о рудниках соликамского типа с производительностью в 1.000.000 тонн и более. Особенно это касается первого рудника, который будет в значительной мере разведочно-эксплуатационным предприятием, и поэтому не должен рассчитываться более чем на 150–200 тыс. тонн ежегодной добычи сырых руд.

На Индере обнаружены и сернокислые калийные руды (глазерит), но всё же преобладает пока сильвинит, иногда очень богатый; имеются также полигалит и карналлит. Поэтому пока мы не можем сказать, что на самом Индере мы будем иметь достаточно материала для получения сернокислых калийных удобрений, необходимых для южных технических и цитрусовых культур. Поэтому получает совершенно специфическое значение добыча в значительных размерах на Кара-Богазе эпсомита (семиводный сернокислый магний), полная возможность такого производства уже доказана Блумбергом. Тогда, доставляя сильвинит с Индера на Кара-Богаз и перерабатывая там его с эпсомитом на так наз[ываемую] калимагнезию, мы сможем обслуживать Кавказ и Зап[адный] Туркменистан уже не хлористым, а сернокислым калием. Но калийные рудники на Индере мы сможем создать только в том случае, если на Индер пойдёт железная дорога.

Так как на Индере имеется соль, мел (в очень большом количестве) и вода (р[ека] Урал), то Индер представляет, несомненно, удобную точку для построения содового завода.

Интересным является факт открытия в 1940 г[оду] на Индере сотрудником ВИГа Яржемским³ естественных цементных известняков, причём имеются они здесь в весьма значительных количествах.

Известен также факт присутствия в рапе озера Индер брома.

Всё это делает Индер глубоко интересным в промышленном отношении, но большая часть этих естественных богатств не может быть использована, если на Индер не будет проведена железная дорога.

Другое обстоятельство отрицательного характера, которое не исчезнет и с проведением железной дороги, это отсутствие местного топлива. Нефть на топливо, конечно, не дадут, и надо рассчитывать или на мангышлакский уголь, или искать уголь в окрестностях Индера, что не исключено, или наконец, идти по линии поисков газа. Последнее надо делать в направлении к западу. Дело в том, что пространство между Александровым Гаем и Индером известно своими многочисленными выходами естественных газов и заслуживает в этом отношении самого живейшего внимания.

Следует поставить как определённую задачу систематическое изучение на газ всей трассы пути Александров Гай – Индер с тем, что если будет установлено здесь наличие достаточных м[есторожде]ний газа, то должен быть проведён газопровод на Индер, и тогда последний имеет шансы превратиться в мощный промышленный узел.

Я считаю совершенно необходимым поставить широкие поиски боратов и калия и на соляных куполах, соседних с Индером, но эта задача системы Комитета по делам геологии, и НКХП должен взяться за это дело, если комитет откажется от решения этой задачи или окажется неспособным разрешить её, что предполагать нет никаких оснований.

Нет сомнений, что не только Индер, но и ряд других соляных куполов, расположенных в пределах Прикаспийской низменности, обладают в своём составе калийными залежами. В этом отношении особенный интерес пред-

ставляют купола, лежащие около линий железных дорог, прорезывающих низменность. Следует поэтому, особенно пока Индер не связан с остальным миром железной дорогой, пустить в буровую разведку такие купола, как эльтонский, затем расположенные около города Уральска, на дороге Уральск – Соль-Илецк, и т.п. В эти поиски должен включиться и НКХП, так как если всё свалить на Комитет по делам геологии, то ясно, что в достаточно короткое время ему этой задачи не одолеть. Во всяком случае, следует заранее составить себе план развития поисково-разведочных работ на калий в этом районе и договориться, кто что будет делать.

Средняя Азия. По количеству соляных месторождений представляет одну из наиболее богатых ими областей Союза, но, с одной стороны, большинство этих м[есторожде]ний расположено вдали от железных дорог, и во-вторых – представляют или озёра, или м[есторожде]ния твёрдых солей, сложенных преимущественно одним хлористым натрием. Частично (тяньшаньские месторождения) сложены сильно загрязнённой каменной солью и сульфатом натрия, но калийные м[есторожде]ния, имеющие сколько-нибудь серьёзное значение, установлены только в юго-восточном Туркменистане, причём здесь встречается только сильвинит, бедный по содержанию калия (в среднем не выше 20%). М[есторожде]ния эти расположены в пустынных районах, и надо найти ещё пути рационального использования этого сырья, так как обычная технологическая схема переработки сильвинита при недостатке на месте топлива, при бедности руды калием и при среднеазиатских климатических условиях совершенно неприменима. С другой стороны, в пределах Средней Азии находится целый ряд м[есторожде]ний, играющих роль в составе сырьевой базы предприятий системы НКХП (почти вся сера, фосфориты Кара-Тау, мышьяк, бариты), и естественно, напрашивается мысль, что здесь вполне уместно иметь базу единого Института минерального сырья, чтобы при её помощи обслуживать исследованиями как уже работающие предприятия, так и вступающие в эксплуатацию м[есторожде]ния.

Необходимо обратить внимание на то, что в Средней Азии, несмотря на давно обрисовавшуюся нужду в заводах основной химической промышленности, последних не имеется.

---

¹ Народный комиссариат химической промышленности СССР.

² Всесоюзный институт галургии (ВИГ), впоследствии – ВНИИгалургии.

³ Яржемский Яков Яковлевич, выдающийся петрограф. В годы войны занимался комплексным исследованием боратов и солей на Индере (Казахстан). Первооткрыватель минерала преображенскит, названного им в честь П.И. Преображенского.

**№ 6 АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
НА ПРОЕКТ УСИЛЕНИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ ГЕОЛОГИИ ПРИ СНК СССР¹**

Лето 1942 г.

Как советский гражданин и человек, имеющий за собой 47-летний опыт работы в геологоразведочном деле, непосредственно соприкасавшийся с различными формами государственного контроля в своей деятельности, я самым настойчивым образом возражаю против проекта усиления геологического контроля, выдвигаемого Комитетом по делам геологии при СНК СССР¹.

Исключительно большое предвоенное расширение геологоразведочных работ всякого рода, при несогласованном увеличении квалифицированных кадров для их выполнения и сплошь и рядом при крайне недостаточной технической базе, естественно, привели к понижению средней качества геологических работ, в том числе и проводимых системой Комитета по делам геологии. Но было бы более чем неосторожно бороться с наметившимися дефектами путём увеличения предварительного технического контроля работ. Вести гигантское хозяйство СССР далеко не просто, и по ряду причин для него неприемлем ряд упрощённых методов, используемых частновладельческими предприятиями. Но свести борьбу с недостатками к ложному, детальному, предварительному контролю, который неизбежно выльется в громадное увеличение формальных бумажных действий, это явится не улучшением дела, а его тормозом..

Основные задачи, которые, как и перед всей промышленностью, стоят перед геологоразведочным делом, и которые только двинут его по-настоящему вперёд, это рост производительности труда и усовершенствование техники производства, и ни та, ни другая задача предлагаемым проектом комитета не разрешается ни в малейшей степени. Нам нужны исключительные темпы работы, чтобы исправить весь тот ущерб, который нам уже принесла и ещё принесёт война, и чтобы двинуть наше хозяйство на новую ступень, на которую мы должны встать после победы, а проект предполагает направить громадное количество и так недостающих нам высококвалифицированных кадров – иначе контроль, предлагаемый комитетом, потеряет смысл – не на работу, а на её критику. Естественно, должно получиться неизбежное замедление работы, понадобится отвечать на многочисленные запросы, тратить время и опять-таки кадры на эту сторону дела, и, что ещё хуже, даст возможность прятаться за выполнением форм людям, которые более всего будут бояться как бы чего не случилось.

Проект намеревается снабдить систему комитета громадными правами в геологоразведочном деле, но все эти предположения основаны не на опыте уже проведённой работы, а на неудовлетворительности действия уже суще-

ствующей системы геоконтроля и на вере, что её усиление даст желаемый результат.

Между тем мы имеем опыт блестящих скоростныхстроек военного времени, опыт прекрасно проведённых разведочных и других геологических работ, на которых ни в какой мере не было применено то, что предлагает комитет. Но вместо того, чтобы изучить и использовать этот опыт, предлагается увеличить и усложнить контроль. Между тем бороться с недостатками контрольных организаций исключительно трудно, и приходится быть крайне осторожным при увеличении их прав.

---

¹ Совет народных комиссаров, высший орган исполнительной и распорядительной власти СССР и союзных республик в 1923–1946 гг.

№ 7 ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В СНК СССР ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПИЩЕВОЙ СОЛЬЮ КИРГИЗСКОЙ ССР (черновик)

Декабрь 1942 г.

Киргизская ССР в довоенное время почти всю свою пищевую соль получала от месторождений, находящихся на весьма значительном расстоянии от местных центров потребления.

Хотя в пределах республики имеется несколько крупных месторождений, но все они сложены солью, сильно загрязнённой примесями ила и сульфата натрия, так что в среднем из сырой руды может быть извлечено не более 40–50% пищевой соли. Это обстоятельство, а также отдалённость от железной дороги препятствовали более широкому использованию имеющихся залежей, и дело ограничивалось лишь кустарной добычей грязной соли, шедшей на подкормку животных, и небольшими варницами, использовавшими имеющиеся кое-где соляные источники.

Необходимость перейти на собственное солеснабжение заставила обратить усиленное внимание на расположенные наиболее близко к железной дороге соляные месторождения, и среди них в особенности на крупную соляную залежь Джелды-Су, находящуюся в 20 км от ст[анции] Кант Турк[естано]сиб[ирской] жел. дор. и в 38 км от г. Фрунзе¹.

Как только добыча сырой соли на этом месторождении была поднята до 3 тыс. тонн (в 1941–1942 гг.), тотчас же сказалась полная неизученность и неразведанность этого месторождения и его неподготовленность для промышленного использования.

Наркомату местной промышленности Киргизской ССР, ведающему добычей соли на Джелды-Су, пришлось поэтому братья за совершенно несвойственные ему исследовательские задачи и ставить на разрешение основные

вопросы – геологические структуры месторождения, для чего не хватает технических средств не только у самого Наркомата местной промышленности, но и у Киргизского геологического управления, занятого до сих пор главным образом разведкой редкометаллических и угольных месторождений.

Потребность Северной Киргизии и Южного Казахстана в соли заставляют рассматривать месторождение Джелды-Су как наивыгоднейший источник соленоснабжения для всего района влияния железной дороги от ст[анции] Арысь до Алма-Аты, почему необходимо при организации добычи соли из этого месторождения исходить из потребности пищевой соли по меньшей мере в 10 тыс. тонн ежегодно. Учитывая вместе с этим и потребность кормовой соли для животноводства, следует продукцию соляного рудника Джелды-Су намечать равной приблизительно 50–60 тыс. тонн ежегодно. Для обеспечения промышленными запасами рудника такой производительности, имея в виду сложную структуру месторождения Джелды-Су, понадобится не менее 2–2,5 тыс. пог[онных] метров буровых скважин стоимостью 800–900 тыс. рублей, которые необходимо распределить на срок не более двух лет.

Исходя из вышеизложенного, Совет народных комиссаров Киргизской ССР просит Совет народных комиссаров СССР предложить Комитету по делам геологии при СНК СССР выделить Киргизскому геологическому управлению соответствующее ассигнование и буровое оборудование для проведения геолого-разведочных работ на Джелдысуйском м[есторожде]нии каменной соли.

Другая часть затрат по подготовке добычи соли на Джелды-Су будет исходить из необходимости перевести грязную соль этого м[есторожде]ния в стандартную, пищевую.

Путь для этого – растворение добытой горными работами соли, очищение полученного рассола от нерастворимого остатка и сульфата натрия и осаждение соли из раствора путём солнечного или огненного выпаривания. Технология этих процессов в приложении к условиям м[есторожде]ния Джелды-Су также совершенно не изучена, и для получения практических коэффициентов, необходимых для проектирования соляного промысла, должен быть произведён значительный ряд наблюдений и опытов, которые также следует закончить в течение ближайших двух лет. Общая стоимость намечаемых изысканий этого рода определяется в 400 тыс. руб.

Эти средства СНК Киргизии просит отпустить Наркоместпрому² Киргизской ССР на 1943–1944 г[оды] для производства подготовительных работ по составлению проекта создания соляного промысла на м[есторожде]нии Джелды-Су.

---

¹ Ныне – Бишкек, столица Киргизской Республики.

² Народный комиссариат местной промышленности.

№ 8 ОТЧЁТ О ВЫПОЛНЕНИИ ПРОЕКТНЫХ РАБОТ НА УЧ-ИМЧЕКСКОМ МЫШЬЯКОВОМ РУДНИКЕ Фрунзенская область, Киргизская ССР

После 13 февраля 1943 г.

Зам[естителю] нач[альника] Главгорхимпрома¹ т. Ивлеву С.Н.

По получению Вашей телеграммы [...] я 7–13 февраля вторично посетил Уч-Имчек² и ознакомился с ходом дел по выполнению работы, взятой на себя ВИГОм, согласно Вашему распоряжению.

Как я уже Вам сообщал, сотрудники ВИГа не имеют обуви и тёплой одежды. На руднике нет совершенно освещения и резко недостаёт дров, отсутствуют калька и самые обыкновенные чертёжные принадлежности – треугольники, готвальни, линейки, тушь и т.д. Всё это самым отрицательным образом влияет на работу и вызывает многочисленные простои.

Тем не менее, дело движется, и можно думать, что намеченные нами сроки работ будут соблюдены.

В ходе работы выясняется ряд обстоятельств, неизвестных ранее, и в общем приходится сказать, что начатая ВИГОм работа является лишь первым этапом по приведению в порядок геологоразведочного и технического хозяйства рудника.

Начав составлять погоризонтальные планы и вертикальные разрезы рудного тела (№ 1), на котором должны быть сосредоточены очистные работы [19]43-го и следующих ближайших лет, сотрудники ВИГа наткнулись на полное отсутствие первичной документации многочисленных выработок, которыми пересечено это тело. Ввиду требований главка дать возможно скорее планы горных и геологоразведочных работ на [19]43 год, пришлось отложить совершенно необходимую работу по зарисовке стенок выработок и сосредоточить внимание на лишь возможно точном оконтуривании массива руды, который намечается к разработке в первую очередь. Это потребовало большой маркшейдерской и чертёжной работы, которые в обстановке Уч-Имчека подвигаются с большими задержками.

В настоящий момент тело № 1 графически выявлено достаточно полно, и его объём может быть определён с точностью, достаточной для составления проекта по разработке этого массива руды. Вместе с этим совершенно очевидно, что действительный запас кондиционной руды в этом теле остаётся недостаточно определённым, так как никаких наблюдений и опытов по определению процента выхода кондиционной руды из единицы объёма рудного тела до сих пор не проводилось и приходится при построении проекта разработки чисто условно выбрасывать 30% объёма рудного тела как уходящую в потери часть, причём без всякого обоснования.

Добытая руда, за невозможностью её вывезти, складывается на руднике. Однако точное количество металла в добытой руде далеко ещё не известно, так как нет установленного главком минимума содержания, при котором руда признаётся ещё таковой.

Поэтому когда в задании руднику говорится о том или ином количестве тонн руды, то, во-первых, необходимо знать нижний предел содержания металла, при котором добытая масса может ещё признаваться рудой (хотя бы при условии оставления пока на руднике наиболее низких сортов руды). Должен также быть дан средний состав (по металлу) тех количеств руды, которые назначаются главком к добыче в течение данного года. Наконец, как учитывается это количество руды – на складе, на руднике или погруженное в вагон?

Чтобы ВИГ мог во всех этих вопросах помочь не только руднику, но и главку, нужно провести большое количество наблюдений и опытов, при этом массовое опробование руды должно играть оч[ень] большую роль. Между тем самая, казалось бы, простая часть процесса опробования – дробление пробы и подготовка её для анализа – поставлена на руднике и вообще в рудоуправлении настолько слабо, что сейчас является самым узким местом исследований. Проб надо делать оч[ень] много, точные данные по содержанию металла могут быть получены лишь при соответствующем известным формулам объёме проб. Если всё делать как следует, то получаются такие количества руды, что дробить её до тонкого порошка ручным путём – это значит завести чуть ли не дробильный цех ввиду твёрдости руды. Не удивительно, что дело опробования на руднике и далее при отправке руды на завод сильно снизилось и приняло уже недопустимую форму. Отсюда постоянные разногласия в анализах между рудоуправлением и заводом, на который поступает руда, причём главк едва ли может сказать, чьи цифры более точны, так как неизвестна и методика взятия проб, применяемая заводом.

По плану геологоразведочных работ.

Проведённое ознакомление с м[есторожде]нием, хотя и делалось в зимнее время и без достаточно детального осмотра ближайшей к руднику площади, заставляет высказать предположение, что Уч-Имчек является м[есторожде]нием, допускающим значительные капиталовложения. Однако это положение должно быть вполне обосновано цифровыми данными. Так как пока этих данных более чем недостаточно и требуются оч[ень] крупные средства для их получения, то необходимо иметь какую-то общую схему геол[ого]разведочных работ, которые должны быть проведены на Уч-Имчеке.

Схема работ, выдвигаемая нами, такова: на первый план мы ставим промышленную разведку (бурением), которая должна повысить запасы руд м[есторожде]ния более высоких категорий. Придётся провести ряд скважин различной длины, общим метражом на 1943 год – 1000 м, концентрируя их на тех частях м[есторожде]ния, которые, по имеющимся сейчас данным, могут быть наиболее скоро пущены в эксплуатацию. [...] Задача этой части разведок – увеличить до возможных пределов и с наименьшими расходами объём запасов руды высоких категорий, на основе которых могла бы идти, не особенно меняясь как в своём объёме, так и механизации, эксплуатация Уч-Имчекского м[есторожде]ния в ближайшие 2–3 года.

¹ Главное управление горнохимической промышленности СССР.

² Уч-Эмчек (кирг. Уч-Эмчек).

**№ 9 ОТЧЁТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО ГЕОЛОГА ВИГ
ПРОФ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
[...] с 27 октября 1942 года по 1 апреля 1943 года**

Фрунзе

4 апреля 1943 г.

Прибыв в Джамбул 27 октября 1942 г[ода], я застал там глав[ного] инж[е-
нера] Главгорхимпрома т. Ивлева и нач[альника] отд[ела] капитальных соору-
жений того же главка Белякова Ф.С., которые ещё до моего приезда, встретив-
шись на железной дороге с зав[едующим] производственным отделом ВИГа
т. Галушко Н.О.¹, предложили ему в порядке командировки от ВИГа принять
участие в инспекторском объезде предприятий НКХП, расположенных около
Джамбула, то есть горнохимического комбината [в] Кара-Тай и мышьякового
рудника Уч-Имчек.

В результате осмотра этих предприятий т. Ивлев предложил мне, как пред-
ставителю ВИГа, заключить с указанным предприятием договор на проведение
главным образом консультационных и экспертных горных и проектных работ,
крайне необходимых, по мнению т. Ивлева, для приведения планового хозяй-
ства названных предприятий в должный вид.

На созванном т. Ивлевым совещании, на котором участвовали представите-
ли обоих предприятий, задания, даваемые ВИГу, были уточнены и вместе с тем
был намечен целый ряд других заданий, за выполнение которых должен был
взяться ВИГ в 1943 [году].

По сути предложенные т. Ивлевым работы в значительной степени вы-
ходили из рамок обычной деятельности ВИГа, но наличие в распоряжении
Средне-Азиатской группы ВИГа лиц, которые могли выполнить намеченные
совещанием работы, и очевидная большая необходимость для Главгорхим-
прома и НКХП вообще в этих работах заставили меня согласиться с предло-
жением т. Ивлева и этим перейти, в сущности, на реализацию проекта едино-
го Института [горно]химического сырья, о котором уже столько времени идут
разговоры в НКХП.

Первый договор был заключён с «Каратаустроём» на 32 тыс. р[уб.], причём
следует отметить крайне внимательное отношение, которое встретили сотру-
дники ВИГа и вся их работа со стороны директора комбината т. Микетона Е.И.,
последовавшее скорое назначение которого на другую работу приходится рас-
сматривать как очень печальный для интересов Средне-Азиатской группы факт.
Копия договора с «Каратаустроём» дирекции ВИГа выслана.

Последующее время, с 6 ноября (отъезд т. Ивлева в Москву) по 22 ноября
1942 [года], было употреблено мною на установление связей с местными вла-
стями и организациями и на совещание с работниками Ср[едне-]Аз[иатской]
партии и нач[альником] Таласской партии Валяшко², привёзшим известие об
открытии им на оз[ере] Туз-Куль³ громадной залежи генардита.

22 ноября 1942 года выехал во Фрунзе... [...] Отчасти на основе данных, собранных Н.О. Галушко, отчасти на основе собственных наблюдений и ознакомления с фактическим положением дела, пришлось довольно быстро прийти к выводу, что на Джелды-Су, при всём весьма благоприятном экономическом положении этого месторождения, всё надо начинать сначала, и что ВИГ может во всём этом деле играть лишь роль основного консультанта, но никак не исполнителя работ, которые, прежде всего, должны состоять в разведочном бурении.

Все наши выводы были сообщены на ряде заседаний зам[естителю] пред[седателя] СНК Киргизии тов. Каримову, [в] Госплан Киргизии и НКМП⁴ т. Гурьеву И.П. В результате этого с Наркомместпромом [и его представителем] т. Гурьевым мною от лица Ср[едне-]Аз[иатской] партии ВИГа был заключён договор на 40 000 р[уб.] о технической помощи со стороны ВИГа по вопросу строительства соляных промыслов в Киргизии и в экспертизе проектов, выполняемых другими организациями. (Договор от 15 декабря 1942 г. Копия договора в дирекц[ию] ВИГа выс[лана]). 16 декабря я выехал в Джамбул, а 19 декабря уже направлялся в Ленинполь⁵, местопребывание рудоуправления Уч-Имчек, где после довольно длительных переговоров был заключён третий в [19]42 г[оду] для Ср[едне-]Аз[иатской] партии договор на 165 750 руб. – копия его в дирекцию ВИГа также переслана.

Таким образом, договор с Уч-Имчеком явился нашей самой крупной работой, а т.к. неизбежность этой работы была ясно видна ещё до моего отъезда во Фрунзе, то в Ленинполь были ещё в ноябре, вслед за отъездом в Москву Ивлева, командированы химики Поленова⁶, Шитикова и Тихомирова и дано распоряжение об отправлении туда же немедленно по приезду геолога Зверева, что и было выполнено.

Заключение договора с Уч-Имчекским рудоуправлением дало Сред[не-]Аз[иатской] партии возможность покрыть задолженность по зарплате за [19]42 г[од] персоналу, занятому на этой работе.

Следует отметить хорошие деловые отношения, установившиеся с самого начала как с временным директором рудоуправления Уч-Имчека т. Харченко, так и с вновь назначенным (бывшим соликамским работником) т. Аксёновым А.Г. Но можно с уверенностью говорить о несомненной полезности пребывания партии ВИГа на Уч-Имчекском руднике. Помимо чисто фактического выполнения взятых на себя заданий, сотрудники ВИГа, и в особенности Н.О. Галушко, являются непрерывными консультантами рудоуправления по горным работам, и, забегаю несколько вперёд, скажу, что когда Н.О. Галушко в самом начале марта распоряжением НКХП из Москвы был вызван на Урал для участия в экспертизе проекта по строительству шахт в районе Ново-Троицка, то на время своего отсутствия им был предложен рудоуправлению проект ведения очистных работ, который после нескольких совещаний и был принят к исполнению.

7 января [19]43 г[ода] я возвратился в Джамбул, где в это время всё более и более стало вырисовываться крайне тяжёлое положение Сред[не-]Аз[иатской] партии с помещением, снабжением и в отношении финансов и плана работ. Некоторые изменения в личном составе президиума облисполкома неблагопри-

ятно повлияли вообще на положение партии в Джамбуле; стало труднее проводить вопросы снабжения группы за счёт местных ресурсов, и почти перестал двигаться разрешавшийся и ранее с большим трудом вопрос о помещении для лаборатории и конторы партии. Пришлось целиком переключиться на очень дорого обходившиеся комиссионные услуги частных лиц, не дававшие какие-то результаты. Необходимо отметить при этом помощь «Каратаустроая», и в особенности зав[едующего] техническим снабжением комбината тов. Замойро, без которого при полном отсутствии каких бы то ни было симптомов помощи Ср[едне-]Аз[иатской] партии [...] со стороны дирекции ВИГа, из Москвы – со стороны главка, само физическое существование сотрудников ВИГа в Джамбуле было бы поставлено под удар.

Крайне неблагоприятную роль в это крайне тяжёлое время сыграло обнаружение ошибки, допущенной т. Валяшко по отношению тенардита озера Туз-Куль. Поездка т. Поленовой на Чулак-Тау (строительная площадка «Каратаустроая»), совершённая в период самых больших морозов в январе и от этого крайне затянувшаяся по условиям почти прерванного транспорта, позволила ей установить, что тенардит Туз-Куля в действительности есть не что иное, как астраханит, что решительно сорвало всю подготовительную работу, начатую по моему распоряжению Сред[не-]Аз[иатской] партией в Джамбуле. Пришлось сообщить об этой неудаче Джамбульскому обкому ВКП(б), с которым мы начали переговоры о проведении опытов по приготовлению термофосфатов; оборвались переговоры с Казахстанским филиалом Академии наук по этому же поводу. Словом, наши планы на [19]43 г[од] потерпели неожиданно очень сильный ущерб, не говоря о моральном значении всей этой истории. Единственно, что следует признать за хорошую сторону в этом деле, это что не было произведено никаких специальных расходов на подготовку разведки Туз-Куля.

Я считаю и самого себя, несомненно, ответственным в этом деле, так как начал развёртывать подготовку всего предприятия по Туз-Кулю, и развёртывать достаточно широко, не проверив лично определений т. Валяшко.

7 февраля [19]43 г[ода] я был экстренно вызван в Ленинполь, в Уч-Имчекское рудоуправление, по вопросу ускорения в проведении некоторых работ на этом руднике по требованию главка. В последовавших за моим приездом совещаниях сотрудников ВИГа и работников рудоуправления было установлено, что мы можем сделать в требуемом направлении, но при этом выяснилось, что наше техническое снаряжение, начиная с простых треугольников и линеек, до того убого, что мы ничего решительно не можем сделать в направлении ускорения производства чертежей, без которых нельзя что бы то ни было сделать в ряде вопросов. Плохо в этом деле и то, что даже на частном рынке в Джамбуле приобрести нужные вещи нельзя за их полным отсутствием. Решительно бьёт нашу работу и отсутствие бумаги, кальки и туши. Ничего из перечисленного нет и у рудоуправления. Всё это вызывает неизбежные простои, тяжело отзывающиеся на плане работ.

В конце моего пребывания в Ленинполе были получены вскоре одно за другим следующие требования на т. Галушко: первой пришла телеграмма директо-

ра ВИГа т. Ходькова⁷ о немедленном выезде т. Галушко в Михайловку. Прежде чем я успел послать ответ, что это распоряжение срывает весь наладившийся выполнением план работ Сред[не-]Аз[иатской] партии по Уч-Имчеку, была получена отмена этого распоряжения. Вслед за этим от меня потребовали сведений о том, что нами сделано по экспертизе проекта подземных горных работ по Шор-Су. Главку ещё ранее этого запроса было сообщено, что дирекция рудоуправления Шор-Су даже не потрудились откликнуться на пересланный ей с нарочным протокол совещания от 3 ноября при Ивлеве о заключении договора со Сред[не-]Аз[иатской] партией на экспертизу этого проекта, почему никаких работ в указанном направлении мы и не производили.

25 февраля пришло распоряжение НКХП, подписанное зам[естителем] наркомхимпрома Лекшиным, о немедленном выезде т. Галушко в Ново-Троицк, на Южный Урал, для участия в комиссии по шахтам этого района. Только что т. Галушко выехал в Джамбул, чтобы направиться затем на Урал, мною было получено распоряжение зам[естителя] наркомхимпрома т. Березовского⁸ о срочной командировке в Михайловку и о назначении главным инженером проекта по [...] промыслу Н.О. Галушко. Пришлось ответить, что т. Галушко уже выехал по распоряжению НКХП на Урал.

Я считаю необходимым довольно подробно изложить эти факты, так как они достаточно характеризуют имеющуюся потребность в опытных горняках типа т. Галушко и почти полное отсутствие их у нас в случае необходимости.

Вместе с этим я бы поставил вопрос, кого следует считать ответственным за невыполнение договорных работ, взятых на себя Сред[не-]Аз[иатской] партией по распоряжению Главгорхимпрома на Уч-Имчеке, и кто будет платить обусловленные договором пени.

Время с 5 по 14 марта я провёл в Джамбуле, где принимал участие совместно с руководством Сред[не-]Аз[иатской] партии в налаживании её дел, которые из-за полного отсутствия каких бы то ни было ответов главка на запросы о фондах снабжения находятся прямо в катастрофическом положении.

В это же время нами было получено сообщение о предстоящем в конце марта приезде в Джамбул главного геолога Главгорхимпрома т. Шония. Чтобы непременно увидеться с ним и в то же время успеть продвинуть наши дела по договору о работах в Киргизии, я 14 марта [19]43 г[ода] выехал во Фрунзе, дав распоряжение о немедленном вызове меня в Джамбул, в случае приезда туда Шония.

В НКМП Киргизии за время моего отсутствия – с 16 декабря [19]42 г[ода] – по солям, можно сказать, ровно ничего сделано не было, и единственным прогрессом в этом направлении оказалось заключение между НКМП Киргизии и Киргеолуправлением⁹ договора на разведку на Джелды-Су некоторой площади, прилегающей к имеющемуся солеруднику, для выявления запасов соли, имеющейся на данной площади. М[есторожде]ния, взятого в целом, это ни в коей степени не освещает, но так как разведка будет вестись учреждением, которое не отказывается слушать наших советов по вопросу о документации разведочных выработок, то в результате этих работ наше понимание структуры Джелды-Су должно, несомненно, увеличиться.

Кроме того, самим Киргеолуправлением за счёт отпускаемых ему кредитов проектируется на площади, расположенной вблизи солерудника, проходка глубокой (700 м) структурной скважины, крайне важной для выяснения строения Джелды-Су, а затем проведение ряда поисковых работ на соли вообще в районе данного месторождения.

Для НКМП за это время написан отзыв на записку, составленную лабораторией прикладной химии Комитета наук Киргизии, о производстве каустика на основе мирабилита, имеющегося в составе солей Джелды-Су. Пришлось дать достаточно резкий отрицательный отзыв об этом произведении, так как его авторы, очевидно, никогда не имели дела с проектированием каких-либо предприятий и полагают, что простых рассуждений о возможности сделать то или другое достаточно для того, чтобы начать тратить крупные средства на осуществление сделанных ими предложений.

1 апреля застаёт меня во Фрунзе без получения каких бы то ни было известий о приезде Шония в Джембул.

В заключение укажу, какую задачу я себе ставлю сейчас на основе того знакомства с краем, которое у меня получилось в результате моего пребывания в его пределах в течение пяти месяцев.

Собирая фактические материалы, касающиеся Северной Киргизии, я вижу, что мы имеем здесь очень большие возможности для создания предприятий химической промышленности самого различного масштаба. Поэтому я считаю себя обязанным, в том случае, если меня не направят на какую-либо работу в другой район, дать достаточно подробную характеристику имеющегося здесь химического сырья и экономической обстановки, в которой оно находится.

Я полагаю, что для НКХП будет неплохо иметь отчётливое представление о возможностях, которые уже сейчас выявлены в этой области для строительства химической промышленности.

Главный геолог ВИГа проф[ессор] Преображенский.

---

¹ Галушко Николай Иосифович (Осипович), бывший главный инженер Всесоюзного объединения «Союзкалий».

² Валяшко Михаил Георгиевич (1907–1984), выдающийся геохимик, лауреат премии имени В.И. Вернадского. В 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме солей Индера.

³ Тузкель (кирг. Туз-Көл) – солёное озеро.

⁴ Народный комиссариат местной промышленности.

⁵ Ныне – населённый пункт Бакай-Ата.

⁶ Поленова Татьяна Борисовна, химик, дочь профессора Пермского университета Б.К. Поленова (1859–1923).

⁷ Ходьков Афанасий Евменович (или Афонасий Эвменович; [1909–2003]), геолог, директор Всесоюзного института галургии в конце 1930-х – 1940-х гг.

⁸ Березовский Иван Афанасьевич (1906–1993), крупный организатор химической промышленности в СССР. В начале 1943 г. – заместитель наркома химической промышленности страны.

⁹ Киргизское геологическое управление.

II. ПИСЬМА П.И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

№ 1 М.Р. МЕТЕЛИЦЫНОЙ¹

1 декабря 1892 г.

Москва

Ну-с, моя Муся, наконец-то мне можно писать тебе, так как свободного времени целый вечер, конечно, если не придёт кто-нибудь, что весьма сомнительно. Я, собственно говоря, несколько раз собирался писать тебе, но всё никак не удавалось за недостатком времени, так как приходилось готовиться к «нечто вроде полугодового экзамена по дифференциальному счислению», так называемому зачёту, имеющему влияние на допущение к экзамену; вчера, т.е. 30 ноября, я сдал эту ерунду, получил в списке фамилий студентов против своего имени букву «З», т.е. зачёт, и вот теперь свободен до следующей такой же гадости по физике, только несравненно более трудной. Ну да будет обо всём этом; и так математика уже страшно надоела мне (не правда ли, тебя, пожалуй, удивляют подобные слова, но, говоря правду, я никогда и не любил её, а с нашими профессорами она и вовсе опротивела мне).

Я не могу написать тебе сейчас ровно ничего связного, потому что меня ужасно беспокоит то обстоятельство, что вот уже почти месяц, как от мамы нет ни полстрочки, ну а это, понятно, заставляет предполагать разную ерунду, так что чуть с ума не схожу другой раз.

Другой предмет моего беспокойства – это то проклятое неопределённое положение, в котором я нахожусь в настоящее время. Вот об этом-то я и хочу порассказать тебе кой-что; хотел написать об этом и дяде, да раздумал, ну а тебе... Я надеюсь, что между нами ещё не пропала прежняя дружба и поэтому могу говорить совершенно откровенно, ну а пока, до поры до времени, я не хочу, чтобы об этом знали другие.

Дело, видишь, в том, что я намерен поступать в Гор[ный] инс[титут], но попасть туда я могу лишь в том случае, если получу Туркестанскую стипендию²; в противном же случае я даже и экзамена туда держать не буду, так как придётся в случае моего поступления туда сидеть 5 лет на шее у отца, в университете же даже и в случае моего перехода на естественный факультет, что весьма вероятно, я пробуду только 4 года.

Уже довольно давно я послал письмо отцу с просьбой справиться: есть ли возможность и надежда на получение мною Туркестанской стипендии; но ответа на это письмо я не получил ещё до сих пор; очень неприятно, если оно затерялось, так как подобное обстоятельство сильно затянет всё дело. Но главная суть не в этом, а в том, что я хочу выйти из университета в том случае,

если меня не освободят от платы за учёные. На математический факультет я пошёл только из-за того, чтоб подготовиться в Горн[ый] инстит[ут]; любви же и даже простой склонности к математическим наукам я не чувствую ни малейшей. Ну вообрази теперь, что попасть в Горн[ый] инстит[ут] мне будет нельзя; неужели же я, не знаю из-за какого рожна, буду оставаться на математическом факультете, можно сказать, навсегда испорчу себе жизнь, т.е. не в смысле карьеры, так как, наоборот, из математического часто можно составить себе очень «блестящую» карьеру, ну тут, конечно, сама поймёшь, что я говорю не о том, а испорчу тем, что буду против своего собственного желания заниматься вещами, к которым я не только не чувствую влечения, но прямо терпеть не могу.

Между тем, все мои стремления, все способности более всего подходят к изучению естественных наук; видя же все эти громадные средства, которые даёт Московск[ий] университет для самого тщательного изучения естествознания, и слушая профессоров-естественников, между которыми есть прямо гениальные люди (Мензбир³), поневоле так увлекаешься всем этим, что совершенно бросаешь свои лекции и ходишь к естественникам.

Конечно, если я получу известие о том, что можно надеяться на стипендию в Г[орный] и[нститут], и кроме того ещё освободят от платы, то я останусь и постараюсь выдержать экзамен; если же из Ташк[ента] пришлют известие, что на стипендию рассчитывать нельзя, то я моментально испарюсь из Москвы, чтобы не тратить лишних денег, и отправлюсь к дедушке, где или буду готовиться в Лесной институт, где, кажется, всего 4 года учёныя, или же займусь языками и перехожу на естественный факультет, и так как собственно выхода с этого факультета нет, то добьюсь работой того, что меня оставят при университете. Таковы мечты, посмотрим, что скажет действительность. Да кстати, о языках вспомнил; советую тебе приобрести насколько можно больший навык в чтении французских и немецких книг, да не романов, а чего-нибудь посерьёзнее, если возможно. Это тебе может принести большую пользу, если будешь на курсах. Да, как у тебя идёт дело насчёт стипендии, или тоже, как у меня, ровно ничего не известно? Да, вот что, Муся, пиши, пожалуйста, почаще, мне другой раз право некогда, да и денег на марки почти нет, ну а тебя всё это, кажется, стеснять не может; письма же твои доставляют мне большое удовольствие.

Мне сейчас даже совестно пред дядюшкой, что ему посылаю такие хорошенькие письма.

На твой вопрос касательно студентов ничего особенно хорошего сказать не могу, так как эти личности, с которыми приходится сталкиваться, производят не особенно то приятное впечатление; есть несколько хороших людей, но их не много, другие же все или слишком пусты, или же до глупости аристократичны, конечно, все эти заключения касаются очень небольшого кружка студентов, так как я вообще стараюсь держаться подальше от всех, и от хороших, и от дурных, происходит это потому, что познакомиться с кем-нибудь

так, чтобы бывать у него, я не желаю, а все эти университетские знакомства, когда говорят только о лекциях, да ещё и математических, не представляют ровно ничего интересного.

Пока до свидания, желаю весело провести праздники.

Твой друг П. Преображенский.

---

¹ Метелицына (с 1898 г., в замужестве – Преображенская) Мария Ростиславовна (1874–1966), будущая жена П.И. Преображенского. С 1892 г. жила в Санкт-Петербурге. В дальнейшей переписке между близкими иногда встречаются только инициалы «М.Р.».

² Государственная стипендиальная программа для поддержки студентов, выходцев из семей русских переселенцев на национальные окраины Российской империи.

³ Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог и зоогеограф, академик, основатель российской орнитологии.

№ 2 В.А. ОБРУЧЕВУ¹

1 октября 1901 г.

Многоуважаемый Владимир Афонасиевич²!

Ваше распоряжение относительно высылки забайкальских карт, к сожалению, моментально выполнить не могу, [так как] в Вашем богоспасаемом Томске, очевидно, простудился. Дорогой уже начал хворать, а сейчас уже расхворался настолько, что не могу совершенно выходить из дому. Просил зайти ко мне Баранникова, но когда он [отзовется], не знаю, а без него боюсь переборщить в своём усердии выполнить Ваше желание. Новостей не могу сообщить почти никаких, так как выходил из дому всего один раз, и то тотчас по приезду, когда многих ещё не было. Когда начну вылезать, сообщу Вам некоторые данные по устройству нашей библиотеки (в институте³), есть кое-что хорошее.

Далее, затребуйте от института записку по вопросу о разделении курса на два разряда – горный и заводский – получилась [...] вещь довольно хорошая и вовсе [неразборчиво] преобладанием маркшейдерского искусства, как говорил Вам я раньше. Есть у меня и ещё записка – ответ на 18 министерских вопросов – вещь зело недурная, но для Вас интересная только в смысле беллетристики. [...]

Получил вчера письмо от Прядкина – как я и полагал, отказывается. И по совету Баумана⁴ я ещё раз предлагаю Вам «красного» Корзухина⁵ – не бойтесь, это в шутку. А вот хочу попробовать ещё одного господина – некоего Бориса Соколова⁶, окончил [Горный институт] два года назад, сейчас заведует самостоятельно каменноугольным рудником – человек весьма обстоятельный, весьма тактичный [...] думаю, что для Вас явится очень хорошим помощником в деле устройства горного отделения.

Не говорил с ним раньше просто потому, что как-то не приходил на память. За него высказывается и Бауман. Потому, пользуясь Вашим разрешением написать Прядкину, которого Вы знали только по моим отзывам, я надеюсь, что вы

позволите, не дожидаясь Вашего официального ответа, написать Б. Соколову, не захочет ли он променять технику на профессию.

Сердечный привет.

П. Преображенский.

---

¹ Письмо (по фотокопии) расшифровано А. Нерословым.

² В письмах к В.А. Обручеву П.И. Преображенский придерживается такого написания отчества.

³ Томский технологический институт, основанный в 1896 г. В.А. Обручев в 1901 г. получил предложение возглавить кафедру геологии в институте и организовать в нём горное отделение.

⁴ Бауман Владимир Иванович (1867–1923), русский учёный-геолог, маркшейдер. Начиная с 1899 г. – профессор кафедры маркшейдерского искусства Петербургского горного института.

⁵ Корзухин Иван Алексеевич (1871–1931), геолог, горный инженер, с 1899 г. прикомандирован к Геологическому комитету. Известен исследованиями полезных ископаемых Забайкалья, Урала, Чукотки.

⁶ Возможно, Соколов Борис Николаевич, горный инженер, выпускник Санкт-Петербургского горного института.

№ 3 В.А. ОБРУЧЕВУ

2 сентября 1909 г.

Восточная Сибирь (р. Лена)

Ещё оч[ень] далеко до Томска, но сейчас есть настроение писать, и пользуюсь этим, чтобы сообщить Вам результаты работ этого года. Начал с Чуи, на которую вышел 24 мая; в Витиме пришлось проторчать целую неделю из-за плохой погоды, не дававшей произвести астрономические наблюдения (с 18 по 24 [мая]). Чуя была в полном весеннем разливе; и в обыкновенное время это крупная река, а в половодье она и совсем выглядит серьёзно; идти вверх было очень трудно: пабереги¹ почти никакой, течение быстрое, а тут то и дело надо переезжать с берега на берег из-за скал, не позволявших тянуться вверх. Шли без проводника, т.к. оказалось, что никто из усть-чуйских крестьян не бывал на Чуе даже и до порогов, а выше их и говорить нечего, ну а до порогов у меня была карта Стефановича и, следовательно, не было нужды в проводнике. Тянули людьми (5 человек всего было), и это оказалось вполне рационально, т.к. до 20 июня не было травы, и лошадей мы загубили бы на первой же сотне вёрст бескормицей, не говоря уже о том, что вряд ли удалось бы быстрее двигаться из-за бесконечных объездов и переездов.

В пределах Ленского пенеблена Чуя течёт вёрст 40–50 (буду идти вверх), затем входит в область метаморфизованных пород и вместе с этим и в пределы горной страны, служащей южным продолжением Патомского нагорья. Здесь у меня имеется лучший за всё время разрез, по которому можно говорить о границе ленских известняков; эти, последние, начинают переслаиваться с тонкослоистыми тёмными сланцами, оставаясь сами грубыми, чисто битуминозными и постоянно неясно слоистыми. Наконец, сланцы окончательно вы-

тесняют известняки, причём в этом именно разрезе сланцами же начинаются метаморфизованные (оч[ень] слабо) породы, и в обнажениях можно видеть массу разнообразной мощности прожилков оплита – как фактор метаморфизма. Полоса сланцев тянется вкрест² – вёрст пять, и затем начинаются песчаники и конгломераты, метаморфизм которых уже гораздо сильнее; ещё немного дальше – кварциты (грубозернистые) и затем гранит. Вот эта-то полоса – сланцев, песчаников и конгломератов и есть предел ленского пенеблена и окраинные породы северо-байкальской горной страны.

Далее, я бы сказал, неинтересно: идут граниты, то слоистые, то массивные, чаще последние, за ними опять слоистые породы, причём оригинальным является лишь то, что среди этих слоистых много нормальных, не носящих по внешности и следов метаморфизма пород (известняки, переслаивающиеся с кварцитами), а затем опять граниты, граниты и граниты, с зажатыми среди них кое-где слоистыми. В этой последней части я далеко ещё не разобрался – да и не удивительно: это ещё впервые я врезываюсь так далеко на юг, и здесь надо ещё выработать ту мерку, которую приходится прикладывать к явлениям.

Несравненно интереснее для меня окраинная часть – она даёт мне, или, по крайней мере, я думаю, что она даёт, ключ к целому ряду вопросов, выдвинутых ещё исследованием окраины Патомского нагорья. И теперь, например, если придётся писать общий отчёт по северной части, то без ссылок на Чуйский разрез никак не обойтись. Мыслей скачет вообще много, но сейчас я не даю им даже и воли, чтобы зря не разбрасываться.

Чуя отняла у меня оч[ень] много времени; и так-то ход был не быстрый, ну а как дошли до 40-вёрстной порожистой полосы, то тут уже совсем кисло стало – то и дело выгружали багаж и тащили лодку пустую, но, несмотря на это, бечева, скрученная в несколько раз, преисправно рвалась, и «рабы» летали носом вперёд, а однажды и я, помогая им тянуть, треснулся так, что чуть голову не расколол.

За все эти злключения нас вознаградила верхняя Чуя – широкая, спокойная, без шивер³, достаточно глубокая, с массой рыбы и гусей. Сии, последние, были нам оч[ень] кстати: ещё в Витиме нас уверяли, а в Чуйском и того более, что с нашими лодками через пороги нам не перебраться – ну я и запаса всем приблизительно на месяц, а оказалось, что и через пороги перебрались, и река далее прекрасная – ну и, значит, надо идти вперёд. Шли, шли, а припасы всё убывают. Наконец от сухарей остались одни крошки, и в это время, наконец, мы дошли до порога, но уже такого размера и типа, что перебраться через него не было никакой возможности, и следовательно, с чистой совестью можно было возвращаться обратно. Ещё на один день пути я прошёл пешком – Чуя и выше порога всё ещё многоводная, крупная река, по которой моя лодка с осадкой вершков в 5–6 могла бы свободно идти, но далее тихие пространства, по-видимому, начинают чередоваться со стремнинами, и в лодке путешествие становится весьма небезопасным.

«Рабы», конечно, возвращению были оч[ень] рады; отсутствие хлеба их угнетало в высокой степени, и хотя и обиняками, но вопрос о возвращении назад

они поднимали чуть ли не ежедневно. Назад плыли на гусях – гусь на обед, гусь на ужин, гусь на обед, гусь на ужин (и всё без хлеба) – надоели до чёрта, а больше есть было нечего. Пройдя пороги, отправил студента-производителя астрономических работ в Витим за припасами, а сам с работой шёл тише.

Верстах в 40 от устья в Чую вливается слева её главный приток – Мал[ая] Чуя; по этой, последней, мы пошли вверх 2 июля. М[алая] Чуя – река совсем иного типа, чем Большая [Чуя], – течёт в пределах ленского пенеплена, или, лучше сказать, по восточной границе его, тихая, с широкой долиной и массой островов. Породы сплошь известняки и изредка красные сланцы и песчаники. Течёт М[алая] Чуя параллельно Лене и, напр[имер], в 136 верстах вверх от Витима (у Дубровной) расстояние между Леной и М[алой] Чуей равно 40 верстам.

Пройдя вёрст 150–170 по М[алой] Чуе, сделал экскурсию по правому притоку Чуи – Панушке – до гранита, но отсутствие обнажений сделало эту поездку весьма малопродуктивной. К сожалению, время не позволило сделать экскурсию в сторону Лены, а было бы интересно – на пути этом имеется речка Алдан, верхнее течение которой проходит в высокой, широкой долине, занятой сплошными сенокосами; нижнее же (вёрст 8) она течёт под землёй. В этом году замёрзла, должно быть, где-то эта выводная часть, и верхняя часть реки, говорят, представляет оч[ень] большое озеро, покрывшее все сенокосы.

Уже когда мы были на М[алой] Чуе, вода стала сильно падать, и нам нередко доставалось оч[ень] сильно благодаря мелководью. Поэтому идти на Чаю, которая по размерам приблизительно равна М[алой] Чуе, совершенно не стоило; можно было вперёд сказать, что до гранита по ней мы не доберёмся, а идти пешком могло оказаться оч[ень] далеко. Поэтому выйдя 24 июля на Витим, я решил отправиться на Бодайбо, чтобы оттуда сделать экскурсию на юг и затем сработать лев[ый] берег Витима до устья, что в прошлом году я не мог исполнить из-за внезапного осеннего разлива Витима.

На юг от Бодайбо я шёл по р[еке] Мамакану и прошёл вёрст 50–60. Трудно представить что-нибудь более угрюмое, чем эта река, – её ущелье крайне узко; прямо от воды склоны поднимаются до средней высоты этой местности, равной, я думаю, высотам – ну приблизительно около Ежовки – громадные обнажения известняков, чуть не отвесные, тянутся на сотни сажен, так что часто река кидается от одной стены к другой, и у этих стен ни малейшей паберегии.

Тип известняков бодайбинский, то есть переслаивание слюдяных сланцев, слюдястых известняков и известняков почти чистых. Всё это тянется вёрст на 20, и на всём этом пространстве нет обнажения, где не было бы среди слоистых пород видно жил гранита; самые разнообразные по величине, они пронизывают известняки во всевозможных направлениях, и чем ближе к границе сплошного гранита, тем количество жил значительнее и размеры их больше.

Наконец, начинается и область гранита – светлого средне- и мелкозернистого, двуслюдястого, редко порфирированного. Ни малейшей слоистости в нём нигде увидеть мне не пришлось, ну а о катаклазе, конечно, до шлифов сказать ничего нельзя. Должен Вам, впрочем, сказать, что отсутствию или присутствию явлений пьезокристаллизации большого значения не придаю; изо всех моих

наблюдений, да то же самое и у Мейстера⁴, видно, что если где и встречается несколько слоистый гранит на контактах с осадочными породами, то всегда он играет весьма подчинённую роль; слоистые же граниты Витима (у Воронцовки и выше до Мамы) – ясно, другие, или, скажем лучше, мне кажутся другими. Не знаю, достаточно ли этих замечаний для Вас, но сейчас, не разбираясь в материале и на шлифах, большего сказать не сумею.

Разделавшись с Мамаканом, прошёл левым берегом Витима до Мамы и стал подниматься вверх по этой, последней. Прошёл вёрст 120 – интересного и здесь мало – всё пройденное пространство занято кристаллическими сланцами и известняками, прорезанными многочисленными жилами гранита. Если Вы помните породы большого обнажения, лежащего на правом берегу Витима как раз напротив устья Мамы, то Вы знаете почти все породы, развитые по берегам этой реки; может быть, под микроскопом окажется что-ниб[удь] интересное, ну а сейчас большой надежды на это нет. Да и кроме того, поразобравшись в породах северного района, я за последнее время привык к известной роскоши, что уже каждая группа пород укладывается в ту или иную рамку, ну а эти новые кристаллические сланцы пока никуда идти не хотят, а это мне совсем не нравится.

Спускаясь вниз, сделал экскурсию и на одну из старинных разработок слюды, лежащую на вершине одного из гольцов левого берега Мамы. Характер этих месторождений, по-моему, должен быть чрезвычайно однообразен – это пластовые, чёточные или линзообразные и по падению, и по простиранию жилы пегматитового двуслюдистого гранита, некоторые части которого представляются особенно крупнозернистыми. Жилы, выделенные мною, мощностью не превышают 3-х [сж.] и часто выклиниваются и сходят на нет. Судя по рассказам о чуйских месторождениях, там мощность жил бывает и больше, но всё-таки я не сомневаюсь, что это лишь жилы, а отнюдь не штоки.

Всё остальное время посвятил Витиму, Вам уже знакомому.

Данных собрал немного: первое время ещё лазил на гольцы, но затем, благодаря сухому лету, начался сплошной пожар тайги, и вся эта ломка при восхождениях потеряла смысл – стало не видно даже и самых близких высот. Интересным является целый ряд крупных гольцов, идущий от Воронцовки на Б[ольшую] Чую, пересекающий эту, последнюю, верстах в 50–60 от устья и затем по междуречью Б[ольшой] и М[алой] Чуи уходящий на SSW. Высоты эти группируются в довольно типичный и определённый хребет, который мне пришлось проследить вёрст на 100, и этим он ещё не кончался.

Что же касается страны на О от него, то это то же, что и Патомское нагорье – горная страна и ничего более. Очень высоких вершин нигде не видно. Следов оледенения нигде никаких.

Вот в общих чертах и всё, что сделано за этот год. Физически год выдался порядком-таки тяжёлый, хотя погода весь июнь и июль стояла сухая, но это только прибавило дела, т.к. шли без днёвок, а затем отсутствие дождей понизило воду всюду до чрезвычайности, и приходилось бродить без конца. Чувствую, что устал, и устал сильно, в конце даже энергия пропадать стала. Сейчас все

мысли заняты: в Питер! в Питер! Очень бы хотел воспользоваться Вашим приглашением и заехать в Томск, но вперёд уверен, что как только доеду до Тайги, то все намерения разлетятся прахом и, приписав разве ещё несколько строк, отправлю это послание вместо себя с присовокуплением всяких пожеланий Вам и с надеждой, что авось хоть в Стокгольме в будущем году увидимся.

На среднем Витиме в этом году работал Мейстер: пишет, что разнообразие пород удивительное; [неразборчиво] типично контактовое месторождение, а сложен так, что нужен 1/2-вёрстный масштаб, чтобы выразить всё разнообразие строения.

Иду спать, а послание пусть отдыхает в портфеле до Тайги.

Всех благ.

* * *

14 сентября, Тайга.

Как я и думал, так и выходит. Тайга подошла, но намерение заехать в Томск испарилось; очевидно, стареть стал, дорогое начальство! И прежней страсти к передвижению стало меньше. Прибавить к написанному нечего. Вот разве насчёт гидрологии – ничего общего для неё я не знаю, а всё в виде отдельных статей, большинство которых принадлежит бельгийцам (Бюллетени Брюссельского геологического общества).

Итак, до свиданья; жму Вашу руку.

Черкните, что нового нашли в Монголии.

Ваш П. Преображенский.

---

¹ Паберга (диал.) – береговая полоса реки, пойма, которая обнажается при среднем и низком уровне воды.

² Вкрест (или вкрѣст) – в геологии направление, перпендикулярное к простиранию пластов, жил, складок и т.п.

³ Шивера (диал.) – мелкий и быстрый перекаат горной реки.

⁴ Мейстер Александр Карлович (1865–1938), учёный-геолог, петрограф, минералог, один из руководителей Геологического комитета после 1917 г. В 1909 г. – старший геолог Геолкома.

№ 4 В.А. ОБРУЧЕВУ

27 апреля 1911 г.

Дорогой Владимир Афонасиевич, одной ногой я уже в вагоне, но чего-то вдруг наехал на меня вопрос об оледенении витимской тайги, о котором я урывками думал всю зиму, – и я сейчас сижу и набрасываю схему работы, посвящённой этому вопросу. Не знаю, выйдет ли что-ниб[удь] из этого, но думаю, что кое-что выйти должно; во всяком случае, попытаюсь свести имеющийся материал и прокритиковать его. Заглядывая вперёд, скажу, что, по-видимому, всё должно остаться так, как и есть, т.е. не то было оледенение, не то не было – не разберёшь. Но не в выводах сейчас для меня соль, а в споре с Мейстером, стоящим на

той точке зрения, что наши эрратические валуны – это кусочки чёточных жил, не выходящих в данный момент случайно на поверхность. Я с этим никоим образом согласиться не могу и утверждаю, что сие есть ерунда, но бороться с таким возражением надо фактами, а посему не будете ли Вы так добры и не пришлётё ли мне осенью все имеющиеся у Вас образцы отбитых от эрратических валунов и шлифы к ним. (Вот когда могу сказать – слава богу, что хоть Вы брали эти образцы, Герасимов их презирал, и у него сейчас нет никакого материала по этому вопросу.) Далее, не помните ли Вы, как недавно обрабатывавший свои материалы, – нет ли у нас где-ниб[удь] и других эрратических валунов, а не одних гранитных. Я чего-то совсем не в состоянии припомнить таковых, как это мне ни неприятно. Хочу даже по приезде на Бодайбо съездить на Каровый ключ, там, в Каре, всё дно усыпано – увидим, насколько он одинаков.

Кстати, раз сел писать, хочу сказать несколько слов и про нашу библиографию. Я лично прореферировал лет [за] 30 [номера] «Горного журнала»¹, и должен сказать – аспидская работа; сотрудники – кто кое-что сделал, кто – ничего, но в общем большого усердия не проявляли, ибо все заняты и хоть соглашаться соглашаются, что дело двигать надо, но от сих соглашений оно совсем не двигается.

Опыт реферирования дал мне немало указаний, но так как всё равно на лето это дело остановится, то о сих вещах более подробно желаю поговорить с Вами осенью.

Относительно заказа сум ничего Вам ранее не писал, ибо был уверен, что и так ясно, и так это и оказалось. Поэтому позвольте пред Вами расшаркаться и поблагодарить за содействие.

Публика вся уже разъезжается, на днях (между 2 и 5 [мая]) еду и я. Хочу в этом году пройти с Бодайбо на северный конец Байкала; к сожалению, до сих пор не ясно, удастся ли по сходной цене добыть лошадей, на запросы отвечают все несообразными ценами в 120–150 руб., а это нам уже не по средствам.

Ну, желаю Вам всяких благ; по обычаю, проезжая через Тайгу, брошу Вам открытку, а до тех пор прощайте.

П. Преображенский.

---

¹ «Горный журнал» (основан в 1825 г.) – старейшее российское периодическое издание в области горного дела и горных наук.

№ 5 В.А. ОБРУЧЕВУ

27 мая 1911 г.

Иркутск

Дорогой Владимир Афонасиевич, спасибо за суммы – всё в исправности и сохранности. Вместе с письмом перевозжу Вам деньги.

Ну а теперь несколько слов о делах: планы мои летят вверх ногами, ибо получил сведения такого характера, что всю работу должны вести чуть не в обрат-

ном порядке, сравнительно с тем, что намеревался делать ранее. Всё наделала бескормица и голод на Лене. Лошадей около Витима нет, и надо их вести или из Якутска, или с Киренги, а это такая канитель, что решил идти с Киренги. В Бодайбо поэтому не попаду, наверное, а следовательно, погибнут все мои планы насчёт ледниковщины – обидно чрезвычайно, но ничего не поделаешь; иначе запоздаю на нагорье. И теперь-то я уже сомневаюсь, чтобы удалось сделать всё, что я хочу, ну а если поехать на Бодайбо, то конец всему.

Думаю, что выйду на Киренгу, но на всякий случай обеспечил и выход на Байкал, дабы не замёрзнуть на нагорье. Не знаю, писал ли я Вам, что в этом году хочу обследовать район верховьев Мамы, Чуи и Чаи – места интересные, но и ядовитые зело-зело.

Осенью напишу, что интересного нашёл. Сердечный привет,

П. Преображенский.

№ 6 В.А. ОБРУЧЕВУ

24 апреля 1914 г.

Дорогой Владимир Афонасиевич, я очень виноват перед Вами, но эта зима у меня прошла так тяжело в личном отношении, что я совсем выбился из колеи: нервы стали до того негодны, что одно время меня даже определил доктор в санаторию, но я оттуда сбежал – никак не могу взять себя в руки: на людях ещё как-то держусь, а когда один, так прямо нет сил справиться с тоской и сердцебиением. Определённой внешней причины всему этому я и сам подыскать не могу, доктора же говорят, что это нервное истощение. Надеюсь, на работе я потом снова оживу.

Воду скоро, между 5 и 10 мая, может быть пройду [...] и тогда авось увижу и Вас, но это не наверное.

Буду заниматься сланцами там, где лежат вершины Иркутта и Оки.

В Туркестане будут только двое: Мушкетов¹ – в восточную часть Ферганы и Калицкий², на нефть, туда же. Вебер³ никуда не идёт. С деньгами у [Геологического] комитета в этом году прямой затор, не хватает ни на что; дело в том, что прекращены решительно все кредиты и остался один обычный бюджет, а он покойным Чернышёвым⁴ рассчитан так нелепо, что не хватает денег на самые необходимые и простые вещи – поддержание сторожей, шлифы, дрова, чтобы как-нибудь дать возможность существовать тем сотрудникам, которые только комитетом и живут, сократили, как только могли, командировки и авансы всем штатным, но и то не хватило – вот почему отказались от целого ряда работ, которые всеми признаются нужными, а за отсутствием денег откладываются.

Если не удастся расширить бюджеты и на следующий год, то не знаем, что и делать станем. [...] В [Геологическом] комитете атмосфера неважная: идёт некоторая глухая борьба за влияние отдельных групп. Карл⁵ упрямо и деревянно гнёт свою линию – моментального ответа на всё и вся [...] Окончательно выдавил из [Геологического] комитета Лутугина⁶. Ну а сопротивление организовать

ему некому: я раскис и ничего не делаю, у других нет инициативы, словом, я бы сказал, превращается [Геологический] комитет в отделение Горного департамента – и скоро и цена ему будет такая же.

В дом раньше осени переезжать, должно быть, не будем, да и лучше, а то в наше отсутствие наперевозят того, что потом и сам не рад будешь.

Скоро приезжает Герасимов, он, наверное, увидит Вас и расскажет, что и как у нас идёт, более подробно.

Я намереваюсь вернуться в этом году раньше обыкновенного, хочу съездить в конце августа посмотреть Кавказ – ведь я там ещё не бывал, а затем буду перевозиться. [...]

Пока до свидания, сейчас иду на заседание в [Геологический] комитет, хочу сказать Карлу несколько неприятных слов насчёт Лутугина. Впрочем, вперёд знаю, что это в воздух – вроде обструкции в Думе, [где] большинство правительственное.

Сердечный привет всем Вашим.

П. Преображенский.

---

¹ Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902), учёный, геолог и географ, исследователь Средней Азии, профессор Петербургского горного института. С 1882 г. – старший геолог Геологического комитета.

² Калицкий Казимир Петрович (1873–1941), один из крупнейших специалистов по геологии нефтяных месторождений России и СССР, автор первого учебника по геологии нефти и газа на русском языке. С 1901 г. работал в Геологическом комитете.

³ Вебер Валериан Николаевич (1871–1940), геолог и палеонтолог, сейсмолог, занимался изысканиями в Туркестане, на Северном Урале и Кавказе. С 1900 г. утверждён штатным помощником геолога Геологического комитета.

⁴ Чернышёв Феодосий Николаевич (1856–1914), русский геолог и палеонтолог, действительный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директор Геологического комитета в 1903–1914 гг.

⁵ Богданович Карл Иванович (1864–1947), российский и польский путешественник, геолог и этнограф, профессор Горного института, директор Геологического комитета в 1914–1917 гг.

⁶ Лутугин Леонид Иванович (1864–1915), геолог, один из создателей российской школы геологов-угольщиков. Уволен из Геологического комитета в 1907 г., после неудачного участия в выборах в III Государственную Думу.

№ 7 В.А. ОБРУЧЕВУ

28 апреля 1914 г.

Дорогой Владимир Афонасиевич, получил Ваше послание и от души вздрогнул: Семиречье вспоминал.

План исследования Чу-Илийских гор от души приветствую – места для работы очень хорошие, одна беда – западная их часть совсем не имеет съёмки, а между тем структура местности оч[ень] сложна, и отсутствие съёмки крупного масштаба будет сказываться.

Но как бы то ни было, я глубоко убеждён, что исследование этой местности лучше начать с Чу-Илийских гор – всё на виду и не высоко, так что возможно всё или почти всё облазить. Отсюда уже можно перевести исследование и на За-

илийский Алатау через район моих работ в 1906 году. Снаряжаться ближе всего в Пишпеке, но можно и в Верном, особенно, если начнёте с востока от Курту.

Тип снаряжения – Вам знакомый по Монголии и Тарбагатаю; надо иметь в виду частый недостаток и плохую воду – при достаточно детальной работе, что не заставит много передвигаться, могут оказаться удобными верблюды, они же будут доставлять и корм для верховых лошадей. Желая, чтобы этот план не остался только планом.

Ну а насчёт меня – думаю, что на работе лучше, чем в санатории, – душа будет занята волей-неволей, а это для меня сейчас главное. Сердечный привет и спасибо за Ваши заботы обо мне.

П. Преображенский.

№ 8 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

4 июля 1916 г.

Восточные Саяны

Вот, наконец, я и на месте. Нельзя сказать, чтобы рано, но... имея в виду, что места для работы столько, что имей хоть 6 месяцев, всё равно бы ничего не успел сделать – особенно не волнуясь.

Путь сюда довольно отчаянный, даже и для меня, выдавшего всякие виды, временами было сложно из-за здешних горных болот. Вообрази себе обширные слабохолмистые равнины, которые всё равно болото – на холме ли, в долине ли, таковы здешние водоразделы между целым рядом рек. При этом водоразделы эти уходят далеко за пределы лесной растительности, так что получается впечатление форменной пустыни. Но там, где придётся работать мне, рельеф совсем другой – чисто горный, альпийского характера, т.е. с острыми вершинами, узкими крутыми долинами и со скалистыми скатами.

На пути сюда произошло автоматическое испытание людей и лошадей – те и другие оказались оч[ень] приличными. Люди скромные, услужливые, и хоть не оч[ень] расторопные, но достаточно опытные в экспедиционной работе, т.к. бывали со скотопромышленниками в Монголии, а там, в сущности, почти та же работа, что и наша.

Сегодня пришли, а завтра уже посылаю 2 людей и 5 коней обратно [...] за провиантом, которого не мог сразу взять с собой; пользуюсь этой оказией, чтобы послать письма, они же привезут мне то, что за это время накопится [...] на почте. Думаю, что числу к 25 июля придут. Не правда ли, довольно быстро? При такой скорости сообщения хорошо, если до сентября удастся мне один раз послать за корреспонденцией.

На войне бог знает что успеет произойти, а ты тут будешь сидеть и не подозревать обо всех этих событиях. Нервы, во всяком случае, не треплются.

Про себя что же тебе рассказать. Снял пенсне и хожу без него, первые дни было оч[ень] трудно, всё было в тумане, очертания мутные, неопределённые. Теперь к этому видению привык, лучше видеть, конечно, не стал, и временами,

если надо что-нибудь разглядеть, надеваю опять пенсне, но уже потребности в стёклах нет, а для работы в поле это много удобнее.

Ветром и солнцем обожгло лицо до того, что дня три до физиономии было почти не дотронуться, цвет носа приближается к хорошему кирпичу, сейчас кожа уже одеревенела и скоро, должно быть, сделаюсь пёстрым, т.к. начну шелушиться. Сейчас хромаю, т.к. не то неудачно ступил, не то ещё что-то сделал, но правое колено болит и ходить больно. Кажется, это всё, что про меня можно рассказать. Настроение очень спокойное, гораздо более интересуюсь тем, что делается на войне, чем тем, что творится кругом меня.

Погода, к сожалению, стоит неважная – с 27 июня и по сегодня, кажется, всего один день был без дождя. Правда, дождь не отчаянный, но достаточно изводительный, тем более что холоду от этого только прибавляется. Вообще на высокую температуру здесь жаловаться не приходится, т.к. район настолько высокий, что не растёт ни сосна, ни ель, ни берёза, а одна лиственница и в меньшем количестве кедр, да и те уже на исходе.

По ночам очень холодно, и вот сейчас, около 5 часов вечера, солнце светит вовсю, а я пишу тебе, накинув на плечи полушубок – совсем не лишнее. Ты вот писала, что изводитеесь с ребятами от жары, – ну а я, скорее, могу жаловаться на обратное. Сейчас на время остановился на стану того горнопромышленника, которому должен произвести экспертизу принадлежащего ему месторождения меди, – учреждение не богатое. Предпочитаю жить в собственной палатке, и чище, и спокойнее, а то в доме клопы – несомненные.

Ну, будь здорова, пиши о себе. Целую тебя и детей крепко-крепко.

Твой Павел.

Привет Соколовым.

№ 9 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ (Оренбург)

14 июня 1917 г.

Моя Мусинька, не знаю, постигнет ли это письмо та же участь, что и другие послания с оказией, но попытку дать о себе известие всё же делаю. Еду в Пермь, оттуда на два дня на завод к Мешкову, а оттуда, смотря по обстоятельствам и обстановке, либо вдоль восточного склона Урала в Оренбург, либо назад в Пермь, и затем Камой и Волгой до Самары, оттуда к вам. Жив и здоров. Лето, как уже писал, должен работать от Орска до Акмолинска. Все друзья живы и здоровы, хотя большинство похудело. Очень опасуюсь, не голодаете ли вы в Оренбурге из-за создавшейся у вас обстановки, и не нуждаешься ли ты в деньгах. Сейчас очень тороплюсь на пароход, идущий в Пермь, где меня ждёт Острогорский. На квартире всё благополучно. О даче никаких сведений – ни дурных, ни хороших. Очень соскучился по тебе и детям.

Целую вас всех крепко-крепко.

Твой П.

№ 10 Ю.П. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ¹

10 октября 1917 г.

Иркутск

Мой мальчик, вчера получил твоё письмо и очень ему обрадовался. У нас здесь, в Иркутске, совсем зима. Холодно, но снегу оч[ень] мало, и поэтому больше ездят на колёсах. Река Ангара также ещё не замёрзла, и на ней по утрам несколько человек удят рыбу. Я живу в вагоне, который у меня устроен как комната, но больше хотел бы жить с моими детьми. Когда это будет – не знаю. Целую тебя крепко.

Твой папа.

---

¹ Юрий – сын Преображенских. Юрий Павлович Преображенский (1910–1932), геолог, петрограф.

№ 11 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

30 марта 1920 г.

Иркутская тюрьма, одиночный корпус

Милая моя Мусинька, судя по записке Таты¹, нам не должны дать свидание, и так как у меня нет никакой уверенности, что нам позволят видеться в пути, а что будет дальше, никому неизвестно, то хочу использовать этот момент. Моё самочувствие: спокоен за себя и болею душой за вас. Для себя ничего особенно утешительного не жду, оч[ень] может быть, что в Омске не выпустят до приговора, а каков будет приговор – всё будет зависеть от политической обстановки момента. Во всяком случае, молить о пощаде не буду. Кто знает, может быть, вздумают повезти и в Москву. В Омске наш процесс будет назначен не скоро, и возможно, будет хотя бы временное освобождение на поруки, то попробуй действовать через директора Учительского института Николая Осиповича Рашкова, т.е. не может ли взять меня на поруки Учительский союз. Рашков на вид оч[ень] мрачен, но считаю его приличным человеком. С помещением для вас, может быть, поможет устроиться директор 1-й женской гимназии Боборьков, где помещалось мин[истерст]во, или же жена Николая Яковлевича Слободчикова – узнай их адрес у С.В. Кузнецова. Далее как бы ни направился процесс, старайся, чтобы хлопотали за меня больше организаций – напр[имер], Геологический комитет, Академия наук (через Ольденбурга²), Оренбургское народное дело, Пермский университет. Основываясь чисто на деловых соображениях, им легче добиться и скорейшей ликвидации дела или изменения хотя бы и состоявшегося уже приговора в сторону предоставления мне возможности вести учёную работу.

Если бы вдруг оказалось, что меня более не выпустят и повезут даже в Москву, то оч[ень] тебя прошу туда уже не ездить, а хлопотать через других. Вообще западнее Перми детей возить нельзя, и если бы случись, что и Омском дело

не ограничится, то полагаю – самое удобное переехать в Пермь. Тата может получить где-ниб[удь] работу, ты тоже, а вместе с этим, возможно, и Тате продолжить учение, и Юра не останется без образования; да и сношение с центром всё же легче. Но всё это планы, пока ещё ни на чём не основанные, но я склонен сейчас строить предположения, может быть и умышленно более дурные, чем то, что мне грозит на самом деле, чтобы не получилось сюрприза, вроде неожиданного последнего ареста. Здесь нам передали, что Попов ещё [*неразборчиво*] будем перед отъездом арестованы, нам же говорил совсем другое – словом, иезуитничал совершенно без всякой нужды. Ну да ладно – не до них.

Не хочется говорить о делах – мысли заняты тем, как ты и Юра будете существовать дальше. Тата должна становиться на свои ноги, хотя на крепость их не оч[ень] надеюсь, оч[ень] уж в ней ещё неуверенности и ребячества много. Ты же у меня такая не прочная, что надорваться и надломиться тебе ничего не стоит. Ну да что загадывать – от судьбы не уйдёшь, а что будет дальше – увидим.

Хотелось бы, чтобы дети не вынесли из всего этого ненужного озлобления и ощущения, что кто-то «лично» виноват. Того, что случилось, не исправишь, а их жизнь этим может быть отравлена, будет лучше, если тот же Юра постепенно поймёт, за какие идеалы мы боролись и чему отдали свои силы. Целую вас всех, мои дорогие, без конца.

Ваш папа.

---

¹ Наталья Павловна Преображенская (1901–1999), дочь Преображенских.

² Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934), русский востоковед, один из основателей российской индологической школы, академик. Непременный секретарь Академии наук с 1904 по 1929 гг.

№ 12 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

30 марта 1920 г.

Иркутская тюрьма

Татуся моя, не знаю, придёт ли нам ещё раз говорить с тобою [...] Береги маму, ей так тяжело будет дальше, что без твоей помощи ей не выдержать, и, может быть, вы сбережёте и Юру, и, может быть, создадите для себя сносную жизнь. За меня, что бы ни случилось, не беспокойся. Чистая совесть даёт мне такое спокойствие, кроме того, я прожил такую интересную и содержательную жизнь, так много пережил и почувствовал, что испортить этого ничем нельзя, и отнять у меня моё имя никто не может. Мне и дальше остаётся лишь быть собой. Не хочу давать тебе советов. Постарайся быть доброй ко всем, и прежде всего к маме и Юре, а остальное приложится. Уверен, что ты будешь хорошо учиться: теперь это единственное умение и знание у тебя никто не отнимет и не реквизирует. Помни, что папа тебя крепко-крепко любит тебя, и постарайся ради этого сдерживать себя.

Целую тебя, моя дочка, без конца.

Твой папа.

14 мая 1920 г.

Омская тюрьма, камера № 8

К нам в камеру поместили проф[ессора] Новомбергского¹, бывшего до сих пор на свободе, и он принёс нам так много фактов, рисующих современные настроения и течения в Омске, что наша судьба нам представляется совершенно иначе, и я думаю, что это письмо ты получишь тогда, когда меня уже не будет в живых. Не скажу, чтобы я с удовольствием выговаривал эти слова и что всякая надежда во мне потухла, но, разбираясь объективно, я вижу, что из всех привлечённых к суду мало людей, которых бы можно было привлечь как действительно в чём-либо виновных, что придётся расправляться с наиболее выдающимися по положению, вне зависимости от их действительной деятельности; тогда, как ни выбирай, а я попадаю в первые 5–8 человек, для которых обвинение будет требовать смертной казни и которые её получают. Я так глубоко убеждён в этом после того, как узнал, что расстрелян святой И.А. Козырев², что о самом факте не хочется и говорить; надо быть каким-то безудержным оптимистом, чтобы, сравнивая себя и Козырева, не сделать и соответствующих выводов. Кое-какая, оч[ень] слабая надежда может основываться на тех ходатайствах о моём освобождении, которые подают разные советские учреждения, но, судя по обвинительному акту, желание расправиться так велико, что такие пустяки, как мои знания и опыт, это тлен и суета и не сыграют никакой роли. Козырев и [неразборчиво] тоже ведь инженеры, и не маленькие.

Боюсь ли я смерти? Пробую себе отдать себе ясный отчёт и думаю, что нет. Я не хочу сказать, что уже совсем равнодушен к жизни: в ней ты, дети, любимое дело, но я шёл по определённой дороге, и раз волею судьбы она приводит к роковому концу, то что делать. Мучить ведь не будут, а конец это – момент. Постараюсь, чтобы душа не дрогнула и за время от приговора до казни, но это, конечно, увидите, [так как] сильно будет зависеть от обстановки.

В связи с ожидаемым концом все мысли о тебе и о детях, и больше всего, о чём я думаю, это о тех муках, которые будете переживать ты и Татуська. Мой мальчик, к счастью, мал для этого, но для тебя перспективы так тяжелы, что я прямо умоляю тебя помнить, что ты нужна Юре, что без тебя его гибель неминуема. Насколько только хватит сил, держитесь все вместе и друг за друга, авось тогда доживёте и до более светлых времён и будете иметь счастье видеть, что наша память и наша работа получают справедливую оценку.

П.

¹ Новомбергский Николай Яковлевич (1871–1949), историк права и медицины, экономист, педагог, профессор. В конце 1918 – начале 1919 гг. – товарищ (заместитель) министра внутренних дел Российского правительства при верховном правителе А.В. Колчаке.

² Козырев Иван Афанасьевич (1856–1920), начальник Омской железной дороги, расстрелян по приговору Чрезвычайной комиссии.

№ 14 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ И Н.П. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

20 мая 1920 г., 12 часов дня
Омская тюрьма, камера № 8

Защитник и начальник тюрьмы говорят, что казней, наверное, не будет, но, очевидно, пессимизм так глубоко засел в меня, что я этому не верю и готовлюсь к наихудшему исходу. Только бы не тянули. Пришли «с воли» Хроновский¹ и Малиновский² и говорят про цены такие вещи, что я прямо пришёл в ужас и недоумеваю, чем ты живёшь. Труднее жить, чем не жить, и как ты, моя родная, справляешься, прямо себе не представляю. Да спасёт вас судьба.

Прощай, без конца целую тебя и детей. Научи Юру помнить меня.

П.

Татуся, моя милая, хорошая девочка, прощай. Не забудь папу. Помни, что можешь смело всем смотреть в глаза, когда будут говорить обо мне. На моей совести нет ни крови, ни денег. Твой папа.

¹ Хроновский Иван Неронович (1864–1921), государственный и финансовый деятель, товарищ министра финансов в правительстве Колчака.

² Малиновский Михаил Алексеевич (1871–1921), адвокат и политический деятель, товарищ министра юстиции в правительстве Колчака.

№ 15 РУКОВОДСТВУ ГОРНОГО ФАКУЛЬТЕТА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

15 июля 1923 г.

М.Г.¹, Александр Иванович², позвольте прежде всего в Вашем лице поблагодарить весь факультет за то лестное доверие, которым Вам угодно было почитать меня, избрав на должность декана горного факультета.

В то же время я не могу не высказать сожаления, что предметные комиссии нашли возможным выставить мою кандидатуру, не дав себе труда предварительно справиться о моём согласии занять пост декана.

Благодаря этому, создалось положение, едва ли удобное и для факультета, и для меня лично, почему, во избежание дальнейших недоразумений, я прошу Вас принять от меня нижеследующее заявление.

Я привык в своей академической работе исходить из основного требования: единства линии правления вуза и хотя бы руководящей части профессуры. Между тем, мне с приходом к большому сожалению констатировать тот факт, что в Уральском государственном университете отношения, сложившиеся между правлением и большинством профессуры, таковы, что ни о какой совместной работе этих двух групп не приходится и мечтать.

В то же время я держусь того взгляда, что как бы ни было сильно правление, но надеяться вести университет вопреки воле большинства профессуры – большое заблуждение, и пока путь соглашения не найден, никакие, хотя бы и

единогласные кандидатуры деканов не помогут за отсутствием атмосферы для спокойной деловой работы.

Исходя из этого, чувствую своё полнейшее бессилие помочь факультету при сложившейся обстановке, я благодарю за сделанную мне честь и решительно отказываюсь принять избрание.

П. Преображенский.

---

¹ Милостивый государь (устар.).

² Вероятно, Крылов Александр Иванович (1877–?), горный инженер, первый декан реорганизованного в 1921–1922 гг. рудничного факультета Горного института Уральского государственного университета в Екатеринбурге.

№ 16 В.А. ОБРУЧЕВУ

12 ноября 1924 г.

Дорогой Владимир Афонасиевич, собранные мною сведения о г. Тальвинском его не рекомендуют. Энергии много, мораль слаба – лучше годится для административной службы, для научной едва ли пригоден. Я сам инж[енера] Тальвинского совершенно не знаю и, поэтому, никакого собственного мнения о нём не имею.

Разрешите спросить, почему нужно посылать на Лену кого-то другого, когда там есть Селиховкин, которого Вы, конечно, знаете. Чудесный парень, толковый, солидный. Разве что в технику ушёл?

Я переселился в Питер со всеми чадами и домочадцами. Имею хорошую квартиру в 4 комнаты (Вас[ильевский] о[стро]в, Тучков пер., д. 6, кв. 4), а так как, благодаря друзьям большая часть обстановки уцелела, то и есть на чём сидеть и лежать. Словом – всё в порядке. Лето провёл в больших передвижениях: сначала Богословский округ – по вопросу о сохранении Фёдоровского музея¹, затем Усолье-Пермское – по вопросу бурения на соль, далее Павлодарский соляной район – для составления программы исследования соляных озёр, и наконец, август и сентябрь – в Кокчетавском уезде на съёмке и по разведке Ишимского свинцового месторождения. В Питер вернулся 17 октября.

Сейчас занят сметами по бурению на калийные соли около Соликамска. Дело очень крупное, надо втянуть в него Наркомзем². Не можете ли Вы и Серёжа³ помочь этому предприятию? Комитетская смета – 15 тыс., а нужно около 75 тыс. руб., и моё мнение, что его надо ставить именно в этих размерах – тогда выйдет толк. Не возьмётесь ли Вы или С.В.⁴ проводить это дело в Москве. Сообщу все материалы. Почти готов гарантировать благоприятный результат бурения.

Сердечный привет Елизавете Исааковне⁵.

Ваш П. Преображенский.

---

¹ Фёдоровский геологический музей основан в 1894 г. в городе Краснотурьинске Свердловской области учёным-кристаллографом, геологом Е.С. Фёдоровым (1853–1919).

² Народный комиссариат земледелия.

³ Обручев Сергей Владимирович (1891–1965), геолог, исследователь Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока, академик. Сын В.А. Обручева. В 1929 г. работал в Геологическом комитете ВСНХ СССР.

⁴ См. прим. 3.

⁵ Обручева Елизавета Исааковна (урождённая Лурье; [?–1933]), первая жена В.А. Обручева.

№ 17 В.А. ОБРУЧЕВУ

23 февраля 1929 г.

Дорогой Владимир Афонасиевич, в [Геологическом] комитете атмосфера до того сгущается, что невольно начинаешь думать, ради чего мы все держимся за это учреждение, как будто на нём свет клином сошёлся, и не всё ли равно, где при таких условиях служить, если только есть какая-либо возможность и жить, и делать своё дело.

Словом, у меня создаётся определённая тенденция к уходу, но куда?.. Между прочим, в числе возможностей – «Союззолото». Но прежде чем даже пытаться, я желал бы слышать от Вас добрый совет старого шефа – стоит ли с этим учреждением связываться.

Я, конечно, никакого административного поста занимать определённо не желаю, но если бы, напр[имер], мне дали возможность вести геологическую съёмку Кокчетавского золотоносного района, то я бы согласился заведовать и всеми разведками в этом районе. Готов торчать в районе 5 месяцев и раза два по месяцу бывать там и зимой, смотря по нужде.

Года на 4, на 5, там работы хватит, а дальше? Да чего сейчас думать о «дальше».

Конечно, это всё пока одни мечты, но на каких условиях их можно осуществить, и что это может дать реального в смысле вознаграждения?

Если у нас ничего не изменится, то думаю, что не у одного меня такие же мысли появятся, но пока все мы, да и я в том числе, и слишком консервативны, и слишком верим, что в [Геологическом] комитете ещё что-то осталось из невесомых ценностей.

Словом, если найдёте минутку подумать о моей просьбе, то сообщите, что думаете и по принципиальному вопросу – о возможности вообще иметь дело с «Союззолотом», и чисто о конкретном осуществлении моего плана – заняться геологической съёмкой и разведками в Кокчетавском районе.

Сердечный привет.

П. Преображенский.

№ 18 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

8 декабря 1932 г.¹

Москва

Хорошо ты сделала, дорогая, что не поехала в Москву, – таскать своё горе по чужим людям долго тяжело, что вчера я не в силах был куда-нибудь пойти по знакомым, и надо было убить время от 6 до 10, когда можно было вернуться к Ржевским и под предлогом усталости без разговоров улечься спать. Ходил по улицам, но так как пошёл мокрый снег, то зашёл в кино. Попал на тяжёлую драму, политического оттенка. Расставание матери с сыном – и тут, значит, не легче стало. Зашёл в кафе, найти чаю, и уже в 10½ пришёл на ночлег. Устроен хорошо и удобно.

Влад. Алекс. не видел – он в отсутствии целый день и вечером тоже не было. Любовь Александровна сильно ослабла и не выходит из дому. Привечают как могут, но разве нам можешь? Сегодня иду в Госплан, Министерство удобрений и Калийтрест, а затем заеду в Союзразведку. Что буду делать вечером, не знаю. Целую очень крепко всех.

Папа.

---

¹ Письмо написано вскоре после смерти сына Преображенских Юрия (ум. 27 ноября 1932 г.).

№ 19 В.А. ОБРУЧЕВУ

Февраль 1935 г.

Ленинград

Дорогой Владимир Афанасьевич, может, Вы припомните, как много лет тому назад Вы присылали ко мне отчёт по летней практике каких-то (нигде у меня не записано каких, а вспомнить их фамилии не могу) юношей из Ваших учеников по Горной академии, где они описывали встреченные ими несомненные купольные структуры на отрогах Общего Сырта в таких местах, где до того никто таких сооружений не отмечал. Я помню, очень заинтересовался тогда этим фактом, но по своей непредусмотрительности ничего не записал, не думая, что мне это самому когда-нибудь жёстко понадобится. И вот сейчас так и случилось: надо выяснять северную границу купольной области, а материала – кот наплакал. Не припомните ли Вы и не поможете ли мне в этом направлении. Буду страшно признателен, если хоть натолкнёте на путь, по которому можно найти некоторые следы, так как я почему-то уверен, что и до сих пор участки, о которых сообщалось в указанном отчёте, наново съёмкой не освещались.

Сердечный привет.

П. Преображенский.

№ 20 Директору ЦНИГРИ¹

15 июня 1936 г.

РАПОРТ

Внезапная болезнь ноги, по-видимому, затяжная, резко ограничила для меня возможность пешего передвижения. Попытка проведения работы, при которой мне почти не приходилось ходить, – поездка на Омскую железную дорогу – показала мне, что я должен считаться выбывшим из строя как полевой работник.

С другой стороны, мой возраст не позволяет мне надеяться, что, даже вылечившись от болезни ноги, буду в состоянии активно нести обязанности действительного члена ЦНИГРИ.

Ввиду этого я прошу предоставить мне для лечения двухмесячный отпуск, по истечении которого совершенно освободить меня от работы в ЦНИГРИ.

Ввиду истечения (1 мая 1936 г.) 35-летнего срока моей работы в Геологическом комитете и в ЦНИГРИ, и так как я не собираюсь переходить ни на какую другую службу, я прошу дирекцию оказать мне содействие в получении академической пенсии.

Действ[ительный] член ЦНИГРИ П.И. Преображенский.

---

¹ Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт. Директором ЦНИГРИ в 1936 г. был назначен Ю.К. Краукле (1888–?).

№ 21 Н.П. ОРЛОВОЙ

19 мая 1940 г.

Кисловодск

Наконец-то погода действительно исправилась, и третий день у нас тепло, а вчера и сегодня даже жарко. Нового у нас, конечно, ничего нет, да и откуда это новое здесь возьмёшь. Не нравится мне, что от тебя нет ответа на посланную три дня назад телеграмму. Если не получу завтра ответ, запрошу тебя ещё раз.

Настроение серое, порядочно всё здесь надоело. Раздражает появившаяся ни с того ни с сего боль в левом боку, которой не было почти полтора года. Болит не сильно, но всё же болит. Условился со своим соседом по столу, главным хирургом бывш[ей] Покровской общины, проф[ессором] Самариным¹, что по возвращении в Ленинград приду к нему в клинику на рентген. Говорит, что прямо интересно, что у меня болит. На всякую гадость есть интересующиеся.

Со стороны сердца не чувствую никаких недомоганий, но, помня наставления проф[ессора] Вальдмана², от нарзанных ванн, которые предлагал назначить мне директор санатории, я отказался; по-видимому, обиделся. Аллах с ним.

Как-то у нас с детьми?
Целую всех крепко.

Папа.

---

¹ Самарин Николай Николаевич (1888–1954), хирург, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР.

² Вальдман Артур Викторович (1924–1990), учёный-фармаколог, доктор медицинских наук, профессор, академик.

№ 22 В.Н. ПРОКОШЕВУ¹

(Молотовская область, Соликамск, ул. 3-го Интернационала, д. 23)

4 июля 1941 г.
Ленинград

Дорогие Василий Николаевич и Екатерина Матвеевна, прошу вас помочь, как сумеете, моей семье, т.е. моей дочери и её детям, которые волею судеб должны выезжать из Ленинграда. Я полагал, что привезу их в Соликамск сам, но события идут так быстро, что им приходится выезжать одним без меня, и совершенно неизвестно, когда я попаду на то место, где я сейчас могу принести наибольшую пользу.

Я, может, попаду в Соликамск, может, нет. Во всяком случае, если будем живы, увидимся и поработаем и далее. Пока я нужнее здесь, в Институте [галургии].

Шлю сердечный привет вам обоим.

Ваш П. Преображенский.

---

¹ Прокошев Василий Николаевич (1903–1977), биолог, агроном, крупный учёный в области сельскохозяйственной науки России и Предуралья. В годы Великой Отечественной войны – директор Соликамской опытной станции калийного комбината.

№ 23 Р.Ю. ОРЛОВУ¹

(Соликамск)

22 сентября 1941 г.

Мой милый мальчик, вчера получил твою открытку от 31 августа и очень ей рад. По ней вижу, что ты занимаешься хозяйством, и значит, и маме, и тётке Зине от тебя есть помощь. Имей в виду, что на руднике есть хорошая библиотека и в ней немало книг, которые тебе следует знать. Да и не всякому удаётся побывать на большом калийном руднике, поэтому как-ниб[удь] напросись к Ю.В.² и побывай с ним, там оч[ень] интересно. Между прочим, не могу сообщить, где это на ул[ице] Сталина вы живёте. Кажется, хорошо знаю рудник,

а не помню, с какой стороны начинается нумерация домов: от рудника или с противоположной стороны? По-видимому, где-то в центре. Ну а там, кроме песку, нет ничего. Да и вообще Соликамск окрестностями не блещет. Как-ниб[удь] с Ю.В. сходите на карналлитовый рудн[ик]. Там есть замечательные ключи, бьющие из земли. Ты ничего не пишешь про грибы. Должно быть, в этом году их мало, а вот в [19]39-м так было не обобратиться. У нас с бабушкой также были один раз белые грибы – вот это так редкость. Поцелуй от меня Наталочку³. Надеюсь, что если она и не очень хорошая, то ты-то её не обижаешь. Олика⁴ крепко целую.

Дедушка.

¹ Роман, внук Преображенских. Орлов Роман Юрьевич (1929–2005), геолог, специалист по лазерной спектроскопии, кандидат геолого-минералогических наук, автор более 100 научных работ.

² Ю.В. – Морачевский Юрий (Георгий) Витальевич (1894–1961), химик-аналитик, специалист в области геохимии, профессор Ленинградского горного института. В 1941 г. вместе с Всесоюзным институтом галургии был эвакуирован в Соликамск.

³ Наталия, внучка Преображенских. Заварзина (урожд. Орлова) Наталия Юрьевна (род. 1937), виолончелистка, преподаватель Московской средней специальной музыкальной школы – колледжа им. Гнесиных. Почётный работник культуры города Москвы.

⁴ Олег, внук Преображенских. Орлов Олег Юрьевич (род. 1932), биолог, специалист в области зрения человека и животных, кандидат биологических наук, доцент.

№ 24 Н.П. ОРЛОВОЙ

(Соликамск)

16 октября 1941 г.

Москва

Родная моя, получил вчера от тебя полную любви открытку (через Ю.А.¹), и до того наше на данный момент положение не соответствует твоим ожиданиям, что просто больно писать тебе это письмо, которое может оказаться последним.

Вышло совсем глупо: сюда, в Москву, привезли на аэроплане, а здесь с вопросом о местоположении ВИГа задержали до того, что положение Москвы сделалось более опасным, чем Ленинграда, и началась паника, в которой я, как не состоящий ни в одном здешнем коллективе, остался ни при чём. Словом, вчера вечером удрало всё моё непосредственное начальство, билет на поезд, заказанный из наркомата, мне не гарантируют, так как на дорогах, очевидно, творится чёрт знает что такое, удастся ли выехать с каким-ниб[удь] эшелонном – не ясно, и так как человек, который мог мне помочь, тоже вчера удрал, то мы все оказались на мели. Теперь весь вопрос, удастся ли выехать Ю.А., что гораздо важнее для всей нашей будущей жизни, чем выезд мой и мамы. Тут уже ничего не скажешь, и мы, конечно, все стараемся не думать о том, что будет дальше. Может быть, мы выедем, а Ю.А. застрянет. Может случиться наоборот. И вот, если ты получишь это письмо без нас с мамой, то помни одно: наша любовь к

тебе бесконечна, и если я бываю недоволен тобой и ворчу и на словах и в письмах, то потому, что мне хочется, чтобы ты была более приспособлена к жизни, чем ты оказываешься теперь.

Родная ты моя, я и так знаю, что ты очень привязана ко мне и крепко любишь меня, поэтому так радостно настроена в письмах, написанных по получении известий о нашем выезде из Ленинграда. Тем тяжелее мне переживать обман твоих ожиданий. Но опять и опять хочется сказать: не в нас с мамой сейчас дело. Дети – вот что должно быть основной заботой твоей и Ю.А., и по этой линии должна быть построена твоя жизнь, какова бы она ни была.

Хотелось бы тебя крепко обнять и ещё более крепко поцеловать. Но мало ли что хотелось бы сделать сейчас нам с мамой, когда рушится целое государство.

Что бы ни случилось с нами на ближайший момент, я не думаю, что это будет обязательно смерть. Возможна, конечно, и она, и тогда ты напрасно думаешь, что уходя я не буду чувствовать тебя рядом с собой. Каков я ни есть, ты для меня [значись] оч[ень] много и стоишь в первом ряду с мамой. Ты и дети, Ю.А. и опять вы все – вот что будет в моих мыслях всё это время, что бы ни случилось с нами.

Ещё и ещё целую тебя, моя родная.

Папа.

---

¹ Ю.А. – Орлов Юрий Александрович (1893–1966), известный зоолог, палеонтолог, член-корреспондент Академии наук СССР, руководитель Палеонтологического института АН СССР. Муж дочери Преображенских – Натальи.

№ 25 С.А. РЕЙНЕКЕ¹

(Ленинград, Геслеровский проспект, 7)

31 декабря 1941 г.

Соликамск

Дорогая Сусанна Александровна, очевидно, когда не везёт, то не везёт всерьёз и надолго: я, по крайней мере, сколько ни пишу в Ленинград, тем не менее ответа решительно ни от кого с 28 сентября не имею. Наверное, хоть часть из моих друзей и знакомых остались в живых и не замёрзли, но признаков этого ни я, ни М.Р., ни Тата не ощущаем, поэтому Вы можете представить наши настроения в сегодняшний вечер. О себе как-то, по сравнению с Вами, не хочется и рассказывать, и все наши беды это пустяки, в сравнении с тем, что испытываете нередко вы все. Хотелось бы почаще, т.е. хотя бы раз в месяц, знать, что за минувший период число ушедших навсегда не увеличилось, что Вы живёте ещё у себя и не скитаетесь по чужим домам. Даже и это было бы очень немало!

Мы все, за исключением Севы, сегодня вместе, и это при современных условиях так много, что можно не думать о ряде мелких, относительно, неприятностей, с которыми не может быть не связана война такого масштаба, как веду-

щаяся сейчас. Я как будто достаточно прочно сейчас связался с Соликамским районом, и едва ли куда двинусь отсюда до весны. Здоровьем похвастаться не могу, М.Р. тоже, у детей привычка хворать не усилилась, но и не ослабела, так как климат здесь ещё хуже ленинградского. Все мы очень надеемся, что в новом году связь с Ленинградом будет гораздо более тесная и постоянная, и мы, хотя бы и издали, но будем ощущать существование друг друга. Я бы готов посидеть и за чашкой, пускай пустого чая, но только бы перекинуться несколькими мыслями с друзьями, и, по-видимому, это настроение владеет очень и очень многими из находящихся здесь ленинградцев.

С нетерпением ждём известий именно от Вас, пишем, если и не всем, то очень многим, но увы! Пока только ждём ответов. Посмотрим, что в этом отношении даст новый год.

Все приветствуем Вас самым сердечным образом и надеемся на достаточно скорое свидание с Вами.

Всегда преданный Вам П. Преображенский.

---

¹ Рейнке Сусанна Александровна (1893–?), преподаватель латыни 1-го Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова. Соседка Преображенских по двору на Геслеровском проспекте, в Ленинграде.

№ 26 Ю.А. ОРЛОВУ

(Алма-Ата)

4 мая 1942 г.

Соликамск

Третий день пишу подряд: вчера Тата с детьми – Романом, Олегом и Наталкой – в обычное для отхода соликамского пассажирского поезда время, с опозданием на полчаса, то есть в 5 часов 15 минут, выехала в Свердловск. В качестве провожатых я дал ей из Соликамска двух девчонок-лаборанток, которых послал в Свердловск получить реактивы и посуду, да из Березников одного толкового рабочего. [...]

У нас сразу стало тихо и грустно. Все мысли о том, как то едут наши путешественники, здоровы ли, не растерялись ли, как им помогают спутники, и всё прочее. [...]

Я переселяюсь в Татину комнату, которую делаю и своей спальней, и своей рабочей комнатой. Таким образом, я избавляюсь от соседства телефона, которым непрерывно должны пользоваться для деловых переговоров мои сотрудники.

Вчера случилась замечательная вещь: машина, которую нам дали для перевозки вещей и пассажиров, была газогенераторная – на чурках. Начали мы грузиться дома в 2 часа дня, конечно, не всё было готово. Затем, когда уже поехали на вокзал, оставив пассажиров дома, я, уже отъехав порядочное расстояние, вдруг обнаружил, что забыл на столе решительно все командировочные документы Таты и её спутников. Пришлось вернуться.

На вокзале возня с покупкой билетов и хлопоты по получению разрешения взять весь багаж в вагон, заплатив за него как за багаж, заняли очень много времени, и пришлось ввиду этого сильно задержать машину. Наконец, послали. Вещи погрузили – народу я нагнал из своих сотрудников достаточно – сидим, ждём. Уходит поезд в 4 часа 47 минут, а наших всё нет и нет. Наконец, приехали в 4 часа 40 минут, а то я уже начал думать – не сломалась ли машина, и что нам делать, если они в самом деле не приедут.

Решили ехать в Березники (я и инженер Иванов) и там выброситься со всеми вещами. Самое пикантное, что машина, в конце концов, всё же нашла необходимым сломаться, но сделала это, когда надо было ехать с вокзала домой, и все шли оттуда пешком. Вот было бы здорово, если бы это случилось раньше.

Будьте здоровы.

Желаю всех благ.

Ваш П.П.

№ 27 Ю.А. ОРЛОВУ

(Алма-Ата)

11 мая 1942 г.

Соликамск

Так вот, дорогие, уже неделя, как Тата уехала, и вдруг оказалось, что она никуда далее Свердловска не продвинулась. Кто в этом виноват, и как это случилось, когда пятого мая я говорил с Геккером¹, и эшелона ещё не было, а Тата была уже в Свердловске, ничего не знаю, так как разговаривала с Татой вчера М.Р., а меня дома в это время не было. Другая неприятность, что у Таты в Тагиле спёрли чемодан с детскими вещами из-за напившегося её провожатого рабочего, который был дан ей в подмогу, а он «подмог», нечего сказать. Придётся теперь ребят экипировать, и было бы невредно, чтобы вы приняли это обстоятельство во внимание и сделали бы те или иные шаги для получения на ребят некоторого количества готовых вещей или мануфактуры через академические снабженческие органы. Буду пробовать то же сделать и я у себя в главке и наркомате – ну а что из этого выйдет – увидим. С Татой в одинаковом положении оказалось, по её словам, 33 человека; они хлопочут о предоставлении им жёсткого вагона, но вчера Тата о результате этих хлопот ещё ничего сказать М.Р. не могла.

Тата и дети здоровы, живут у сестры Геккера, говорит, что как-то питаются и не голодают, но как именно М.Р. подробно расспросить не имела возможности, а представить себе это теоретически довольно трудно, Вы, пожалуй, это сделать можете лучше, чем я.

К сожалению, ничем отсюда помочь не могу. Наличие Ефремова² и Геккера в Свердловске не позволяет мне смотреть на дело очень пессимистично, да и Тата вчера говорила М.Р., что «свет вообще не без добрых людей».

Досадно, что как раз здесь, благодаря одному крупному договору М.Р. с директором Флегонтовым, вся профессорская братия (т.е. я, Морачевский, Эдельштейн³, Чирвинский⁴ и Фивег⁵) имеем сейчас специальные пропуска в столовую на получение коммерческих обедов на всех членов семьи, т.е. я – на 7 человек, Морачевский – на 5 и т.д. Это хотя и стоит довольно дорого, но зато можно быть сытым, а то перед Татиным отъездом наше пропитание свелось к весьма скромным порциям, и ребята с Татой воспользовались добытыми благами только три дня.

Я из Москвы ответа на мои прошения об освобождении от должности директора до сих пор не имею, из Фрунзе, наоборот, торопят с приездом. Чувствую себя неплохо, хотя днями, как, например, вчера, почти не спал, и поэтому целый день не мог работать из-за головной боли.

Злой стал до того, что на людей кидаюсь ни с того ни с сего, а характер совсем испортился, и всё решительно меня раздражает. Говорят, что некоторые сотрудницы прямо и не заходят ко мне из-за боязни быть обязательно выруганными. Постарайтесь и Вы не так долго задерживаться на посту замдиректора, чтобы не сделаться таким же «чортушкой».

Крепко целую Вас и Севу⁶. Привет Шлыгиным. Передайте привет знакомым геологам – напр[имер], Кассину.

Ваш П.П.

---

¹ Геккер Роман Фёдорович (1900–1991), палеонтолог, профессор, основатель российской палео-экологии. В 1941–1942 гг. работал в Экспедиции особого назначения Института палеонтологии Академии наук СССР на Урале.

² Ефремов Иван Антонович (1908–1972), учёный-палеонтолог, основоположник тафономии, писатель-фантаст, общественный мыслитель. В 1941–1942 гг. работал в Экспедиции особого назначения Института палеонтологии АН СССР на Урале.

³ Эдельштейн Яков Самойлович (1869–1952), геолог и географ, один из основоположников советской геоморфологии, крупный исследователь Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Урала.

⁴ Чирвинский Пётр Николаевич (1880–1955), учёный-геолог, специалист по минералогии метеоритов, профессор. В 1943–1953 гг. – заведующий кафедрой петрографии Молотовского (Пермского) государственного университета.

⁵ Фивег Михаил Павлович (1899–1986), геолог, специалист в области геологии, поисков и разведки агрохимических полезных ископаемых. С 1940 г. – главный инженер геологоразведочных работ Всесоюзного института галургии, участник работ на Верхнекамском месторождении калийно-магниевых солей.

⁶ Всеволод – старший внук Преображенских. Орлов Всеволод Юрьевич (1929–2001), физик, специалист по масс-спектрометрии, кандидат химических наук.

№ 28 ГЕОЛОГУ Д.И. ЯКОВЛЕВУ

(Фрунзе)

12 мая 1942 г.

Соликамск

Дорогой Дмитрий Иванович, чистое горе – состояние нашей связи на настоящее время: надо быстро делать дела, а как станешь их делать, когда договориться о самых простых вещах, значит потерять недели две-три, а то и больше. Вот мне сейчас надо собирать народ, заказывать копии чертежей, посылать с поручениями выдирать реактивы и посуду – всё это требует денег, денег и денег, а ответа от Каримова насчёт перевода 10 000 р[уб]. нет и нет. Конечно, им, может быть, кажется несколько странным, что не успел человек договориться о деле, как требует довольно – на их масштаб – солидную сумму денег перевести в его распоряжение, но, если они желают, чтобы дело делалось по-настоящему, то скажите им, что моё имя мне дороже, чем какие-то паршивые десять тысяч, и пускай идут на риск. Я сейчас ворочаю куда большими суммами и не пугаюсь, а у меня прав (формальных) куда меньше, чем у СНК Киргизии, представляющего республику. Словом, добивайтесь от Каримова посылки мне если не денег, то, как указано в телеграмме Вам (от 11 мая 1942 г. № 228), засвидетельствованной телеграфной доверенности производить связанные с даваемым мне поручением расходы в пределах 10 тысяч рублей. Так и быть, буду тратить деньги Института галургии, но, конечно, пока в очень скромных размерах.

Я, например, не могу выслать к ним основного работника – инженера Галушко, которому нужна солидная сумма, не менее 2–3 тысяч рублей, для приведения своих дел в порядок, прежде чем он сможет окончательно порвать с Соликамском и Уралом вообще. Ведь сейчас, когда человеку надо перебираться на такое большое расстояние, приходится надолго рвать целый ряд связей и строить дальнейшую жизнь и работу по-новому. Поэтому передайте Каримову, что я сделаю всё, что смогу, для ускорения хода работы, но что от них потребуется такое резкое уменьшение формальных требований и ведение многих дел не по-новому, а по-старому, то есть полагаясь на людей, которых приглашают на работу. Мне сейчас эти современные формальности прямо закрывают работу, но тут я ничего поделать не могу – таковы требования Главного управления¹, которому я подчинён. Если СНК Киргизии также бессилён перескочить через все формы, и никакой реальный риск для него невозможен, как и для меня, то нам в этом году каши не сварить, и хорошо, если мы начнём работу в августе-сентябре. Ну да что скажешь заранее: поживём – увидим.

Пожалуйста, сообщите, есть ли в той лаборатории, о которой мне писал П.К. Чихачёв (кажется, принадлежащей Геологическому управлению), в которой мне обещано два лабораторных места, муфельная печь? Мы собираемся делать опыты и по очистке соли плавлением, учитывая дороговизну воды и большое потребное количество её для соляного промысла Джелды-Су. Для это-

го нужна порядочных размеров, прилично оборудованная печь, и если таковой во Фрунзе не имеется вообще, то мне надо будет учесть и искать это устройство где-то поблизости. Пожалуйста, при переписке сообщайте систематически и не боясь повторений, что Вы от меня получили и что писали или телеграфировали. Я от Вас лично имею: только письмо от 7 апреля. От Чихачёва – письмо с приложениями (без его адреса) от 4 апреля. Вам посланы – большое письмо с приложениями от 4 мая и телеграмма от 11 мая. От Каримова имею телеграмму от 1 мая. Ответил двумя телеграммами от 4 мая – о переводе 10 тысяч [руб.] и о вызове меня через наркомхима Первухина² и телеграмма от 8 мая – об объёме добычи пищевой соли на Джелды-Су в [19]44 году, надо знать при построении проекта работ.

Ответа на эти телеграммы пока нет.

Сердечный привет.

П. Преображенский.

---

¹ Всесоюзный институт галургии (ВИГ) находился в ведении Главного управления горнохимической промышленности СССР (Главгорхимпром).

² Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978), советский государственный деятель. В 1942–1950 гг. – народный комиссар химической промышленности СССР.

№ 29 Ю.А. ОРЛОВУ

17 мая 1942 г.

Соликамск

Дорогие мои, не знаю, когда придёт к вам это послание, но, наверное, когда оно будет у вас, то многое неясное сейчас делается более ясным, и в большом масштабе, и в малом. Началось наступление немцев у Керчи. Не думаю, чтобы это было их капитальным наступлением, – как ни как, а Керченский пролив слишком сильное добавочное препятствие, чтобы им можно было пренебречь, и как ни интересно зайти нам в тыл на Северном Кавказе, но не думаю, чтобы основной план немецкого наступления был связан с этими операциями; скорее, это предвещает значительное усиление нажима на Севастополь, но не более, – увидим.

Увидим также и результаты нашего наступления на Харьковском направлении. Думаю, что с нашей стороны это не диверсия, а нечто солидное – опять-таки, когда вы получите это письмо, роль этого наступления должна выясниться. Пишу это, если хотите, больше для того, чтобы на этих частичных операциях проверить правильность своих более крупных предположений, о которых нет смысла и писать за отсутствием официальных материалов.

Вообще же пишу о таких больших вещах лишь потому, что моя жизнь на ближайшие месяцы будет тесно связана с нашим общим положением, и где я должен буду очутиться, скажем, в августе, будет целиком зависеть от наших успехов на фронте. Я, как вам уже писал и телеграфировал, получил очень для меня интересное предложение от СНК Киргизии заняться их солями. Дело

очень хорошее и стоящее, но ясно, что я один его не проверну и что нужен коллектив специалистов, который, кстати сказать, у меня имеется, чтобы реализовать имеющиеся возможности.

Начал сноситься с Фрунзе телеграммами, но, конечно, для того, чтобы что-то двигать в солидном масштабе, нужны деньги, а как только я телеграфировал об этом – киргизы сразу замолчали. Если они думают, что я так богат, что могу взять на свой счёт подготовительные работы крупного масштаба, то, конечно, ошибаются, а я, конечно, начинаю думать, что эти предложения недостаточно серьёзны, чтобы очень на них рассчитывать и связывать с ними свои большие планы.

Таким образом, чтобы вы знали, на чём я могу остановиться, сообщаю вам следующее: сейчас меня вызывают в Москву; вчера получил дополнительную телеграмму, в которой мне разрешается взять одного из своих сотрудников, чтобы он помог мне в дороге, и из этого я склонен сделать вывод, что у Москвы есть какие-то серьёзные намерения, связанные с разговорами со мной, а отсюда следует, что в этих разговорах могут выявиться предложения, которых я даже и не ожидаю. Не скажу, что мне это нравится, но что сделаешь – война! Но может быть и так, что я уже очень о себе возомнил, а дело обстоит проще, и начальству нужно только знать, что же ВИГ в конце концов делает и делает ли вообще что-нибудь. Я бы предпочёл последний вариант.

В случае отсутствия у начальства встречного плана относительно меня, мои намерения складываются таким образом: с Соликамском, за отсутствием здесь достаточного количества работы, желаем расстаться мы оба: я и Ю.В. Морачевский; каковы бы ни были предложения начальства, но если они будут связаны с необходимостью остаться здесь, мы их принять не можем. Кстати сказать, я уверен, что таких бытовых условий, какие вполне определённо намечаются на лето и на ближайшую зиму здесь, я нигде не найду. Иначе говоря, я собираюсь определённо уходить отсюда. Куда? А вот это будет, в первую очередь, зависеть от начальства и его планов относительно меня. Я желаю только одного: не быть более директором, и пойду на всё, что мне будет предложено, лишь бы отвязаться от этого занятия. Если начальство пошлёт меня к киргизам, будет неплохо, но может оказаться, что мне предложат ориентировать своё местоположение на Москву. Мне это очень не улыбается, так как это значит опять дирекция и канцелярщина, от которых я совсем скисаю. Думаю, что от Москвы я откажусь, – страшно соскучился по реальной работе и использовать меня для канцелярских дел – просто не остроумно.

Другой вариант, который мы здесь за эти дни рассмотрели со всех сторон, перенесение ВИГа в Омск. Тут я могу, пожалуй, даже оставаясь директором, заниматься своим настоящим делом, так как всё управление институтом охотно возьмёт на себя Яснопольский, склонный к командованию и любящий администрировать. Если Москва согласится с этим вариантом, то я располагаю свою летнюю жизнь таким образом, что на какое-то время еду на работу по исследованию озёр низовьев р[ек] Талас и Чу, попутно завожу Мар[ию] Рост[иславовну] к вам или во Фрунзе (мне больше нравится второй вариант), а сам живу как и раньше, т.е. не знаю сейчас где, а там – где будет требовать дело. Полагаю,

что этот вариант более реален, чем какие-либо другие, ибо опасаясь, что СНК Киргизии поопасается пойти на дело в том масштабе, в котором предлагаю я, а заниматься пустяками, да притом ещё и в приличных – по линии квартиры и питания – условиях, я могу и не уезжая из Соликамска.

Было бы трогательно, если бы Тата уже доехала до вас, когда к вам придёт это письмо, и вы уже послали бы нам срочную телеграмму о здоровье её и детей в момент приезда. А то вот уже две недели, как она уехала отсюда... [...]

Погода у нас значительно улучшилась и временами, хотя и редко, бывает тепло, и ещё реже – и солнце. Я, готовясь к поездке в Москву, привожу в порядок дела, которые оставляю здесь на Ю.В. Морачевского. К сожалению, страдаю бессонницей, и от этого постоянно болит голова, и очень устаю – зато директор, чёрт возьми! Пока, не смотря на кучу писем в Москву, очевидно, не находят дурака, который взялся бы заменить меня. [...]

Целую вас всех крепко.

П.П.

№ 30 Ю.А. ОРЛОВУ

22 мая 1942 г.

Соликамск

Сегодня, после телеграммы Геккера от 14 мая, наконец получили Татину открытку, написанную 15 мая, опущенную где-то около ст[анции] Называевской¹. [...] Беспокоились мы с мамой эти последние дни очень сильно; каждый день ждали известий, и их всё не было и не было. Не хочется ругаться, но следовало бы – неужели нельзя было послать телеграммы хотя бы в два слова «Едем хорошо».

Готовлюсь к поездке в Москву и как-то не знаю, радоваться мне этой поездке или печалиться. Можно отделаться от директорства – это хорошо, но можно там и застрять – это совсем плохо. Интересно взяться за ту работу, которую предлагают киргизы, а начальство моё не шьёт не порет. Послал ещё 9 мая телеграмму с просьбой разрешить ВИГУ взять эту работу, и до сих пор ни слуху ни духу. Так как тогда же сообщил, что руководить этой работой собираюсь я сам, то боюсь, что потому и ничего не отвечают, что не желают, чтобы я брался за это предприятие, а намереваются преподнести мне какой-то другой сюрприз. Киргизы, наоборот, в качестве серьёзности своих намерений прислали телеграфное уведомление, что переводят 10 000 [руб.] на подготовительные работы, как я просил, а я и сам не рад, что выписал эти деньги, так как боюсь, что меня во Фрунзе не пустят.

Настроение паршивое, устал, не сплю, от этого болит голова, а сидеть за машинкой всё равно приходится. Денег у Института [галургии] нет, и не видно, чтобы начальство собиралось их выслать. Начинаю задерживать зарплату. В Соликамске это в первый раз, до сих пор всё как-то вывёртывался и деньги платил.

Соликамские условия работы так всех доняли, что с общего одобрения и больших, и маленьких сотрудников ВИГа решаем переводить ВИГ в Омск. Буду в этом направлении действовать в Москве. [...] Сегодня имел разговор с одним работником нашего главка, только что прибывшим из Москвы. Говорит, что с едой там стало гораздо лучше, а с наступлением тёплых дней кончились и неприятности от холода. Следовательно, физически там страдать не придётся. Налётов давно нет, так что спят все спокойно и, обратно с прошлой осенью, народ совершенно не интересуется сейчас по вечерам убежищами в метро.

[...] У нас тоже, наконец, стало теплее и стало возможно открывать окна и ходить гулять даже вечером без пальто. Конечно, это непостоянно, но и то хлеб. Мама, к сожалению, [...] выходит очень мало и больше налегает на открытие форточек и окон.

Целую всех вас крепко.

П.П.

Пишите чаще маме, а то, когда я уеду, она останется совсем одна, и это будет ей единственное утешение.

---

¹ Железнодорожная станция Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги в г. Называевске Омской области.

№ 31 Ю.А. ОРЛОВУ

(Алма-Ата)

28 мая 1942 г.

Соликамск

Сегодня от Таты пришла вторая открытка с дороги, от 18 мая, где ходят промежуточные между 14 и 18 [мая], кто их знает. Видимо, хороший вагон, за который пришлось порядочно заплатить, заставил Тату экономить на пропитании – пишет, что едят по пол-яйца, а этим очень сыт не станешь. Ну да с голоду не померли, а может быть, южнее было пообильнее и подешевле; последнее не очень-то возможно, но всё-таки возможно. Во всяком случае, вы теперь все вместе, и значит, можно особенно о вас не беспокоиться. Теперь, несомненно, вы начнёте думать – ах, как папа-мама? Ну обо мне-то очень заботиться не приходится, я, по словам покойной Марии Фёдоровны Поленовой¹, от путевых хлопот только толстею.

Мама, особенно когда она останется одна, вызывает мои сомнения в большом объёме. Но ничего не поделаешь – в Москву взять её нельзя уже потому, что туда без специального разрешения не пускают, а тем более мама и сама не собирается и не желает, а просто проехаться – какой смысл? Словом, мы все разъедемся. Сегодня, наконец, получил разрешение от милиции для тёти Зины на проезд в Вельск. Сначала она пошла сама доставать это разрешение и ей отказали; мне было некогда сразу заняться этим делом, и несколько дней

тётя Зина ходила в слезах, шли разговоры между ней и М.Р., куда ехать и когда. Оказалось, однако, что это некоторое недоразумение, которое удалось довольно быстро ликвидировать.

20 мая требуют в Молотов, и приходится страшно торопиться с делами, чтобы успеть уехать 31 мая. Но это, кажется, уже крайний срок, и я, скомкав, конечно, все дела, так как сколько их не делай, всё равно никак не переделаешь, выеду в Москву с промежуточным пребыванием в Перми – и этим закончу цикл своих дел и неприятностей, связанных с Соликамском. Институт [галургии], по общему решению всех сотрудников, желаем отсюда уволить. Куда его удастся увести – неясно. Может быть, в Омск, но много шансов и за Москву. Моя поездка должна всё это выяснить.

Как мы живём? Недавно – дня три тому назад – пришлось опять идти ругаться с Флегонтовым из-за того, что распоряжение давать коммерческие обеды семьям четырёх учёных опять отменили и питание стало становиться всё хуже и хуже и всё скуднее и скуднее, тогда как никаких объективных данных для этого не было, а наоборот. Флегонтов заявил, что он об этом ничего не знает, хотя верить ему в этом я не имею никаких оснований, и дело, несомненно, придётся переводить в высшие инстанции.

Я о последнем не очень беспокоюсь, так как всё равно надо уходить отсюда и ссориться не представляет непосредственной опасности. Злой я стал от всех этих разговоров, неприятностей и жалоб до того, что спать временами совершенно не могу, просыпаюсь в 3–4 часа и уже только не сплю – можете себе представить, какой я хороший хожу в этом случае целый день.

В дороге, когда буду знать, что всё равно ничего больше уже в Соликамске сделать не могу и всё должен делать кто-то другой, а с меня и моральная обязанность уже снята, – я уверен, и настроение и состояние здоровья будут лучше. Ну, буду кончать, а то дела столько, что не до личных писем.

Целую вас всех крепко.

Надеюсь, что и я, и мама всё же во Фрунзе попадём. Я, может быть, и не так прочно, как мне бы хотелось – Институт [галургии] постепенно теряет более молодую публику и остаётся наш брат и женщины – поэтому, хотя я и рассчитываю отвязаться от всех дел в Москве, но реально кто может сказать, во что это всё выльется.

Пишите мне в Москву: Главпочтамт, до востребования. Остановиться хочу в квартире Обручевых – центр и телефон. Не знаю, удастся ли, с Обручевыми не списывался, идея пришла в голову недавно, а всё равно их домоправительница Надежда Ивановна меня знает, и, может, с ней договорюсь непосредственно, а затем уже напишу хозяевам. [...]

Ещё и ещё раз всех вас крепко целую.

Папа.

---

¹ Жена профессора Пермского университета Б.К. Поленова.

(Алма-Ата)

2 июня 1942 г.

Молотов

Вот, дети мои, я и начал своё «московское» путешествие. Сюда доехал хорошо в «мягком», но это не хитро; лучше уже, что уехал снабжённый продовольствием; как сами хорошо знаете, в Соликамске это не так просто, хотя и вполне [выполнимо] для «хороших господ», к которым нас там не относят, возможно. Здесь пока все более чем ладно встретили, сразу устроили в шикарный номер в гостинице – Водный вокзал¹, устроили пропуск в столовую НКХП², а вечером даже стащили смотреть «Большой вальс», который можно смотреть много и много раз.

Вчера занялся кое-какими делами, сегодня собираюсь получить пропуск в Москву – документы уже все выправлены – и затем можно ехать. От мамы вы, конечно, знаете, что тётя Зина осталась дожидаться моего возвращения. И я, и мама очень рады этому. В последнее посещение доктора велели маме возможно меньше ходить, ну а как не будешь ходить, если останешься одна. Я прямо не знал, что мне и делать – и ехать до зарезу надо, и маму одну оставлять никак нельзя было. Тётя Зина, можно сказать, выручила как нельзя более, и теперь я уезжал с лёгким сердцем.

Благодаря тому, что я отвязался от текущих дел, жалоб и всяческих неприятностей, больших и маленьких, и свалил их в Соликамске на Ю.В. Морачевского, а в Москве, по-видимому, удастся свалить и всё директорство на кого-то другого – настроение у меня сразу улучшилось, и я готов опять лезть в бой. Хочу начать делать это уже с Перми – собираюсь пойти в обком и делать им большие предложения по снабжению Урала солью. Но должен сказать, что больше-то меня сейчас занимает не Урал, а Киргизия, в которой дела гораздо больше, а главное, я там уже обещал начать дело, а своего обещания пока реализовать никак не могу. Ну ладно, надо бежать по делам. Сейчас ровно 9 утра, и все на своих местах.

Как-то Наталка себя чувствует и ведёт? Хотелось бы мне её посмотреть в Алма-Ате.

3 июня. Совсем вчера вышло не так, как думал: во-первых, все оказались в разъезде до такой степени, что буквально не с кем разговаривать, и не только не могу делать никаких предложений, но и своих дел, которые попутно хотел сделать – не могу. Ничего не поделаешь. Затем совершенно неожиданно, часов около 11 утра, мне вдруг сделалось плохо [...] Достали мне врачницу, которая мне чего-то дала, полежал я и отправился к себе в номер. Потом пришли посетители и окончательно упекали меня разговорами, так что к вечеру головная боль у меня была невозможная, а остатки её и сейчас чувствую. Однако вчерашний день пропал. Сегодня хочу заканчивать дела и завтра ехать в Москву. Со мной едут ещё двое наших, виговских, и, таким образом, один не останусь.

Могу вам сообщить новость, которую узнал только вчера: Ленинградский университет перевозят из Саратова сюда, в Молотов. Университету-то это полезнее, а для публики, его обслуживающей, – едва ли.

На Заимке³ не бывал и едва ли попаду туда – беготни и без этого достаточно, и не до посещений.

Целую всех вас крепко-крепко.

Папа.

---

¹ Имеется в виду гостиница при Речном вокзале.

² Эвакуированный в Молотов (Пермь) Народный комиссариат химической промышленности (НКХП) размещался в здании бывшей церкви Марии Магдалины, по ул. Ленина, 11, переданном в 1938 г. Пермскому геологоразведочному техникуму.

³ Подразумевается – Пермский государственный университет.

№ 33 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

(Соликамск)

3 июня 1942 г.

Молотов.

Письмо № 2

Ну все дела покончил, провиант (буханку хлеба, полкило сыра и столько же сливочного масла) получен, деньги на билет и все необходимые к этому документы сданы, машина завтра из гостиницы на вокзал обещана – словом, садись и поезжай. Вообще поезд уходит утром, около 9 ч[асов] местного времени, но так как он часто опаздывает, то никто не может сказать, когда мы завтра выедем. Сегодняшний поезд отошёл около 6 вечера.

Вчерашний день у меня неожиданно пропал: утром всё было в порядке, и мы начали с Зайцевым справляться о разных высокопоставленных персонах, которых нам видеть было непременно нужно – оказалось, что все чуть не до одного выехали из города и никого увидеть нельзя. [...]

4 июня. Вот новость! Приехали утром на вокзал и узнали, что не поедем; дело в том, что обычно из Перми прицепляют специальный вагон для здешних пассажиров, а вот уже три дня, как такого вагона не дают, и народу на вокзале скопилось масса, поэтому нам дали совет сегодня не ездить, так как отправка будет отвратительная и ехать будет тяжело. Я не сопротивлялся, и вот я сижу в квартире Марко¹ и пишу тебе это письмо. Поедем как будто завтра.

Дело на сегодняшней день надо придумать – писать на машинке, правду сказать, не очень хочется и собираюсь пойти гулять, всё же умнее будет, чем сидеть в душной комнате и писать разные, хотя бы и нужные записки. Интересно, какие ты за эти дни вести получила. У меня более интересным был вчерашний вечер, когда я зашёл по делам к одному знакомому и просидел за разговорами с десяти до одиннадцати. Слышал кое-что интересное, что передать в письме трудно. Если приеду из Москвы раньше, чем мои новости потеряют интерес, то расскажу.

Следующее письмо № 3 (это № 2) напишу тебе откуда-нибудь с дороги. Говорят, что ехать до Москвы от двух с половиной до трёх дней, так что если

завтра выедем, то скоро будем в Москве; может быть, скорее, чем это послание дойдёт до тебя.

Будь здорова. Почаще сообщай сведения о детях. Целую. Тёте Зине привет. Накладывали ли парафин?

П.

---

¹ Марко Дмитрий Мильтиадович (1878–1963), химик, один из создателей химического факультета и заведующий кафедрой органической химии Пермского университета в 1928–1951 гг. Исследователь пермской нефти.

№ 34 Ю.А. ОРЛОВУ

(Алма-Ата)

11 июня 1942 г.

Москва, гостиница «Балчуг»

По-видимому, начинается новый этап моего времяпровождения в ВИГе: после ряда просьб мне дали заместителя, которого я всячески стремлюсь переделать в директора, чтобы самому, наконец, оторваться от канцелярщины и заняться делом. С этой целью выехал 31 мая из Соликамска, оставив маму с Зиной одних. В Молотове-Перми пробыл 4 дня, жил в Водном вокзале, и если бы не стоявшая в эти дни варварская жара, то можно сказать, что провёл время неплохо [...]

В Москву ехал плохо: было тесно, грязно и, на наше счастье, купе было как на заказ детское и непрерывно ревящее. Выходил один рёва – немедленно появлялся другой, и так всю дорогу.

В Москву приехали ночью, когда выходить из вокзала уже было нельзя, и пришлось протолкаться до утра. Я и ещё один служащий Наркомата химической промышленности великолепно устроились на полу – благо он чисто содержится – жестковато, но спал честно. Первые два дня использовал квартиру Владимира Афонасиевича¹ из-за имеющегося там телефона. Вчера вечером переехал в гостиницу, где имею отдельную небольшую комнату. Самое же главное, что в случае проживания в гостинице, в ней же и кормят три раза – завтрак, обед и ужин. Всё более чем скромно [...]

Начали бегать по делам; по-видимому, берёт верх идея Управления ВИГа в Москве [...] Однако моя линия – Киргизия и Фрунзе. Как я перетащу туда маму, не знаю, но считаю, что это для нас всех самое интересное, что я могу придумать. [...] Москва значительно изменилась: посерела, вечером пустынна до такой степени, что даже странно становится, но деловая жизнь крепнет, и народ всё больше и больше прибывает. Планы ВИГа расширяются, и, пожалуй, придёт слетать в Ленинград для набора людей, но это пока предположение. [...]

Целую всех вас крепко.

Папа.

---

¹ Владимира Афанасьевича Обручева.

№ 35 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

(Соликамск)

18 июня 1942 г.

Москва, гостиница «Балчуг».

Письмо № 9

Как я живу! Писал уже, что номер у меня отдельный, в нём имеется радио, и оно меня будит утром в 6 часов последними известиями. Конечно, я к этому времени уже реально просыпаюсь и просто лежу и жду, когда заговорит радио и что оно принесёт на сегодня. Встаю в седьмом, и так как завтракать можно не ранее 9½, то я сажусь за машинку и пишу письма и разные деловые бумаги, пока не настанет время идти завтракать. Так как писать и здесь приходится немало, то обычно и после завтрака сижу и пишу, если только не приходится почему-либо срочно бежать в какое-либо учреждение. Но как бы то ни было, до сих пор всё время и мысли были заняты устройством Управления ВИГа в Москве, утверждением начальником этого управления Зайцева и утверждением программы работ на 1942 г[од]. Наконец, вчера это свершилось, и можно начать организовывать институт по-человечески; дел, конечно, надо сделать массу, и если сидеть здесь, пока всё не будет сделано, то из Москвы никогда не выедешь. Хочу построить работу иначе, буду заниматься только тем, чего вне Москвы сделать нельзя, а затем делами, которые без меня здесь сделаны быть не могут. Всего этого не мало, но всё же это в значительной степени будет зависеть не только от начальства, но и от нас самих, и конечно, буду торопиться.

Могу тебе сказать, что на основании вчерашнего разговора с зам[естителем] наркома Денисовым¹ ясно, что ехать во Фрунзе нам надо будет через Омск, так как там заваривается большое дело, в которое придётся в известной мере сунуть свой нос, и не только проехать через Омск, но и прожить там несколько времени, чтобы разобраться в тамошних делах и установить, что там уже сделано и что должно быть сделано в ближайшее время. Киргизскими делами я покуда совершенно не занимался – не до них было. Но сейчас, конечно, займусь ими в числе первоочередных. Вообще сейчас я чувствую себя уже по-другому: до вчерашнего дня я всё ещё мог опасаться за назначение Зайцева, которое, если бы не состоялось, могло меня зарезать и в смысле времени, и по существу, а теперь Институт [галургии] по сути дела устроен, и я начну несколько отходить от чисто административных обязанностей и могу заняться основными и принципиальными вопросами работы ВИГа. Работы нам прибавили, и прибавили много, так что людей, которые имеются у нас, недостаточно, и надо искать дополнительные кадры. Начальство решило вызвать из Ленинграда всех, что только можно. Как это удастся реализовать – не совсем понимаю, но посмотрим. Если оттуда выедут все, кто намечен, то работа в Ленинграде кончится, и ВИГ там придётся запереть на ключ. Думаю, однако, что часть публики всё же выехать

не пожелает, и из них надо будет что-то организовать, хотя бы небольшое, но работоспособное. Непосредственных известий оттуда не имею никаких.

С устройством ВИГа в Москве надо и нам что-то думать о нашем отношении к этому делу. Хотя мы оба Москвы не любим, но мне с Москвой дела будет очень много, и очень возможно, что если всё пойдёт так, как оно намечается сейчас, перед нами встанет вопрос о переезде на жительство в Москву. Даже когда я пишу эти слова, мне делается неприятно, а что же будет, когда этот вопрос встанет во весь рост? Вот и не хочется вплотную думать о нём, но кое-что в голову всё же лезет, и то, что нас встретит во Фрунзе, сыграет большую роль в решении этого вопроса. Я не очень оптимистично настроен как по отношению к Фрунзе, так и тем более по отношению к Москве. Киргизы меня ещё не знают, и особенно ухаживать за мной нет оснований, а московское начальство убеждено, что каждый рвётся в Москву и стерпит поэтому всякое свинство, которое будет относительно него проявлено, если только будет дана возможность как-то, хотя бы по-свински, жить в Москве. Поэтому я и желаю перед отъездом отсюда совершенно конкретно знать, что мне не обещает дать, а реально даст Москва, если я соглашусь переехать сюда. Здесь есть один момент, который мешает точному решению этого интересующего нас вопроса, – это война. Многого мне обещать не могут, так как завтрашний день никому не ясен, и хотя я, например, твёрдо убеждён в победе союзников, но когда это будет и когда мы к этому придём, через сколько времени, – никому не ясно. Ну а сама понимаешь, что при таких обстоятельствах говорить о целом ряде вещей, и хотя бы о той же квартире в Москве, – ужасно трудно. Тем не менее говорить об этом придётся, так как повторяю, как нас встретит Фрунзе и как нам там придётся жить, будем ли мы хотя бы частично удовлетворены тамошним существованием – кто знает!

[...]

Видишь, не любить Москву не люблю, а уже о каких вещах загадываю. Но, пожалуйста, имей в виду, что это только предположения, за которыми нет решительно ничего реального. Лучше нашего Геслеровского [проспекта], [д.] 7, кв. 8 – я ничего придумать не могу, и в первую очередь, конечно, мечтаю и рассчитываю на него, если только и по окончании войны там будет на что рассчитывать.

Будь здорова. Как твоя нога? Крепко целую.

П.

---

¹ Денисов Михаил Фёдорович (1902–1973), советский государственный деятель, один из руководителей Наркомата химической промышленности СССР в 1939–1942 гг.

№ 36 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

(Соликамск)

22 июня 1942 г.

Москва.

Письмо № 11

Годовщина войны, годовщина ужасов, принесённых ею, и нельзя сказать, что сегодняшнее радио принесло бодрые вещи: падение Тобрука¹, вклинивание немцев в оборону Севастополя, и тем не менее – победа будет за нами.

Придётся от очень многого стиснуть зубы и от очень и очень многого не-легко станет на душе, но что сделаешь. А всё-таки договор с Англией и соглашение с САСШ² позволяют высказывать твёрдую уверенность, что те, кто доживёт до нашей победы, увидят свет намечающейся хорошей жизни. Не может быть, чтобы все те ужасы, которые принесла народам эта проклятая фашистская клика, не заставили совершенно определённо переменить взаимоотношения между нациями. Придётся трём великим державам взять на себя мировые полицейские функции и бить по рукам не только за драку, а и за подготовку драки.

Увидим ли мы с тобою этот новый мировой порядок? Я так уверен в нём, что готов и сейчас отдать себя за него, но – увы – могу только очень немного помочь его наступлению, терпеливо перенося невзгоды нашей жизни и работая, как могу и умею.

Ты говоришь, что написала завещание. Ну что же, от мыслей о конце этот конец ещё не приходит. Вот интересно, как на тебе отозвалось парафинирование? Хотелось бы, чтобы ты к моему возвращению чувствовала себя окрепшей, так как нам придётся обязательно ехать через Омск, куда мне необходимо заехать по делам. Буду устраивать наш проезд туда через Молотов-Пермь, чтобы легче было с проездом до пересадки в магистральные вагоны и с провозкой багажа.хлопот предстоит очень много, и когда на сердце невесело, то они особенно утомительны. И опять скажешь: а что сделаешь.

Живу здесь по-прежнему, т.е. целый день толкаюсь в главке и уйти нельзя, несмотря на то, что дела никакого не делаешь. Не могу я приспособиться к стилю жизни московских канцелярий: до того много разговоров по поводу каждого дела, что иногда прямо злоба берёт. Вот и сегодня пойду в главк без всякой уверенности, что все бумаги, которые переделывались уже многократно, подписаны кем следует. В субботу сидел до 7 час[ов], по-новому переделывал то, что до меня уже раз пять переделывали другие. Стоит на какой-то стадии движения дела тому или иному начальству потребовать, чтобы что-либо в проходящих через него бумагах было изменено или дополнено, и конец – бумаги возвращаются назад, в главк, изменяются или дополняются, опять переписываются, опять на них должны быть собраны визы ряда проверяющих дело лиц – т.е. теряется время, труд, а главное, дело стоит на месте, хотя в нём, по сути дела, решительно ничего не изменяется. А раз не решено основное дело, нельзя де-

лать вытекающие из него поступки – вот и уходит время, а поэтому, когда ты в последнем письме спрашиваешь, когда я приеду обратно, и опасаясь писать мне дальше, могу только сказать – напрасно! Пиши, пока не пришлю тебе телеграмму, что собираюсь выезжать. А когда пошлю эту телеграмму – совершенно не могу сказать. Во всяком случае, ранее конца июня не выеду.

Чисто физическая жизнь продолжается по-прежнему: не шикарно, но удовлетворительно; еды хватает, хлеба также, теперь даже с чаем, т.е. кипятком, который здесь доставать было трудно, устроился. Сплю хорошо и по ночам, как в Соликамске, не просыпаюсь. Встаю и сажусь за машинку очень рано, часов с 7, ложусь между 10 и 11, чаще последнее. Погода это время паршивая, и вчера, например, из-за этого не поехал на дачу к Зайцеву, которую хотел посмотреть на предмет построения планов московской жизни Орловых. Когда это будет? Досадно, что решительно никаких известий не имею из Ленинграда. Настроение рабочее, и ни о чём больше не думаю. Чувствую себя много лучше, чем в Соликамске, и думаю, что Ю.В. там много тяжелее, чем мне здесь.

Крепко тебя целую. Пиши, что сообщают из Алма-Аты.

П.

---

¹ Тобрук – город в Ливии, на побережье Средиземного моря, место ожесточённых боёв в 1941–1942 гг., в ходе Североафриканской кампании Второй мировой войны.

² Северо-Американские Соединённые Штаты (САСШ) – употреблявшееся в русском языке до 1930–1940-х гг. название государства Соединённые Штаты Америки (США).

№ 37 Н.П. ОРЛОВОЙ

Июль 1942 г.

Москва

Тате – на всякий случай – моё прощание и моё завещание.

Моя дорогая и любимая дочка, много я на тебя сердился и кричал, но и ты и я отлично знаем, что очень-очень любим друг друга и мало ли что бывает.

Я лечу в Ленинград; дело это достаточно опасное, хотя и самое обычное для многих тысяч людей, и так как мои обязанности по Институту [галургии] требуют этой поездки, то я должен лететь. Замениться мне некем. Мало ли что может со мной случиться. Поэтому я оставляю на всякий случай это письмо, чтобы, если что случится, вы все знали, чего бы я хотел.

Больше всего меня беспокоит мама: она так же, как и я, быстро стареет, и ей уже тяжелы всякая физическая работа и напряжение, а вся обстановка нашей жизни такова, что без физических усилий не прожить, и следовательно, неизбежно она вместо помощи, которую всегда оказывала другим, будет требовать этой помощи себе. Однако, если исключить те средства, которые шли в семью через меня, то вся ваша жизнь делается далеко не лёгкой, и вот тут-то я и прошу тебя быть длительно терпеливой с мамой и внимательной к ней. Часто

и ей и вам будет нелегко от неизбежных столкновений, но ты в таких случаях вспомни обо мне и будь уступчива.

Мама не привыкла быть зависимой, и это неизбежно будет сказываться, а явность зависимости только обострит тяжесть её переживаний при столкновениях. Постарайся, чтобы этого не случилось.

№ 38 М.Р. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

(Соликамск)

17 июля 1942 г.

Москва.

Письмо № 20

Москва и Москва, и ещё не беру билета, хотя ясно, что дела кончаются и надо во что бы то ни стало ехать. А я, как назло, начинаю входить всё в большую известность, и меня таскают то туда, то сюда для разных совещаний и заседаний, и так как дела серьёзные и не терпящие отлагательства, то приходится ими заниматься. Настроение отвратительное. Здоров. Конечно, устал и стал очень плохо спать, что ещё увеличивает эту усталость.

18 июля. Писать начал поздно и потому, не дописав, лёг спать, но в это время постучали и принесли твою открытку от 8 июля и письмо Ю.В. от этого же числа. Я уже начинаю мечтать о Соликамске, как о более приятном месте, чем столица, хотя Ю.В. и пишет о своей преждевременной смерти от дряг из-за молока. Ну и сотрудники, дай им бог здоровья!

Заходил к Сониной – много очень тяжёлых разговоров, от которых только хуже на душе становится. Самое неприятное для меня, что и её попытки, конечно, более усиленные, чем мои, найти стёкла для очков тёти Зины не дали результатов. Стёкол так же, как и твоих эластичных чулков, сейчас не выделывают, но там тебе повезло, а вот в этом деле – провал. Меня это очень огорчает: хотелось бы отплатить тёте Зине хоть чем-ниб[удь] за её терпеливое ожидание моего приезда, а вместо этого – сплошной провал.

Не имею никаких известий из Ленинграда после телеграммы о бегстве Парашина, о которой я тебе уже писал. Очень опасаясь, что это глупое дело отозвалось и на научных сотрудниках, которых надо посылать на работы в Сибирь, а вместо этого их, очевидно, таскают по непрерывным следственным допросам, и это страшно затягивает их выезд. По крайней мере, нет даже ответа на правительственную телеграмму, посланную уже давно, и не знаю, что по этому поводу и думать. Ничего не отвечают и Коля, и Сусанна Александровна¹, которым написал по приезде в Москву по открытке. Это-то меня меньше удивляет: письма в Ленинград идут плохо и медленно, а вот отсутствие ответа на правительственную телеграмму не может не волновать.

От Орловых имею коротенькие две открытки, в которых сообщали те же данные относительно своего устройства, какие пишешь и ты.

Страшно жалею сейчас, что не отправил тебя с ними. Конечно, намучилась бы за это время и ты, и немало бы перенесла неприятного, но у меня не болела бы душа за твоё одиночество. Чувствую, что я пошёл по пути не киргизской, а всесоюзной работы, и уклониться от неё не имею права. Война, и если я могу ещё чем-то помочь, то только в этом направлении. Я, самый видный геолог системы, наиболее решительный по ряду сомнительных вопросов, и есть дела, где требуются для проталкивания дел имя и настойчивость. Откажись я, и многое просто грозит провалом. Вот и возишься то с тем, то с другим, а время уходит, и я ничем не помогаю тебе, да и себе вместе с тобой. Здесь по обстоятельствам времени собралась не очень-то приятная публика. Каждый, делая своё дело, думает только о себе, и помощь в затруднительном вопросе получить почти невозможно. Ну а потом, ты же знаешь, как я ненавижу просить что-нибудь для себя. Всё это очень удручает меня и портит настроение.

Надеюсь, Ю.В. понял мою срочную телеграмму, которую по моей просьбе послал Клебанов. Это поможет мне поскорее кончить мои здешние дела и выехать к вам. Всего не переделаешь, и мне надо как-то обеспечить зиму, а то я прямо бояться начинаю, что моё запоздание сорвёт все мои планы, а так как они связаны отнюдь не с Соликамском даже и сейчас, то надо поскорее добираться до вас и что-то предпринимать далее. Лето-то ведь наполовину прошло!

Надеюсь, что молоко, которого я здесь не вижу, у тебя есть, и если его не доставляют с совхоза, ты его покупаешь у своих прежних поставщиков.

Ну, дорогая, надо ещё много писать, и потому кончаю. Крепко целую.

П.

---

¹ Сусанна Александровна Рейнеке. См. письмо № II-25.

№ 39 Н.П. ОРЛОВОЙ

(Алма-Ата)

6 августа 1942 г.

Москва

Моё долгое временное пребывание в Москве кончается нехорошо: я буду, по-видимому, главным геологом НКХП. Иначе говоря, вернусь в Соликамск, чтобы договориться с мамой, как она желает устроиться и где, конечно, не в Москве – на это я не соглашусь – а самому придётся возвращаться сюда.

Никак не думал, когда писал записку наркому о недостатках нашей геологической службы, что из этого выйдут такие тяжёлые для меня самого последствия. Но что сделаешь! Нужна фигура, а их, на моё несчастье, в НКХП по линии геологии нет, и вот затеянное мною дело ударило по мне же. Представляю все возражения, какие только можно, и самым искренним образом; со всем этим соглашаются, но... – укажите, кем можно заменить! Из-за войны не считаю возможным сопротивляться назначению во что бы то ни стало, другим

ещё тяжелее достаётся, но удручён очень сильно и не знаю, как буду располагать ближайшим временем.

Фрунзе, таким образом, полетело вверх ногами. [...]

Целую вас всех крепко-крепко.

Папа.

№ 40 Н.П. ОРЛОВОЙ

(Алма-Ата)

1 августа 1942 г.

Москва

Даже жуть берёт! Ведь если я со своей подвижностью и отсутствием какого-либо «величия» вынужден оставаться здесь в Москве и бесплодно толкаться по канцеляриям вот уже два месяца, чтобы в конце концов сделать очень немного, то как же мне дальше «директорствовать»? Но мои просьбы об увольнении встречают глухую стену; на раздражение по этому поводу отвечают раздражением же или вежливыми улыбками, а дело ни с места. Институт [галургии] в явно тяжёлом положении, просто бросить его не хватает совести – очень уж много людей с ним связано – вот и тянется эта бесконечная вольтанка канцелярщины и болтовни, а я сижу здесь, рвусь домой, но ничего из этого не выходит. [...]

Это, рассчитываю, моё последнее письмо вам из Москвы. Хорошего написать могу мало: конечно, больше всего озабочен провалом моих планов с переездом во Фрунзе. [...] Институт [галургии] переведён приказом наркома в Омск. [...] Вследствие переселения института и передачи ему большого казённого хозяйства в степи вырваться мне быстро из Омска никак не удастся [...]

Очень боюсь всё время, что меня могут вернуть в Москву, но уже по линии наркомата, а не Института галургии. Я как-то писал тебе, что однажды к наркому попала одна моя записка о необходимости реформы геологической службы в нашем ведомстве, а он взял да и приказал: «реформировать г[еолого]р[азведочную] службу НКХП» – вот я и сел! Не бросайся камнями в неизвестные окна! Камень-то отлетел да по мне и кокнул, чего я по прежнему опыту никак не ожидал.

Пришлось много писать, говорить, доказывать, а самое главное, есть, хотя пока и небольшая, но определённая опасность, что проводить реформу могут заставить меня же – не пиши! Создалось прямо дурацкое положение: будешь виноват, если будешь молчать, а заговоришь – пострадаешь сам. Куда я со своим возрастом и здоровьем гожусь в реформаторы! Не знаю, что и выйдет, и как-то не хочется даже думать обо всём этом. А следует признаться, что некоторая вероятность такого оборота дел всё же существует, и она меня пугает. Отказаться? А как другим сейчас ещё хуже, а они не отказываются? Вот, моя дорогая, в этой загвоздке и сидит главный червяк всех моих ближайших планов, и что

особенно неприятно, когда я буду уезжать отсюда, то, по-видимому, буду знать о грозящей мне опасности «возглавить» геологоразведочную службу НКХП столько же, сколько знаю об этом и сейчас.

Ну да ладно, сейчас я ничего не возглавляю, а наоборот, недоволен тем, что мне не дают даже делать и то, что я желаю, и непосредственной опасности нет. Да и моё прошлое позволяет мне надеяться, что вся описанная выше опасность только кажущаяся. [...]

Целую всех вас крепко-крепко.

Чуть не весь ваш папа и дедушка.

№ 41 Н.П. ОРЛОВОЙ

(Алма-Ата)

10 августа 1942 г.

Москва

[...] Работы у меня на ближайшее время масса: Институт [галургии] официально переведён в Омск. Уволен из армии прежний директор института Ходьков, которому надо передать институт несколько иначе, чем он передавал его мне, т.е. бросить всё на свете и уйти. Надо, пока нет директора, тащить на себе всю эту ляжку, которую я теперь, конечно, бросить на это небольшое время уже никак не могу, а как раз тут наваливается куча новых экспедиций, дел и предприятий. Словом, дорогие мои, удовольствий хватит!

Досадно, что уже давно ничего не имею из Ленинграда. Писал туда за эти два месяца не один раз [...] но ни на одно письмо не имею ответа. Между тем знаю, что очень многие выехали из города, даже и те, кто ранее совсем не предполагал это делать, особенно из людей мало занятых или совсем не занятых. [...]

Вчера, например, узнал, что Поленова¹, от которой всё время были известия о благополучии, реально больна скорбутом². И так не она одна. Война!

Я себя считаю обязанным делать так, как я делаю, что вам всем может иногда показаться достаточно нелепым и вредным для меня самого, из-за этой же треклятой войны; или мы её действительно желаем выиграть, и тогда должны делать для этого всё, что можем, или мы только разговариваем, а все беды согласны валить на других. Мне это не пристало, и я убеждён, что ты меня поймёшь и не станешь за меня огорчаться. Не стоит, дорогая, мне вовсе не так уже плохо.

Очень вас всех люблю, а тебя, конечно, особенно. Целуй за меня всех, Наталку отдельно.

Папа.

---

¹ М.Ф. Поленова, см. письмо № II-31.

² То же, что цинга (лат. *scorbutus*).

№ 42 Н.П. ОРЛОВОЙ

4 ноября 1942 г.
Джамбул

Ты можешь понять, как волнуемся мы с мамой, находясь рядом с тобой и не имея от тебя известий, кроме телеграммы о переезде от 3 октября. Я посылал тебе простые и срочные телеграммы из Омска, Новосибирска, Алма-Аты и Джамбула, несколько открыток, и всё как в пустоту. Давно сообщён джамбульский адрес, который, кроме того, сообщается в каждом письме, и так как ответов от тебя не имеется, то хочешь не хочешь, а начинаешь волноваться, особенно когда знакомишься ближе с условиями здешней жизни «иждивенцев».

Всячески тороплюсь и желаю доехать до Фрунзе, мама мне в этом направлении всю шею перепилила, но ведь и я живу не одними своими желаниями и очень и очень многое делаю не так, как бы хотелось мне в данный момент. Приходится решать много вопросов, с которыми связаны большие дела и много людей, и временами чувствую свой возраст и всю тяжесть ответственности, взятой на себя в настоящее время, но что бы было, если бы я примирился с надвинувшейся обстановкой и поддался ей. Сейчас нас с мамой больше всего беспокоит ты и дети. Судя по тому, как нас встретили здесь, мы-то не пропадём.

Крепко целую.

Папа.

№ 43 ВДОВЕ А.П. ГЕРАСИМОВА

14 ноября 1942 г.
Фрунзе

Милая, дорогая тётя Кая, никак не думал, что придётся писать Вам при таких обстоятельствах, как это делаю сейчас. Чтобы я пережил Александра Павловича¹, этого я себе никогда даже и думать не позволял, особенно за последние годы, когда я то и дело болел воспалением лёгких; и вот Павлыча нет; нет чело-века, с которым с первым я пошёл в настоящую геологию, с которым и около которого я сделался геологом, в разговорах с которым я впервые совершенно конкретно почувствовал, что такое настоящая, «большая» геология и как ей можно и должно служить. Жизненный путь, которым я иду, несколько отодвинул меня от вас обоих, но наша жизнь уже достаточное количество времени идёт не так, как мы хотели бы, но моя горячая привязанность к вам обоим всегда и всюду оставалась и остаётся неизменной, и если тётя Кае придётся почему-ниб[удь] нуждаться в какой-то помощи, то пусть она не забывает, что в среде её многочисленных друзей есть Павел Преображенский, который был, есть и будет всегда её преданным другом, готовым исполнять её желания.

Не знаю, где и когда нам придётся увидеться с Вами, и реален ли наш Ленинград, о котором, кстати сказать, я уже давно почти ничего не знаю, но пробелы среди близких людей, с которыми сжился, без которых как-то не представляешь себе этого Ленинграда, так велики, что становится жутко. Не в улицах и домах заключается то большое, ради чего все мы оставались верны этому городу; если же окажется, что друзья оттуда безвозвратно ушли, то не всё ли равно, куда и нам идти. Помните предания о людях, проспавших многие годы? Кажется, и нам угрожает их судьба, если мы сами только не уйдём за это время по стопам наших друзей.

Так вот, всегда дорогая тётя Кая, очень-очень прошу не забывать нас. Я давно уже не пишу никаких писем, кроме деловых, и поэтому могу показаться иногда невнимательным, но надеюсь, что Вы не посмотрите на это, и если понадобится, то просто скажете, что я должен сделать.

Душевно преданный Вам,
П. Преображенский.

---

¹ Видный геолог А.П. Герасимов умер в эвакуации, в Свердловске, 10 ноября 1942 г., на 74-м году жизни

№ 44 Я.Г.¹

2 марта 1943 г.

Фрунзенская область, Ленинполь, Уч-Имчекское рудоуправление

Дорогой Яков Герасимович, пишу это только для Вас и [*неразборчиво*] и оч[ень] прошу абсолютно больше никому об этом не говорить, чтобы не дошло до моих. Я сижу, вернее, лежу в Ленинполе из-за болезни – простудился и вот уже чуть не три недели как не могу выехать даже в Джамбул. Все дела встали. Работать не могу. Настроение отвратительное. Всё это спутало все мои планы и расчёты, и я сейчас не могу сказать точно, когда я попаду во Фрунзе, хотя по всем моим планам я должен сейчас уже быть у Вас. Прямо беда! По сути дела ничего опасного нет, но при моём возрасте даже и небольшое нездоровье выбивает из седла и отчаянно мешает работе, а тут, как назло, накопилась куча вопросов, которые заставили приехать в Ленинполь, где и засел.

По моему наущению Уч-Имчек запрашивал Вас насчёт возможности принять на себя разведочное бурение на руднике. К сожалению, Киргеолуправление отказалось. Но Вы не написали, сколько стоит метр колонкового бурения в условиях Уч-Имчека. Напишите, пожалуйста.

А может быть, перебросите сюда бурильщиков?

Привет,

П. Преображенский.

---

¹ Фамилия адресата не установлена.

№ 45 ДИРЕКТОРУ ВИГа т. ХОДЬКОВУ

2 марта 1943 г.

Фрунзенская область, Ленинполь, Уч-Имчекское рудоуправление

Уважаемый Афонасий Эвменович, только что поднялся с постели, но ещё далеко до выздоровления. Заехал сюда на 3–5 дней, а сижу, вернее, лежу три недели и не знаю, когда выберусь в Джамбул. Простудился [...]. Что делается в Сред[не-]Аз[иатской] партии не знаю, так как связь отвратительная. Авось они информируют Вас лучше, чем меня. Подавлен требованием сначала Вашим, а затем Березовского о немедленном выезде Галушко в Михайловку. Но не успел ответить на это распоряжение, как пришла Ваша телеграмма с отменой выезда, но зато пришло распоряжение Локшина из Москвы о выезде Галушко в с. Ново-Троицк (г. Пласт) на [неразборчиво] шахты. Это распоряжение приходится выполнять, хотя оно срывает нашу хорошо идущую и питающую нас работу по Уч-Имчеку. А тут ещё моя болезнь и почти полная неспособность двигаться. Очень рассчитываю в течение этой недели, если не обострится болезнь, выехать в Джамбул, а оттуда во Фрунзе, где дело совсем встало. Настроение отвратительное.

Привет, П.И. Преображенский.

№ 46 НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПЕРВУХИНУ М.Г.

Начало февраля 1944 г.

Обращаюсь к Вам с нижеследующей покорнейшей просьбой: шестимесячный опыт работы в Институте горнохимического сырья показал мне, что, несмотря на то, что я отдаю всё своё время работе в институте, я по объёму своих сил и здоровья не справляюсь с тем большим количеством работы, которые ложатся на заместителя директора по научной части. Институт резко страдает от целого ряда пробелов, которые имеются в моей работе, и для меня очевидно, что только недостаток людей не позволяет руководству Главгорхимпрома определённо поставить вопрос о замене меня другим лицом.

Ввиду этого я прошу Вас разрешить мне сложить с себя обязанности научного руководителя института и перейти на рядовую работу в нём. Полагаю, что для наркомата будет даже более выгодно, чтобы я занимался отдельными крупными вопросами сырьевой базы химической промышленности, которых сейчас более чем достаточно в различных главных управлениях наркомата, и не имел отношения к текущей организационной деятельности в институте.

Профессор П. Преображенский.

АННОТАЦИЯ КРУПНЕЙШИХ НАУЧНЫХ РАБОТ П.И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Преображенский П.И. Бассейны рек Тахтыги и Анангры // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. III. – СПб, 1905.

Содержит сведения о рельефе, гидрологии, геологическом строении, горных породах ранее неисследованных участков Ленского золотоносного района, прилегающих к бассейнам рек Тахтыги и Анангры, характерных выходами на поверхность магматических горных пород. Кроме того, даёт краткое описание текущего состояния кустарных золотодобывающих промыслов исследуемого региона.

Преображенский П.И. Северная и западная окраины Патомского нагорья // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. V. – СПб, 1910.

Общее освещение геологического строения и пород, слагающих западную и северную окраины Ленского золотоносного района. Впервые представлена геологическая карта этого района, позволяющая наметить пределы распространения золотоносности.

Преображенский П.И. Породы Кандык-Таса // Известия Геологического комитета. Т. 29. № 172. – СПб, 1910.

Сжатое изложение результатов геологического обследования трассы южного (более короткого) варианта Туркестано-Сибирской железной дороги на участке между реками Чу и Или (между ст. Сюгатинской и Курдаем) и выводов камеральной обработки, собранных при этих исследованиях материалов, произведённые в Мюнхенском университете, во время заграничной командировки.

Так как южный вариант пути был связан с проходкой ряда очень крупных выемок и тоннелей, в работе обращено особенное внимание на характеристику развитых на данном участке горных пород и особенности их залегания. Подробно охарактеризованы гидрогеологические условия участка.

Преображенский П.И. Геологические и разведочные работы на калий в Соликамском и Березниковском районах // Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 126. – Л., 1929.

Первая подробная характеристика Верхне-Камского калийного района с детальной характеристикой слагающих его пород, их строения и состава. Основными являются два положения, подтверждённые последующими разведками и исследованиями:

- месторождение, несмотря на резкую измятость калийных пластов, представляет огромную пластовую залежь, почему и допускает значительные расстояния между отдельными разведочными скважинами;

- месторождение не имеет в своём составе сульфатов калия и магния на всей своей площади (бессульфатно).

Данные положения позволили закладывать калийные рудники беспрецедентной для того времени мощности и значительно упростить технологический процесс переработки сырых калийных руд.

Преображенский П.И. Подземные воды Верхне-Камского соленосного района // Труды I Всесоюзного гидрогеологического съезда. Вып. 4. – Л., 1934.

Характеристика подземных вод, которые используются для питьевого и технического водоснабжения предприятиями и населением Верхне-Камского района и с которыми приходится бороться при проходке шахт на калийных рудниках.

Подземные воды района в пределах Соликамска и Березников в своей основной массе представляют единый водный горизонт, охватывающий толщу надсоленосных пород. Воды эти по мере углубления всё более и более осолоняются и на контакте покровных пород и каменной соли достигают насыщения. Поэтому контактные рассолы не могут быть отделены от всей массы подземных вод, что имеет решающее значение при проходке шахт на калийных рудниках.

Преображенский П.И. Соляные месторождения Ишимбаевского района // Бюллетень Института галургии. – 1939. – № 4–5. (В соавторстве с Т.Б. Поленовой).

Результаты исследования залежей каменной соли, вскрытых при нефтяном бурении в Стерлитамакском районе. Данная характеристика залежей позволила проектным организациям Народного комиссариата химической промышленности определить место для постройки содового завода.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ П.И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, СВЯЗАННЫЕ С УРАЛОМ*

- К вопросу о положении горнозаводского населения Урала // Известия Общества горных инженеров. – 1901. – № 2. – С. 17–29.
- Асбест // Естественные производительные силы России. Т. 4. Вып. 27. – Пг., 1918. – 13 с. – (В соавторстве с А.Н. Чураковым).
- Слюда // Естественные производительные силы России. Т. 4. – Вып. 26. – Пг., 1918. – 12 с. – (В соавторстве с А.Н. Чураковым).
- Каменноугольное месторождение в даче Пашийского завода // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXIX. – Свердловск, 1924. – С. 51–54.
- Б.К. Поленов. Некролог // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. Т. I. – Пермь, 1924. – С. 47–49.
- Б.К. Поленов. Некролог // Звезда. – 1923. – 3 февраля.
- Открытие калийных солей в районе города Соликамска // Вестник Геологического комитета. – 1925. – № 1. – С. 9–11.
- История разведки на калий в Соликамском районе и размеры калийного месторождения // Еженедельник Уральского облсовнархоза. – 1926. – № 2.
- Перспективы Соликамского района в отношении калийных солей // Поверхность и недра. Т. 4. – 1926. – № 3 (19). – С. 10–13.
- Уральский калий // Горный журнал. – 1927. – № 7. – С. 389–395.
- Предварительный отчёт по работе Соликамской разведочной партии за период с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. // Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 104. – Л., 1927. – 94 с.
- Несколько данных по гидрогеологии Прикамского соленосного района // Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 106. – Л., 1928. – С. 1–32.
- Геологоразведочные работы на калий в Соликамском и Березниковском районах за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 126. – Л., 1929. – С. 1–79.
- Известняки Уральской области. – Свердловск, 1930. – (В соавторстве с М.О. Клером, П.М. Идкиным).
- Новое месторождение калийной соли в Кунгурском районе // Уральский техник. – 1931. – № 11–12. – С. 7–9.

---

* Авторская аннотация Л.С. Рафиенко. См.: Пермский университет в воспоминаниях современников. – Вып. 4. Живые голоса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – С. 171–172.

- Перспективы использования остатков от переработки сырых сильвинитов // Горно-обогатительное дело. – 1932. – № 1. – С. 29–30.
- Геологоразведочные работы на калий и их перспективы // Калий. – 1932. – № 1. – С. 7–9.
- Роль первого рудника в изучении геологической структуры калийной залежи // Калий. – 1932. – № 11–12. – С. 16–19.
- Соликамское калийное месторождение. – Л., 1933. – 34 с.
- Подземные воды Соликамского соляного района // Труды Всесоюзного гидрогеологического съезда. – 1934. – № 4.
- Калийные богатства СССР // Калий. – 1937. – № 8. – С. 8–14.
- Вывалы карналлитовой породы в выработках первого рудника и практическое значение этого факта // Калий. – 1937. – № 9. – С. 4–5.
- Соленосные отложения Западного склона Урала как база галургической промышленности // Бюллетень Института галургии. – 1938. – № 1.
- Перспективы рационального размещения предприятий соляной промышленности // Бюллетень Института галургии. – 1938. – № 2.
- Калийные соли СССР // Бюллетень Института галургии. – 1939. – № 3.
- Соляные месторождения Ишимбаевского района // Бюллетень Института галургии. – 1939. – № 4–5. – (В соавторстве с Т.Б. Поленовой).
- Геологические условия проявлений солёности северо-запада и центральных областей европейской части СССР // Соляные ресурсы СССР. – М., 1945. – Т. 1. – С. 28–37. – (В соавторстве с А.И. Дзенс-Литовским).

ХОДАТАЙСТВО В СНК СССР

о выдвижении П.И. Преображенского в кандидаты на Сталинскую премию¹

1944 г.

Профессор Павел Иванович Преображенский – доктор геолого-минералогических наук, заместитель директора и научный руководитель Государственного института горнохимического сырья (ГИГХС), один из крупнейших советских геологов, руководитель основных научно-исследовательских работ в СССР в деле геологического изучения и промышленной разведки соляных месторождений (каменная соль, соли калия, магнезия, сульфаты и др.), орденоносец.

Достижения П.И. Преображенского выдвигают его в кандидаты на представление к Сталинской премии за совокупность работ по изучению и промышленной разведке соляных месторождений, имеющих первостепенное народно-хозяйственное и оборонное значение.

Многолетие, планомерные работы П.И. Преображенского обогатили советскую науку крупнейшими достижениями в области изучения соляных месторождений и выдвинули на одно из первых мест в мире советскую горнохимическую промышленность.

Открытие и промышленная разведка Верхнекамского месторождения калийных и магнезиевых солей, изучение стерлитамакских, индерских, карабогазских, донецких, туркменистанских, западно-сибирских, украинских и др. залежей, выполненные лично П.И. Преображенским и организованными и руководимыми им экспедициями, привели к созданию и быстрому развитию ряда новых промышленных предприятий (крупнейшие калийно-магнезиевые рудники и заводы Верхнекамского района, новые крупные содовые заводы – Стерлитамакский и др.) и к расширению ряда работавших предприятий. Эта работа П.И. Преображенского неоднократно отмечалась правительственными наградами (орден Трудового Красного Знамени, крупная денежная премия, орден «Знак Почёта»).

С момента перехода в 1937 году к научному руководству во Всесоюзный институт галургии (ВИГ) П.И. Преображенским проведены капитальные работы по углублённому изучению соляных месторождений в упомянутых районах, а в связи с задачами военного времени – организован ряд специальных экспедиций по изучению и расширению разведки соляных структур (Южный Казахстан, Киргизская ССР, Сибирь и др.), поставлены оборонные работы в Ленинграде (химически чистые соли кальция, натрия, аммония для военно-санитарного ведомства и др.).

Наряду с вышеизложенным П.И. Преображенский за последние годы выполнил ряд крупных консультативных работ при строительстве и эксплуатации Соликамского, Березниковского и других рудников и заводов, по изысканиям при строительстве гидроузлов (Соликамского и др.) и т.д.

В последнее время, помимо многочисленных геологических отчётов, статей и заметок, П.И. Преображенским написана капитальная сводная работа «Верхнекамский калийный район» (рукопись – в фондах Всесоюзного института геологии).

Огромный опыт, обширная эрудиция в вопросах изучения и промышленной разведки соляных месторождений, большой организационный талант, умение сочетать глубокую, на высоком теоретическом уровне научную постановку работ с передовой практикой и бесконечная преданность делу сделали П.И. Преображенского крупнейшим специалистом в соляном вопросе во всесоюзном и мировом масштабе.

---

¹ Проект ходатайства в СНК СССР, составленный по предложению академика В.А. Обручева.

ОБРАЩЕНИЕ В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР «О выдвигении П.И. Преображенского в кандидаты на Сталинскую премию»¹

1944 г.

14 января [1944 г.] [отмечалось] 70-летие профессора, доктора геолого-минералогических наук Павла Ивановича Преображенского.

В связи с этим, учитывая те крупные теоретические исследования и практически важные работы, которые им были выполнены, мы просим Президиум Академии наук СССР возбудить перед правительством ходатайство о представлении П.И. Преображенского кандидатом на Сталинскую премию.

П.И. Преображенскому принадлежит открытие на западном склоне Урала, в Чусовских Городках, промышленной нефти. Ему же – открытие месторождения калийных солей в Соликамске. Благодаря его энергии и прозорливости, под его руководством были своевременно и быстро начаты изучение и разведка Индлерского месторождения борных солей.

Насколько велико значение работ П.И. Преображенского, видно из следующего. Открытие нефти в Чусовских Городках явилось первым толчком для создания «второго Баку». Как теперь известно, Соликамское месторождение калия со своими огромными запасами является единственным в мире. В своё время правительство оценило эту работу, наградив П.И. Преображенского орденом Трудового Красного Знамени. Индлерское месторождение, которое по своим запасам калиевых солей обещает стать более крупным, чем Соликамское, является, кроме того, крупнейшим месторождением солей бора.

До этих открытий развитие ряда отраслей нашего народного хозяйства всецело зависело от импорта калийных и борных солей. После же этих исследований наше государство стало непревзойдённым обладателем огромных запасов солей калия и бора – этих видов минерального сырья, насущно необходимых для развития сельского хозяйства и для оборонной промышленности.

При развитии «второго Баку», когда в Стерлитамакском районе были обнаружены солидные залежи солей, П.И. Преображенский принял самое живое участие в их изучении, следствием чего явилась постройка Стерлитамакского содового завода.

Взяв в свои руки изучение вообще солевой проблемы в СССР, П.И. Преображенский, как главный геолог Всесоюзного института галургии, организовал геологические работы по изучению соляных месторождений Западной Украины, Туркмении и озёр Западно-Сибирской низменности, а в 1942–1943 гг. организовал работы по изучению и промышленному освоению соляных месторождений Казахстана и Северной Киргизии.

Отличительными особенностями в работе П.И. Преображенского являются большой научный кругозор, необычайная целеустремлённость, исключительная настойчивость и умение сплачивать людей вокруг намеченных им задач.

Именно им был правильно оценён огромный размер Соликамского калийного бассейна. Успешность работ по разведке Соликамского и Индерского бассейнов объясняется тем, что П.И. Преображенский сумел привлечь к этим работам широкий круг различных специалистов – стратиграфов, минералогов, геохимиков и технологов.

В своих работах П.И. Преображенский всегда стремится не только выявить практические результаты и довести их до промышленности, но, если возможно, и осуществить их. Так, в частности, во время Отечественной войны он организовал в Ленинграде изготовление химически чистых препаратов хлористого кальция и хлористого натрия для военно-санитарного ведомства и тиосульфата аммония для оборонных целей.

В настоящее время П.И. Преображенский, несмотря на преклонный возраст, является научным руководителем Государственного института горнохимического сырья Наркомата химической промышленности, неутомимо и успешно организуя это новое и важное для государства дело.

По стилю своей работы П.И. Преображенский может быть примером для молодых советских геологов. Его имя хорошо известно не только очень многим геологам и горным инженерам. Он хорошо известен и строителям крупных соляных рудников, которые знают его не по книгам, а по живой совместной работе на практике.

Мы надеемся, что Президиум Академии наук поддержит наше ходатайство.

---

¹ Обращение в Президиум АН СССР составлено по предложению академика В.А. Обручева.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.И. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

1874, 1 (14) января – родился в Крестецком уезде Новгородской губернии, в семье мелкого служащего.

1884 – переезд в Ташкент, поступление в гимназию.

1892 – окончил Ташкентскую мужскую гимназию с золотой медалью, поступил в Московский университет, на физико-математический факультет.

1893 – поступление в Горный институт, Санкт-Петербург.

1897 – работа на разведке Судженского каменноугольного месторождения, Томская губерния.

1898, 11 ноября – женился на Марии Ростиславовне Метелицыной.

1900 – окончил Горный институт по 1-му разряду, утверждён в звании горного инженера, определён на службу по горному ведомству с откомандированием в распоряжение Бюро исследования почвы.

1901–1913 – работа в Ленской геологической партии, изучение Байкальско-Ленского района.

1901, 24 августа – родилась дочь Наталья.

1903, июнь – 1904, май – штатный ассистент кафедры минералогии Горного института, Санкт-Петербург.

1907–1909 – стажировка в Мюнхенском университете, Германия.

1910, 27 августа – родился сын Юрий.

1913 – избран старшим геологом Геологического комитета, работа в Прибайкалье.

1914–1916 – экспедиция в Восточные Саяны.

1915, март – июль – уполномоченный санитарно-питательного отряда имени Русских техников Союза городов, участие в Карпатской кампании Первой мировой войны.

- 1917, апрель – ноябрь – товарищ (заместитель) министра народного просвещения Временного правительства, Петроград.
- 1918, апрель – восстановлен в должности в Геологическом комитете, командирован для проведения изысканий на западном участке Южно-Сибирской железной дороги.
- 1918, ноябрь – 1919, апрель – товарищ министра, министр просвещения Временного Российского правительства при верховном правителе адмирале А.В. Колчаке, Омск.
- 1920, 20 мая – приговорён Чрезвычайным революционным трибуналом в Омске к лишению свободы «на всё время Гражданской войны».
- 1920, ноябрь – заведующий научным отделом Комитета Северного морского пути, Омск (во время отбывания наказания по приговору трибунала).
- 1921, апрель – начальник Северо-Степной геологической экспедиции при Сибирском революционном комитете (во время отбывания наказания по приговору трибунала).
- 1921, 13 октября – амнистирован по постановлению ВЦИК.
- 1922, август – 1925, декабрь – профессор кафедры геологии Пермского университета, заведующий кафедрами геологии и минералогии (1923–1924).
- 1923, апрель – 1924, февраль – декан агрономического факультета Пермского университета.
- 1923–1924 – преподавал в Уральском университете (бывшем Горном институте) в Екатеринбурге, основал здесь кафедру геологии полезных ископаемых.
- 1923 – восстановлен в должности геолога Геологического комитета.
- 1924, 9 октября – назначен старшим геологом Геологического комитета.
- 1925, 5 октября – под руководством П.И. Преображенского открыто Верхнекамское месторождение калийно-магниевых солей.
- 1927, февраль – назначен заведующим подсекцией солей и соляных озёр секции неметаллических ископаемых Геологического комитета.
- 1929, 16 апреля – под руководством П.И. Преображенского открыто Верхне-чусовское месторождение нефти, положившее начало освоению Волго-Уральской нефтегазоносной провинции.

- 1929, 27 апреля – назначен ответственным руководителем геологоразведочных работ в Прикамском соленосном районе.
- 1930, июнь – назначен членом Центрального технико-экономического совета при Президиуме ВСНХ СССР.
- 1932, 27 ноября, – умер сын Юрий.
- 1934 – награждён орденом Трудового Красного Знамени (№ 412) за открытие Верхнекамского калийного месторождения и почётной грамотой передовика-ударника Всесоюзного объединения «Союзкалий».
- 1935 – награждён почётным знаком «15-летие Казахстана».
- 1939 – главный геолог Всесоюзного института галургии (впоследствии – ВНИИгалургии), Ленинград.
- 1940 – выдвинут кандидатом на присвоение звания «Заслуженный деятель науки и техники».
- 1941 – Назначен и.о. директора Всесоюзного института галургии.
- 1942, август – главный геолог Всесоюзного института галургии, руководил изучением соляных месторождений Северной Киргизии и Казахской ССР.
- 1943, август – назначен заместителем директора по научной части Института горнохимического сырья.
- 1944 – награждён орденом «Знак Почёта» (№ 52407).
- 1944, 10 сентября – умер в Москве. Похоронен на кладбище крематория Донского монастыря.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятник П.И. Преображенскому в Перми	8
Уроженец Новгородской губернии	12
В Ташкент!	14
Санкт-Петербургский горный институт	18
Жена Мария Ростиславовна Метелицына	21
Первая работа	23
На далёких окраинах Сибири	25
Сибирский геолог в поле	32
Дочь Наталья	35
«Кровавое воскресенье»	38
Дача в Финляндии	42
Счастливое время	45
Курсы Лесгафта	47
Отряд имени Русских техников	67
1917–1918 годы	71
1919 год	76
Омск, 1920 год	79
Судебный процесс	82
До и после приговора	86
Николай Васильевич Мешков	89
Дом Мешкова	95
Н.В. Мешков и революционеры	97
Пермский университет	102
Пермский университет под властью большевиков	105
Н.В. Мешков и большевики	109
Ссылка	130
В Перми	134
ПГУ и П.И.	137

П.И. и Екатеринбург	141
Коллекция А.К. Денисова-Уральского в ПГУ	145
Вторая ленинградская жизнь	150
Юрий Александрович Орлов	152
Соль земли	157
Открытие Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей	162
«Калий есть, магний будет!»	167
«И вообще»	169
Дом на Геслеровском проспекте	173
Нефть Верхнечусовских Городков	177
Нефть Страны Советов	182
«Второе Баку»	185
Награды и потери	188
Вторая война	210
Снова Соликамск	216
Письмо из 1942 года	221
Средняя Азия	225
«Москва, как много в этом звуке...»	227
Вторая жизнь	231
«Лёд тронулся, тронулась и река, освобождаясь ото льда»	236
Приложение	243

Федотова Светлана Леонидовна

**ГЕОЛОГ УДАЧИ
Настоящая жизнь
профессора
Преображенского**

Редактор А.М. Нерослов
Дизайн, вёрстка: В.М. Малахов
Корректор Н.Н. Семукова
Препресс: М.Л. Войткевич

Издатель НП «Пермская нефть».
614990, г. Пермь, ул. Ленина, 62.

Отпечатано: ООО «Астер Плюс».
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15.

Подписано в печать 25.03.2021 г.
Формат 70x90/16
Бумага мелованная.
Печать офсетная.
Гарнитура Liberation, Heading Compressed
Усл. печ. л. 24.57
Тираж 1000 экз.
Заказ № 202491.